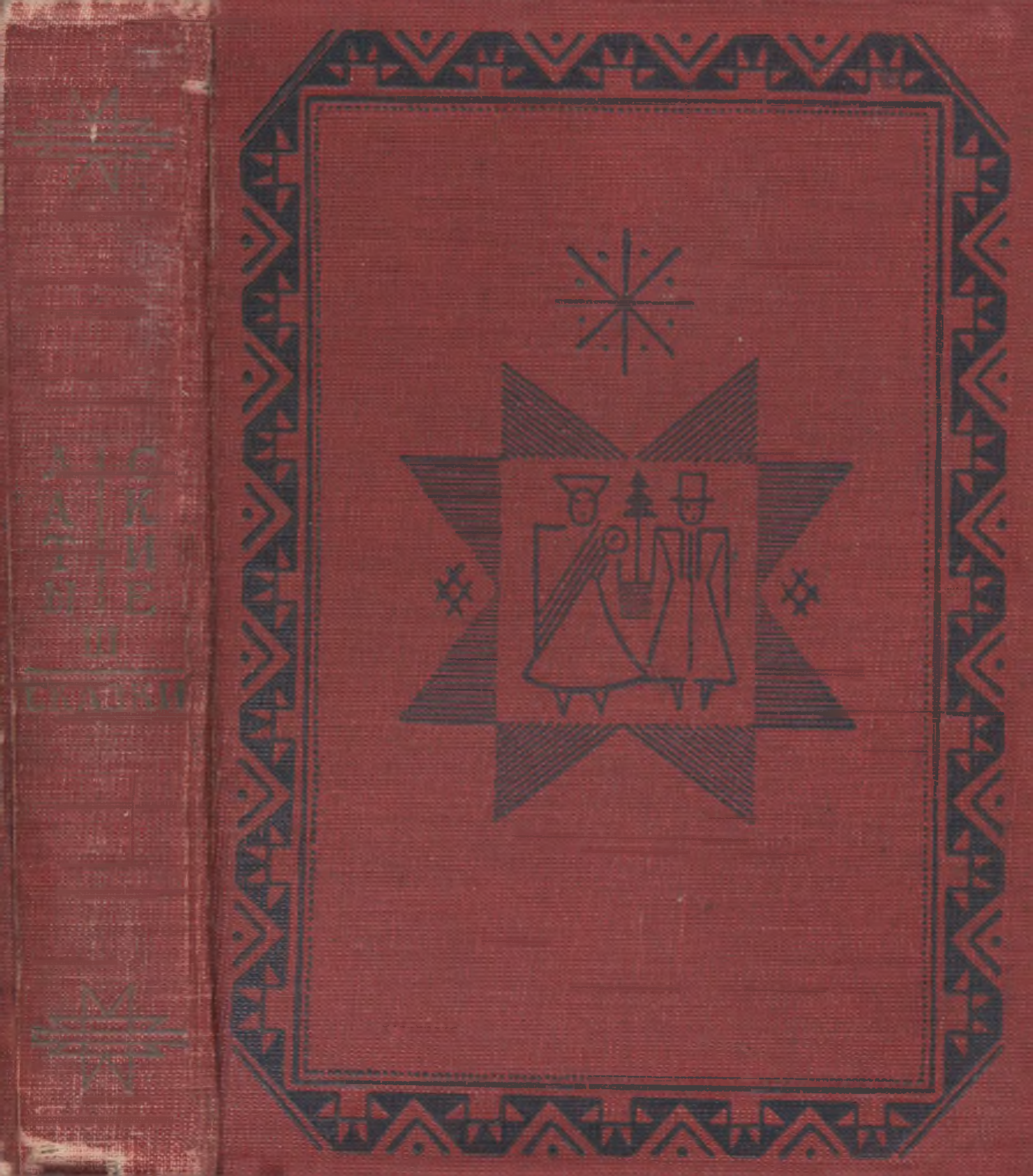
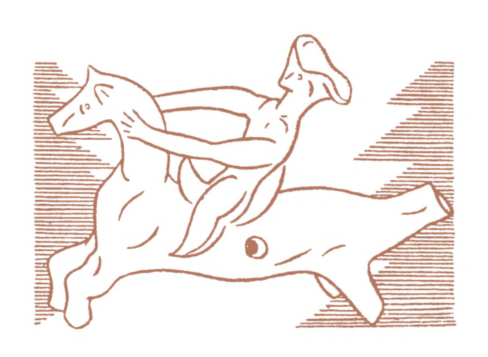

ЛАТЫШСКИЕ
СКАЗКИ

ACADEMIA

СОКРОВИЩА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ACADEMIA

ЛАТЫШСКИЕ СКАЗКИ

ПЕРЕВОД К·Б·ЕЗОВИТОВА
И РИТЫ РАЮМНЕЦ. ПОД
РЕДАКЦИЕЙ С ПРИМЕЧА
НИЯМИ И ВСТУПЛЕНИЕМ
ЯНА СТРАУЯНА
ПРЕДИСЛОВИЕ
АНДРЕЯ КУРЦИЯ

1 9 3 3
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

LATVJU TANTAS PASAKAS

Фронтиспис, иллюстрации, заставки, титула, переплет и суперобложка по рисункам Н. Струнке

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящий сборник латышских сказок является частью того большого плана, который издательство «Academia» наметило по выпуску памятников творчества народов — памятников, создателями которых являются сами народные массы.

Сборник не претендует на полноту. Из многотомных собраний латышских сказок, включающих в себя тысячи произведений народного творчества в многочисленных вариантах, отобрано то, что, по мнению составителей, является наиболее характерным среди памятников устного творчества латышского народа.

В сборник вошли 143 сказки, взятые из следующих латышских сборников: из сборника А. Швабе — «Латышские народные сказки» — 33 сказки; из сборника П. Шмита — «Латышские сказки и сказания», т. I — 38 сказок, т. III — 7 сказок, т. IV — 30 сказок, т. V — 8 сказок, т. VI — 8 сказок, т. VII — 7 сказок; из сборника Л. Лерха-Пушкайтиса — «Латышские народные сказки и сказания», т. VI — 4 сказки; из отдельных небольших сборников — 8 сказок.

Деятельное участие в отборе сказок принимали латышские писатели: Карл Скальбе, Э. Бирзнек-Упит, Павел Розит, Андрей Курций, за что приношу им искреннюю благодарность.

Ян Страуян

ПРЕДИСЛОВИЕ

Латышские народные песни, латышские народные сказки — живой памятник многовековых страданий латышского крестьянина, раба и батрака под игом крепостного права и барщины. Как с глухим ропотом ударяются волны Балтийского моря в песчаные берега, так в народной поэзии слышатся далекие голоса народа, измученного рабским трудом в дымных господских ригах, на непроходимых вязких дорогах и осенних полях, в латвийских болотах и темных лесах. Вслушайтесь, и вы услышите эти голоса в латышских народных сказках.

Но не только угрюмые голоса измученного народа — в латышских народных сказках вы почуете и бодрую силу. Этот впряженный в крепостное ярмо крестьянин-батрак все же сумел и смог сохранить в себе неиссякающую силу жизни и оптимизм. Больное и ненужное со временем отбрасывалось. Как велика при данных обстоятельствах была творческая сила латышского народа, об этом говорят латышские народные песни. Об этом говорят и латышские народные сказки, в которых до наших дней сохранился ключ к пониманию чувств и мыслей латышского народа — к пониманию самых начал народной души.

Небольшой латышский народ сохранил громадное количество памятников устного народного творчества. Наиболее исследованы и систематизированы латышские народные песни — «дайняс», собирание которых было делом жизни Кришьяна Барона. Этот труд в значительной мере облегчался тем, что в границах размера и мелодии

народные песни сохранились лучше, чем другие духовные богатства и памятники устного творчества, лучше, чем латышские народные сказки — настоящая древняя эпическая поэзия народа.

Латышский фольклорист Фр. Бривземнек признает, что на латышские народные сказки, к сожалению, обращали очень мало внимания, но уже в то время — в 80-х годах прошлого века — он выражал надежду, что «латышские народные сказки наверно будут иметь такой же успех в народе, как и латышские народные песни». И следует признать, что до известной степени Бривземнек не ошибся: мы имеем теперь толстые сборники латышских народных сказок Лерха-Пушкайтиса и профессора П. Шмита, а также систематизированное собрание латышских народных сказок, составленное А. Швабе. «Значительная часть этих памятников устного народного творчества, — говорит профессор Шмит, — несомненно является общим достоянием европейских народов, но и памятники, сочиненные самими латышами, в большей или меньшей степени схожи с фольклором соседних народов.

Из западно-европейских фольклористов и писателей одним из первых обратил серьезное внимание на латышский фольклор германский писатель Гердор (1746—1803), особенно на латышские народные песни. Правда, уже до него (в 1766 г.) немецкий пастор Г. Ф. Стендер, называвший себя латышом, издал собрание сказок на латышском языке, но в этом сборнике были представлены не столько латышские народные сказки, сколько сказки других народов в переводе на латышский язык. Более серьезные заслуги по собиранию латышских сказок принадлежат А. Биленштейну, который в пятидесятых годах девятнадцатого века стал их записывать непосредственно со слов сказителей.

Но все это было только предварительной подготовкой материалов. Настоящее собирание и изучение латышких сказок начинается только во второй половине прошлого века, когда для так называемой эпохи национального пробуждения и национального движения в Латвии уже ясно наметились границы хозяйственно-политических возможностей, и деятели этой эпохи занялись историей и фольклором, что пока еще разрешалось всемогущим тогда царизмом и руссификаторами и не задевало также более или менее ощутительно интересов нарождавшейся латышской буржуазии.

Известный общественно-политический деятель того времени Кришьян Вальдемар, последний период деятельности которого протекал в Москве, одним из первых указал на значение латышского фольклора в деле популяризации латышского народа у других народов. Не будучи сам филологом, он заинтересовал этой работой других — Кришьяна Барона и Фр. Бривземнека (Трейланда), который жил в то время в Москве и имел тесную связь с русским этнографическим обществом. Бревземнеку удалось сорганизовать по всей Латвии целую сеть работников для собирания народных песен, преданий и сказок. Уже в 1869 г. он через печать призывает собирать сказки и вообще духовное наследство народа. В течение нескольких лет в Москву было прислано из Латвии 1229 народных сказок и преданий. Фр. Бривземнек (1846—1907) считается основоположником работ по собиранию латышских сказок.

С 1877 г. он начинает издавать отдельными книжками «Наши народные сказки». Около того же времени в Москве появляется в русском переводе, под редакцией Бривземнека, первый сборник латышских сказок («Сборник материалов по этнографии», Москва, 1887 г.).

Главным собирателем латышских сказок все же является писатель и фольклорист Ансис Лерх-Пушкайтис (1859—1903). Он систематизировал и проредактировал

6002 сказки и предания, собранные в Курляндии, Лифляндии, Латгалии, Литве и в Восточной Пруссии в 524 местностях при содействии 850 сотрудников.

А. Лерх-Пушкайтис начал свою работу по собиранию и систематизации сказок около 1880 г. и продолжал ее в течение 20 лет, до своей преждевременной смерти.

На обширных трудах А. Лерха-Пушкайтиса базируется работа профессора П. Шмита «Латышские сказки и предания», выпустившего до сих пор 7 крупных томов. Много заслуг по систематизации латышских сказок и по теории фольклора вообще принадлежит писателю и фольклористу Арведу Швабе.

Понятно, что не все громадное количество латышских сказок имеет одинаковую ценность. Согласно профессору Шмиту, наиболее ценными являются сказки, записанные непосредственно со слов сказителей, со всеми особенностями местных диалектов. Но таких сказок, к сожалению, не много. Большинство записано и доставлено собирателями литературно «исправленными», потерявшими свою первоначальную ценность.

Национальное и интернациональное в латышских сказках

Собиратель латышских сказок Лерх-Пушкайтис полагает, что эти сказки являются неотъемлемым, оригинальным достоянием латышского народа, что «отцы и деды отметили в них свои взгляды на человеческую жизнь под этим солнцем и на потустороннюю жизнь, т. е. отметили бессмертие человеческого духа».

Подобного взгляда придерживался и Фр. Бривземнек, полагавший, что «латышские народные сказки в большей мере национальны и, вероятно, древнее, чем духовное наследство некоторых других, хотя бы и больших, наро-

дов». Однако Бривземнек вынужден все же признать, что «некоторые сказки в одинаковом виде встречаются у многих народов. Так, например, некоторые латышские народные сказки сказывают и среди русских или у финских народов, другие — в Скандинавии и среди немцев».

Новейшие исследователи народных сказок, как известно, в вопросе о происхождении сказок больше склоняются в пользу интернационального элемента в сказках. Известный финский фольклорист Антти Аарне полагает, что сказки, более чем какой бы то ни было другой вид поэзии, интернациональны. Они свободно странствуют из края в край, от одного народа к другому. Границы, которые задерживают или, по крайней мере, затрудняют странствование народных произведений, связанных размером (песни), мало стесняют переход передаваемых свободной речью сказок от народа к народу. Поэтому одни и те же сказки встречаются у многих народов. Некоторые, насколько можно судить по существующим источникам, даже распространены почти повсюду.

Эту теорию странствующих мотивов, как известно, впервые высказал Федор Бенфей в 1859 г. Он полагал, что родиной всех сказок является Индия и что оттуда они, как из одного центра, распространились по всей Азии, по Европе, по всему свету. Эта теория странствующих мотивов проливала новый свет на многие серьезные вопросы фольклора. Спрашивается: как обстоит дело с латышскими народными сказками? Совершенно ли ошибочны предположения первых собирателей латышских сказок об их глубоко национальном характере?

Латышский фольклорист профессор Шмит, следуя изысканиям Бенфея и Антти Аарне, уже лет двадцать назад указывал, что сказки, песни и другие памятники устного народного творчества народы заимствуют друг у друга так же, как культурные растения, домашний скот

и различные изобретения вместе с их наименованиями. Поэтому он полагает, что неправильно было бы искать и находить в каждой латышской сказке продукт творчества наших предков, сохранившийся с древнейших языческих времен. Сказки гораздо чаще, чем народные песни, странствовали из страны в страну, от народов к народу. Поэтому, по мнению профессора Шмита, у латышей имеются глубоко национальные народные песни, тогда как по их народным сказкам можно больше судить о влиянии других народов на быт латышского народа, его обычаи и культуру.

Никто теперь не станет совершенно отрицать большое влияние других народов на латышские народные сказки. Если принять во внимание своеобразное этнографическое положение латышского народа у Балтийского моря, на стыке между Восточной и Западной Европой, если вспомнить к тому еще историю этого участка земли—древние торговые связи, войны, крестовые походы и политические взаимоотношения, — то нам это с самого начала покажется весьма понятным. Все же неправильно было бы полагать, что способностью создавать сказки обладал только один какой-либо народ или группа народов. Это, конечно, не так. Возникновение и распространение сказок необходимо ставить в связь с состоянием культуры и цивилизации отдельных народов, их общественной организацией и орудиями производства. Странствование сказок от одного народа к народам, которые находятся в различных хозяйственно-культурных условиях, в высшей мере затруднено, и если оно происходит, если можно допустить, что сказка распространяется передачей из уст в уста быстрее, чем орудия производства и техника, то сказки в таких случаях быстрее и больше видоизменяются, воспринимая новые местные мотивы, применяясь к новой географической и хозяйственно-общественной обстановке. Интернациональный элемент в этом процессе

необходимо искать в структуре схем и сюжетов сказок, а своеобразно-национальное — в мотивах, которые, по мнению известного русского словесника А. Веселовского, уже являются простым и неразлагаемым единством, формулирующим какой-либо важный момент восприятия действительности или пытающимся его объяснить. Сюжет, напротив, является комплексом мотивов.

Отдельные мотивы сказок сами по себе уже так просты и реальны, так ярки и отвечают на вопросы, которые природа ставит повсюду первобытному человеку — например, при затмении солнце проглатывается змеем, — что могли родиться у различных народов самостоятельно на известной ступени культурного развития. Поэтому позаимствование сказок и теорию странствующих мотивов нельзя выводить из сходства мотивов. Она может опираться только на сюжет, т. е. на совокупность мотивов, имеющую случайный характер, причем сохранение однородности схемы и ее независимое и самостоятельное развитие у различных народов немыслимы.

Если применить обоснованные взгляды А. Веселовского к латышским сказкам, то можно определенно сказать, что сходство мотивов латышских народных сказок с мотивами сказок какого-либо другого народа не дает еще права судить о странствовании этих сказок, ибо мотивы, как мы видели, могут быть самостоятельным выражением такого жизненного уклада, который на известной ступени развития присущ всем народам. Так, неоднократно упоминаемый в латышских сказках брак человека с животным — с медведем, волком — относится, вероятно, к религиозным воззрениям тотемизма, является как бы доисторическим воспоминанием, и этот мотив мог первоначально появиться также у латышей совершенно независимо от других народов. Потому и мотив превращений, широко распространенный в латышских народных

сказках и являющийся одной из их составных частей, сам по себе еще не дает нам достаточных оснований воспроизводить эти сказки от индусских мифов и сказок.

Вряд ли приходится говорить о полном сходстве двух сказок — речь может быть только об аналогии. Поэтому, чтобы с некоторой положительностью и научной объективностью определить соотношение интернационального и национального элемента в латышских народных сказках, в каждом конкретном случае необходимо серьезно проверить не только сюжет сказки, но и аналогию мотивов. При такой проверке мы найдем определенные национальные признаки даже в весьма схожих и бесспорно странствующих сказках. Такой прием исследования, правда, требует много труда, но он необходим.

Придерживаясь такого взгляда о сходстве или аналогии сказок вообще, иначе надо смотреть и на латышские народные сказки. Поэтому профессор Шмит не так давно писал о латышских сказках: «Если мы сравним наши сказки с немецкими сказками, то с первого взгляда можно даже подумать, что все наши сказки позаимствованы и что собственных сказок у нас совершенно нет. Но продолжая сравнение, мы увидим, что почти все сказки братьев Гриммов можно найти также в Италии, Франции, Англии, Скандинавии, где они записывались нередко даже раньше, чем в Германии. Продолжая сравнение еще дальше, можно доказать, что и итальянцы. французы, англичане и скандинавцы позаимствовали свои сказки. Однако само собой понятно, что европейцы заимствовали не все свои сказки, но несомненно большую часть из них сочинили сами. Исследователи сказок стали различать, какие сказки родились, например, в Италии, Франции или Германии и какие пришли из Индии и Аравии». Поэтому профессор Шмит приходит к заключению: «Неправильна мысль, будто позаимствованные

сказки являются памятником устного народного творчества только соседних народов и что эти сказки нельзя причислить к латышской народной поэзии. Чужую сказку латыш-сказитель передает сообразно своей фантазии, приспособляет ее содержание к другим латышским сказкам и вплетает в нее нередко настоящие латышские мифы».

Профессор Шмит полагает, что больше всего сказок латыши позаимствовали у немцев, довольно много также у русских, а от латышей многие сказки в свою очередь перешли к литовцам и эстонцам. Даже такие схожие сказки, как латышская о петушке и курочке (см. сказку «Барский суд») и русская «Кочет и курица», как указывает А. Швабе, не вполне аналогичны, а латышская отличается некоторым своеобразно-национальными понятиями и своим литературно более разработанным стилем. Прав М. Горький, когда он говорит: «Заимствование не всегда искажение, иногда оно дополняет к хорошему лучшее».

В устах сказителей таким образом заимствованные сказки понемногу получают латышский характер.

Сказка и жизнь

Положение, что в латышских сказках «отцы и деды отметили свои взгляды на жизнь человека на этом и на том свете», главному собирателю латышских сказок Лерху-Пушкайтису казалось бесспорным и не требующим доказательств. Но как в таком случае смотреть на заимствованные и странствующие сказки, которых у латышей не мало? Многие исследователи приводят сотни вариантов даже известного латышского сказания о Курбаде на различных языках. Мотивы этого сказания, без сомнения, очень древнего происхождения и широко распространены. И в русских сказках встречается свой «Курбад» — Иван Медведько. Спрашивается: отражаются ли

и в этих бесспорно заимствованных сказках воззрения латышских «отцов и дедов»? Нам кажется, что после вышесказанного этот вопрос не может вызвать больше сомнений, если правильно толковать значение сказок.

Заимствуется далеко не каждая сказка определенного народа в определенных культурно-исторических условиях. «Нам необходимо знать, — говорит выше уже цитированный профессор Шмит, — какие сказки странствуют и какие нет, какие мотивы привлекают внимание народа и нравятся ему. Каких характеров, какого действия и какой морали требует народ от сказаний? Что рассказчик отбрасывает, что он еще добавляет? Каким образом извращаются сказки?» И только после такого отбора и оформления, если сказка принадлежит к заимствованным и не является национальным произведением, нам позволительно делать наши заключения о жизни народа в известный период, при известных условиях, установить определенную причинную связь между сказкой и жизнью.

Важным является и другой момент — о фантастическом духе и содержании сказок. Чудеса и чародейство ведь являются обычными и главными элементами сказок: в сказке, кажется, на каждом шагу возможно то, что невозможно в действительности: ведьма превращает человека в камень, девицу — в овцу и т. п.; песиглавцы приходят из Швеции в Латвию охотиться за людьми; герои с помощниками отправляются на борьбу с многоглавыми великанами, змеями и чертями, невидимкой уходят с земли в подземелье и возвращаются с помощью чудодейственной силы. Эти чудодейственные силы сказок в полной мере определяют характер и деятельность героев. Личные качества как будто не играют роли.

Однако ясно, что и фантастика и чародейство сказок имеют свои границы, так же как и реальное в сказках имеет идеалистическую примесь. На деле между этими

двумя сторонами сказки — рациональным и иррациональным — нет непроходимой грани. И фантастика латышских сказок в конце концов определяется силой воображения и выдумки латышского угнетенного крепостного крестьянина, жившего в лесах и болотах Латвии. Фантастика сказок, как всякое идеологическое явление, создана реальной действительностью; нет абсолютной, независимой от реальной действительности, фантастики и в латышских сказках. Об этом ясно говорят общий тон и характер сказок. Фантастика сказок простирается до глубин народной психологии и мифологии и таким образом получает вполне естественную и понятную основу. Это — сложный вопрос, которого мы тут коснемся только постольку, поскольку он помогает лучше понять содержание латышских сказок. Если разобрать сущность познания нецивилизованного человека, то становится ясным, почему в сказках и сказаниях невозможное делается возможным. Мышление первобытного человека в значительно большей степени эмоционально, чем мышление современного европейца. Все мышление нецивилизованного человека, как на это указал Леви-Брюль, глубоко социально. Перевес над индивидуальными представлениями берут еще коллективные, рефлексы социальных институтов. Это смешение познания нецивилизованного человека с элементами эмоциональной и динамической природы и перевес коллективных представлений не дают его природе действовать объективно. Господствуют авторитарные принципы семьи. На индивидуальное познание обращают мало внимания. Таков строй мысли и восприятие жизни в сказках, где наряду с мифами, объясняющими явления природы, встречаются, беспрерывно видоизменяясь, психологические или душевные мифы, свидетельствующие о глубоких корнях анимизма в сказках.

Решительным сторонником теории анимизма является главный собиратель латышских сказок Лерх-Пушкайтис. Сказания, сказки и сказочки о духах, домовых, колдунах, ведьмах, змеях и т. п., по его мнению, составляют основу всего сложного строения латышских сказок. Он даже так называемые латышские звериные сказки сводит к той же анимистической основе. Профессор Шмит, напротив, хотя и не отрицает значения анимизма в латышских сказках, однако полагает, что происхождение богов у древних латышей объясняется разными причинами, не только действиями природы и душами предков; но и он вынужден признать, что жизнь древнего человека сводилась к борьбе со злыми духами. В латышских обрядах, по мнению профессора Шмита, повсюду сквозит эта борьба. Такая борьба видна даже в латышском культе солнца, когда по окончании посева, на Ивана Купала, народ украшал себя венками, украшал также и ворота и здания зелеными ветвями и зажигал на холмах огни.

Миф солнца вообще занимает видное место в латышском фольклоре. Солнце у древних латышей, так же как и у финнов и эстонцев, имеет образ женщины. Солнце у латышей — женщина с белым лицом и золотистыми волосами, как латышская девушка. Природа крестьянской девушки у солнца видна и в ее работе. Солнце, например, собирает сено золотыми и серебряными граблями поэтической фантазии. За поясом у него ключи — символ хозяйки. Солнце — белое, девушка из народа — белая, сам латышский народ — белый. Это понятно.

В латышской мифологии заметны еще древние воспоминания о тех религиозных воззрениях первобытного человека, которые называются тотемизмом. Древние латыши, как и все первобытные народы, верили, что человек близок к животному. В преданиях и сказках животные ставятся иногда даже выше человека. Особенно до-

машние животные были его друзьями и товарищами. Люди полагали, что животные все понимают, что творится вокруг них, и предвидят даже будущее, но только не желают говорить об этом человеку. В известные времена животные все же разговаривали между собой и люди подслушивали такие разговоры. Есть в латышских сказаниях и сказках сказания о деревьях, которые якобы тоже были живыми существами и могли разговаривать. Этот культ деревьев имел значение не только в народном творчестве, но и в древнем хозяйстве. Особое место в этом латышском культе деревьев принадлежит дубу и липе, хотя дуб и липу в народной поэзии древних латышей можно рассматривать просто как поэтические символы латышских парней и девушек.

Нельзя отрицать, что многое в латышских сказках заставляет думать об остатках древнего тотемизма. Так сказка связана с жизнью с древнейших времен.

Социальные и классовые элементы в латышских народных сказках

Латышские народные сказки хотя и переплетаются с народными мифами и отличаются глубокой древностью, все же оформляются в такой период, когда целость рода разлагается и заметна некоторая классовая диференциация. В народе уже различают бояр и воинов, имеются холопы. С XII века эту диференциацию ускоряют и обостряют германские колонизаторы в Прибалтике, принесшие сюда вместе с христианством также первые зародыши капитализма и завязавшие торговые сношения. Конечно, по истории мы знаем, что такие сношения с другими народами у латышей были и раньше. Но только с этого времени они стали заметнее влиять на жизнь латышских племен и вносить в нее новые эле-

менты. Национальное угнетение народа, вызывая сознание некоторой общности угнетенных, придавало идеологии процесса классовой диференциации особый оригинальный характер, что выразилось в народных песнях и сказках. Ясно, что вместе с тем сильно осложняется оценка социального эквивалента этой идеологии и требует тщательного разбора. Вопрос стал еще труднее, когда вместе с вырождением движения так называемого национального пробуждения в 80-х годах прошлого века буржуазная интеллигенция и печать одновременно с проповедью идеи национального «единства» в целях наживы и обогащения начали бороться против оформления классового самосознания латышских пролетариев.

Латышские народные сказки и вообще фольклор почти не рассматривались с точки зрения социологически-классовой. Некоторое внимание социальным вопросам в латышских народных сказках уделил главным образом А. Швабе.

Конечно, оценивая по латышским народным сказкам социальные условия народа, мы должны принять во внимание не только и другие памятники народного творчества, но также всю совокупность хозяйственных, общественных и культурных факторов разбираемой эпохи. В латышских народных песнях больше всего воспеваются быт и общественный строй с XIII до XVI века. Жизнь последних столетий рассматривается значительно меньше. Около того же времени, вероятно, появились и латышские народные сказки, хотя некоторые из них по своему языку и описываемым в них явлениям говорят о более новых временах. Но при оценке необходимо отличить от главных мотивов, входящих в сказку, искажения и позднейшие — хотя и добросовестные — прикрасы сказителей, которые могут исковеркать значение сказки и дать повод для ее неправильного толкования. Не следует также забывать, что латышские народные

сказки, как и вообще фольклор, находились в постоянном движении: они изменялись и частично даже сочинялись вновь. Поэтому надо умело уловить в общей массе ядро, отдельные части которого могут казаться путаными и даже совершенно противоречивыми.

Прежде всего, кто такие были латышские сказители по своему полу и социальному положению? По именам и фамилиям тех сказителей, которые Лерх-Пушкайтис дает в предисловии к VII тому собранных им сказок, мы можем с некоторой уверенностью заявить, что больше половины сказителей были мужчины. Это все же не исключает того, что сказки о животных, духах, ведьмах, русалках и т. п. лучше всего сказывались женщинами. Сказки о героях и приключенческие, сатирические сказы с более широким философским горизонтом, вероятно, принадлежат мужчинам: старому солдату, возчикам, ездившим в Ригу в то время, когда в дремучих лесах ютились еще разбойники, дезертирам, беглым крепостным, ямщикам, возившим трупы в университетские клиники в Юрьеве, и др. Об этом свидетельствует и молодецкий хвастливый язык этих сказок. Если к герою в этих сказках присоединяются силы природы, то и они мужского рода: ветер-силач, дед-мороз, лесной батька.

В латышских народных песнях, которые на 70% сочинены женщинами, речь идет о лесной, полевой и других матушках.

Конечно, в связи с тем, является ли сказчик сказок мужчиной или женщиной, соответственно меняется мотивировка сюжета в сказке. Вместо героев кровавых боев за тридевять земель на седьмом свете появляется женщина латышской сказки с ее мелкими житейскими интересами и заботами.

Социальное положение сказителей латышских сказок до сих пор еще очень мало выяснено. Часто приходится

об этом судить, исходя из различных вариантов сказок, допуская, что одну и ту же сказку по-разному понимали и передавали, например, хозяин и батрак; герои, которые близки были боярину и воину, не могли быть по душе батраку или крепостному мужику, молотившему господский хлеб в риге. В 60-х годах прошлого века — время последней редакции латышских сказок — изображенное в сказках крестьянство давно уже не являлось однородной недиференцированной массой, а хозяева и батраки были уже по существу два класса с противоположными хозяйственными интересами, порождавшими классовые противоречия и вражду. Пробуждающееся классовое самосознание освобождается от заимствованной идеологии, влияния христианской религии и пут библейских форм. Возьмите какую-либо из так называемых приключенческих сказок, и вы скажете, что ее создал крестьянин, — крестьянин, который с почетом и уважением относится к королям и с нескрываемым юмором и сатирой к помещикам и родовитым дворянам. В рыцарских эпосах крестьянин изображается наивным простачком. Латышская же бытовая сказка в большинстве случаев дидактически-сатирическая, где дворяне отображены в роли круглых дураков. И если примитивная сказка была когда-то аморальной, т. е. стояла как бы по ту сторону добра и зла, то латышская сказка, напротив, в той редакции, в какой она записана по большей части в 60-х годах прошлого столетия, является определенным классовым искусством, с сильной социальной тенденцией. Социально-тенденциозно трактуется не только бытовая тема, но даже мифические представления о боге и чорте «кристаллизовались в этом процессе социальной поляризации», как говорит Швабе. Характерным примером для сказанного является сказка «Долгая зима» (см. русский перевод на стр. 486). Эта сказка по мотиву схожа

с интернациональной сказкой «Человек из рая» («Der Mann aus dem Paradies»). Интересно проследить, как эта сказка видоизменяется под влиянием латышского сказителя.

Сказка эта уже в конце XV века была литературно обработана. Речь в ней идет о некоем студенте Франко, который по дороге из Парижа в одном селе встречает простодушную крестьянку Берту, мужа которой нет дома. Студент говорит, что он «из Парижа»; крестьянка понимает это так, что он «из рая» [1]. Студент выманивает у крестьянки деньги для ее первого мужа, которому якобы живется плохо в раю из-за безденежья. Обманутой обычно бывает какая-нибудь простоватая крестьянка. Но в устах латышского народа эта сказка получила совершенно противоположное социальное содержание. В аналогичной сказке «Долгая зима» обманутым и одураченным лицом является вовсе не крестьянка, как в немецком и французском вариантах, а немецкая дворянка и дворянин, умным же и находчивым обманщиком является латышский мастеровой.

В находчивости и смышленности крестьянин всегда превосходит барина и ставит его в смешное положение. Не лучше, чем о господах, латышские сказки говорят о лютеранских пасторах, выставляя их как корыстолюбцев, жадин и дураков. С подобным же сарказмом о пасторах говорят некоторые норвежские сказки.

Совершенно другими рисуются отношения хозяев и батраков. Сказка о батраке в большинстве случаев имеет определенную тенденцию — наставление батраку со стороны хозяина. В сказке «Как батрак мышей ловил» (см. русский перевод на стр. 485) речь идет о ленивом работнике, которого хозяин кнутом выпроваживает на работу. В другой сказке сказчик-хозяин предостерегает батраков не оставлять деревню и не отправляться в город на поиски лучшей жизни.

[1] Тут игра слов; «aus Paris» — из Парижа; «aus Paradies» — из рая.

Латышская сказка отклоняет всякую попытку разрушить патриархальную семью. В сказках о неверных и коварных женах мы встречаем воззрения патриархального периода. Уход сыновей из отцовского дома допускается только в том случае, если их пребывание в семье не имеет больше никакого практического значения, если они съедают больше, чем зарабатывают. В одной сказке отец-крестьянин говорит своему сыну: «Ты должен отправиться к королю, там ты сможешь наесться вволю». Заветное желание хозяйского сына — «жить как королю». Для крестьянина латышских сказок счастьем представляется такое состояние, при котором «можно гулять подбоченившись, как управляющий помещика». Только помещик-владелец крепостных и его приближенные-тунеядцы могли не работать, кушать вдоволь и предаваться удовольствиям. На самом деле вся жизнь феодального дворянства была устроена так, чтобы по возможности основательнее выматывать жилы у загруженного работой латышского крестьянина-батрака, а самому пользоваться максимальными удовольствиями. Чтобы мужики не поднимали головы, в имении существовала целая система пыток, а церковь угрожала непокорным дьяволом и всяческими мучениями в кипящих адских котлах.

Основываясь на подобных фактах при анализе латышских народных песен и сказок, А. Швабе приходит к заключению, что латышские народные песни и сказки являются выражением идеологии класса хозяев, конечно, поскольку при данных условиях может быть речь о «классе хозяев» и его «идеологии».

С укреплением дворянства и крепостного права крестьянину приходилось работать не столько для себя, сколько для помещика. Отсюда — стремление крестьянина заработать побольше, отсюда — его скряжничество. Крепостное право разлагало и нравственно класс латыш-

ских хозяев. Известный латышский писатель Плудон полагает, что характерной чертой старших братьев в латышских сказках является эгоизм, стремление нажиться за счет других, соблюдение только своих интересов и попирание ногами интересов других, тогда как младший брат — дурачок якобы — идеалист, который не думает о своей выгоде, а целиком предан заботам о других. Так же этот тип дурачка Антыня трактуется и самым крупным латышским поэтом Райнисом в его драмах. Такую трактовку этого вопроса не без основания можно считать сентиментальной и необоснованной. Дурачок латышских сказок — только крестьянский «полуидеалист», если пользоваться этим термином, введенным в употребление Райнисом. В опаснейший бой он не отправляется сам, а посылает своих помощников, чужими руками завоевывает он дворцы и королевских дочерей и сам становится королем. Заботы такого «короля-идеалиста» не простираются дальше узких границ его семьи: одного брата он милостиво назначает дворцовым надсмотрщиком, другого — придворным. О том, как живется другим из его же сословия, такой «король» не думает.

И бог латышских сказок в то же время является богом крестьян-хозяев, причем качества бога происходят от хозяев, а чорта — от господ-крепостников, немцев. В начале XII столетия они установили свою власть у Балтийского моря над латышскими крестьянами, родовое начало которых к тому времени уже пришло в упадок. Вместе с тем создавался и хозяйственный антагонизм; он, однако, долго заволакивается спутанными нитями национальной идеологии.

Согласно латышским сказкам, в стародревние времена бог с чортом жили на земле «как богатые хозяева». Чорт в латышских сказках одевается как барин или пастор, ест господские кушанья, живет в каменных двор-

цах как барин, едет в карете с кучером как барин; ему прислуживает лакей и работают на чорта в аду крепостные так же, как в помещичьей риге. Так мы получаем социологически-психологическое отображение чорта-барина латышских сказок, которое в течение веков все же сильно изменялось. Все больше оно сливается с ненавистным образом немецкого барина-крепостника. Заметно также влияние библии и христианства.

Что касается бога древних латышей, то он не батрак, а хозяин, у которого свое хозяйство и хозяйка. Бог сведущ во всех делах землепашества и скотоводства. Похож он на дряхлого старичка в сером наряде. Практического ума у него гораздо больше, чем у чорта в латышских сказках. Он находчив и хитер — характерное качество хорошего латышского хозяина. Древне-латышский боженька в борьбе с рыцарским, самонадеянным и хвастливым чортом побеждает обманом, мошенничеством, даже воровством. Пример: было время, когда у чорта было много камней, у бога же ни одного. Поэтому он украл камень у чорта и спрятал его под можжевельником.

С укреплением крепостного права возрастало могущество и благосостояние помещика. Вместе с тем обнищание крестьянства все увеличивалось. Параллельно с этим заметно менялось соотношение сил бога и чорта в латышской сказке. Бог теперь чаще всего упоминается как старый нищий, а чорт приобретает все больше сверхъестественной физической силы, какой у него до крепостного права не было.

Все же с помощью своего боженьки латышский крестьянский герой одолевает и этого нечеловечески сильного чорта. Таким образом латышская сказка «дает моральную поддержку латышскому трудовому народу на его гиблых путях, где не один барин-крепостник запрягал в соху мужика, если лошадь не в силах была тащить».

Все же эта иллюзия силы в латышских сказках никогда не доходит до сознания национального единства. В этом отношении характерен один из вариантов «Сказки о Курбаде», который представляет собой несколько измененную русскую сказку «Три царства: медное, серебряное, золотое». Русский дурачок Ивашко Запечник в этой сказке спрашивает у подземного чудовища: «Как выйти на Русь?». Латышский же дурачок спрашивает о дороге в отцовский дом. Если в русской сказке речь идет о трех царствах, то в латышской говорится о трех мызах. У крестьянина латышской сказки нет национального самосознания, ибо нет Латвии.

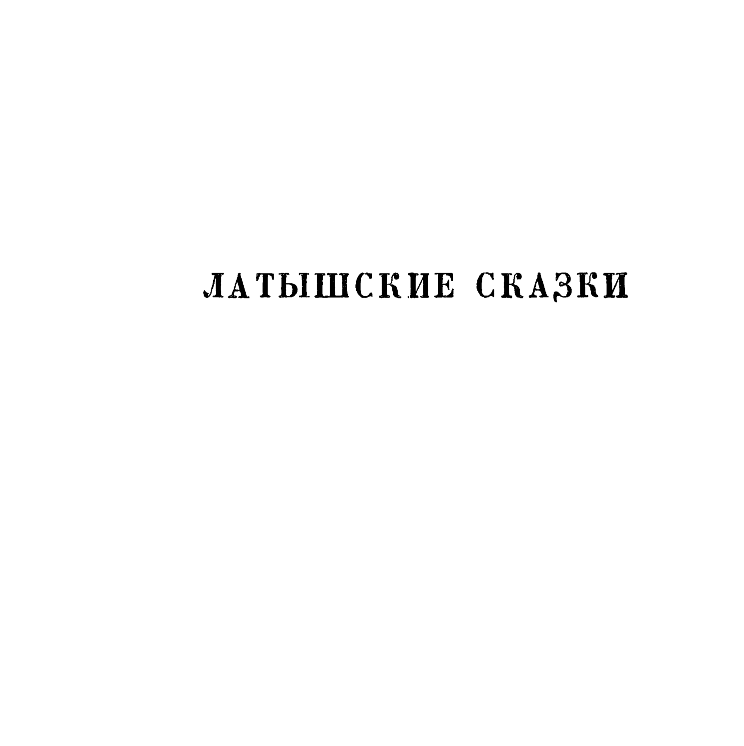
Однако взгляд на латышскую сказку как на выражение идеологии крестьянина-хозяина, особенно в так называемых приключенческих сказках, правилен только до известного предела. Разбирая латышскую сказку, не следует упускать из вида диалектику течения хозяйственно-общественной жизни, где с основным руслом скрещиваются и сплетаются второстепенные ручейки и со временем изменяют все течение, дают ему другое направление и значение. Тезис борется с антитезисом, прежде чем оформляется качественно новый синтез. Так, старые образы латышских сказок и идеологические формы долго и устойчиво уживаются рядом с новыми и переплетаются с ними, составляя своеобразную ткань. Поэтому, наблюдая в латышском фольклоре, в латышской сказке за доминирующим течением — хозяйской идеологией, мы не можем не обратить внимания на признаки и зародыши чисто рабочей, я бы сказал — пролетарской, идеологии. Такие признаки и зародыши мы встречаем не только в латышских народных песнях, но и в сказках. Есть сказки, где сказитель становится на точку зрения батрака, говорит о жизни и тяжелом положении батраков с глубокой общественной симпатией. Та-

кова, например, сказка о том, как батрак проучил своего скупого хозяина, который хотел его кормить только корками (см. русский перевод сказки «Как батрак проучил хозяина» на стр. 84). Такова также сказка о старосте и чорте (см. сказку «Староста и чорт» на стр. 80), где староста играет более плохую и презренную роль, чем сам чорт. Также и сказка «Барин конем» (стр. 81) и некоторые другие говорят о несомненной солидарности с бедняками.

В одной из сказок о жизни рабочего рассказывается следующее: «Рабочий, которого после сурового трудового дня барин отлупил еще и палкой, сел возле дороги и грыз корки хлеба, обмоченные слезами. Он ел и вот как рассуждал о своей и господской жизни: «Вот я с пустым пузом должен ходить круглый день, с утра до позднего вечера, по полю и носить изо дня в день тяжелую соху. Никто тебя не спросит — дождь ли идет, либо град, холодно тебе или солнце печет и жжет. Ступай! Ты на то рожден! А барин, он — в то время как ты уже несчетное число раз проковылял по полю туда и назад и уже раз десять отирал пот — он только тут вылезает из берлоги, наедается доотвала, подходит к окну и смотрит, какова погода. И если погода хороша, то барин отправляется людей бить». В конце этой сказки все же говорится, что и барином невыгодно быть после смерти. Но такое заключение несомненно является позднейшим добавлением социально заинтересованного сказителя и не меняет основной сущности сказки.

Указанные факты, конечно, в целом не меняют основного идеологического течения латышских сказок. Но нам кажется, что необходимо обратить внимание читателя на эти факты, чтобы облегчить ему правильное психологически-классовое понимание латышских сказок и правильный подход к культуре латышского народа.

Андрей Курций

ЛАТЫШСКИЕ СКАЗКИ

БАРСКИЙ СУД

1. Петушок с курочкой пошли по орехи. Петушок взлез на самую макушку орешника; курочка осталась внизу поджидать.

Срывает петушок один орешек, бросает вниз; срывает другой, бросает вниз; как бросит третий — прямо курочке в глаз.

«Экий я косолапый! — испугался петушок, — такого сраму отродясь со мной не бывало».

2. Но курочка этого уже не слышит: бежит домой с криком.

Навстречу барин. Барин и спрашивает:

«Чего разоралась?»

Так и так: как бросил орех, попало в глаз.

«Кто бросил?»

«Петушок бросил, петушок!»

«Ах, страсти, небесные!.. Куда же он поделся? Пусть явится на барский двор».

3. Приходит петушок на барский двор, барин встречает:

«Ты чего там швыряешься? Почему курочке глаз вышиб?»

«Я ведь не вышибал: взлез на орешник за орехами, орешник вдруг покачнулся, и орех тут в глаз и попал!»

«Разве так было? Ну ладно, пусть явится орешник на барский двор!»

Приходит орешник, барин встречает:

«Почему качался и швырнул курочке орех в глаз?»

«Я бы не качался, да вот соседская коза грызла мою кору, что тут поделаешь?»

«Ну, ладно, пусть коза явится на барский двор!»

Приходит коза, барин встречает:

«Скажи-ка мне, зачем грызла кору орешника?»

«Разве бы я грызла, да вот пастух меня вовсе не пасет, что тогда делать!»

«Покличь-ка тогда этого пастуха на барский двор!»

Позвали пастуха, барин встречает:

«Послушай, скажи-ка мне, почему козу не пас? Глянь, как орешник-то выглядит!»

«Ну вот! я бы пас хорошо, да хозяйка обманула: посулила лепёху с собой дать, а бог попустил — остался не евши».

«Хорошо; где же эта хозяйка? Пусть явится на барский двор!»

Хозяйка приходит, барин навстречу:

«Отвечай мне, почему не дала пастуху с собой лепёх?»

«Не дала! Ну как бы не дала, да, барин миленький, не повезло мне: свинья, гадина, съела дрожжи, лепёхи остались непечеными».

«Ну, пусть тогда свинья отвечает за этот глаз!» — сказал барин, тем дело и кончилось.

(Из сборника А. Швабе)

КАК ГОЛУБЬ ГНЕЗДО ВИЛ

1. Спервоначалу голубь клал яйца на землю. Но однажды яйца съела лиса. Голубь крепко горевал об этом:

«Полпуры[1] яиц наклал! Полпуры яиц наклал — пусто!»

Чтобы не было больше такого несчастья, решил голубь научиться вить гнездо, и созвал других птиц.

2. Что же вышло: только начали другие птицы свивать прутья, как голубь уже кричит:

«Умею, умею!»

Ладно; те улетели: коли умеет, чего тут больше делать! Но после голубь спохватился: не умеет вовсе.

Ну, созвал в другой раз птиц на толоку. Те собрались, вплели несколько веток — почти на половину было бы уже готово, а тут голубь опять в толпу:

«Умею, умею!»

3. Ладно; коли умеет, чего тут делать — улетели.

Да куда ему, дурню, — не умеет никак. Ну, покликал еще третий раз на помощь. Да птицы больше не явились.

Так и осталось гнездо голубя таким редким, что яйца чуть-чуть не вываливаются.

(Из сборника А. Швабе)

ЛИСА ЧЕСТНО ЗАРАБАТЫВАЕТ ХЛЕБ

Едет хозяин в город и встречает медведя. Медведь говорит:

«Я тебя задеру!»

«Не дери ты меня, дам тебе свинью полакомиться».

Ладно, пусть тогда завтра пришлет.

Утром хозяйский батрак везет медведю свинью и встречает лису. Лиса спрашивает:

«Кого тут везешь?»

Так и так, парень сказывает.

«Дурак ты! — воскликнула лиса. — Отдашь медведю этакую свинью ни за что, ни про что. Посули мне курицу и петуха, так я похлопочу, чтоб свинья медведю не досталась. Да гляди только — коли стану спрашивать, что на возу, отвечай: дубовый пень!»

Ладно, посулил батрак курицу с петухом, а лиса схоронилась в лесу.

Скоро медведь — тут как тут, вспрыгнул на воз и радуется жирной свинье. Тут лиса выбегает из лесу:

«Парень, что ты там везешь? Не медведь ли это? А? Как бы мне его изловить: в суд я его должна отвести!»

А батрак отвечает:

«Нет, не медведь, нет; это же дубовый пень».

«Коли это дубовый пень, так чего ж везешь непривязанным? Враз же привяжи, этакие дубовые колоды коли станут с возов скатываться, так прохожих поубивают!»

Медведь, как услыхал это, задрожал, затрясся как осиновый лист и шепчет парню:

«Привяжи, привяжи меня, чтоб поскорей от нее отделаться».

Парень привязал медведя. А лиса кричит:

«Ну, ладно ли привязал? Бери топор и рубани по колоде, глянь, крепко ли привязалась!»

Парень схватил топор. Медведь шепчет:

«Рубани, рубани, да руби для показу только — не больно крепко».

Так тебя батрак и послушается: как хватил топором медведя по черепу, медведь готов.

Тут села лиса рядом с парнем и поехали домой к хозяину. Хозяин обрадовался, что лиса спасла свинью, и охотно отдал курицу и петуха.

Ест лиса курятинку и приговаривает:

«Это первый обед, который я честно заработала!»

(Из сборника А. Швабе)

ГОЛЫЙ ВОЛК

Дряхлый старичок повстречал в лесу волка-отца. Волк был страшно голоден и закричал на человека:

«Приготовься, смерть тебе! Ты не дал мне сегодня выспаться в можжевельнике. Еще и теперь у меня от твоего ауканья голова трещит».

«Милок, пушистый хвостик! Ведь я же только нос высморкал!»

«Как бы там ни было, тебе смерть — собирайся!»

«Кто сильней, тот всегда прав» — пробурчал человек и стал просить волка, чтобы тот позволил ему перед смертью отмерить по его хвосту свечу для гроба.

Волк позволил. Отрезал человек для мерки свечи порядочную палку, настоящую дубину, а потом обкрутил волчий хвост вокруг руки и начал колотить приговаривая:

«Кто силен, тот прав, кто умен, тот с советом!»

Наконец хвост оторвался, и полуживого волка человек со смехом бросил в кусты.

Волк скоро отошел и начал выть. На его вой сбежалось столько волков, что человек чуть-чуть поспел взлезть на ель.

Долго думали волки, что делать. Под конец порешили взлезть друг другу на спину и так добраться до верхушки ели.

Побитому волку только этого и надо. Враз стал у ели и велел другим лезть ему на спину. Скоро волчья куча поднялась до самой макушки ели.

Вот взлез последний волк наверх и хочет схватить человека.

А человек шепчет ему на ухо:

«Послушай-ка, братец! Зачем другим мое тело давать, ешь лучше ты здесь вверху один. Я придержусь за сук, а ты только откусывай. Но пока начнешь, позволь отмерить по твоему хвосту свечу для гроба».

Волк позволил. Тогда человек вытащил нож, отрезал волку хвост, бросил на землю и кричит:

«Эй, куцый, вот твой хвост!»

Куцый избитый волк быстро кинулся за хвостом, думая, что это его оторванный хвост. А вся куча, как только он из-под нее вылез, развалилась, разлетелась.

Ломая шеи, улепетывали волки как мотыльки.

И с тех пор у всех волков шея не ворочается.

(Из сборника А. Швабе)

ВОЛК И КОКЛЕТАЙС [2]

Жил-был парень — отличный музыкант, удивительный певец. Когда играл он на кокле и пел, птицы слетались стаями послушать его, а самые свирепые звери становились кроткими ягнятами.

Раз заблудился парень в лесу и упал в волчью яму.

Волк с сверкающими глазами поднялся ему навстречу и оскалил зубы, собираясь растерзать беднягу.

Увидевши, что дело плохо, стал парень играть на кокле и петь.

Волк сразу сел напротив парня и стал подвывать под чудесные звуки, а парню не сделал ничего дурного.

На рассвете выпрыгнул парень из ямы и пошел домой; а волк побежал за ним как собака,

проводил великого коклетайса до ворот и не хотел больше возвращаться в лес.

(Из сборника А. Швабе)

ВОЛК И КОМАРЫ

Повстречали комары волка, который как раз подкрадывался к лошади, и спрашивают:

«Куда ж ты, пушистый хвост, пробираешься этак таясь да пригибаясь?»

«На луг иду, там себе славный обед из коня сготовлю. Я его загрызу и хорошенько поем».

Комары удивляются, говорят:

«Что, да неуж-то ты один хочешь коня одолеть? Не может этого быть! Нас однажды пять тысяч на одного насело и то едва свалили его на землю, да притом же он половину из нас задавил. Тебя бы он убил сразу, коли б ты один пошел».

Волк, услышавши это, подумал еще раз хорошенько, бросил коня и пошел в другое место искать своего счастья.

(Из сборника А. Швабе)

ВОЛК — ЛЕСНОЙ ВЛАСТЕЛИН

Пил козел у реки. Напившись, стукнул ногою о землю и говорит:

«Самого волка не испугаюсь!»

А волк в кустах стоял, услыхал это и кричит:

«Андрэв, ты что там сказал?»

«Ах почтеннейший лесной властелин, у пьяного и речь пьяная».

(Из сборника А. Швабе)

МЕДВЕДЬ И РАБОТНИК

Едет работник домой и удивляется — у риги все дрова пораскиданы. Вдруг видит в темноте, что кто-то с большим корчом прыгает к нему на задок телеги и кажется поразительно большим и пушистым.

Глядь, да ведь это медведь корчом от волков отбивается. Ну, работник погнал что было мочи и быстрехонько примчался ко двору.

Как проскочил ворота во двор, волки разбежались во все стороны.

Утром выходит работник, а перед дверью у него стоит улей с медом, — это медведь приволок в благодарность, что тот его от волков спас.

(Из сборника А. Швабе)

ЗАЯЦ С ЕЖОМ ВПЕРЕГОНКИ БЕГАЮТ

Сговорился еж со своим братом, другим ежом, над зайцем посмеяться. На лесной опушке была глубокая канава; вот один еж стал на одном конце канавы, другой на другом, и тот, что ближе к зайцу, говорит ему:

«Послушай-ка, заяц! Вот ты этакий большой бегун, этакий бегун, а мне пришло в голову тебя обогнать».

«Иди ты, иди, иди! Пусть мне тогда усы вырвут — никогда этому не поверю».

«Что там верить, аль не верить, давай — об-заклад: коли ты меня перегонишь, так вырви из моей шубы десять шипов, коли я тебя опережу, так я вырву из твоих усов десять волосков — идет? Да?»

«Известно — идет, только жаль мне твоей шубы».

«А мне — твоих усов! Ну, ты теперь, заяц, как больший побежишь по краю канавы, а я по дну».

Ладно.

Помчался заяц как вихрь, сгоряча даже не оглянулся, бежит ли еж, или нет.

Добежал до другого конца канавы — еж уже там.

«Ну, слушай, где ж ты так долго? Я едва не замерз, тебя дожидаясь».

«Нет, нет ежик, у меня на этот раз плоховато вышло: бежим еще назад».

«Ладно, побежим!»

И заяц помчался как вихрь. Да на другом конце снова еж впереди.

«Слышь ты, что ж ты меня заставляешь мерзнуть? Давай свои усы!»

«Нет, нет, нет, ежик! Побежим еще только этот раз, тогда что будет, то будет».

Ладно; побежал заяц как вихрь. Да на другом конце еж снова впереди.

«Слышь ты, давай же усы. Больше не буду с тобой дурака валять».

Нечего делать, пришлось отдать усы. Вырвал еж у зайца десять волосков из усов и воткнул пять волосков своему брату в губу, а пять себе самому.

С тех пор у всех ежей на губе этакие заячьи усики.

(Из сборника А. Швабе)

ПОЧЕМУ СОБАКА КОШКУ ДЕРЕТ

В старые времена кошка стадо пасла, а собака жила на свободе дома, так как бог дал ей вольную грамоту.

Как-то в жаркий летний день пришла кошка с пастбища совсем уставшая да истомленная и нашла собаку спокойно спящею в конопляннике на огороде. Во время сна карман у собаки открылся, и из него торчала вольная грамота.

Кошка подкралась тайком, выхватила из кармана у собаки вольную грамоту, убежала в дом и спрятала там на чердаке под крышей дорогую добычу. С того дня потеряла собака свою волюшку и должна вместо кошки стадо пасти, а кошка свободно живет дома.

Вот почему собака, как только увидит кошку, так и бросается на нее с злобным лаем, желая отнять свою грамоту. Да только не удается ей это, так как кошка сейчас же, спасаясь от собаки, лезет на крышу сторожить свою вольную грамоту.

(Из сборника А. Швабе)

СОЙКА И СОРОКА

У сойки толстая голова; сказывают, что у нее много ума. Вот раз полетела эта толстоголовая в немецкую землю, повстречала там сороку, и

обе крепко подружились. Сорок раньше в Видземе [3] не было, они родились в немецкой земле.

Нахвасталась сойка, что в Видземе распрекрасно-хорошо; до того врала, что захотелось сороке лететь с ней в Видземе.

Явились в Видземе весной, когда все кругом цвело. Радуется сорока и благодарит сойку, что привела ее в такой прекрасный край, где так много красивых полей, лугов и лесов; можно здесь весело пожить.

Но когда начали жать, испугалась сорока и спрашивает сойку:

«Сойка, а ведь эту рожь сожнут?»

Сойка отвечает:

«Ничего, ее сложат в копны, и нам же лучше будет».

Когда начали работники молотить да копны увозить, затрещала опять сорока:

«Соечка, да ведь копны-то эти отсюда увозят!»

Сойка спокойненько отвечает:

«Ну, и пусть увозят, для нас еще целая уйма зерен остается на ниве».

Но тут прибежали свиньи и поели все остатки. Ну, тут уже немецкая гостья завопила со страху:

«Соечка, да ведь свиньи съели все остатки!»

А сойка преспокойненько отвечает:

«Ну, и пусть едят, все равно опять выбросят вон, а мы и в помете найдем пищу».

Тут поняла сорока, что ее обманули. Этакая немецкая барышня должна в Видземе рыться в свином навозе; а тут еще настала белая зима, барыньке совсем голодно.

Ну, пошла сорока к другим птицам на сойку жаловаться, что обманула ее, зазвала из немецкой земли на этакий голод.

Назначили птицы суд, пусть суд разберет, что делать с сойкой. Маленький скворец был в суде председателем, ворон с вороною — заседателями, тетерев — писарем, а серый дрозд — посыльным.

Суд присудил: сойку на виселице повесить. Но председателя на суде вовсе не было, когда разбиралось дело и вынесен был сойке приговор.

На разборе дела ворона каркнула: «Нужно повесить»; ворон хотел, чтобы только посадили в тюрьму.

Однако, постановили повесить.

(Из сборника А. Швабе)

ЛИСА И ДРОЗД

Свил дрозд гнездо на маленькой елке. Высидел птенцов, а тут приходит к елке лиса и кричит:

«Все уже сеют, а я еще сохи не приготовила. Надо эту елочку срубить сохе на оглобли».

Испугался дрозд, просит, чтоб не рубила елки, не разоряла гнезда с малыми детишками.

Лиса говорит:

«Дай мне одного птенца, тогда не стану рубить».

Что тут делать дрозду? Приходится отдать лисе птенца, да от жалости не знает, которого:

один палец укусит, другой палец укусит — все болят...

О ту пору, пока оба торговались, подходит бабка ворона и говорит дрозду:

«Не тужи, дроздок, пусть рубит! Где ж у нее топор-то?»

Лиса показывает на свой хвост и давай им бить по елке, да дрозд сразу увидел, что это ему нипочем.

Ну, осерчала лиса на умную ворону, хочет ее хитростью извести.

Взобралась на пригорок и притворилась подохшей.

Прилетела ворона и — прыг! — лисе на голову. Ну, хитруся лиса сразу же сцапала ворону.

Давай тут ворона просить, чтобы делала с ней лиса, что захочет, да только бы не сделала того, что проделали с дедом вороны, которого засунули в ступицу и пустили колесо под гору.

А тут уж лисе захотелось сделать с вороной то же самое; взяла она колесо, всунула ворону в ступицу и пустила вниз с горы.

А ворона с одной стороны ступицы влезла, а с другой вон вылетела. Так и спаслась от лисы.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ВОРОНА, ЖАВОРОНОК И СОБАКА

Летает жаворонок над крышею риги и поет-заливается.

Ворона спрашивает:

«Жавороночек, а жавороночек, что за веселье на тебя нашло?»

«Как не веселиться: детушки в гнезде!»

«Ах, жаворонушка, покажи и мне своих детушек».

Показал.

А ворона снова:

«Ах, жавороночек, жаворонушка, я возьму твоих деток в ученье!»

«Бери, бери — ученье дело хорошее!»

Схватила ворона детишек у жаворонка, потащила домой обучать; да не успела и за ученье взяться: проглотила всех.

Грустно стал петь жавороночек, по деткам горюет.

Прибежала собачка Погис с опущенными ушками, спрашивает у жавороночка:

«Что грустно поешь? Вчера, позавчера пел по-другому!»

«Как же не петь грустно-жалобно? Ворона вчера детушек съела».

«Ах, жаворонушка, ну, тогда пойду я лягу у стога соломы, а как придет туда ворона, чтобы глаза мне выклевать, так ты нарочно пой весело, пусть думает, что у тебя еще где-то имеются детишки».

Легла собака, запел жавороночек — ворона тут как тут:

«Что поешь, жавороночек, опять так весело?»

«Как не петь весело: подох Погис с опущенными ушками».

«Где же он теперь? Пойду выклюю ему глаза».

«Вишь, где он вытянулся — у стога соломы!»

Села ворона Погису на спину и первым делом сразу:

«Каррр, каррр! где другие вороны?»

А Погис, собачка, — этакий ловкач! — цап ворону — и не поздоровался.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЛИСЬИ ДЕТИ

Лисьи дети, расставаясь с матерью, горевали:

«Бог знает, когда и как встретимся мы еще в широком свете?»

«Не говорите ничего, — отвечает им мать, — уж как-нибудь встретимся! Если не иначе, так у портного, который шьет шубы, тут уж встретимся наверняка».

(Из сборника П. Шмита, т. I)

КТО ПУГЛИВЕЕ ЗАЙЦА

Жаловался заяц богу, что рожден он таким пугливым.

Бог сказал:

«Зато у тебя длинные уши, чтобы тонко слышать приближение нападающего, и легкие ноги, чтобы удрать».

Но заяц этим не утешился и пошел к ручью топиться.

Увидала лягушка, что заяц прет прямо на нее, испугалась и — бразь! — в ручей.

Тут заяц увидел, что есть еще тварь, которая и его боится, начал он хохотать во все горло, от того у него и губа верхняя лопнула.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

СОБАКА ПОРТНЫМ У ВОЛКА

Спрашивает раз волк у кота, не знает ли тот какого-нибудь портного, который хорошо умеет шубы шить? «Хочу к зиме шубу сшить».

Повел кот волка к собаке и говорит:

«Вот отличный меховой портной».

Спрашивает волк собаку:

«Сколько шкур пойдет на шубу?»

Собака скорехонько отвечает:

«Девять на шубу, десять на воротник».

Ладно! Принес волк девять ягнят на шубу, десять на воротник; собака ягнят съела, а шубу шить и не подумала.

Через полгода приходит волк и требует свою шубу. Услышала это собака, перепугалась страшно и чешет за ухом; да волк озлился, сгреб собаку и сожрал.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЗВЕРИ ПРЯЧУТСЯ ОТ КОТА

Один охотник вместо собаки имел кота, с которым и ходил каждый день на охоту. Много раз приходил он домой без всякой добычи, но однажды ему повезло — убил большого оленя.

Обрадовался охотник и тут же пошел за конем, чтобы отвезти убитого оленя домой. А кот остался сторожить, лижет кровь и никуда не отходит.

Кот сторожит, а мимо того места, где олень лежал, четыре зверя идут. Впереди идет медведь, за ним волк, потом лиса, а позади заяц.

Медведь первый увидел лежащего на земле большого оленя и маленького кота, что кровь лижет. Вот он и думает про себя:

«Такой малыш этакого великана загрыз! Видать он очень силен!»

Показавши и своим товарищам этакое чудо, говорит медведь:

«Вот бы нам залучить себе в товарищи этакого зверя!»

У мудрой лисицы враз же хороший совет под рукой. Она говорит:

«Это легко и быстро можно сделать. Я пойду за гусем. Ты, медведь, иди за медом! Ты, волк, иди к соседу за котлом! А ты, зайчишка, оставайся здесь да разведи хороший огонь!»

Сделали все, как посоветовала умница, и каждый пошел на назначенную ему работу. Заяц выбрал для костра такое место, откуда ветер всего лучше мог бы нести запахи на кота.

Скоро и те трое, каждый со своей ношей, были тут. Волк ловко поставил котел на огонь. медведь нацедил в котел из улья меду, а лиса бросила в котел, в мед, свою добычу, несколько раз ее облизавши.

Когда все было готово, каждый начал искать себе место, где бы спрятаться, чтобы хорошенько разглядеть, что станет делать кот. Медведь

взлез на сосну, лиса с зайцем спрятались в кустах, а волк взлез в кучу хвороста, тут же у костра, только хвост снаружи остался.

Чуть только дошел до кота запах жаркого, он враз же и пошел в ту сторону, откуда запахло, да с полдороги все-таки вернулся назад к оленю. Тут снова долетел до него запах, да такой сильный и вкусный, что кот никак уж вытерпеть не может.

Ну, бросил кот оленя и идет по запаху на жаркое, а как пришел, так и взялся есть.

Волк, как увидел это, от радости не знает, что и делать. Лупит хвостом по земле, шуршит.

Кот подумал, что это мышь царапается под хворостом, и как завидел конец волчьего хвоста — цап его всеми когтями. Испугался волк до смерти, как вскочит он как молния, как кинется через голову, через шею, что было мочи прочь.

А кот испугался не меньше. Он стрелой на сосну, только кора затрещала, и — прямо на медведя. Испугался медведь смертным страхом. Как прыгнул с сосны, шею сломил и лежит.

А лиса с зайцем, увидевши это, смехом смеются. У зайца от смеха даже верхняя губа надвое лопнула.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ВОЙНА ЗВЕРЕЙ ИЗ-ЗА СОБАКИ

Один хозяин выгнал из дома старую, больную собаку, которая верно прослужила ему всю свою жизнь. Собака пошла. Прошла немного, видит: идет голодный волк.

Стал волк поперек дороги, собирается собаку съесть. Видит старая, слабая, тощая собака, что нечего и думать с волком тягаться, пустилась на хитрость и говорит:

«Кто знает, придусь ли я еще тебе по вкусу? Сам же видишь, какая я дохлая, худая. Куда умнее было бы, если б покормить меня некоторое время; тогда смог бы ты всех детей своих позвать и для каждого вышел бы вкусный кусок».

Совет собаки волку очень понравился. Загнал он собаку в осиновое дупло и кормит каждый день мясом. Долго ли, коротко ли, показалось волку, что собака уже здорово разжирела. Вот созвал он своих детей, выпустил собаку из дупла и рассуждает:

«Ну вот, тут уж взаправду будет мягкий кусок!»

А собака на хороших кормах не только отъелась, но и в силе прибавилась. Только на свободе очутилась, а уж кричит:

«Коли не съел меня слабую, так теперь уж и подавно не съесть меня, как отъелась да окрепла. Коли хочешь, так давай воевать!»

Видит волк, что попался — говорит собаке:

«Послушай-ка, сговоримся так: будем воевать завтра, с самого утра, у этой самой осины, ты приходи со своими помощниками, я со своими, и кто останется победителем, тот пусть другого съест».

Собака согласна — оба разошлись.

Утром раным-рано пришел волк со своими помощниками к осине и стал готовиться к битве: медведь взлез на осину, лиса в кучу с хворостом, волк засел в кусты.

Медведь с дерева наблюдает, вдруг видит: неприятель идет.

Волк спрашивает: «Скажи, какие помощники у собаки?»

Глядел, глядел медведь, наконец говорит:

«Три помощника у собаки: впереди идет барин в сером уборе, на плече несет кривую саблю (кот). За ним идет большущая, большущая баба, на плечах огромные вилы (коза). Самый последний — бравый малый, кажется, лютый разбойник: вся куртка кровью обрызгана, а за поясом большой топор (петух)».

Медведь, волк и лиса крепко испугались таких собачьих помощников, с места не двинутся, не шевелятся . . .

Подошли к осине — никакого неприятеля не видать. Хоть и командовала собака своими помощниками, да у тех на уме только одно — где бы еды раздобыть.

Вот идет кот к куче хвороста поглядеть: нет ли где мыши? Тут нечаянно приметил он кончик лисиного хвоста, показалось ему, что это мышь — как кинется на него! Лиса в испуге думает: собака с помощниками на нее напирает, запряталась в хворост еще глубже.

А тем временем подходит коза к осине, поднимает вверх голову, собирается кору грызть. Медведю же втемяшилось в голову, что неприятель теперь на осину собирается, доберется здесь до его шкуры, лучше прыгнуть вниз, прямо к лисе, на кучу с хворостом.

Кинулся медведь на хворост, сам на-смерть убился и лису задавил.

Видит волк, что помощникам конец, не вытерпел да в лес наутек. А собака со своими помощниками пошла домой, потешаясь.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ СТРОЯТ ДОМ

Раз козел, баран, гусак, петух и кот пошли вместе гулять, да в лесу захватила их ночь. Ну, надумали они поставить хижину. Козел взялся своими рогами наломать бревен да жердей, баран своими рогами ветви пообчищать, кот своими когтями моху наскрести, чтобы щели позатыкать, петух на берегу реки наломать тростнику для крыши, а гусак крышу покрыть.

Раз, два — хижина и готова.

После ужина все легли спать: баран у печи, кот на печи, гусак посреди пола, козел под столом, а петух на насéсте. Дружные товарищи скоро захрапели в своей хижине.

Около полночи вела волчиха двух своих волчат обучать своему ремеслу и нечаянно набрела на новую хижину.

«Вот диво! — воскликнула она. — Утром шли по этому же месту и ничего не видели. Будто из земли выколдована».

«Мамочка, зайдем поглядеть, кто живет в этой хижине!» пристают волчата.

«Нет, нет, детки! Куда угодно, только не сюда, коли не хотите попасть в беду!»

Волчиха-мать, сказавши это, поспешила вдоль реки подальше от хижины, добралась до пригорка, легла на левое ухо и заснула.

А один из волчат тем временем кинулся назад к хижине и вошел в нее.

Козел, как мужчина приветливый, сразу обнял вошедшего волчонка так ласково, что все окна задрожали. Другие товарищи тоже попросыпались и враз же поспешили принять гостя: баран лбом гладил бок, гусак шубу выколачивал, кот от радости только фыркал и поглаживал морду когтями, а петух, ничего не видя ночью, орал:

«Где, где, кур-р-р? Дайте мне тоже!» [4]

Утром волчиха спрашивает сынка-волчонка, почему волосы растрепаны, откуда взялись этакие синяки.

«Да я, мамочка, пока ты спала, пошел поглядеть, нельзя ли чего хорошего добыть в хижине. Да только я дверь открыл, как кто-то враз меня железными вилами к стене припер, другой бил колом по ребрам, третий клевал в шиворот и сек двумя плетьми, четвертый клевал в глаза и бил по морде, а пятый кричал: «Кур, кур, где, где? Дайте мне тоже!» Счастье, что от пятого отделался!»

«Ну ничего, сынок, только зачем же ходил? Не говорила я разве, не ходи!»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЛИСА И ВОЛК

1. Хозяин вез домой воз рыбы с пруда и увидел лежащую поперек дороги лису. Он подумал: «Лиса подохла!» вскинул ее на воз и радовался: «Будет у жены лисий кожушок!» Но

пока он, шагая впереди лошади, радовался, лиса поскидала всю рыбу с воза, а потом спрыгнула сама и ест.

2. Ела, ела, — подошел волк:

«Дала бы и мне рыбку-другую».

«Иди удь сам!»

«Нет уды, кума».

«Уды нет, уды нет! Сунь хвост в прорубь и подержи до утра, тогда наудишь мешками».

Ладно; волк так и сделал. А ночью отчаянно морозило, и волчий хвост так вмерз в прорубь, что не пошевелишь. Утром прибежала лиса на берег пруда и криком-кричит:

«Сэ, сэ, сэ! [5] псы деревенские; у волка хвост примерз».

Сбежались собаки и угостили волка здорово: только пух летел. Насилу волк вытащил хвост, удрал полуживой и поклялся отомстить лисе.

3. Пока собаки с волком дрались, лиса прокралась в сени и замесила хозяйке тесто в квашне; только рыло побелело.

Скоро волк встретил лису:

«Послушай, кума, ты меня надула; ну, я тебе отплачу».

«Что ты, братец, какой вздор! Собак я звала для того, чтобы тебя из ледяных когтей спасти; а вот, полюбуйся, каково мне за доброе сердце попало: весь мозг из головы вышибли. У тебя только кое-где кровь да ссадины можно заметить, а я что буду делать: ходить больше вовсе не могу, а надо бы на охоту: под сердцем сосет, душа чуть держится».

4. «Ах, кумушка, в таком случае тебе совсем не повезло: я и теперь еще замечаю у тебя на

лбу кусочки мозга. Мне жалко тебя! Садись покрепче мне на спину, понесу тебя в овчарню, где и куры живут, накормлю тебя вдоволь, ибо следует».

Лиса села волку на спину и поехала верхом, а по дороге покрикивала:

«Битый небитого несет, битый небитого несет!»

Волк спрашивает:

«Что ты говоришь, кумушка?»

«Я говорю: если бы ты меня послушался, то побоев не получил бы».

«Я послушаюсь, послушаюсь; скажи, что только захочешь».

5. Ладно; подъехали к овчарне, лиса учит:

«Полезай в овчарню, выбрось петуха в окошко, да чтобы он не успел запеть, а то тебя изловят и до ягнят ты не доберешься».

Волк схватил петуха, выбросил в окошечко, но петух отчаянно кричал и разбудил хозяина.

Пока хозяин с батраками прибежал в хлев, лиса с петухом уже далеко, а волку пришлось плохо: батраки одну ногу совсем отшибли; счастье еще, что жив остался. А лиса, съевши петуха, идет навстречу волку и плюется:

«Чтоб тебя чорт! Вот обрушилась на меня буря; счастье еще, что петуха во-время отпустила и удрала. Как ты вывернулся?»

«Совсем плохо: одну ногу вовсе отшибли, а бок сильно болит».

6. «Знаешь что, не стоит нам больше охотиться; построим лучше здесь где-нибудь избушку с двумя комнатами и заживем тихо. Строй свою комнату изо льда, ты избит и

болен: сквозь лед не будет ветер продувать; я свою построю просто из луба, с меня будет».

Ладно. Да что же вышло? Весной у волка хваленая комната растаяла. Тут волк увидел, что лиса нарочно его обманывает, обозлился и сказал:

«Я тебе больше не верю, теперь тебя съем».

7. «Ах, — заплакала лиса, — прошу только, хоть зарой меня по-хорошему, в яму поглубже: моего отца тоже так похоронили. Я знаю там, на опушке леса, такую яму; обожди немного, пойду поглядеть, не заросла ли. Если нет, то тебя покличу; разбегись тогда и столкни меня в яму, как уж это принято делать с умирающими».

Лиса дошла до ямы, стала на другой стороне и кличет:

«Не заросла, разбегись только!»

Волк разлетелся как ветер, чтобы столкнуть лису в яму; а как подбежал да прыгнул через яму — яма была широка, — так упал на дно и сам убился. Ну, лиса и зарыла волка смеясь.

(Из сборника А. Швабе)

ЛИСА СЪЕЛА МЕД У МЕДВЕДЯ

1. Медведь Андревс, волк Юрис и лиса Анна пошли раз гулять по свету. Проходя мимо пасеки, медведь захватил улей с медом. У волка было с собой полбарана, а у лисы не было ничего. На ужин волк съел полбарана, медведь опоражнивал, опоражнивал свой улей, да не мог одолеть, но лисе не дал даже и понюхать. Лисе крепко хотелось есть, но она не показывала и вида.

Пошли все отдыхать. Лиса первая притворилась крепко уснувшей; но как только заметила, что волк и медведь уснули, легонько поднялась и, добравшись до медвежьего улья, набила полный живот. Ест и думает, как ей теперь вывернуться, завтра медведь ее накроет.

2. Ела, сколько елось; а что осталось, тем намазала волку морду и зад и совсем спокойненько улеглась на ухо на своем прежнем месте.

На другое утро медведь, поднявшись первым, оглядел свой улей. Пуст. Сейчас к лисе:

«Послушай, Аня сестрица! Что ж ты мед мой съела!»

«Да нет, братец Андрейс, невпопад вовсе! Я заболела и уже со вчерашнего утра и до сих пор есть не хочется; но брат Юрис, кажется, добрался. Вишь, как он еще спокойно спит! И глянь-ка, глянь! Как ел, вся морда в меде. Вот обжора! До того нажрался, что через зад начинает выходить!»

Медведь, увидя это, тоже подумал, что так и есть, и за такое озорство здорово отлупил волка.

3. Лиса, увидевши это, подумала, что самой теперь попадет за обман, когда волк вырвется из когтей медведя. Пустилась лисичка наутек. Бросилась к ближайшей избе, забежала в хозяйский покой и вываляласьв квашне с тестом. Выбежавши вон, обсушилась на солнышке.

Тут отыскал ее волк и собрался на нее накинуться, — нельзя, мол, так это оставить, из-за нее, мол, этакую нахлобучку получил. У лисы язык изворотливый:

«Да что ты, братец Юрис, сердишься; вишь, я крепко больна, вся гнойными чирьями покрыта, какая тебе с меня прибыль, нешто у тебя от этого живот полон станет?»

У волка первая злость и боль прошли, и он вправду поверил, что лиса так изъязвлена, как говорит; оставил лису нетронутой.

Так хитростью своей лиса сумела остаться с целой шкурой. Но с тех пор никогда больше все трое вместе не ходят одной дорогой.

(Из сборника А. Швабе)

ЗВЕРИ В ЯМЕ

1. Раз в старые времена пошел кот исповедываться и дорогою повстречал зайца. Заяц спрашивает: «Куда ты, братец, идешь?»

«Иду исповедываться!»

«Возьми и меня с собой!»

Кот не хотел, не хотел взять, но подумал и взял зайца с собой.

Ну, идут оба, идут и рассказывают друг другу про свою судьбу. Кот говорит — у него столько грехов, что не может даже мышей ловить.

Заяц отвечает: «У меня, кажется, также много грехов, ибо я всех боюсь».

2. И пока они так, шагая, гуторят, встречают неожиданно лису.

«Куда идете?»

Те отвечают: «Идем исповедываться».

«Возьмите и меня с собой».

Кот и заяц спрашивают: «Каких грехов ты натворила?»

Лиса отвечает: «Украла из гумна у хозяйки две пары цыплят, а у рыбака воз рыбы».

«Воз рыбы! Как же ты могла целый воз рыбы украсть?»

Лиса отвечает: «А вот и смогла! Я стояла в кустах, рыбак ехал мимо, а ветер рыбным запахом мне прямо в нос; просто слюна потекла. Ну, я сделала круг, забежала вперед, легла на дорогу и притворилась издохшей. Подъехал рыбак с рыбой, я лежу. Он очень обрадовался, что будет на водку, взял меня и положил на воз. Я тогда не будь дурой: пока тот, сидя впереди, едет, я за его спиной выбрасываю по рыбе, пока воз опустел. А как пуст, спрыгнула с воза, собрала рыбу в кусты и поела вкусненько».

3. А пока они так шли беседуя, встретили еще волка. Волк спрашивает: «Куда вы идете?»

Те отвечают:

«Исповедываться!»

«Возьмите и меня с собой!»

Те спрашивают: «Что же, ты согрешил?»

Волк отвечает: «Раз довелось мне встретиться с одной лисой. Та мне наговорила, что у одного хозяина привязан на лугу жирный жеребец; помоги, говорит, затащить жеребца в кусты и съесть. Ладно, идем. Приходим туда, лиса берет веревку, отвязывает ее от колышка и говорит мне: «Я обвяжу этой веревкой тебе живот; тогда ты жеребца поведешь, а я буду подгонять». Так мы и сделали: она перевязала мне веревкою живот и спугнула жеребца — пусть бежит домой. Да только как кинется жеребец со всех сил домой, тут я, бедняга, и покатился кубарем да кувырком за ним; и когда, этак

мучаясь, был я уже у ворот, слышу — лиса сзади кричит: «Упрись же в воротный столб, упрись в воротный столб!» Ну, да разве все это поможет: все равно втянули меня на двор и без жалости избили. Наконец, когда вырвался на волю, мне и пришло вдруг в голову: за что же в самом-то деле меня избивали? Не иначе, как грешен я; так грешен, что и поесть мне больше не дают».

И вот так они все четверо, разговаривая, калякая, шли да шли все дальше, пока не вошли в лес. Вошедши в лес, увидели глубокую угольную яму, в которой уголь обжигали. А через яму перекинута жердь.

Тогда кот и говорит остальным: «Вот тут и есть то место, где каяться в грехах: кто перейдет по этой жерди, тот не будет грешен, а кто не перейдет, тот будет грешен».

Ладно, начали переходить: кот сам первый. Идет, идет — переходит хорошо. За ним прыгает заяц; как прыгнул первый прыжок — на дно, еле цел остался. Лиса, чего ей ждать — прыгает тоже; а как прыгнет — тоже на дно. Волк думает: «Пусть падают, пусть, кто очень грешен, я не так грешен, уж я перейду». И вот начал переходить. Идет, идет — как скользнет нога — на самое дно. Ну значит, все эти трое грешны, кот один без грехов. Кот, известно, уходит смеясь, те остаются в яме.

Проходит день, другой, третий; захотелось зверям есть. А у лисы хороший совет; она говорит другим товарищам: «Нужно затянуть песню, у кого выйдет тоньше, того придется съесть сообща».

Ладно, затянули песню. Тянут, тянут; у зайца все тоньше да тоньше—того сейчас же и съели.

Пожили еще каких-нибудь пару дней, опять хочется есть. Лиса говорит волку: «Нужно затянуть песню, — у кого из нас выйдет грубее, того придется съесть».

Ладно, затянули песню. Тянут, тянут; у волка все выходит грубее, а лиса сейчас же волка за горло — и задушила. Ну пока лиса ела волка, она себя считала чуть не королевой в замке; а когда волк был съеден, вспомнила: дело-то совсем дрянь, как же теперь вон выбраться?

И что же она сделала? Она начала кричать и звать изо всех сил на помощь. И случилось так, что козел услыхал большой шум. Идет поглядеть — глядь: лиса в яме. Он спрашивает: «Что ты кричишь?» Лиса отвечает: «Я кричу так себе, от радости. Если бы ты знал, как здесь радостно: враз бы прыгнул сюда».

Козел думает: «Все может быть!» и бросился в яму. Спрыгнул: вот тебе радость! Лиса высмеивает его: «Ты! такой бородатый! и такой дурень. Я сюда случаем в темноте попала; а ты, умный старикан с седой бородой, прыгаешь сюда средь бела дня. А все-таки, если ты меня послушаешься, мы оба выберемся: стань на задние ноги к стене ямы; я тогда взлезу на твои рога, выпрыгну, принесу веревку и вытащу тебя».

Ладно. Козел согласен, и лиса раз, два — вон из ямы. Ну, теперь бы итти за веревками; да что она делает: смеясь, обманщица уходит, покинувши козла в яме, — пусть подыхает. И подох, горемыка.

(Из сборника А. Швабе)

ЛИСА ОБМАНЫВАЕТ ПТИЦ

Хочет лиса поймать соловья и говорит: «Ах, как славно поешь ты, сердце млеет. Иди обниму и расцелую тебя за такой славный голос».

Бедняга, не ведая лисиной хитрости, идет: а лиса, сцапавши соловья в свои когти, похваляется: «Ну, лакомый у меня кусок. Ела я всякое мясо, но твое мясо буду есть первый раз в жизни».

Видит соловей перед глазами смерть, а потому спохватился быстро и сказывает: «Буду ли такой вкусный, не знаю; скажу только то, что пережил и своими собственными глазами видел. Вишь, кума, в прошлом году волк, твой крестник, изловил моего племянника, и что он нашел: мясо такое постное и невкусное, что некуда девать. Что уж говорить, мы с этим вечным пением так спеваемся, что только кожа да кости. А коли хочешь всамделе лакомый кусок получить, покорми меня до утра в ко-

лесной ступице, ведь деготь наша любимая пища с давних пор».

Лиса поддается на уговоры и делает, как учат.

А пока лиса в одном конце ступицы поджидает, соловей — фурр! — в другом конце и напевает обманутой лисе так насмешливо, что та от злости бегает туда-сюда. Да лови цыгана в кустах! Фурр — и соловей уже на ели.

(Из сборника А. Швабе)

ЛИСА-НИЩЕНКА

Жила-была умная лиса; она одела одежду человека и пошла собирать милостыню. Вот вечером пришла она на хутор и попросилась ночевать, ей дозволили. А хозяева варили сухой горох, дали и лисе. Однако лиса не стала есть горох, как все другие люди: взяла только одну горошину, не больше.

На другое утро приходит лиса со своей горошиной на другой хутор и спрашивает у хозяина:

«Куда мне положить свой горох?»

Хозяин отвечает:

«Клади на окно!»

Лиса кладет горошину на окно и садится на лавку. А петух стоял тут же, взял горох и съел.

Ну, идет лиса в суд, подает на хозяина жалобу. приходится хозяину отдать нищенке петуха.

Взявши петуха, приходит на третий хутор и спрашивает у хозяина:

«Куда мне своего петуха посадить?

Хозяин отвечает:

«Посади в мою овчарню!»

Только впустила нищенка своего петуха в овчарню, враз забодал его баран.

Ну, идет лиса в суд, подает на хозяина жалобу, приходится хозяину отдать нищенке барана.

Взявши барана, приходит лиса на четвертый хутор и спрашивает у хозяина:

«Куда мне поставить своего барана?»

Хозяин отвечает:

«Пусти в мой коровник!»

Пустили барана в коровник, большой бык забодал барана.

Ну, лиса идет в суд, подает жалобу на хозяина. приходится хозяину отдать нищенке быка.

Взявши быка, приходит на следующий хутор и спрашивает хозяина:

«Куда мне поставить своего быка?»

«Поставь в мою конюшню!»

Не успел бык еще в конюшню войти, как хозяйский рысак из конюшни вон и так лягнул быка, что быку сразу конец.

Ну, лиса идет в суд, подает жалобу на хозяина, и приходится хозяину отдать нищенке рысака.

Взявши коня, уходит прямо в ближний лес. А в лесу лиса говорит так:

«Прямые деревья, косые деревья, сделайтесь санями!»

Три раза так сказала — упали с неба новые красивые сани. Ну, лиса запрягла коня в новые сани и поехала по лесу все дальше и дальше.

Ехала, ехала, встречает зайца. Заяц спрашивает:

«Кумушка, куда ты едешь?»

«Еду кататься!»

«Возьми меня с собой!»

«Взяла бы, да ты поломаешь мне сани. А коли так уж крепко захотелось ехать, так положи на сани только передние ноги».

Заяц кладет передние ноги, и вот едут оба. Проехавши кусок, говорит лиса зайцу:

«Что ты больно много дерешь свои сапожишки, положи все четыре ноги в сани!»

Заяц кладет, и едут дальше.

Едут, едут еще кусок, навстречу волк. Просится волк, чтоб его подвезли. Лиса отвечает:

«Ты больно велик да грузен, сломаешь мои сани; однако две ноги можешь, пожалуй, положить в сани».

Волк кладет обе передние ноги в сани, и едут снова. А после волк положил в сани и другие две ноги.

Ехали, ехали дальше, встречают большущего бурого медведя. Тот просится:

«Милая кумушка! коли б ты ведала, как я устал; не подвезешь ли меня немного?»

Лиса отвечает:

«Если положишь только две ноги в сани, тогда согласна!»

Медведь говорит:

«Коли только две ноги, тогда не стоит, вот к тебе и так подсяду!»

«Ну, — говорит, наконец, лиса, — иди уж и садись!»

Да что вышло? Только медведь влез в сани, сани на месте развалились.

Нечего делать, пришлось зайцу итти в лес

искать дерево, чтоб сделать новые сани. Заяц пошел, да принес этакий тоненький прутик, что лисе нечего было и переломить.

Ну, пришел черед волку итти. Волк вынес березу хоть и потолще, да лиса оглядела: и это, мол, не дерево! и переломила.

Тогда пошел медведь и приволок толстый дуб; да и тот лиса расщепила.

Тут медведь говорит: «Ну, кумушка, теперь твоя очередь!»

Лиса отвечает:

«Да, да, все это хорошо; да пока я по лесу ходить буду, вы моего коня съедите. Ну, ты, заяц, коли они моего коня тронут, ты кричи, уж я услышу».

Только лиса в лес вошла, волк говорит зайцу:

«Ну, попробуй ты только крикнуть! Мы тогда раньше тебя съедим, а потом уж лошадь!»

Заяц не отозвался ни полусловом, и все трое съели коня начисто; только кости да шкура остались. Кости они засунули в шкуру, поставили коня стоймя как живого, а сами удрали.

Лиса, войдя в лес, сказала те самые слова, что в первый раз:

«Прямые деревья, косые деревья, станьте санями!»

Три раза так сказала — упали сверху новые-новые сани. Взяла лиса сани и вытаскивает из леса. Тащит — удивляется: куда медведь, волк и заяц подевались? Еще раз огляделась, ничего не замечает. Ну, идет к своему коню, хлопает три раза по боку. Ах ты диво: конь валится. Пригляделась получше, глядь: коню конец. Нечего больше раздумывать, погналась

за беглецами, догоняет их около узкой реки и говорит:

«Ах, мошенники! Вы коня моего съели».

А те упираются, что ни тот, ни другой не виноваты.

Тогда лиса пускается на хитрость. Она говорит:

«Кто через эту речку перепрыгнет на другой берег, тот не виноват».

Зайцу пришлось прыгнуть самому первому, так лиса захотела.

Заяц отвечает:

«Я парень молодой и легкий, прыгать умею хорошо, я легко буду на той стороне».

И разбежавшись получше, как прыгнет да — бразь! — упал в реку и утонул. То же случилось с волком и медведем: те также утонули.

Пришла очередь лисе прыгать. Она думает: «Я ведь хорошая прыгунья, а коли и упаду, так тоже не велика беда: ведь я и пловец хороший».

Сказавши это, лиса — прыг! Да как там было, не было — только свалилась в реку так же, как заяц, волк и медведь, и утонула.

(Из сборника А. Швабе)

КОТ — МУЖ ЛИСЫ

Раз встретила лиса старого кота на капустных грядах в хозяйском огороде. Лиса спрашивает, что он здесь делает. Кот отвечает, что он постарел и за старость хозяин не дает ему больше хлеба.

Лиса говорит, чтобы он шел с ней в нору. Кот пошел и жил в лисьей норе.

Раз волк, гуляя, шел мимо лисьей двери и искал лису. Лиса, увидевши волка, уже издали кричит ему, чтобы ходил потише, иначе потревожит ее нового мужа.

Ну, волк хочет поглядеть, что это такое за новый муж. А лиса, великая хитрунья, отвечает, что не такое легкое это дело увидеть ее нового мужа.

Ну, волк сделался еще задумчивее и уходит. По дороге встречает он медведя и кабана и рассказывает им, что за диво случилось с лисой.

Всем троим крепко захотелось видеть нового мужа лисы, идут прямо к лисьей норе. Пришли к норе, просят все лису, пусть покажет им своего мужа.

А лиса, великая хитрунья, отвечает:

«Приготовьте хорошее угощенье, тогда он выйдет».

Идут волк с медведем к стаду. Волк — хороший мясник, а медведь — хороший носильщик, хватают лучшего быка, несут к двери лисьего жилья, где кабан уже приготовил место для почетного угощения.

Все наладивши, кличут желанных гостей на обед. Выходит лиса и говорит:

«Отойдите только подальше и спрячьтесь; боюсь я, чтобы мой муж, выйдя, не разорвал вас в клочья».

Лисьи гости снова послушались; кабан зарылся в мох, волк залез в ивовый куст, а медведь взлез на дерево. Ну, лиса зовет своего мужа обедать.

Муж и выходит — с длинной белой бородой, большой заворотень через спину — поближе к быку и начинает есть: «Мур-мур-мур!»

Волк, увидевши это, начинает уже шептать: «Ого, чорт, один слопает целого быка!»

Кабан, услышавши шопот волка, тоже хочет посмотреть и подымает изо мха свой хобот.

Кот, думая, что во мху мышь, хватает кабаний хобот. Кабану не сидится больше во мху, и он дает волю ногам.

Кот со страха не знает, куда броситься — прямо в ивовый куст, на волка. Волк, видя, что кабан удирает во всю прыть, пускается за ним изо всех сил.

Кот, перепугавшись еще больше, кинулся на дерево прямо к медведю. Медведь от ужаса прыгает с дерева и, здорово разбившись. улепетывает со всех ног за своими товарищами.

А лиса осталась у бычачьего жаркого одна.

(Из сборника А. Швабе)

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ — ОТПЛАТА НА СВЕТЕ

Раз один хозяин шел по лесу и видит: промеж камней затиснута змея. Змея жалобно просит хозяина, чтобы тот ее вызволил. Хозяин вызволил.

Только освободилась змея, а уже вместо благодарности изготовилась укусить хозяина в руку. Хозяин отдернул руку и спрашивает со злостью:

«Разве я тебя для того выручил, чтобы ты меня кусала в руку?»

«Как же тогда мне тебя отблагодарить. ведь

благодетеля укусить — это и есть отплата на сем свете».

Хозяин таким речам не верит; однако змея берется достать свидетеля, который скажет то же самое. Вот ведет змея недоверчивого хозяина к собаке и спрашивает у нее:

«Скажи, брехунья, какова отплата на сем свете?»

«Коли нужно мне показать отплату на этом свете, так расскажу вам про свою жизнь». И начала собака-болтунья рассказывать:

«Родилась я под клетью, как все щенята, и прыгала на теплом солнышке, как и другие мои братишки. Но не научилась еще и лаять, как соседний хозяин уже отнял меня от матери и отнес к своим детям как игрушку. Не скажу, что плохо мне было у ребят: могла лакать молока, сколько хотела. После я детям надоела, и хозяин приказал мне клеть сторожить, коров пасти, воров отпугивать. Два раза отогнала я целую ораву воров от его клетей, раз сына его из реки вытащила, десять лет коров пасла и пять раз волка от овец прогнала. В благодарность за это хозяин меня вчера выгнал в лес, ибо стара я и, говорят, уж не могу служить ему. Да я на это и не ропщу, ведь это и есть отплата на свете».

«Ну, что — слышал?» — воскликнула змея и снова изготовилась укусить хозяина в руку. Но тот отдернул руку и говорит:

«Хочу еще одного свидетеля слышать».

Ну, повела его змея к коню и спрашивает:

«Скажи-ка, серый, нам обоим, какова отплата на свете?»

«Коли нужно мне показать отплату на этом свете, так расскажу я вам про свою жизнь».

И стал серый конь рассказывать:

«Рос я у своей матери до третьего года, а на четвертый был уже таким красавцем, стройным и гладким конем, что люди по дороге останавливались, если я, запряженный в дрожки, рысью бежал. Так это шло до седьмого года. Тут как-то осенью, спасая своего хозяина от рук разбойников, я так набегался и упрел, что две ноги у меня одеревянели, я охромел. Хозяин отправил меня, хромушу, тогда в деревенский табун, где я еще десять лет служил со своими одеревяневшими ногами: возил возы, молотил жито, таскал бороны, пахал поля. Ну, а теперь, когда я под старость больше работать не могу, продали меня цыгану за гроши. Да я на это и не ропщу, такова ведь и есть отплата на свете».

«Ну, что — слышал?» — опять спрашивает змея и снова изготовилась укусить хозяина в руку.

Но тот отдернул руку и говорит:

«Хочу еще одного свидетеля слышать».

Тогда змея повела хозяина к лисе и рассказала, о чем идет спор; но лиса говорит, что надо итти на то место, где спор начался, чтобы рассудить по справедливости.

Ну, идут к тому месту. А по дороге хозяин потихонечку толкает лису в бок, чтобы судила в его пользу; а лиса чуть слышно шепчет: «А будет мне за это уточка, гусачок, курочка да индючок?»

«Будет, я ручаюсь — будет!»

Этак сговариваясь, дошли до того места, где застряла было змея.

«Вот это место; рассуди теперь, какова отплата на свете!» — просит змея лису.

А лиса, хитрюга, отвечает, что до той поры не сможет рассудить по правде, кто прав, кто виноват, пока змея не покажет, как именно она была затиснута.

Пролезает змея между камнями и снова застревает. Лиса, увидевши это, наступает на камень, придавливает змее голову и говорит:

«Такова отплата на свете!»

Ну, ведет теперь хозяин лису в усадьбу, чтобы уплатить за справедливый суд. Лиса, облизываясь, остается на дворе, а хозяин идет к хозяйке за утками да гусями.

А хозяйка, как узнала про все, рассердилась и кричит на хозяина:

«Да разве твои это утки, куры, гуси да индюки! Попробуй только тронуть их, так увидишь. Весул, Пиктоула,[6] кусайте! А-ту! гоните эту хитрую лису со двора в лес».

Лиса, бедняжка, удирала, удирала, да все таки подрали ей данные отцом штанишки.

«Такова отплата на свете».

(Из сборника А. Швабе)

ПОЛЕВАЯ МЫШЬ В ГОСТЯХ У ДОМАШНЕЙ МЫШИ

Как-то в теплый день домашняя мышь вылезла из подполья и побежала в поле, что у бора, к своей родственнице, полевой мыши.

«Ну, добрый день! Узнаешь ли еще свою родственницу?»

«Добрый день, добрый день! Как же сестру не узнать! Ах, какая радость, что ко мне пришла! А дорогу-то хорошо помнила, не заблудилась ли?»

«Где ж тут заблудиться? А скажи мне, сестрица, что это за растрепанная куча стоит?»

«Это же рожь, пустившая ростки, моя единственная пища, мой единственный хлеб!» — отвечает полевая мышь жалостно.

«Ах, господи, какой хлеб! — гордо удивляется домашняя мышь. — Я при этаком хлебе умерла бы с голода. У меня, сестрица, совсем другая еда: утром — мясо, в обед — сало, на ужин — сметана. И все это я нахожу, только выйдя из норы на кухне. Моя жизнь по сравнению с твоей просто золотая. Пойдем со мною в мой дом и будем жить вместе».

«Хорошо, пойду!»

Ночью обе сестры-родственницы вылезают из подполья и спрашивают у сверчка:

«Сверчок, сверчок! дома ли кот зубастый?»

«Нету дома, уехал с мышиными шкурками в Риту!» — отвечает сверчок.

«Ну, тогда пора! — радуется домашняя мышь. — Ты, сестрица, оставайся здесь у дыры, я буду носить тебе, а ты понесешь в нору».

Да только-что домашняя мышь отбежала шага два, как кот на нее — трах! Счастье еще, что на этот раз удалось в нору заскочить, а то был бы конец золотой жизни.

«Ну, ничего, — успокаивает домашняя мышь родственницу, — коли здесь не удалось, так не

удалось: пойдем через дыру в фундаменте есть сало в клети».

Приходят в клеть, а тут новая беда: хозяин открывает дверь, а его барсучий пес, как угорелый, накидывается на родственниц.

Увидевши это, полевая мышь сейчас же собралась домой и говорит:

«Лучше мне проросшая рожь в безопасности, чем твои лакомства в вечном страхе. Я свои зерна сама собираю, а ты хочешь питаться только добром другого. Прощай!»

(Из сборника А. Швабе)

СТАРАЯ СОБАКА СПАСАЕТ РЕБЕНКА

У одного хозяина была старая собака, которой давали на еду только сухие корки. Раз встретила собака волка и стала жаловаться на свою судьбу.

Волк говорит: «Послушай, дам я тебе хороший совет; да гляди, когда ты заживешь хорошо, то не забудь про меня! Видишь, завтра хозяйка со своей единственной дочкой понесет косарям обед; я отниму у нее дочку, а ты гонись за мной и дери меня, чтоб только пух летел».

Сказано, сделано. На другой день хозяйка, действительно, понесла косарям обед, а с ней побежала и дочка. Поставивши еду на опушке леса, пошла хозяйка звать косарей обедать. Тут волк схватил девочку и понес в лес. Увидевши это, собака бросилась за волком и до тех пор трепала его, пока он не выпустил из зу-

бов девочку. Подбежала хозяйка с косцами и не знала, что делать от радости с собакой.

Недолгое время спустя в той же усадьбе справляли свадьбу, на которую собака пригласила и волка. В свадебную ночь собака встретила своего гостя, стоя у забора. Когда волк пришел, она пустила его в ригу и велела залезть в печь. Туда собака принесла мяса, хлеба и водки, чтобы волк ел, пил да веселился. Но обжора скоро напился и начал орать: «Мне хочется петь, мне хочется петь!» И завыл так, что вся рига загудела: «Рамтад, рамтад, рамтад-та».

Заслышавши непривычную песню, свадебные гости сбежались в ригу с палками и волка так избили, что тот еле мог удрать чрез окно риги.

С тех пор собака пусть не попадается волку на глаза.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

БАРАН И ВОЛК

Раз волк и баран пришли к реке напиться: волк пил повыше, баран ниже по течению. Увидевши барана, волк подошел к нему и говорит:

«Ты что мне воду мутишь, напиться не даешь?»

«Как же я тебе воду замутил? — удивляется баран. — Ты пьешь вверху, а я внизу».

Волк заорал:

«Ты будешь еще разговаривать? Я тебя в наказанье съем».

Баран ему отвечает:

«Коли нет у тебя ко мне никакой жалости, так уж сам я тебе в этом хочу помочь. Ты становись внизу и жди меня тут, а я поднимусь на гору и с разбегу брошусь тебе в самую пасть».

Волк согласен. Он стал внизу, как сговорились, раскрыл пасть и ждет. А баран стрелой кинулся вниз и своими большими рогами так треснул волка в лоб, что тот без памяти повалился на землю.

Вот прошло некоторое время, очнулся волк, удивляется и говорит сам про себя:

«Никак не разберешь, куда делся баран! Попал ли он ко мне в живот или мимо промахнул?»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

КОЗУЛЯ И ВОЛК

Раз козуля спрятала детей в сарае и говорит: «Милые детки! не впускайте никого, пока я не позову вас такими словами:

Детки милые, впустите, —
полны роженьки сенца,
соски полны молочка!

Ладно. Только отошла козуля от сарая, как является волк и своим грубым голосом затягивает:

Детки милые, впустите, —
полны роженьки сенца,
соски полны молочка!

Да козулята догадались, что это не материн голос, и не пускают его. Через некоторое время

приходит мать, боданула рожками в дверь и говорит:

Детки милые, впустите, —
полны роженьки сенца,
соски полны молочка!

Те сразу узнают и впускают. Накормила козуля детей и опять уходит. Да на этот раз забыла сказать, чтоб чужих не впускали.

Только ушла козуля, волк тут как тут, начинает тоненьким голосом:

Детки милые, впустите, —
полны роженьки сенца,
соски полны молочка!

Козулята думают: «Мать уже вернулась!» — и впускают.

Волк проглотил козулят и ушел.

Приходит козуля, кричит, охает, горюет и в горе бежит к лисе жаловаться.

А лиса на горке огонь разводила, путру[7] варила.

Козуля у огня не греется, свареной путры не отведывает, мекает, вопит по своим детям.

Лиса говорит: «Не вопи, я тебе твоих детей достану, спрячься только здесь за кустом!»

Вот немного погодя приплелся к лисе волк и сел у огня зубы погреть.

Лиса говорит: «Гостенек, не хочешь ли отведать моей путры?»

«Да, да, с охотой!»

«Ну, тогда ложись на спину, чтобы я могла влить тебе путру в рот!»

Волк лег на спину. Зачерпнула лиса полный ковш кипящей путры, только пар валит, и влила волку в горло, приговаривая:

«Выбрось белого, выбрось черного, выбрось обоих козулят!»

Выбросил волк обоих козулят, завыл от боли как бешеный и убежал.

(Из сборника П. Шмита, т. 1)

СТАРОСТА И ЧОРТ

Шел староста из своего дома на барский двор и по дороге повстречал чорта. Идут вместе, разговаривают и видят — парнишка возле дороги свиней пасет. Большой боров забрался в картофельное поле, а как увидал парнишка старосту, кинулся за боровом и кричит: «Чтоб тебя чорт побрал, такого паскудного борова!»

Староста, услышавши это, толкнул чорта:

«Слышь, тебе борова сулят, а ты не берешь. Я бы сразу взял».

Чорт отвечает: «Пусть остается боров! Пастушок — сиротка; если возьму я борова, станет хозяин бить да колотить парнишку, а у него нет никого, кто бы за него заступился; да ведь и сказал-то это парнишка не от души».

Староста смолчал. Пошли дальше, слышат — ребеночек жалобно плачет. Мать жнет рожь — успокаивать некогда, вот в сердцах и вырвалось словечко: «Чтоб тебя чорт побрал! рожь осыпается, отец на барском поле работает, некому рожь жать, а ты не даешь мне спокойно жать!»

Староста, услышавши это, толкнул чорта: «Слышь, тебе ребенка сулят, а ты не берешь; я бы его сразу взял».

Чорт отвечает: «Только и есть у матери, что единственная дочь, а я еще и ее возьму; да ведь и сказала-то она эти слова не всерьез, не от души».

Староста смолчал. Пошли дальше. На барских полях работали крестьяне и, как только завидели старосту, стали плеваться и проклинать: «Опять староста приплелся — чтоб его чорт побрал, этого негодника-палача! Того и гляди — опять кого-нибудь палкой по спине съездит!»

Чорт, услыхавши это, спрашивает старосту: «Слышишь? Вот они говорят уж от всего сердца — слышал ли?»

«Да что они! — со злостью отвечает староста. — Это же собачий народ: не слушаются, не работают!»

«Пусть они такой-сякой народ, а говорят они правду, от всей души говорят, а потому ты уж теперь мой!»

Сказавши это, чорт схватил старосту, свернул ему шею набок, скрутил в бараний рог, сунул в свою кожаную торбу и, закрутивши большущий вихрь, побежал со старостой прямо в ад.

(Из сборничка «Наши народные сказания и сказки»)

БАРИН КОНЕМ

В старые крепостные времена жил в одном имении лютый, безжалостный барин. Он совсем не жалел своих крепостных, гонял и мучил их

до последних сил — все едино, праздник ли, или будний день.

Как-то утром в большой праздник, когда свободные люди спокойно отдыхали, лютый барин погнал своих крепостных рабов в ригу молотить.

Люди уже промолотили всю ночь и едва волочили ноги. Едва успели они взяться за работу, как прибежал сам барин с палкой в руках и, ругательски ругаясь, приказал, чтобы смолотили всю ригу.

Народ стал просить, чтобы барин позволил коня в молотарню запрячь, но барин заорал во все горло, что собственными руками всех лентяев перебьет, если немедленно не будет все сделано. Вдоволь накричавшись, барин выскочил из риги: кому же нравится глотать в риге пыль.

Да только выскочил барин, слышат молотильщики снаружи голос: «Тпру! тпру!» — и надевает кто-то на скотину сбрую.

И верно: входит в ригу дряхлый старичок с длинной белой бородой, глаза сверкают как молнии, а на поводу ведет статного гнедого жеребца. Повернулся к рабочим старичок и говорит:

«Вот вам конь! Запрягите его в молотильный чубан, пускайте потом на самые тяжелые работы: в лес поедете, дрова на воз не складывайте, а срубивши дерево, привяжите этого коня к верхушке, пусть тащит на барский двор целиком, со всеми ветвями. А не захочет тащить, плети не жалейте, бейте его по ребрам, пусть шерсть клочьями летит. Только не

бейте по голове! Есть ему ничего не давайте, а по вечерам подтягивайте его к потолку, пусть, день поработавши, повисит ночь, не евши, в воздухе».

Сказавши это, старичок исчез. Хоть и догадались работники, что это за конь, да подумавши, что старичок-то сам бог, а может и сам отец Перкон [8], делали, как было наказано. Ставили гнедого жеребца на самую тяжелую работу, били батогами и палками, если он ленился. Еды гнедому вовсе не давали; только и было, что зимой урвет где-нибудь тайком какую соломинку да летом пощиплет крапиву кое-где под забором.

А лютый барин с того дня совсем исчез, и весь народ радовался и отдыхал. Барыня поискала, поискала барина, но не смогла найти и тоже под конец примирилась, ибо не мало и ей доставалось от такого зверя.

Прошел целый год. Статный, сильный жеребец был уже совсем загнан, тощий, со впалыми глазами, запавшими ребрами и грудью, одеревянелый, искривленный как дряхлый старик. Барыня, увидевши у себя на дворе такого коня, приказала старосте отвести клячу в лес и там прикончить, ибо никуда уже она не годится. Но староста, видать, тоже догадался, что это за конь, а потому коня не трогал.

Минул как раз год. Утром в большой праздник, когда все люди и скотина спокойно отдыхали, изголодавшийся конь, почуявши волю, забрался в барский капустник. Барыня невзначай зашла на огород и видит, что озорной конь

хватает и глотает капусту, как обжора. Рассердилась барыня, схватила толстую палку и кричит:

«Ах ты, падаль паршивая, ты всю мою капусту поглотаешь!» — да трах негодного коня по самой голове.

Только задела она коня по голове, как перед нею — снова барин, говорит он слабым голосом:

«Милая женушка, что ж ты бьешь меня по худым моим костям из-за пары листиков капустных? Для меня они после целого года голодовки вкуснее самого вкусного блюда».

Тут барыня схватила его за руку. А он-то худой, черный, с большущей бородой и длинными ногтями; от одежды на нем только швы остались, а местами виднелось тело в ссадинах.

После хорошего отдыха и ухода барин живо поправился и стал теперь совсем другим человеком.

(Из сборника Ф. Бривземнека)

КАК БАТРАК ПРОУЧИЛ ХОЗЯИНА

Жил-был один хозяин-крестьянин, а у этого хозяина был работник-батрак. Хозяин и так и этак придумывал, чтоб побольше батрак наработал, да чтоб похуже да поменьше его накормить. Он сам работал с батраком и звал батрака поесть только тогда, когда самому уж было невтерпеж. Сам хозяин ел только хлебный мякиш, а работнику давал корки.

Батрак был не дурак. Вот и надумал он проучить хозяина.

Как-то, здорово поработавши, говорит хозяин батраку:

«Мне есть хочется!»

А батрак и отвечает:

«Вот диво, а мне совсем еще не хочется!»

«Как же это так?» — спрашивает хозяин.

«Я, — говорит батрак, — наелся славных корок; пока корки в животе не размякнут, до тех пор есть не хочется».

«Вот хорошо, что я узнал это, — думает хозяин: — теперь сам буду есть сухие корки, чтобы можно было подольше поработать, а паршивец батрак пусть ест мякиш».

Ну и верно: с того самого раза хозяин кормил батрака только мякишем, а корки ел сам.

Прошло еще некоторое время. Тут как-то хозяин, опять здорово поработавши, говорит батраку:

«Мне есть хочется!»

А батрак отвечает:

«Вот диво, а мне совсем еще не хочется!»

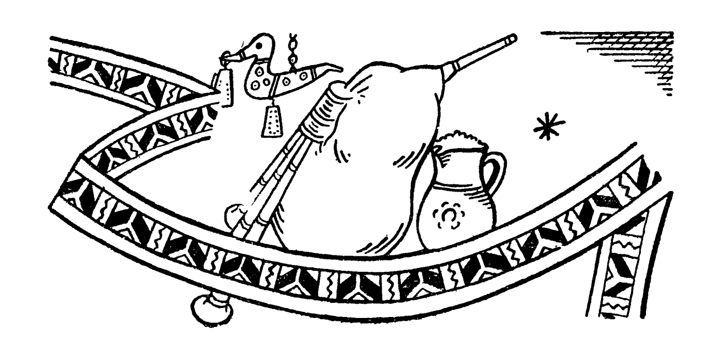
«Как же это так?» — спрашивает хозяин.

«Я, — говорит батрак — наелся славного мякиша; хлебный мякиш слипается в желудке как глина: пока она не рассосется, до тех пор человек совершенно сыт».

«Ну, теперь я, наконец, понимаю, — думает хозяин, — надо есть все вместе — и мякиш и корки, тогда будет лучше».

И с тех пор хозяин больше не старался подсовывать работнику кусок хлеба похуже.

(Из сборника Ф. Бривземнека)

БОРОВ СТРОИТ ДОМ

У одного хозяина был боров. Хозяин приглядывал за боровом очень мало и вовсе о нем не заботился. Видит боров, что приходится ему жить в холоде да голоде, бросил своего хозяина и пошел жить в большой густой лес. Там он построил себе дом и сам стал хозяином.

Вот раз встречает он в лесу большущего быка и спрашивает:

«Куда ты, чучело этакое, идешь?»

«Ищу своего хозяина» — отвечает бык.

«Ну, так ладно, нанимайся ко мне в батраки!»

Бык нанялся. Пошли оба дальше. Встречают барана, гусака и петуха. Все они тоже нанялись к борову в батраки и взялись помогать по хозяйству.

Была уже глубокая зима. Батраки работали на дворе, а боров как уж хозяин топил печь и месил хлеб. Тут приходит лиса и просит, чтобы позволили ей погреться.

Боров позволил погреться, да наказывает, чтоб ничего не трогала, а нет — так он враз скличет батраков-мужчин.

Увидала лиса петуха, только облизывается, а тронуть одна не смеет. Отогревшись как следует, пошла лиса дальше, а навстречу ей волк.

Волк совсем замерз, спрашивает у кумушки, где она так хорошо отогрелась. Лиса рассказала, что у борова очень теплая изба, да только пусть не трогает батраков, а если тронет, так будет плохо.

Пошел волк к борову и просит, чтобы позволил погреться.

Боров разрешил, да наказывает, чтобы ничего не трогал.

Отогрелся волк быстро, глядит на борова, а у самого слюнки текут. Не вытерпел волк и раз! — борова за горло.

Орет бедный боров изо всех сил:

«Где мужики? где мужики?» [9]

Услыхали это батраки борова. Бык прибежал первым и прижал волка рогами к стенке, вбежал барин и треснул волка по спине так, что зазвенело, вбежал гусак и обрезал у волка уши, а петух, стоя на полатях в комнате, покрикивал:

«Подавайте сюда этого мерзавца, чорт бы его подрал!»

Насилу волк вырвался. Встречает лису и рассказывает, как крепко ему не повезло. Ведь он хотел только немного поиграть с хозяином, а батраки сразу к нему: один прижал его железными вилами к стене, другой бил

молотом по спине до синяков, третий большущими ножницами обрезал уши, а четвертый еще кричал, чтобы только подали ему — чорт подери!

Пошли волк и лиса к лесному отцу, оленю, и давай жаловаться на бесстыдного хозяина.

Олень пришел и своими громадными крепкими рогами опрокинул дом борова. Пришлось хозяину со всеми своими батраками бежать снова к людям.

А боров до сегодняшнего дня не может забыть о своих хозяйских днях и как только его тронут, сразу же кричит:

«Где мужики! где мужики?»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЖИВОТНЫЕ ОТБИРАЮТ ДОМ У РАЗБОЙНИКОВ

У одного хозяина был старый конь. Он не мог уже работать, а потому хозяин прогнал его со двора.

Загоревал конь и жалостно плачет:

«Как же мне заработать на корм?»

Тут, на счастье, пришла в голову хорошая мысль: надо отправиться в Ригу музыкантом.

Ладно. Ну, собирается конь в дорогу и отправляется в Ригу.

Идет, идет — встречает пса. Он тоже плачет и жалуется, что хозяин выгнал его за старость — не может больше сторожить.

Конь говорит:

«Что ты плачешь? Пойдем в Ригу музыкантами, заживем там как на свадьбе».

Ладно. Идут оба. Идут, идут — встречают петуха. И у этого тоже с хозяином нелады вышли.

Конь и говорит:

«Пойдем лучше в Ригу музыкантами!»

Ладно. Пошли все трое. Идут, идут—встречают кота. И у этого такая же беда. Нечего делать — берут и кота с собой в Ригу музыкантом.

Ну, пошли все четверо, насколько хватало сил. А дорога пошла лесом, да и вечер настал. Было так темно, что ничего не видать — хоть глаз выколи. Нечего делать—пришлось ночевать в лесу. Однако, боясь нападений, они порешили: «Лучше будет, если отыщем какое-нибудь жилье».

Вот конь и говорит:

«Надо одному взлесть на дерево и поглядеть, нет ли где огня».

Ну, кот, как отличный прыгун, сразу же забрался на самую макушку ели. Глядел он оттуда, глядел и действительно увидел на западе огонек.

Что тут делать? Ну, только и делать, что всем двинуться туда, на огонек. Шли, шли порядком — нашли на одной поляне дом.

Трое хотят сразу же войти, а конь — нет: он сперва подходит к окну поглядеть и видит: сидят вокруг стола двенадцать разбойников и ужинают.

Ну, у музыкантов стиснулось сердце от страха. Но скоро пришла им в голову хорошая мысль: потешить разбойников своей музыкой, тогда те ничего дурного им не сделают; так они и порешили.

Ладно. Поднялся конь на задние ноги и уперся в стену передними ногами, на передние ноги коня влез пес, на ноги пса влез кот, на ноги кота петух — и давай выделывать, кто что мог.

Услыхали разбойники этакий страшный шум, подумали, что конец им пришел, да и пустились во-всю наутек. Выбежавши за ворота, одумались, что одному надо бы пойти поглядеть, что же там было. Да никто итти не хочет — боятся. Долго они там спорили. Под конец один, который посмелее, пошел.

А музыканты за это время уже разместились, кому где было приятнее: кот в избе — на припечке, конь в мусорном углу, петух на крыше, а пес, охранитель дома, в воротах.

Разбойник как шел да прямо в избу. Но ничего не видать, понадобились спички. Подошел он к печке и видит — блестят глаза у кота. Разбойник подумал, что это сера блестит на спичках, и хвать рукой. А кот, бедняга, перепугавшись, кинулся на разбойника и царапал, сколько было силы.

Разбойник с перепугу выбежал во двор. Да тут на углу конь лягнул его в спину; а в воротах пес как вцепился в икры, петух же на крыше, знай, орет:

«Ка, ка, ка, ка! Ко, ко, ко, ко!»

Вернулся к товарищам разбойник, стиснул руки и рассказывает:

«Не дай бог! Вошел я в избу, там с меня живого хотели кожу снять — выскочил во двор, там меня колом в спину, кинулся к воротам, а тут меня клещами за икры; а четвертый

изверг на крыше кричал, чтоб меня еще повесили».

Как услышали это разбойники, так и подумали: не иначе, как сам чорт вселился в их дом, не житье уж там теперь, надо уходить.

Ушли разбойники, а музыканты стали хозяевами дома разбойников.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЧЕЛОВЕК ОБУЧАЕТ ЗВЕРЕЙ РЕМЕСЛУ

А вот было это в те времена, когда люди, домашние животные и лесные звери могли еще сговариваться. Пошел раз один мужик в лес рубить дрова, нашел сухое дерево и давай работать.

Тут подходит к нему лиса и кричит:

«Мужик, я тебя съем!»

Испугался мужик, однако скоро опомнился и говорит:

«Милая кумушка, лучше не ешь ты меня, дай пожить, а я тебя за это научу на дудке играть, сможешь ты тогда в музыканты пойти и будет тебе хлеб на всю жизнь».

«Ладно, — воскликнула лиса, крепко обрадовавшись: — научи меня на дудке играть, а я тебя есть не стану».

Срубил мужик шест длиной в три фута и велел один конец шеста взять в рот; а другой конец он отделает и покажет, как надо дуть.

Послушалась лиса мужика и взяла в рот конец шеста, а мужик, долго не думая, хлоп

топором по другому концу шеста, весь шест в горло лисы и влез. Скорчилась лиса-бедняга, скрючилась да и хлопнулась на землю.

Мужик без оглядки бросился бежать и про себя радуется своей умной затее. Да не долгая была радость: не успел далеко отбежать, как встречает преголоднейшего волка.

Волк, по глазам даже видно, очень повеселел и кричит задрожавшему мужику:

«Чего дрожишь! Приготовься, чтоб мог я тебя съесть и свой голодный желудок успокоить!»

Тут опять пришла на ум мужику одна затея, вот и говорит он волку:

«Да что ты, барчук, от меня получишь? На один раз поесть! А вот я научу тебя играть на скрипке, так сможешь в музыканты пойти и будешь иметь верный кусок хлеба на всю жизнь».

«Да, если ты меня выучишь музыкантом, — воскликнул волк, — так я тебя есть не стану, целым оставлю».

Ну, пошли оба искать скрипку. Шли, шли, пока не нашли толстущий чурбан. Мужик вытесал клин, прорубил в чурбане щель, загнал туда клин и говорит волку:

«Клади в эту щель лапы, а я приготовлю струны и тогда станем играть».

Да только всунул волк в чурбан лапы, как мужик выбил клин, и щель закрылась, стиснувши волку лапы как клещами.

Визжит волк, воет, просит мужика, чтобы вынул лапы из чурбана. А мужик говорит: пусть потерпит, пусть!

Чем крепче натянуты струны, тем лучше, дескать, будет звук, и сам давай ходу.

Да просто несчастье мужику: наскочил прямо на медведя. Медведь как заорет грубым, повелительным голосом:

«Стой, мужик! Хочу пообедать, да нечем, — съем тебя!»

Совсем упал духом мужик, с медведем не больно много чего поделаешь, да все-таки мелькнула в голове одна мысль, — отвечает:

«Да что же, лесной батюшка, у меня-то кушать? Что же вам тут перепадет: кости да одежина, лучше научу вас муку молоть, будет без горя хлеба на всю жизнь».

«Ну, ладно, ладно, — проревел медведь. — Коли ты меня обучишь мельником, так позволю тебе еще пожить».

Ну, пошли оба искать мельницу. Подошли к куче камней и остановились. Мужик сказал, что раньше надо научиться делать мельничные жернова. Медведю это показалось скучным, но когда мужик уверил его, что это недолго и что самому медведю не придется ничего делать, а только лежать да глядеть, так медведь успокоился.

Мужик приказал медведю лечь у самой кучи камней и вытянуть лапы прямо; пусть лежит так до тех пор, пока мужик не скажет вставать. Медведь, не думая ничего худого, послушался и лежал совсем спокойно, пока мужик не обложил его со всех сторон каменьем, а под конец взвалил огромный камень прямо на медведя. Теперь медведь был так заперт, что не мог и пошевельнуться, а мужик весело и спокойно пошел себе домой.

За то время, пока мужик разделывался с волком и медведем, лиса вытащила палку из горла и кинулась в ту сторону, куда ушел мужик, чтобы догнать и отомстить ему. Не успела она много пробежать, как нашла волка. Просит волк, чтобы лиса его выручила. Лиса послушалась, и общими силами кое-как вытащили лапы из щели.

Рассказавши друг другу про свою беду, надумали оба гнаться за мужиком и хорошенько отомстить. Побежали, а по дороге нашли медведя, закиданного камнями, освободили медведя из-под камней да все трое и кинулись по следу за мужиком.

Мужик был уже недалеко от дома, когда увидал, что лиса, волк и медведь гонятся за ним. Нечего делать, убежать уже нельзя — конец так или этак! Не успел хорошенько и богу помолиться, как преследователи уж тут как тут.

Вот в последнюю минуту пришла мужику в голову мысль. Спустил он штаны, нагнулся вперед, а зад повернул к зверям и думает:

«Пока они начнут меня есть с одного конца, я тем временем другим концом смогу помолиться богу».

Но как только он нагнулся, лиса остановилась и говорит своим товарищам:

«Я к нему не притронусь — видите: у него дудка с собой, он может опять загнать мне ее в горло».

Волк тоже остановился и говорит:

«Да и я не хочу больше совать свою лапу в щель».

Только медведь как будто хотел начать борьбу, да когда оглянулся на своих товарищей, те были уже далеко от страшного мужика. Тут и он пробурчал: «Не будь у тебя этих жерновых камней, я бы тебя проучил, а то пусть уж на этот раз так обойдется!»

И пошел прочь.

Мужик посмеялся над мудрыми зверями, натянул штаны и пошел домой живым и здоровым.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ПАХАРЬ ПЕРЕКРАШИВАЕТ МЕДВЕДЯ

Мужик пахал на красно-пегой лошади. Выходит из леса медведь:

«Ах, какая красивая пегая масть у твоего коня! Не можешь ли ты и меня так покрасить?»

«Почему нет? Только ты должен позволить себя связать, иначе будешь вертеться и не получится хороших пятен».

Ладно! Пусть свяжет.

Связал мужик медведя так, что не пошевельнуться. Потом вытащил нож и давай полосовать шкуру, да только все вдоль. Одним взмахом все туловище медведя было исполосовано, — красных полос и не сочтешь.

Ну, куда теперь итти такому изуродованному? Да и ноги устали. Э! придумал: он ляжет тут же на опушке леса отдохнуть.

Лежит, лежит медведь, прибегает сорока:

«Вай, медведюшко, какой ты сегодня измученный!»

«Да, я этому мошеннику-мужику принес горшок денег, он мне за это шкуру исполосовал».

«Погоди, погоди, бедный медведюшко, я выклюю глаза его пегой лошади».

Села сорока на голову лошади и собирается клевать, а мужик как даст кнутом — у востроносой обе ноги подбил. Только пикнула сорока и опрометью кинулась на ель, под которой исполосованный медведь сушил свою шкуру.

Немного погодя прилетает овод:

«Что это с вами с обоими?»

Медведь проворчал:

«Я этому мошеннику-мужику принес в канаву горшок денег, он за это мне шкуру исполосовал».

А сорока протрещала:

«Я уж так сторонилась этого мошенника, а он все-таки мне обе ноги подбил».

«Погоди, погоди, медведюшко, погоди, погоди, сороченька, я уж высосу кровь у пегой его лошади».

Полетел овод кровь сосать. А мужик сосуна поймал, продел через туловище метелку и отпустил. Улетел овод на ель, где сорока искалеченные ноги латала...

Немного погодя приносит баба мужику горшок каши на обед. А баба была злющая: сначала проверяла, сколько мужик вспахал, а потом уж решала, давать ли с кашей и мясо, или без мяса оставить. Ну, сегодня, действительно, вспахал мужик мало: оводы проклятые, сороки да медведь помешали. Баба решила:

«Мало вспахал — без мяса! Коли так — спрячу кусок мяса на дно горшка, под кашу, чтоб, евши, не нашел».

Ладно. Садится мужик обедать — мяса нет.

«А-га! — смекнул он под конец, чем тут помочь. Послушай-ка, женушка, мяса ты не принесла, да за это поди принеси мой армяк, там у канавы лежит!»

Баба идет. Чтоб тебе ослепнуть! — под армяком большущий горшок с деньгами. Ну, сердце у бабы сразу подобрело, тут же мужу на шею:

«Ах, золотой, серебряный муженек, сколько ты сегодня вспахал! Ешь же, ешь! Вот на дне горшка мясцо, вот сальце!»

А медведь под елью говорит:

«Сорока, баба, ты там повыше: мне кажется, не полосует ли мошенник-мужик жене кожу?»

«Кажется, да! — отвечает сорока. — Оводочек, маленький муженечек, ты выше — глянь хорошенько: не ломает ли мошенник-мужик бабе ноги?»

«Кажется, да! — отвечает овод. — Ну, да это еще не велика беда; я боюсь только, чтобы не проткнул метелку сквозь туловище, что тогда?»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

МЕДВЕДЬ И ПАХАРЬ

Пахал хозяин новину. Лошадь запарена, не тянет соху как следует. Хозяин осерчал:

«Чтоб тебя медведь задрал!»

Медведь — тут как тут, выскакивает из лесу: подавай-ка только сюда!

Испугался хозяин, стал просить: дай хоть эту новину вспахать, а потом получай лошадь.

«Ладно, ладно! — отвечает медведь. — А где же мне это время пробыть?»

«Да вот пойди в лес и побудь там. Чего будешь жариться на солнце?»

Медведь пошел. Тут потихоньку подползает лиса, спрашивает:

«Чего медведь от тебя хотел?»

Так и так.

«Вот глупости, отдавать ему коня из-за таких пустяков. Коли обещаешь дать мне цыплят на обед, я тебя выручу: пойду в лес и подыму шум, а когда медведь спросит, кто там шумит, ты отвечай: охотники, охотники!»

Ладно. Лиса — раз-два — обратно в лес, стучит по деревьям и шумит так, что господи помилуй.

Выбегает медведь, перепуганный, спрашивает хозяина:

«Ты не знаешь, кто это там в лесу шумит?»

«Ну, как не знать! Это же охотники пошли тебя бить!»

«С ума сошел! Спрячь меня куда-нибудь!»

«Почему нет? Ложись-ка сюда в мою телегу, накрою армяком, никто не пронюхает».

«Благодарствую, благодарствую! Это будет очень хорошо».

Ну, медведь-горемыка лежит перепуганный, пальцем не шевельнет. А лиса шумит во-всю. Наконец выбегает из гущи и громко спрашивает у хозяина:

«Не выбежал ли сюда медведь?»

«Нет, будто не было!»

«Так, а кто же это там в телеге лежит?»

«Да это дрова, домой везу».

«Ну, везешь, так вези, не болтайся у охотников под ногами!»

Запрягает хозяин коня в телегу и едет домой. А лисица-хитрец уже вперед забежала, нюхает воздух, где хозяйский курятник.

Едет хозяин, едет — вдруг возле дороги видит побойню, что дровосеки забыли. Чего тут ждать? Схватил побойню и трах медведя по голове, — убил как муху.

Приезжает хозяин домой, а лиса уж явилась в курятник со всеми своими ребятишками.

«Ну, — думает хозяин, — с тобой-то я уж справлюсь».

И — хлоп! — закрыл двери курятника да давай побойней тузить во все стороны: убил старую лису и перебил малых лисеняток.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЗВЕРИ И БОНДАРЬ

Человек делал в лесу квашню. Квашня уже почти готова, как оглянется — с ума сойти! Тут же рядом медведь топчется.

Куда тут деваться? На дерево взлезть? Медведь полезет туда же. Нет! Лучше кинуться на землю, накрыть себя квашней. Съежился под квашней, как только мог.

Подходит медведь, садится на квашню, совсем и не догадывается, что человек там внизу.

Сидит, посиживает некоторое время, а тут довелось волку итти мимо.

«Куда бежишь? Времени довольно! — кличет медведь. — Иди, поговорим!»

Ладно! Немного погодя, довелось тут зайцу мимо проскакивать.

«Чего прыгаешь? — кличет медведь. — Иди-ка, поговорим!»

Ладно!

Разговаривают, разговаривают все трое, тут и пришло волку в голову:

«Слышь, что скажу: нам бы поесть надобно! Я в хлев хозяйский пойду — барана утащу; а ты, медведь, что можешь?»

«Я притащу улей с медом. А ты, заяц, чего сможешь?»

«А я в огороде кочан капусты добуду».

Ладно! Уходит волк на охоту за бараном, медведь за медом, заяц по капустную голову. А хозяин тем временем живехонько вылезает из-под квашни, делает круг, спешит поспеть раньше волка, прибежал, приказал хозяйке заготовить кипящей воды и притаился за углом хлева, дожидаясь.

Скоро приходит волк и прямо лезет в хлев за бараном. Да только зашел он как следует в хлев, хозяин захлопнул дверь и кричит во все горло:

«Хозяйка, кипятку, кипятку!»

Та тут же прибежала с полным ведром. Приоткрыл хозяин дверь, и только волк сунулся было выскакивать оттуда, хозяйка окатила его кипятком и ошпарила так крепко, что тот чуть не остался на месте.

А покамест ошпаренный кое-как тащится назад, хозяин, опять сделавши круг, прибегает и прячется под квашню. Поспел как раз вовремя, немного погодя медведь припер большой улей меду, заяц голову капусты. Только волка все еще не видать. Наконец, примечают издалека — тащится волк медленно, медленно.

Медведь говорит:

«Глянь, глянь, какая ноша у волка, итти не может».

Притащился волк поближе: нет никакой ноши, самого только ноги не слушаются. Те двое удивляются.

А у волка первые слова:

«Ах, други, как быстро там можно жизнь потерять — едва, едва удрал. Особенно берегитесь, если услышите такие слова: «Хозяйка, кипятку!» Я вам скажу: коли только услышите это, так уж не медлите, бегите, как можете!»

Только сказал это волк, хозяин под квашней нарочно заорал во все горло:

«Хозяйка, кипятку!»

Слова эти волку, медведю, зайцу — как огонь в паклю: удрали во все лопатки.

А хозяин, не торопясь, забрал мед, кочан капусты, квашню и пошел домой, распеваючи.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ВОЛК И ОХОТНИК

В старые времена волков называли божьими собаками, потому что сам бог питал к ним особую милость. Волки за это каждое утро

в известном месте читали молитвы и, завывая, пели песни так около полудня.

Как-то одному молодому охотнику крепко захотелось поглядеть, как волки читают молитвы.

Пошел он на поляну посреди густого леса, взлез на толстую ель и ждет.

Верно, около полудня собралась громадная стая волков, а немного погодя притащился один старый, седой, совсем хромой волк. Тут все волки стали в круг, а хромого взяли в середину, подняли головы и начали выть: это и были их молитвы.

Охотника разобрал смех. Он в шутку, передразнивая волков, завыл с ними. Но волки в тот же момент замолкли, стоят, с места не двигаются, будто еще чего-то дожидаются.

И правда, дождались: раздвигая чащу, вышел маленький старенький человек с белоснежной седой бородой и подал каждому волку по ломтику хлеба; только хромому нехватило, тот не получил.

Тут хромой стал жалобно просить старика, чтобы дал и ему, раз всем дано: ведь он хромой.

Старичок отвечает:

«Нет у меня больше — съешь вон того богохульника, там на ели!»

Сказал это старичок и как в воду канул. А волки всей стаей к ели, на которую охотник взлез, да давай ель грызть. Скоро ель уже закачалась.

У озорного охотника мурашки по спине забегали, чуть догадался схватиться за сук дру-

гой ели и перескочить на нее во-время. Ну, конечно, давай кричать да помощь звать.

Сбежались люди и разогнали волков. Тем и кончилось.

Однако хромой волк все время подглядывал, где бы изловить охотника: тот ему отдан, а потому несъеденным не оставит. Да не так-то легко добраться: охотник повсюду с оружием ходил.

Вот раз все же захватил его в бане. Охотник хорошенько выпарился, вышел поостыть, а хромой и изловчился тут напасть; втащил будто в кусты и тут же съел, только знак оставил.

У волков есть такая привычка: где бы и что бы ни ели — знак оставляют, пусть знают, что волк это ел.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ОБРЕЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК СПАСАЕТСЯ ОТ ВОЛКОВ

Как-то раз должны были волки пойти к богу порасспросить, чем велел им бог питаться. Да один волк — лентяй прикинулся больным, не пошел да и говорит:

«Вот поглядим — пришлет мне бог хорошего жаркого, когда узнает, что я заболел!»

Но другие волки пожаловались, что лентяй нарочно дома остался.

«Ладно, — говорит бог, — уж я его достану!»

Ленивый волк ждал жаркого один день, другой день, — напрасно. Не может больше

вытерпеть, как есть захотелось. Нечего делать пришлось вставать и итти бога просить.

Бог спрашивает:

«Слышь ты, где давеча был, когда другие волки сюда приходили?»

«Болен был!»

«Коли болезнь видал, так здоров будешь, а коли не видал, так увидишь!»

А волк и не слушает, только ноет.

«Ай, как есть хочется; ай, как есть хочется!»

«Не стони! — крикнул бог. — Пошел домой! По дороге встретишь человека, того можешь съесть!»

Ладно! Шел, шел — вдруг видит: большой человек идет. Волк стал поперек дороги и говорит:

«Человек, я тебя съем!»

«Ладно, — отвечает человек, — только должен я немного тут же в канаве помыться, ты видишь, какой я черный, как такого есть станешь!»

Волку это понравилось: пусть моется.

Человек мылся, мылся, да неизвестно как умудрился срезать на краю канавы здоровенную суковатую палку.

«Слышь, едок, ну я теперь чист, дозволь только твоим хвостом утереться!»

Да, да, пусть утирается.

Ну, человек схватил тут волка за хвост и начал изо всей силы лупить суковатой палкой: отбил шерсть со всей кожей от боков.

Волк страшно выл, помощи просил. Сбежались другие волки человеку отплатить, а чело-

век на дерево забрался. Волки давай грызть дерево, давай человека добывать.

А человек был не глуп, он уж хорошо видел, что избитому волку скоро, скоро подохнуть — вот и кричит:

«Пусть будет, кому будет, ободранному уж будет, а после и другим достанется!»

Пока он так кричал, избитый волк свалился на бок и подох.

Увидали это другие волки, испугались и удрали в лес.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

КАК КОРОВЫ РАЗГОВАРИВАЛИ

Жил-был барин, был он очень лютый, за малейшую провинность бил своих работников палками и сам всегда стоял над работниками во время работы.

Вот как-то вечером, идя от работников домой, проходил он мимо хлева и услышал там странные звуки.

Остановился барин, стал подслушивать — слышит разговор.

Кто-то говорит там:

«Этой зимой будет у нас хороший корм, — в соломе десять пур жита осталось».

Как услыхал это барин, тотчас же пошел назад к работникам, согнал всех в ригу перемолачивать солому еще раз.

Когда перемолотили солому и вычистили, то на самом деле получили еще десять пур зерна.

А скотина, что сла дважды перемолоченную солому, вся подохла.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЖИВОТНЫЕ В КОРЧМЕ

Все очень весело праздновали вечер Ивана Купалы, только гусак, селезень и боров стояли с понурыми головами на берегу пруда.

«Ну, что так стоим? Все радуются, веселятся, только мы тут ноем. Пойдем в корчму повеселиться!» — подбивает гусак товарищей.

«Так, а кто пойдет вперед?» — спрашивает селезень.

Думали, думали, порешили, что вперед тому идти, кто выше может видеть. Вытянул гусак шею, выше обоих видит. Пошел гусак вперед, а селезень и боров за ним.

В корчме вытягивает гусак шею и кричит: «Пей, пей!»

Селезень прибавляет:

«Заплати, заплати!»

А боров твердит:

«Правильно, правильно!»

А как денег ни у кого из них не оказалось, то корчмарь и выгнал всех друзей за дверь.

Пес Епис и кот Криш, увидевши это, давай смеяться над выгнанными. Те не могли вынести такого срама и дали обет: больше никогда в корчму не ходить.

Под конец и Епису с Кришем нечем было платить, корчмарь и их выгнал. Тут уж Епис и Криш больше не смеялись над гусаком, се-

лезнем и боровом, а сами тоже дали обет больше в корчму не ходить.

Первые трое держат обет и до сего дня, а Епис и Криш не сдержали слова уже на другой, на третий день.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ПЯТЬ КОШЕК

Пять кошек поехали в лес по дрова. Рубили, рубили, — ничего не нарубили. Поднявши хвосты, приехали все домой. Приехали домой, поглядели, огляделись — дров нет.

Ну, поехали во второй раз, привезли каждая по полену: одно полено короткое, другое длинное, третье не длинное и не короткое.

Кое-как все пятеро развели огонь, заварили кашу, сварили кашу, сожрали как обжоры.

Так наелись, что ходить не могут, улеглись спать.

Пойдем поглядим, не спят ли до сих пор?

(Из сборника П. Шмита, т. I)

РАЗГОВОР ПЕТУХА С КУРИЦЕЙ ЗИМОЮ

Вылетела курица из гнезда, кричит:

«Всю зиму я должна ходить босиком! Всю зиму я должна ходить босиком!»

А петух курицу ругает, на это отвечает:

«Ну, какие же у меня пасталы! Ну, какие же у меня пасталы?»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЛИСА И ПЕТУХ

Лиса изловила петуха и несет во рту. Увидела девушка, кричит:

«Вон лиса петуха несет, петуха несет!»

Петух говорит лисе:

«Дура, ответь девке: какое тебе дело, что лиса петуха несет!»

Лисе не терпится, та сейчас девушке:

«А тебе какое дело?»

Да пока лиса с девушкой препираются, петух тем временем — порх! — из зубов да на дерево.

Иди теперь порожняком.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЛИСА И ГУСИ

Шла лиса мимо хутора и увидела стаю гусей, что сидели на дворе. Обрадовалась лиса:

«Вот когда пришла во-время!»

И начала уже гоняться за гусями.

А гуси так завопили, так жалостно стали просить, что у лисы наверняка потекли бы слезы, если б она поняла, в чем дело. Да вот в чем беда: не говорили гуси ни по-прусски, ни по-латышски, говорили только по-гусиному, а лиса того не понимала.

Под конец нашелся в стае один гусак постарше, который знал хорошо по-латышски. Вот он и начал рассказывать лисе, что у гусей такой обычай: когда собираются умирать, обязательно должны спеть песню.

«Ладно, — говорит лиса, — пусть поют поскорее».

Да у гусей не так-то быстро слаживалось: один крикнет: «Га!», другой крикнет: «Га!» И пока это «га» не обошло кругом, лиса должна ждать.

Ну, и мы подождем, нельзя же знать, что там еще выйдет!

(Из сборника П. Шмита, т. I)

АИСТ ЖЕНИТСЯ НА ЖУРАВЛИХЕ

В одном болоте жили аист и журавлиха. У каждого из них была своя хижина.

Вот надумал раз аист жениться и зашагал по болоту на другую сторону к журавлихе. Пришел и говорит, что хочет на ней жениться.

А журавлиха отказывает, говорит, что аист некрасив да беден, не сможет ее прокормить.

Аист ушел. Начинает журавлиха раздумывать, что не ладно сделала, одной жить больно скучно.

Вот идет она к аисту и говорит, что хочет за него замуж, да аист отвечает, что он раздумал, больше не женится.

Заплакала журавлиха, пошла домой со стыдом.

Как ушла журавлиха, стало аисту ее жалко, пошел он опять к ней свататься. А журавлиха отвечает, что обижена она и за него уже не пойдет.

Да только аист ушел, журавлиха опять его пожалела и пошла сама свататься, только аист не взял ее.

Так и ходят будто они всю жизнь и никак не могут пожениться.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЯСТРЕБ И ГАДЫ

Ехала раз жаба лесом с возом белого хлеба и повстречала рака. Просит рак каравай белого хлеба.

Жаба дала, пусть ест.

Пока рак ест, подходит крот, за ним лягушка и шершень и хотят тот каравай отобрать. Рак не дает, и началась ссора.

Увидел спорщиков ястреб, кинулся наземь, проглотил всех четырех и собирался улететь.

Тут, откуда ни возьмись, — охотник, застрелил ястреба и отдал собаке, пусть ест. Собака

съела ястреба и стала такой жирной, что трудно ей было бегать.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ВОРОНЫ

Было у попа именьице. Посеяли горох. А вороны слетались и ели этот горох. Вот поп и приказывает батракам, чтобы выкопали по середине поля прудик и налили туда водки.

Вороны поели, попили, а как напились, так у прудика и остались.

Подпоясался поп двумя поясами: одним пониже, другим повыше, понасовал ворон вокруг себя и пошел гулять.

Шел, шел — вдруг стали вороны подымать его кверху, полетели.

Как полетели над лесом, стал поп вытряхивать ворон. Вытряс и упал посереди большущего леса.

Шел, шел по лесу — нашел маленький домишко. Там двое старичков живут: муж да жена. Попросился, чтобы позволили переночевать да поесть дали.

Ладно! Выспался — просит, чтобы старичок дал ему старую кобылку со всей упряжкой.

Ладно! Получил кобылку, лег в телегу и просит, чтобы привязал его старичок веревкой, не упасть бы.

Ладно! Старичок привязал и выгнал кобылу за ворота. Кобылка шла, шла по дороге, навстречу медведь. Давай кобылку есть и съел совсем.

Когда кончил есть, свалилась сбруя кобылки медведю на шею. Кинулся медведь бежать, взлез на дерево, а поп и вывалился с задка телеги.

Проснулся поп в лесу, шел, шел, добрался до хутора. В том хуторе просит, чтобы показали ему дорогу в его именьице. Показали.

Добрался до своего именьица и говорит батракам:

«Пусть вороны все поля склюют, и то не стану больше засовывать ворон за пояс!»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЛИСА И ДРОЗД

Упала лиса в глубокую яму и не может выбраться. А на краю ямы на дереве было гнездо дрозда.

Увидала лиса дрозда и говорит:

«Я твоих детенышей съем».

Крепко испугался дрозд, просит, чтоб оставила его гнездо в покое.

Лиса отвечает:

«Натаскай мне в яму столько хворосту, чтоб я могла выбраться, тогда твоего гнезда не трону».

Дрозд натаскал столько хворосту, что лиса смогла выпрыгнуть. Однако она не успокаивается, требует, чтобы дрозд ее накормил.

Дрозд спрашивает:

«Где же я для тебя еды наберу?»

А лиса учит:

«Глянь, видишь — баба идет на свадьбу с пирогами и сыром! Коли станешь ты летать

у нее над головой, так она, тебя хватая, уронит свой узелок на землю».

Дрозд сделал все, как лиса научила. Он стал летать у женщины вокруг головы, а она, отмахиваясь, уронила пироги с сыром на землю.

Лиса уж тут как тут, схватила пироги да сыр, отнесла в кусты и съела.

Поевши, идет лиса к дрозду снова и требует, чтоб ее еще и напоил.

Диву дался дрозд, спрашивает:

«Где ж я воды наберу?»

Лиса поучает:

«Вишь, пьяный мужик везет пиво на свадьбу! Иди полетай вокруг втулки у бочки, станет бить тебя мужик кнутовищем, да и вышибет втулку. Тут я пива и напьюсь».

Дрозд опять сделал все, как лиса наказала. Бил мужик по дрозду, да выбил только втулку у своей бочки. Потекло пиво наземь, тут лиса и напилась.

Стал дрозд просить у лисы, чтоб дала ему для гнезда немного пуху из своего пушистого хвоста.

Лиса дала, да очень мало. А как стал ее дрозд просить побольше, рассердилась лиса, схватила самого дрозда и съела.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ГОЛУБЬ И ВОРОБЕЙ

Сговорились голубь с воробьем сварить вместе пиво. Сварили пиво и давай пить.

Выпили по одной мерке, выпили по другой да по третьей.

Голубь, как птица побольше, так сразу не опьянел, а воробей, как поменьше, упился сразу и свалился тут же в траву.

Сел голубь на шест и говорит:

«Плохо будет, плохо будет!»

Воробей лежит в траве и тихо отвечает:

«Ничего, ничего!»

Откуда ни возьмись, вдруг набрасывается на воробья кошка.

Увидал голубь воробьиную беду и говорит опять:

«Плохо будет, плохо будет!»

А воробей и говорит кошке:

«Как же ты, крещеных людей кошка, станешь есть меня, не перекрестившись?»

Положила кошка воробья на землю и хотела перекреститься.

А воробей тут выпорхнул из травы, сел на шест и говорит:

«Ничего, ничего».

Так и спасся воробей из кошачьих когтей.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ВОРОНА, ВОРОН И СОРОКА

Захотела ворона сварить пиво, вот и села она на ячменное жниво. Нашла там ячменный колос, принесла его к луже и давай мочить.

Когда пиво, на ее мудрый разум, уже было готово, созывает она других птиц, чтоб те при-

шли отведать ее пиво, и кричит полным голосом:

«На-а-ак, на-а-ак!»[10]

На этот клич прилетел ворон.

Сунул свой толстый клюв в лужу, глотнул и, желая похвалить свою родственницу, заорал, улетая:

«Брангс алус, брангс алус!»[11]

После этого прилетела сорока, которая, кажется, пришла погостить из русской земли. Эта ветреная баба втянула в клюв глоток самодельного пива и, улетая, хвалила:

«Карашо пиво, карашо пиво!»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ЛАСТОЧКА

Мать пошла провожать гостей, а дети в это время жарили на вертеле мясо, и сало капало в огонь.

Увидала это ласточка и начала всем рассказывать:

Провожает мать гостей —
Мясо жарят ребятишки, —
Вытекает жир в огонь,
Вижу, вижу, чыррр!

(Из сборника П. Шмита, т. I)

РАЗГОВОР СКОТИНЫ НА ПАСТБИЩЕ

Когда скотину в первый раз выгоняют на пастбище, так она вот как разговаривает о молодой траве.

Ягнята тоненьким голоском жалуются:
«Мала, мала травка!»
Старые овцы отвечают грубым голосом:
«Ладно, хороша! Ладно, хороша!»
Бык мычит:
«Мне только, мне только!»
Телята говорят:
«Всем, всем!»
Больше всех ругают молодую травку свиньи и протяжно пищат:
«Настоящая чахлятина!»

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ФИЛИН

Жаловался филин богу, что никак не может научиться петь.

Послал его бог подслушать пение у людей.

Полетел филин и встречает дорогою одного нищего, идет тот да охает.

От него и научился филин охать.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

СНЕГИРЬ

Пошел снегирь на свадьбу учиться петь. А на свадьбе, ведомо, поют много.

Да на беду в тот день поднялась страшная метель, снаружи у окон ничего не слышно.

Под конец только вышел работник кормить лошадей, идет да посвистывает.

Только всего и уловил снегирь и улетел посвистывая.

С того времени и свистит бедняга в метель.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

ДЕРГАЧ

Побежал дергач к пастуху послушать пение. Да у пастухов были злые собаки: чуть успел дергач удрать в ржаное поле.

Вот сидит тут в надежном месте и давай опевать собак:

Зреет рожь,
зреет ячмень,
зреет весь хлебушко;
зреет весь хлебушко.
чтоб не было шелушечки:
пусть те собаки не кормятся,
пусть меня не загрызут.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

СОБАКА И КОТ

Раз собаки выкинули настоящую собачью штуку: загрызли зайцев. За такой разбой лесные звери пожаловались богу на собак.

На суде собаки отговаривались тем, что не разбой тут, а были они голодные. Разобрали дело и нашли, что причина важная, да разбой разбоем и остался, а потому простить невозможно.

Чтоб таких дел впредь не случалось, приказал бог, чтоб собаки брали себе на пропитание

только тех зверей, которые сами пали. Собаки — хитрые, сразу смекнули, что такой приказ двояко, разуметь можно, давай просить, чтоб дали его им письменно.

Ладно! Забрали собаки важную грамоту и всем собачьим миром отдали на хранение Кранцису.

Бережет Кранцис грамоту, да ского увидал, что не уберечь ему дорогой грамоты как следует: каждый день надо в поле со стадом ходить, пойдет дождь, вымокнет грамота да и пропадет. В этакой беде приходит ему на ум серый кот. Живет тот всегда в сухой избе, спит на печи.

Пошел Кранцис к коту просить, чтоб взял тот грамоту к себе. Кот согласился дружески, выгнул спину и длинным хвостом бок Кранцису поглаживает. Отдал Кранцис грамоту коту, кот сразу же понес ее на печь, в самое сухое и надежное место.

Увидали раз собаки — конь в поле валяется, загрызли его и съели. За такое злодейство пожаловались кони на собак богу.

Крепко осерчал бог на новую собачью проделку и думал сурово наказать их: смертною казнью.

Отговариваются собаки, что дадено им право есть павшую скотину, а лошадь упала наземь. А бог крепко помнит, что дозволил собакам брать себе на пропитание только павших животных. Тут собаки про свою грамоту говорят.

Захотел суд грамоту почитать, а грамоты у собак с собой нету. Побежал тут Кранцис, хвост поднявши, домой за грамотой. Его верный друг, серый кот прыгнул на печь за грамо-

той. Да вот беда!—не найти грамоты: погрызли мыши грамоту на мелкие кусочки.

С той поры сделался кот навеки веков заклятым врагом мышей. Да и дружба котов с собаками с того раза кончилась.

А Кранцис, не нашедши грамоты, больше в суд итти не отважился. Другие собаки, как отбыли наказание, так давай искать Кранциса, ищут и по сегодняшний день.

Вот почему, как встретятся собаки, так и суют нос к носу, один другого спрашивают:

«Не нашлась ли божья грамота?» Притом иногда ругают друг дружку раззявой, потомком Кранциса, и тут уж до драки свирепой доходят.

(Из сборника П. Шмита, т. I)

СИЛАЧ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Одна мать вовсе не выпускала на двор своего меньшого сынка. Как-то выдергивала мать коноплю. Все другие дети прыгают по саду, а меньшому сынку приходится в избе сидеть.

Вот взлез сынок на окно и поглядывает, где мать. Мать за конопляником — ее не видать. а других детей видно, как они весело прыгают. Тут и приходит сынку в голову тоже попрыгать вместе с другими: он и выскакивает в сад.

Да другие дети сейчас во все горло:

«Анс, Анс, не выходи — мать увидит!»

У Анса расправа короткая. Давай драться: хватает одного за другим по порядку да трах об землю: чего кричали на него. Те все захныкали, услыхала мать шум и погнала Анса в избу

со срамом. С того раза ни за что не выпускала больше мать Анса во двор к другим ребятам. До десяти лет рос Анс один в теплой избе и был силен на диво.

На десятом году говорит Анс матери:

«Давай, мать, мне новую одежину, пойду ремесла искать!»

Дает мать одежину, и он уходит. Дорогою повстречал он старичка.

Спрашивает его Анс:

«За какое ремесло лучше всего взяться?»

Старичок отвечает: «За кузнечное!»

Ладно. Идет Анс к кузнецу и нанимается в ученики.

Утром кузнец приказывает Ансу мех раздувать. Анс дует, дует, да раздул сильновато: мех лопнул.

Поставил его тогда ковать большим молотом. Кует Анс, кует — разлетается большой молот на кусочки, а наковальня входит в землю, что не вытащить, не достать.

Увидал это кузнец, выставляет Анса вон, пусть идет, куда хочет.

«Куда же итти-то?» — спрашивает Анс.

«Иди дрова колоть!»

«Дрова колоть? Ну ладно! А какие там прилады нужны?»

«Топор да клин».

«Топор да клин! Ну ладно, коли ты кузнец, так уж и выкуй мне эти прилады. Да слышь, коль раз ковать, так выкуй мне дорожный посошок в придачу».

Ну, выковал кузнец топор с берковец [12] весом, с берковец весом клин.

Да Анс смеется:

«Не валяй дурака, кузнец, что я с ним стану делать? Куй, чтоб не было стыдно».

Выковал тогда кузнец топор в два берковца весом, в три берковца клин.

Анс берет, повертывает:

«Обойдется, мол».

Под конец выковал кузнец посошок весом в целых два берковца. Да Ансу это нипочем: как взял, так и согнул, посмеиваясь.

Прибавил кузнец еще берковец.

Анс говорит:

«Маловато, да уж как-нибудь обойдусь».

Ну, идет, идет со своими приладами уж долгое время. Нигде работы не найти. Наконец нашел у одного барина. Сразу же нанялся, уговорился.

Да только странный уговор: жить Ансу у барина до той поры, пока барин не рассчитает, а барину до той поры быть Ансом довольным, пока Анс от него не отказался, а кто первый из них откажется, тому по уху, да чтоб почувствовал.

Наутро дает барин Ансу свой топор, чтоб пошел колоть дубовые корчи. Берет Анс барский топор, да только так, подержать, а барский топорик легонький, вылетает из рук да через две крыши врезается в стену третьего дома по самый обух.

Дивится барин. А Анс берет свой топор да клин и давай колоть. Порасколол все корчи дубовые, а еще и обеда нет.

Удивился барин. А Анс — ничего, — пусть обед дает. Дает барин каравай хлеба, ставит ведро пива, да Ансу это только на закуску.

Под вечер довелось Ансу итти вместе с другими в лес дрова рубить. Приходят в лес. Все мужчины потеют, ели рубят, а Анс удивляется: его мать выдергивала этакую же толстую коноплю, а эти тут с топорами возятся.

Работники думают, что Анс в шутку рассказывает, давай над ним посмеиваться, чтоб попробовал сделать то же, что и мать.

«Ладно», — обрывает их Анс и тут же как схватит ель — вон. Те все со стыдом бросаются в сторону, чтоб не убило, и больше уж не смеют и пикнуть.

А Анс связал выдернутые ели в снопы, составил в копны. До вечера весь барский лес был выдерган и составлен в копны.

Озлился барин за испорченный лес и мудрит, придумывает как бы Ансу хорошенько отплатить за это. С утра барин на ногах, приказывает Ансу одному перевезти домой до вечера весь лес.

Берет Анс коня, нагружает одну копну — конь не тянет. Нечего делать! В сердцах выхватывает коня из оглобель, вскидывает на воз и тащит сам воз с копной и лошадью домой.

Вывернул этот воз — заполнил четверть двора; привез второй — уж половина двора; привез еще — уже весь двор заполнен; идет последний воз — некуда больше сваливать.

Взбесился барин и гонит Анса вон. Да Анс так не уходит: пусть подставляет лицо — даст ему всей ладонью.

Барин ни за что: он не должен соблюдать уговор так точно; коли хочет, так пусть ударит мизинцем.

«Все равно!» — думает Анс и бьет одним мизинцем. Довольно и того было: пролетел барин через две стены, а у третьей стены только мокрое место осталось.

Забрал Анс свои прилады и ушел.

Идет, идет, вздумал у одной горы отдохнуть. Кинул посошок на дорогу, а сам до тех пор валялся, пока не заснул.

Ехали мимо два железоторговца. Лежит через дорогу посошок Анса — не могут через него перебраться.

«Постой! — спохватился один из них. Пока он лежит да спит, подымем посошок на воз — славный кусок железа будет».

Подымает один, не поднять; подымают оба, не поднять. Что делать: ни поднять, ни мимо проехать? Нечего делать — надо будить, пусть сдвинет посошок с дороги.

Анс проснулся и смеется:

«Эх вы, взрослые люди, а не можете посошка поднять! Да я бы ваш воз на гору взвез, не то что пустяковый посошок сдвинул».

Не верят те, что Анс может воз железа на гору затащить. А Анс как встанет, так рванет лошадь из передка, вскинул еще и самих торговцев на воз и давай тянуть.

Не успели оглянуться — воз уж на горе. Стоят те, широко разинув рты, диву даются.

А Анс, проспавши полдень, пошел дальше. Дорогою встречает двух силачей: Калнугазейса и Акурацейса [13]. Забирает их Анс с собой, и пошли дальше.

На другой день утром увидали крепкий замок. Входят — ни души. Оглядывают другие

постройки: в хлевах быков, коров, овец вдоволь, да никто за ними не приглядывает.

«Ничего, — думает Анс, — пусть Акурацейс заколет одного быка и сготовит обед, а мы с Калнугазейсом пойдем в лес поохотиться».

Ладно. Убил Акурацейс быка, сготовил, накрывает на стол и поджидает тех домой.

Тут — откуда ни возьмись — тащится маленький человечек с длинной предлинной бородой, в ворота да прямо к хлеву: стог сена у него на спине, ушат воды под мышкой. Влезает в хлев, дает стог сена скотине, наливает воды в корыта, а потом идет к за̀мку и кричит:

«Перенеси меня через порог, перенеси через порог!»

Акурацейс, ничего худого не думая, переносит его через первый порог. Да нет—орет опять, пусть перенесет через другой порог. Перенес и через другой. Глядь, человечек разошелся: сразу же к сготовленному быку и давай глодать.

Акурацейс не дает, да не тут-то было: схватил человечек Акурацейса, вытащил вон, поднял угол за̀мка, подсунул под него и собирается опустить за̀мок. Счастье еще, что Акурацейс во-время изловчился и незаметно спрыгнул в подвал за̀мка, пока еще угол не был опущен.

Приходят те двое с охоты — ни быка, ни Акурацейса. Только слышно, как кто-то под полом охает.

Поднимают дверь погреба, ах ты диво-дивное: сидит Акурацейс на корточках, похудел, а еще врет, что пошел в погреб за вином, выпил да и не успел быка сготовить.

Ну, ничего. Настает другой день. Теперь черед Калнугазейса быка сготовить, а те двое пойдут на охоту.

Однако, и с Калнугазейсом не было ни лучше, ни хуже, чем с Акурацейсом: с его обедом вышло то же самое.

Ничего. На третий день идут Калнугазейс с Акурацейсом на охоту, а Анс остается, чтобы сварить быка. Чего тут возиться такому человеку: живо зарезал быка, сварил, поставил на стол.

Вдруг ползет тот самый длиннобородый — со стогом сена на спине, с ушатом воды под мышкой — за скотиной приглядеть. Анс только смотрит на него.

Через некоторое время старый хитрец начинает кричать:

«Перенеси меня через порог, перенеси через порог!»

«Какой чорт тебя сюда гнал, тот пусть и переносит, только не я!» — отвечает Анс.

Да длиннобородый не долго ждет: перелезает сам через порог и прямо к быку. Анс отпихнул его; бородатый упираться. Только ничего не помогло: отлупил его Анс хорошенько посошком, сгреб свой топор да клин и понес старикана к толстенному дубу. Там расщепил в дубе большую щель, обкрутил бороду старикана вокруг клина и загнал клин в дуб, да покрепче.

Приходят те двое с охоты, едят говядину и не говорят ни словечка. А Анса смех разбирает, хочется показать, что сделано. Под конец повел их к дубу.

Пришли к дубу. Показывает Анс и смеется, а у тех у двоих сейчас же на ум пришло ото-

мстить: хватают палки и давай тузить длиннобородого малыша за то, что хотел придавить их углом замка.

Малыш терпел, терпел, да под конец, собравшись с силами, обхватил дуб, вырвал его со всеми корнями и кинулся к колодцу. В нем и скрылся со всем дубом.

«Чтоб тебя лихо! — злится Анс. — Отпустили ни за что, ни про что. Погоди, погоди, так не годится — полезу за ним».

Приказал Анс зарезать тридцать быков. Из шкур тридцати быков велел свить длинную веревку. По веревке спускается в колодец и наказывает, чтоб тащили его вверх, когда он снизу станет дергать за веревку.

Спустился под землю. Старый длиннобородый лежит со всем дубом перед красивым дворцом и молчит, сердится, что не смог вырвать бороду.

Зашел Анс во дворец и находит на цепи прекрасную королевну.

Спрашивает Анс королевну, хочет ли она на волю.

Очень хочет королевна, да только никто не умеет цепь развязать. Только длиннобородый это дело знает.

Крепко понравилась Ансу девица. Вот он и говорит:

«Коли обещаешь быть моею невестой, так выручу тебя!»

Девица согласна. Выходит тогда Анс из дворца и говорит длиннобородому:

«Коли не скажешь ты мне, как прикованную девицу освободить, так расшибу я тебя вдребезги!»

Страх напал на длиннобородого, он и говорит:

«Сними у девицы кольцо, обведи им три раза вокруг цепи, тогда сама цепь развалится».

Так и было.

Кладет Анс золотое кольцо, что снял у девушки, себе в карман и ведет освобожденную к выходу, чтоб потянули наверх.

Подняли девушку — идет канат вниз во второй раз за Ансом. Да Ансу приходит в голову хорошая мысль: хочет он знать, что те там наверху замышляют, вот и привязывает к канату камень, пусть тащат сначала.

И вот! До половины дотянули, с грохотом летит камень назад со всем канатом. Подвязался бы Анс, убился бы, как пить дать.

«Ах вы, мошенники этакие!» Плюнул Анс и скорей к длиннобородому за советом.

Длиннобородый не хочет ничего говорить, да Анс посулил избить вдребезги, коли не скажет. Под конец и сказал:

«Иди к опушке леса, там найдешь орла. Он перенесет тебя через море».

Идет Анс к орлу. Да, он согласен перенести. Только должен Анс зарезать триста овец, чтобы на море кормить орла: как только орел голову повернет, надо бросать в клюв по пол-овцы.

Ладно. Ну и летят через море девять дней и девять ночей. Наконец, почти у самого берега, нечего уже подать орлу. Рубит Анс топором себе палец и кидает его орлу.

На берегу орел спрашивает, откуда Анс взял последний кусок, такой вкусный. Говорит Анс правду.

Тогда орел отрыгнул палец назад, приложил к пораненному месту и сделал его опять здоровым.

«Чем мне отблагодарить тебя за то, что нес?» — спрашивает Анс у орла.

«Ничем — ударь меня три раза по голове».

Хоть и дивится Анс, а все-таки ударяет. И вот, только он третий раз ударяет, превращается орел в королевича и говорит:

«Теперь ты мне отплатил, я был заколдован; я — королевский сын».

Королевич уходит своей дорогой, Анс своей.

На третий день довелось Ансу итти мимо королевского дворца, а там к свадьбе готовятся.

Никем не узнанный входит Анс на свадьбу и чуть с ног не валится: его невеста, которую сам освободил, стоит за столом рядом с Калнугазейсом, и как раз собираются их венчать. Невеста его не узнает.

Перед венчаньем обносит невеста ковш с вином, подходит и к Ансу. Анс вынимает снятое кольцо и, выпивши вино, бросает в кубок.

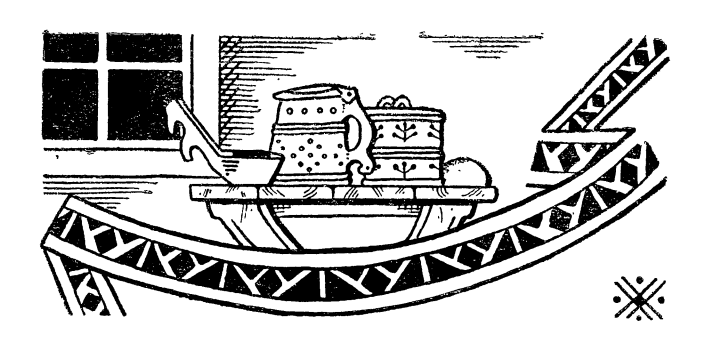
Увидала королевна кольцо, кидается Ансу на шею.

Отец удивляется, свадебные гости дивятся, а невеста во всеуслышание говорит всю правду.

Тут Анса одевают в королевскую одежду и сразу же венчают с королевскою дочерью.

А обоих обманщиков, Калнугазейса и Акурацейса, приказал король посадить в тюрьму за то, что принудили королевну молчать да еще и сказать, что это они ее освободили, а не Анс.

(Из сборника А. Швабе)

ИЗНОШЕННОЕ ПЛАТЬЕ

У одного царя была дрянная дочь: за день и ночь снашивала платье.

Царь приказал своему батраку, чтобы тот дознался, где она снашивает так много платьев. Парень залез под кровать и ждет.

К полночи приехали чортовы челядники, отнесли царскую дочь в карету и повезли. А парень еще загодя успел вспрыгнуть на запятки кареты и, никем незамеченный, неузнанный, поехал вместе с ними.

Скоро карета доехала до серебряного леса; за серебряным лесом пошел золотой лес; за золотым лесом пошел лес алмазный. Как алмазный лес проехали, добрались до реки, сто сажен глубиной, сто сажен шириной.

Чортовы челядники поехали через реку наискось. Карета шла как по льду, ничуть не тонула.

За рекой невдалеке был большой двор, а посреди двора красивый зáмок.

У этого зàмка карета остановилась. Царская дочь вылезла и со всеми чортовыми челядниками пошла в зàмок.

Парень не дурак: он тайком пролез в дверь зàмка и притаился за дверью, чтобы подслушать, что хорошего делает там царская дочь. Ну, что она делала: ела, пила и веселилась с чертями.

Наконец, под утро царская дочь спросила одного чорта: «Скажи же мне, где ты спрятал свою силу?»

Чорт отвечает: «В сенях зàмка есть одно яичко; в этом яичке сидит моя сила».

Услышавши это, парень потихоньку, полегоньку выбрался вон, сунул в карман чортово яичко и притаился под каретой.

Только царская дочь села в карету, чтобы ехать домой, парень быстро вылез из-под кареты и вскочил на запятки. Чортовы челядники со звоном пустились в обратный путь.

Переехали уже глубокую реку, проезжали как раз через алмазный лес. Тут парень увидел чудо: алмазный лес двинулся следом за каретой. Въехали в золотой лес — то же самое; въехали в серебряный лес — случилось то же.

Приехала царская дочь, вылезла из кареты и вошла в дом. А чортовы челядники, поворачивая карету, увидели, что серебряный, золотой и алмазный лес передвинулись на царский двор. Немедля хотели они отвезти сверкающие леса назад, да нехватило силы.

Тут заметили они, что парень притаился за каретой. Ну, хотели взять беднягу в когти,

в копыта. Да парень сгреб чортово яичко и, разделываясь с чортовыми челядниками, бросил его им в глаза.

Яичко разлетелось на мелкие кусочки, а челядники все полуживые пустились наутек с криком: «Ах ты, дубина, отнял нашу силу, жизни лишил!»

На другое утро царь увидел сверкающие леса на своем дворе. Спрашивает парня, откуда это? Парень рассказывает с начала до конца, что видел, что с ним было.

Царь, все узнавши, крепко рассердился на свою дочь. А парень говорит:

«Что было — было, — пусть так и останется; а вот что я тебе скажу: чортовы челядники теперь больше за ней не приедут, потому что я отнял у ихнего хозяина и у них самих всю силу, разбивши чортово яичко. Бери ты, царь, те сверкающие леса и отдай мне свою дочь в жены».

Но царь не отдал за парня своей дочери. Парень загрустил, ушел от царя и таскался по белу свету.

Вот как-то попал он в лес, где увидел яблоню с большими красными яблоками. Он сорвал одно яблоко и съел. А как сделал это, на лбу у него выросли большие рога.

Нечего делать. Пошел дальше с рогами.

На опушке другого леса увидел он другую яблоню, с маленькими-маленькими яблочками. Начал есть маленькие яблочки. Вот чудо: только съел одно, рога отсохли.

«Погоди, погоди, — думает парень, — теперь у меня ремесло в руках. Я дал тебе такие

прекрасные леса, а ты мне не можешь отдать свою дочь; ну, посмотрим».

Живо набрал парень больших яблок да маленьких яблочков и айда к царю.

Царь спрашивает, что это за красивые яблоки.

Парень отвечает: «Ешь только, тогда увидишь, что это за яблоки!»

Царь взял яблоки, да сам не ел: отнес своей дочери. Та съела и сразу же у нее выросли большущие рога на лбу.

Созвал царь разных мудрецов, чтобы рога снять, да никто не сумел. Тут парень пообещал снять рога, коли царь пообещает отдать ему свою дочь в жены.

Нечего делать, пришлось пообещать. Парень дал дочери маленькое яблочко, и вот рога отсохли.

Ну, справили свадьбу по-хорошему и все было ладно.

(Из сборника А. Швабе)

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЫН

Жил был в старину кузнец со своей женой. Оба они были уже стары, а детей не было.

Вот выковал кузнец из железа маленького ребеночка и поставил в клети: будет, мол, на кого глянуть. И назвал он этого ребеночка Железным Мартыном.

Пошла утром кузнечиха отпирать клеть. Только она стала отпирать клеть, как в клети мужской голос говорит:

«Отпирай, отпирай — мне уж холодно!»

Кузнечиха испугалась и убежала в хату. А железный ребеночек за ночь сделался таким же ребенком, как и другие дети, и вырос бедовым мужиком и неимоверно сильным.

Пошел тогда кузнец в клеть и нашел посередине клети Мартына. Пошли оба в хату. Радуется кузнец, что у него сын.

А Железный Мартын говорит своему отцу:

«Ну, что мы тут втроем станем делать? Купи сто шестьдесят шесть берковцев железа и выкуй мне палицу!»

Подумал кузнец, что хватит Железному Мартыну и десяти берковцев, взял и выковал ему палицу в десять берковцев.

Взял Железный Мартын палицу из десяти берковцев железа и обмотал ее себе вокруг руки, как ремешок.

«Это же для меня только ремешок, чтоб подпоясаться!»

Стал тут кузнец ковать палицу из ста шестидесяти шести берковцев. Взял железный Мартын эту палицу, запустил высоко в воздух, чуть видать. Как пошла палица вниз, вошла в землю по самую рукоятку, лишь маленький кусочек торчит.

Ухватился Железный Мартын одною рукою, вырвал палицу из земли: вот это ему как раз в самую пору — с такой можно и по свету походить. И пошел.

Шел, шел — встречает в лесочке одного мужика. Поздоровался Железный Мартын и сразу же спрашивает:

«Ты куда идешь, дружище?»

А мужик был чванливый, надулся и давай Железного Мартына высмеивать:

«Ты кто такой, что со мной разговаривать осмелился? Я сам Калнугазейс, а ты что за кот?»

«Никакой я не кот, чего выдумал! А коли ты такой силач, так подыми-ка один конец моей палицы!»

Калнугазейс подымал, подымал, да не смог поднять.

Ну, тогда пошли они оба вместе и дошли до одной горы, под которой в долине было озерко. Железный Мартын и говорит:

«Коли ты такой сильный, то опрокинь эту гору в озерко!»

Калнугазейс взял и опрокинул гору. Упала гора в озерко, а Калнугазейс ее руками выровнял.

Пошли они дальше. А навстречу им еще один мужик: это был Озолугазейс [14]. Железный Мартын здоровается с ним, а тот спесиво над обоими ими подсмеивается:

«Что вы за кошки такие? Да я вас могу одним пальцем убить; я вон дубы могу выворачивать, а вы только этакие свинопасы».

Бросил Железный Мартын свою палицу об землю и говорит:

«Коли ты этакий силач — подыми мою палицу!»

Подымал Озолугазейс, подымал, да не мог и с места сдвинуть. А Железный Мартын схватил, как перышко, да на плечо перекинул.

Пошли тут все трое вместе дальше. Идут, идут — дошли до одного дуба в три тысячи лет,

Говорит тут Железный Мартын Озолугазейсу:

«Покожи-ка свою силу и выверни этот дуб!»

Озолугазейс подлез под дубовые корни и вывернул этот дуб.

Пошли они дальше. Подходят к горе, где была нора. Железный Мартын велит Озолугазейсу лезть в нору, да тот не лезет. Велел и Калнугазейсу лезть, да и тот тоже не полез.

Взял тогда Железный Мартын свою палицу и полез. Калнугазейс и Озолугазейс полезли за ним.

А в горе был красивый дворец с одним хлевом. А в том хлеву было сто шестьдесят шесть быков.

Переночевали они ночь в этом дворце. Утром пошел Железный Мартын с Калнугазейсом погулять, а Озолугазейса оставили дома, чтоб сготовил одного быка на ужин.

Ладно. Зарезал быка, поставил на котле варить. Уж скоро бы мясо готово было, да приходит большой мужик с медной бородой и с коромыслами на плечах. Коромысла весят стошестьдесят шесть берковцев, на одном конце привешан стог сена, а на другом конце бочка воды.

Пошел мужик в хлев и давай быков считать:

«Один, пять, восемь, десять — одного нет!»

Накормивши быков, пошел мужик во дворец, нашел Озолугазейса у котла и просит, чтобы дал ему немного мяса. Озолугазейс не дает.

«Так позволь мне хоть один глоток супа хлебнуть, мне уж хватит!» — говорит мужик.

А это был чорт.

Озолугазейс позволил. А тот, Медная борода, одним глотком выпил весь суп со всем мясом и ушел.

Уложил тут Озолугазейс второго быка и давай варить снова.

Бык еще не сварился, как приходят Железный Мартын и Калнугазейс. Давай ругать Озолугазейса, что так долго не может сварить мяса. А Озолугазейс молчит, помалкивает, ни о чем не рассказывает.

На другой день Железный Мартын и Озолугазейс пошли гулять, а Калнугазейс остался дома варить мясо.

Зарезал Калнугазейс быка и варит. Опять приходит тот самый мужик с бочкой воды и стогом сена, а за поясом у него медная хворостина.

Пошел мужик в хлев, давай считать быков:

«Один, пять, восемь, десять — троих нет!»

Накормивши быков, идет мужик во дворец и просит у Калнугазейса, чтобы тот дал ему мяса. Калнугазейс мяса не дал, а супу хлебнуть позволил.

Чорт выхлебнул сразу все мясо да суп и ушел. А Калнугазейс поскорее другого быка зарезал да давай варить.

Железный Мартын и Озолугазейс приходят домой, а мясо еще не сварено. Ругают Калнугазейса, тот молчит, ничего не рассказывает.

Утром Калнугазейс и Озолугазейс пошли гулять, а Железный Мартын остался поварничать. Знают Калнугазейс и Озолугазейс, как им обоим не повезло, да молчат, ничего не сказали друг другу.

Железный Мартын выбрал самого жирного быка, зарезал, снял шкуру и поставил варить. К обеду приходит Медная борода со стогом сена и бочкой воды. Вошел в хлев и давай считать:

«Три, пять, восемь, десять — пяти нет!»

Накормивши быков, идет во дворец и требует у Железного Мартына мяса. Железный Мартын отвечает, что не даст ни кусочка.

Пусть даст хоть немного супа!

Ни капли!

Тут чорт его медной хворостиной — рраз! — по спине; у Железного Мартына сразу на спине шрам остался. Тут Железный Мартын как сгребет свою палицу, как крикнет:

«Ты что же это думаешь со мной, как с мальчонком играть?! Погоди, я тебе покажу!»

Чорт наутек, а Железный Мартын за ним и догнал его у кучи бревен. Схватил чорта за шиворот, сделал в бревне щель, сунул туда когти чорта и защемил крепко-накрепко клиньями, пусть стоит.

Когда пришли Калнугазейс и Озолугазейс, у него мясо уже на столе стоит, и говорит он им:

«Видите, как живо я умею мясо варить».

Утром велел Железный Мартын собрать все веревки, сколько их только было — пойдут, мол, птиц ловить. Те оба собрали веревки, Железный Мартын взял свою палицу и повел их к тем бревнам.

А чорт со всем бревном ушел.

Пошли они за ним по следам и дошли до одной дыры. где была пещера.

Чорт не смог влезть в дыру со всем бревном, застрял, переломил бревно и только с половиной влез в пещеру.

Железный Мартын велел связать веревки и приказывает Озолугазейсу лезть туда, да тот не лезет. Велит Калнугазейсу лезть, да и тот не хочет.

Взял Железный Мартын свою палицу и спустился сам, а тем обоим наказывает:

«Как стану снизу за веревку дергать, вытаскивайте меня оттуда».

А чорт украл у короля дочь и держал ее в пещере.

Подошел Железный Мартын к двери и слушает. Чорт лежит, охает и говорит девице:

«Уж как меня этот проклятый дух измучил — скоро он и тут будет».

Только сказал это чорт, Железный Мартын как даст кулаком в дверь, дверь и вылетела. Только Железный Мартын в комнату со своей палицей, чорт наутек.

Переловил, перебил Железный Мартын всех чертей, что были в пещере, оставил только девицу в живых да того Меднобородого.

Вот спрашивает Железный Мартын у Меднобородого:

«Где твой боченок с золотом?»

Меднобородый не говорит.

Спрашивает еще раз: «Где? Не скажешь, так убью на месте!»

Отвечает Меднобородый: «Под кроватью, в углу».

Как сказал чорт, где боченок, Железный Мартын хлоп его по голове, чорт и готов,

Сгреб чорта, сунул под пол и пошел к веревке. Привязал девицу, дернул веревку, и Калнугазейс с Озолугазейсом вытащили. Потом спустили веревку еще раз и вытащили боченок с золотом. Спустили канат за Железным Мартыном, дергал он, дергал, чтоб подымали, никто не тащит.

Калнугазейс да Озолугазейс, вытащивши девицу и боченок золота, не захотели вытаскивать Железного Мартына потому, что не хотели отдавать ему ни золота, ни девицы.

Ходил, ходил Железный Мартын по пещере, пока не отыскал дверь, через которую и вышел. Снаружи был такой же мир, как и всюду.

Ну, шел он, шел, сам не знает, куда идет. Наконец дошел до стада свиней. То были свиньи чорта.

Свинопас говорит Железному Мартыну:

«Не подходи к свиньям, они тебя раздерут».

А к свиньям мог подходить только сам чорт да тот свинопас.

А Железный Мартын отвечает: «Этот мизинец — и то сильнее!»

И пошел в самую середину. Свиньи всей гурьбой кинулись на Железного Мартына, а он как повернул кругом своей палицей, так все свиньи и полегли, и столько крови натекло, что Железному Мартыну до щиколоток.

Увидал пастух, что всем свиньям конец, убежал.

А Железный Мартын пошел дальше да дальше — доходит до стада быков. Те также были чортовы. Пастух кричит, чтоб не подходил, забодают. а Железный Мартын идет в самую

середину. Тут все быки на него, а он как повернет палицу, все готовы, и пастух наутек. Крови набежало по колено.

Опять пошел дальше да дальше, дошел до табуна лошадей — те тоже чортовы. Пастух велел не подходить, а он идет в самую середину. Тут все лошади на него, а он как повернет своей палицей, так все лошади убиты, пастух убежал. Крови же набежало ему до самого заду.

Опять пошел Железный Мартын все дальше да дальше и дошел до одного озерка, где на берегу девица колотила вальком белье да плакала.

Спрашивает ее Железный Мартын:

«Чего ты плачешь?»

«Как же мне не плакать, коли не могу рубаху выстирать! Тут в озере черти и так воду мутят, что не могу рубаху выполоскать!»

Сразу же кинулся Железный Мартын в середину озера, и сейчас же из озера выбежали три молодца да давай убегать. То были черти. Погнался за ними Железный Мартын и поубивал.

Как последнего убивал, тот и говорит:

«Смогут теперь пожить некоторое время добрые люди, чертей тут скоро не будет».

Вернулся Железный Мартын обратно к девице и спрашивает ее, как ему выбраться на свой свет.

Девица отвечает:

«Столько, сколько ты уже прошел, еще тебе идти, тогда найдешь большого орла, тот носит людей на другой свет».

Опять пошел Железный Мартын вперед да вперед и дошел до огромного дерева. Там на земле валялись кости разных зверей, а на дереве было гнездо орла.

Орла дома не было, были только дети. Тут пошел большой дождь, стали орлята пищать. Снял Железный Мартын свой армяк и накрыл орлят, а сам залез под те кости, что на земле валялись.

Как перестал дождь, прилетает орел, сел на гнездо и говорит:

«Бедненькие! Как же вы спаслись?»

Орлята отвечают:

«Один хороший человек нас накрыл. Теперь он вон где, в куче костей лежит».

Орел слетел вниз к костям, и Железный Мартын сейчас же рассказал, зачем он пришел. Приказал орел зарезать двух быков, нарубить мяса кусочками, наложить полный мешок и погрузить ему на спину да самому сесть туда же.

Перед тем как лететь, наказывает орел, чтоб, как повернет голову на-лету, так кидал бы ему каждый раз в клюв по одному куску. Коли в первый, второй и третий раз не кинет, оба утонут.

Зарезал Железный Мартын двух быков, порубил. Полетели. Летит орел да все голову назад поворачивает, а Железный Мартын все кидает ему кусок за куском.

Вот уже и другой свет виден, а у Железного Мартына мясо все вышло. Поворачивает орел голову в первый раз, нечего ему дать, и сразу опустился ниже.

Поворачивает голову назад во второй раз, опять нечего дать, и еще ниже опустился орел: летит над самой водой.

Тут Железный Мартын отодрал концом своей палицы икру от своей ноги и бросил в клюв орла. Сразу поднялся орел вверх и прилетел к берегу.

На берегу орел спрашивает:

«Где взял ты такой вкусный кусок, который в последний раз кинул мне в клюв?»

Железный Мартын отвечает: «Икру у себя выдрал».

«Может, тебе больно?» — спрашивает орел и отрыгнул икру.

Приложил Железный Мартын икру к ноге, орел облизал ее, сейчас же и зажило.

Положил Железный Мартын свою палицу на плечо и пошел отыскивать ту гору, в середине которой был дворец.

Нашел ту гору, влез в гору и нашел Калнугазейса и Озолугазейса с девицею, сидят да едят.

Хотел Железный Мартын убить их обоих, да одумался.

Лег он отдохнуть, а Калнугазейс и Озолугазейс хотели убить его, да девица не позволила.

Встал Железный Мартын и говорит:

«Хотел я вас убить, да нет мне от того никакой корысти. Вы тут останетесь и будете жить, а я пойду».

Взял он боченок золота, девицу ту да свою палицу и пошел к отцу. Дома женился на той девице и объявил:

«У какого короля черти дочь угнали? Та дочь у меня тут».

Отозвался тут один далекий, далекий король, и пошел Железный Мартын туда жить.

А у того короля только и было детей, что эта дочь. Ну, как помер король, так Железный Мартын и стал на его место королем.

(Из сборника А. Швабе)

ЛОЖЕЧНЫЙ СЫН

У одного человека не было детей. Вырезывает он как-то ложку да и думает сам про себя:

«Пусть будет что будет, только бы сын был!»

И что же? Встает утром: ложка в человека обернулась — в сына ему.

Вырос Ложечный сын очень, очень могучим силачом. Такой силач, надо сказать, что на диво.

Ну, что теперь делать? Силен, пойдет к барину батраком.

Пошел: пусть едет вместе с другими мужиками в лес по дрова!

Да, да.

В лесу другие работают топором, а наш Ложечный сын посмеивается. Он смеется, а те обозлились:

«Что за такой пришел тут нас высмеивать?»

И до пяти те хорошенько не досчитали, как начинает Ложечный сын работать: как дерево возьмет, так с корнями вон; как возьмет — так вон, без топора, без всего.

А! Ну, те повытаращили глаза: это не какое-нибудь заячье чучело!

Так и пошло: те кладут на воз, он кладет на воз; те едут, он также собирается ехать. Да у тех лошади тянут, а у Ложечника ни с места. Вона, где же тут потянуть: бревна со всеми корнями положены на воз — даже сучья не обрублены.

Ну, коли не тянет конь, выпрягает его, кидает тоже на воз и привозит сам.

Увидал это барин, всплеснул руками от страха:

«Ой матушки! Ой матушки! Не надобно мне таких силачей батраков, — пусть уходит в другое место на работу!»

Да, да.

Идет, идет — встречает великана:

«Ну-ка, иди бороться!»

Да это не был большой хват, — трахнул великана на землю. Должен теперь великан итти батраком к Ложечному сыну.

Проходят расстояние — встречают другого великана.

С этим то же, что и с первым.

Идут дальше, находят за́мок — совсем пустой за́мок, только одни быки в загоне.

Что теперь делать? Есть хочется: пусть первый великан зарежет быка да сварит; они оба поохотятся.

Ладно. Великан режет и варит белый суп. Варит, варит — входит маленький человечек с здоровенным батогом и давай бить повара:

«Чего быка украл?»

Тот держался, держался, да покуда он держался, является другой, большущий-пребольшущий человек: к котлу да и поел все.

Приходят охотники — супу нет.

На другой день остается другой великан варить. С ним то же самое.

На третий день варить Ложечному сыну. Варит, варит — приходят те самые мужики. Но Ложечный сын не осрамился, не даст себя высечь, если нет у них силы драться: он, ничего не говоря ни малышу, ни великану, сгреб обоих честь-честью, приподнял замок кверху и сунул было обоих вниз.

Видят те, что дело плохо — давай просить: никогда не станут больше дразниться, пусть на этот раз еще отпустит. И скажут они, где за семью горами, за семью долинами подземная пещера, а в той пещере королевна как мак.

Ладно. Коли так, отпускает их.

Приходит к пещере, опускается на дно. Верно, в одной избе королевна, да он, тот великан, стоит там и не хочет ее больше отдавать.

Ну, Ложечный сын и говорит: «Теперь уж довольно — дважды я никогда не шучу!»

И тут же просто убивает его.

Забрал королевну и, распевая, пошел домой.

(Из сборника А. Швабе)

МЕДВЕЖИЙ ЯН

У мужа с женой на старости лет родился волосатый сын. Когда сын вырос, был он очень силен. Прозвали его Медвежьим Яном.

Захотелось Медвежьему Яну свет повидать. Пусть скует ему отец дорожный посошок — пойдет он в дорогу.

Ладно. Сковал отец посошок в два берковца весом, дает сыну испробовать: ладно ли будет?

Помахивал сын, помахивал, — посошок так себе. Да вот подбросит он его на воздух, тогда уж видно будет по-настоящему. Бросает Медвежий Ян посошок, да так высоко, что не видать вовсе. Долгое время спустя летит посошок назад, летит-гудит, а Медвежий Ян подставляет ловко мизинец, посошок на конце пальца и согнулся как крюк.

Нечего делать — пусть прибавит отец еще берковец да перекует покрепче!

Прибавляет отец еще берковец. Да только, как подкинет вверх, как подставит палец — на этот раз средний палец, так и скривился посошок снова.

Пусть добавит еще берковец!

Прибавил отец еще берковец. Опять подкинул вверх; а на этот раз на указательном пальце посошок только немножечко скривился.

«Ну, теперь ладно будет!» — говорит Медвежий Ян. И пошел в свет.

Шел, шел — встречает рослого человека, который канат вокруг горы обвивает.

«Добрый день, гостек-браток, чего гору-то дергаешь?»

«А! Это же мое ремесло: я — Калнуравейс, горы выкорчевываю».

«Так, так! Значит, не совсем пустяк — иди со мной!»

Калнуравейс согласен. Пошли вместе, разговаривают.

Идут, идут — встречают на берегу моря Рыбака, сидит на взморье, рыбу удит: мачтовое дерево у него за удилище, а канат за лёсу.

«Добрый день, добрый человек, чего ты тут с этим бревном возишься?»

«А! Да ведь я рыбу ловлю: это мое ремесло!»

«Пустое! Что это за ремесло — иди лучше с нами!»

Рыбак соглашается. Вот идут все трое силачей, только земля дрожит.

Идут, идут — подходят к реке шириной с версту, вместо воды течет чистая кровь.

На счастье через реку большой мост. Переходят по мосту, видят большой за́мок с громадными воротами. Открыли ворота и заходят смело.

Вошли — всюду пусто.

Пошли в хлев поглядеть, нет ли там чего живого. Верно, есть: нашли много сотен жирных быков. Чего тут ждать — проголодались здорово, пусть Рыбак зарежет быка три и приготовит обед, а двое других тем временем пойдут в сад отдохнуть.

Ладно. Не прошло много времени — у Рыбака обед готов. Да только поспел обед, влезает старая-престарая бабка и просит, чтоб дали ей пообедать.

Рыбак не дает. Как не дает, старуха на него. Хоть бедный Рыбак и держался, держался, да ничего не вышло: кинула его старуха об землю и отобрала еду.

Взялся тогда Калнуравейс новый обед изготовить. Двое других, рыбак да Медвежий Ян, опять в сад ушли.

Только у Калнуравейса обед поспел, старуха опять тут как тут: пусть дает ей тоже.

Калнуравейс — сильный человек, — чего ему всяких старух бояться: он не дает. Как не дает, старуха на него. Ну, дерутся да дерутся так, что кости трещат, да ничего не помогло: кинула старуха великана об землю и отняла обед.

Через некоторое время приходит Медвежий Ян:

«Ну, как, готов, наконец, обед?»

Нет ничего.

«Эх! — осерчал Медвежий Ян. — Пусть оба болвана убираются в сад дрыхнуть! Сам зарежу трех быков, тогда увидите, как надо обед варить!»

Ладно. Те уходят в сад, посвистывая: поглядим, мол, что хвастун сделает — это не какая-нибудь старуха, с которой можно шутки шутить.

А Медвежий Ян зарезал быков, варит да посвистывает. Через некоторое время влезает вдруг старик с длинной-предлинной бородой, садится на чурбан для рубки дров напротив котла и поглядывает да подглядывает.

Смекнул Медвежий Ян, что с таким делать: придвинулся он за спиной старика, будто дрова рубить, а сам не дрова рубил — посошком бороду старика длинную в чурбан вогнал, да и виду не подает.

Только обед поспел, приплелась и старуха:

«Дай мне и моему старику быков отведать!»

«Что за быки?» — крикнул Медвежий Ян да как даст старухе своим тяжелым посошком.

Старуха от удара неведомо куда делась, а старик, как увидел это, давай уходить со всем чурбаном, спотыкается, кувыркается. Диво, как борода выдержала.

А товарищи в саду, как увидели эту драку, думают:

«Вот бес! У него ухватка не такая, как у нас: берет в руки двух безобразников и справляется».

Все трое хорошенько пообедали и легли отдохнуть.

Вечером Медвежий Ян говорит:

«Знаете ли что, товарищи? Спать мне что-то не хочется: пойду сегодня на мост кровавой реки поработать. Тут я налью три посудины водою, так вы оба сидите дома и зорко глядите сегодня ночью в первую посудину, какова моя судьба: коли вода остается водою, так у меня все хорошо; коли начнет краснеть, так почти хорошо; а коли станет такая красная, как накаленное железо, тогда совсем плохо. Ну, оставайтесь, не засыпайте, стерегите мою судьбу».

Ладно. Уж они будут это делать!

Пошел Медвежий Ян на мост кровавой реки. Приходит, оглядывается — все тихо. Нечего делать, кладет посошок рядом с собой и ждет.

Вот около полночи — слышит: едет кто-то о трех головах через мост на серебряном коне, гудит только. Хватает Медвежий Ян посошок да навстречу.

Трехголовый кричит:

«Прочь с дороги!»

Медвежий Ян отвечает:

«Ни за что!»

«Ну, коли ты такой силач, дунь вдоль реки, чтоб видел, как далеко можешь дунуть!»

«Я дуну, да дуй сам сначала, коли так захотелось!» — отвечает Медвежий Ян.

Трехголовый стал дуть и дунул на две версты.

За ним стал дуть Медвежий Ян и дунул на две с половиною версты.

Осерчал тут Трехголовый снова, давай драться с Медвежьим Яном. А Медвежий Ян как даст своим посошком, так у Трехголового все три головы и покатились во все стороны, а туловище свалилось тут же на мосту.

Взял Медвежий Ян серебряного коня, въехал в замок гордо, гордо и хвалит товарищей, что хорошо делали — не спали.

На другой вечер Медвежий Ян опять строго наказывает товарищам, чтоб не спали и глядели во вторую посудину с водой, а сам опять пошел на мост кровавой реки.

Вот под полночь опять кто-то едет верхом, да на этот раз о шести головах да на золотом коне. Медвежий Ян с посошком загораживает ему дорогу.

Шестиголовый кричит:

«Прочь с дороги!»

Медвежий Ян отвечает:

«Ни за что — ори, сколько хочешь!»

«Ах так! — закричал Шестиголовый, — Коли ты этакий силач, так дунь вдоль реки, погляжу, как далеко ты можешь дунуть».

«Дуй сам сначала, коли этак захотелось!»

Как дунет Шестиголовый, так ветер ходит до трех верст.

Тут дунул Медвежий Ян, и ветер прошел еще на полверсты дальше.

Давай тут Шестиголовый драться. А Медвежий Ян как дал ему тяжелым посошком, так у Шестиголового все головы отлетели далеко, а туловище тут же на мосту свалилось.

Сел Медвежий Ян на золотого коня, гордо въезжает в замок и хвалит своих товарищей, что не спали, что судьбу его охраняли, — хорошо, мол, делали.

На третий вечер Медвежий Ян крепко-накрепко наказывает товарищам, чтоб не спали и за третьей посудиной с водой приглядывали. Те, конечно, обещают. Уходит Медвежий Ян со спокойным сердцем на мост и ждет.

Вот под полночь слышит: так скачет кто-то на алмазном коне, что можно подумать — мост сломается. Подъезжает ближе: конь сияет как солнце, а у самого двенадцать голов на туловище.

«Вот бес! — думает Медвежий Ян. — Тут будет работа!»

Выходит с посошком навстречу.

Двенадцатиголовый кричит:

«Прочь с дороги, нитяной чулок!»

Медвежий Ян отвечает:

«Ни за что!»

«Ах так! Ну, коли ты такой силач, дунь-ка вдоль реки, чтоб я мог поглядеть, как далеко можешь ты гнать ветер».

«Дунь сам сначала, коли так захотелось!»

Как дунет Двенадцатиголовый, так ветер полетел до пяти верст.

Стал дуть Медвежий Ян, да додул только до четырех верст с половиной.

Это Двенадцатиголовому понравилось, вызывает он Медвежьего Яна силами померяться.

Начался страшный бой: только мост гудел, как они старались. Поотсекал Медвежий Ян посошком одиннадцать голов, да дальше уж не может. Надо ему дух перевести. Вот и говорит:

«Давай отдохнем!»

А Двенадцатиголовый так взъелся, что ни за что не останавливается:

«Будь что будет — одному смерть или другому!»

«Да ты подумай! — говорит еще раз Медвежий Ян. — Ведь ветер и дождь — и те останавливаются, а ты не хочешь».

«Ну, ладно! Коли ветер и дождь это делают, так и я остановлюсь на короткое время!»

Оба отдыхают. Да Медвежий Ян тем временем стащил сапог с левой ноги и бросил в зáмок, хочет узнать, не спят ли его товарищи. Упал сапог на крышу зáмка, а те и слыхать не слыхали, и видать не видали: уснули, негодники этакие.

Стащил еще сапог с правой ноги и бросил, да нет и нет. Тут уж запустил свой тяжелый посошок. Пробил посошок крышу зáмка вдребезги, только тогда те, сонные тетери, попросыпались.

Попросыпались, глядь — ослепнуть! — в третьей посудине вода так красна, как каленое железо.

Остался один у посудины за судьбой приглядывать, другой хватает тяжелый посошок и тащит сколько силы поскорее обратно к Медвежьему Яну.

Только дотащил, началась битва снова. Да на этот раз у Медвежьего Яна был только один хороший взмах: как дал по последней голове, она и отвалилась да катышом укатилась неизвестно куда, а туловище свалилось с алмазного коня.

Садится Медвежий Ян, ликуя, на алмазного коня и гордо-прегордо въезжает в зáмок.

А те головотяпы, только дрожат: не станет ли бить их за то, что спали.

А Медвежий Ян говорит:

«Вас бы в муравейник посадить, да на этот раз уж прощу! Приготовьте мне ужин получше! Крепко я проголодался».

Ладно! Съел Медвежий Ян ужин и завалился спать, да проспал после этакой тяжелой работы три дня и три ночи под ряд.

Выспавшись хорошенько, размял Медвежий Ян кости, поел и говорит Рыбаку:

«Откати-ка мне тот камень от входа в пещеру! Туда удрал намедни бородатый старик со всем чурбаном».

Откатывал, откатывал Рыбак большущий камень, не мог откатить.

Взялся Калнуравейс откатывать. Помучился, помучился у камня, да не смог и он.

Идет сам Медвежий Ян. У того совсем другая ухватка: как двинул камень, так и оглянуться не успели.

Ну, чего тут? Пусть отыщут веревку, спустится он с посошком за стариком: да как ста-

нет он внизу канат дергать, пусть тащат его снова наверх.

Ладно. Спустился на дно — видит: сидит старик, съежившись, с защемленной бородой.

Что тут делать? — отпустить его! Но только освободил, как кинется на него старик со злостью! Ну, коли так, шутки прочь: как стукнет Медвежий Ян посошком — старик готов.

Так-то так, да Медвежий Ян думает:

«Чего я так скоро обратно полезу, пусть веревка повисит! Пойду еще дальше погляжу, что тут хорошего повидать можно».

Прошел недалеко, видит — стоит серебряный город. Зашел в город, нашел красавицу девицу, сидит да шьет, а вся одежда у нее из серебра.

Увидала девица чужого, испугалась:

«Ах, добрый молодец, как ты сюда попал? Убьет тебя чорт!»

«Ах, красна девица, не пугайся понапрасну: убил я чорта и пришел тебя вызволить».

Осмелела тут девица. Пошла она с Медвежьим Яном и показала ему другой город — тот был из золота.

Вошел в тот город Медвежий Ян. Нашел там другую девицу в золотой одежде, сидит да шьет. Увидала Медвежьего Яна, испугалась:

«Куда ты забрался? Убьет тебя чорт!»

А Медвежий Ян отвечает:

«Ах, красна девица, не пугайся понапрасну: убил я чорта и пришел тебя вызволить».

Тут посмелела та девица и пошла с Медвежьим Яном, еще город ему показывает. А он был алмазный.

Заходит и в этот город. Нашел там третью девицу в алмазной одежде, сидит да шьет. Увидала его, испугалась:

«Куда ж ты зашел? Убьет тебя чорт!»

Медвежий Ян отвечает:

«Ах, красна девица, не пугайся понапрасну: убил я чорта и пришел тебя вызволить».

Вот все четверо забрали серебряный, золотой да алмазный город в яйцо да и пришли к веревке, что спущена была сверху.

Рыбак и Калнуравейс сразу же всех четырех подняли.

Да только вверх поднялись, тут Медвежий Ян как крикнет:

«Опускайте вниз — забыл я внизу что-то!»

Ладно. Опустили его опять вниз. И что же забыл он там? Громадную шапку Двенадцатиголового. Надевает Медвежий Ян огромную шапку на голову и дергает веревку, чтоб тащили наверх.

Те и тащат, отдуваючись. Вот уже почти наверху, да как увидели те чортову шапку, перепугались, канат и вырвался из рук. Полетел назад Медвежий Ян со всей шапкой да с тяжелым своим посошком.

И так он ударился, что пробил насквозь три мира, а на четвертый свалился без памяти. Долго он там пролежал, пока очнулся.

Под конец, когда опомнился, то и сам не знал, куда попал: перед собой видит только бесконечную равнину, а далеко-далеко дерево стоит — это все.

«Что тут делать? — думает он. — Пойду к тому самому дереву».

Приходит к дереву, видит: на самой макушке гнездо, а в гнезде голые птенцы, да птенцы большущие.

Не успел оглядеться хорошенько: валит гроза с громом и с молнией, а птенцы так грозы перепугались, что жалко глядеть.

Медвежий Ян думает:

«Как уж дети: каждого пугала боятся! Так это у людей, так и у животных — полезу в товарищи к беднягам!»

Полез он на дерево и накрыл своей одежиной птенцов, пусть даже грозы не видят.

Только прошла гроза, прилетает тут мать птенцов — громадная орлица и говорит Медвежьему Яну:

«Сделал ты мне самое большое добро, детей моих от непогоды спасая — чем тебя отблагодарить?»

«Чего там благодарить! Вот выбраться бы обратно на землю — этого бы хотел».

«А, так, наверх, на землю! Я тебя вынесу. Только нужно мне на дорогу много мяса. Иди со своим посошком к тому большому камню — увидишь, там будто человеческая рука двигается. Да это не рука, а страшный зверь, и много он мне зла наделал. Ударь ты этого зверя посошком прямо по видному месту, будет ему конец, а мяса нам от него хватит, сколько хочешь».

Ладно. Медвежий Ян так и сделал, и вот получилось от того зверя три чана мяса.

Поели оба этого мяса. Один чан поставили орлице на крылья и полетели.

Три дня и три ночи летела орлица с Медвежьим Яном все вверх да вверх, тут на беду

вышло все мясо и сразу же стала орлица опускаться вниз, хочешь—не хочешь—вернулись назад.

Опустившись на старое место, забрал Медвежий Ян второй чан с собою и наказывает орлице, чтоб летела быстрее, чтоб опять не вышло недостатка в мясе.

Полетела орлица, как только могла. Да на третий день — земли еще и не видать! — опять все мясо вышло. Нечего делать, опускаются опять вниз.

Взял Медвежий Ян третий чан с мясом, приказывает орлице, чтоб собралась с последними силами.

На этот раз полетела орлица что было силы. На третий день подлетают уже к самой земле, остается еще лететь с версту, тут опять все мясо вышло.

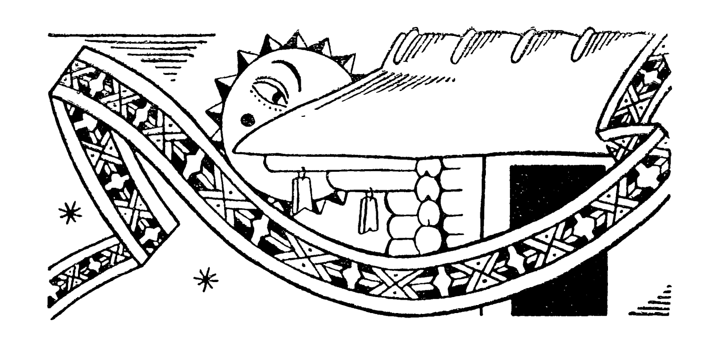
«Что тут делать? — думает Медвежий Ян. Теперь отступить — ни за что! Лучше вырежу свои же икры и отдам — пусть глотает».

Вырезывает он свои икры и бросает в клюв орлицы по кусочкам.

Ну, тут с большим трудом добрались кое-как до земли.

Орлица полетела назад, а Медвежий Ян пришел домой и справил богатую свадьбу: сам он взял ту девицу, что была в алмазном платье, и жил с ней в алмазном городе, что взял с собой из-под земли; а товарищи его, Калнуравейс да Рыбак, взяли обеих других девиц и жили один в серебряном, а другой в золотом городе.

(Из сборника А. Швабе)

ПШИК

Сломалась как-то у одного барина карета. Счастье еще, что поблизости кузнец был. Велел барин починить карету, а кузнец за работу запросил целый рубль.

Нечего делать, — платить так платить.

Едет барин домой, крепко серчает:

«За такой пустяк берет целый рубль! Сколько же он там работал? Да ведь этак кузнец больше зарабатывает, чем барин, что в карете посиживает. Коли хорошенько подумать, так и сам я могу ковать да рубли в карман совать. Погоди, погоди, пригляжусь потихоньку к работе кузнеца да и выгоню на Юрьев день кузнеца со своего двора: стану ковать сам».

Ладно.

Дома начал барин каждый день в кузницу к своему кузнецу ходить, калякает с ним о том, о сем, а сам тайком все подглядывает, как кузнец кует.

Так за некоторое время пригляделся он на-глаз к кузнечному ремеслу и выгоняет своего кузнеца из кузницы, пусть идет, куда хочет, он сам со своим кучером кузнечить станет: барин будет ковать, а кучер меха поддувать.

Ладно. На другой день приходит из соседней волости один крестьянин с удельной земли, приносит большой кусок железа лемеха выковать.

Барин очень важно берет железо, кладет в огонь, сыплет туда большую кучу угля и говорит:

«Кучер, теперь дуй!»

Кучер и дует, бедняга, пот отирает, пока железо не стало белое-красное.

Тогда барин кладет его на наковальню и говорит крестьянину:

«Теперь ударяй!»

Хватает крестьянин большой молот и бьет, и бьет, пусть искры сыплются. Бьет, бьет — железо уж совсем тонким становится. А барин-кузнец ничего: пусть только бьет, пока не остыло.

Под конец железо почернело. Нечего делать—кладет опять в огонь, насыпает большую кучу угля и говорит:

«Кучер, теперь дуй!»

Дует кучер, бедняга, пока железо опять не побелело.

Тут барин снова ковать.

Не хочет больше крестьянин бить, говорит барину:

«Да мы ведь все это железо пожгем: тут уж лемеха-то не выйдут».

«Как не выйдут! Лемеха будут, да вот ты, дурак, не умеешь бить, как надо. Кучер, поди сюда! Ты лучше умеешь. Бей ты!»

Подходит кучер — кует, кует, да лемеха все не выходят.

«Твое железо никуда не годится: тут уж лемехов не выйдет. Буду лучше ковать топор».

«Ну, куйте топор! Топор в доме тоже надобен».

Нагревает опять и кует, кует изо всей силы. Прошло не мало времени и видит барин, что железа осталось уж немного.

«Слышь, хозяин, топор тут уж не выходит: буду ковать нож».

«Куйте нож! Нож в хозяйстве тоже пригодится».

Нагревает снова и кует, кует, как только может. Через некоторое время — глядь: железа совсем мало.

«Слышь, хозяин, нож тоже тут не выходит: буду ковать шило».

«Куйте шило! Шило в доме тоже пригодится».

Нагревает и кует, и кует со всей силой. Через некоторое время — глядь: железа-то почти совсем уж не осталось.

«Слышь, хозяин, шило тоже не выходит: стану ковать пшик».

Говорит это барин, а сам взял то, что еще осталось, нагрел добела и бросил в воду.

«Пшик» — зашипел маленький кусочек железа в воде, — ну, вот пшик и готов.

Сделавши пшик, требует барин хорошей платы за всю работу: целый рубль.

Хозяин отвечает:

«Денег у меня нет, но пшеница у меня дома есть. Приезжайте только, господин кузнец, я вам честно заплачу».

Поехал крестьянин - хозяин домой. А барин тут же приказывает своему кучеру запрягать карету и ехать за хозяином, чтоб поскорее получить заработанную плату.

Дорогою учит барин кучера:

«Слышь, я сам пойду в клеть с мешком: сам я ведь лучше знаю, сколько за работу получить следует. А ты оставайся снаружи и прислушивайся. Коли скажет хозяин: «Довольно!» — так ты кричи:

«Сыпь, сыпь и мою долю также: мне тяжело было дуть!»

Ладно. Приезжают туда. Хозяин сразу же ведет нового кузнеца в клеть. А за дверью два дюжих работника схоронились. Хватают они пшика, валят на землю, а хозяин лупит да лупит его хорошо высушенным прутом.

Не хочет барин, чтобы кучер услыхал, как его порют, молчит, терпит, стиснувши зубы.

Хорошенько отлупивши, кричит хозяин работникам:

«Довольно!»

А кучер за дверью просит:

«Сыпь, сыпь и на мою долю тоже: мне тяжело было дуть!»

Хозяин и говорит работникам:

«Ну, надо полней — дадим еще».

Хватают работники по другому разу, и дает хозяин ковалю-пшику долю кучера.

Едет барин домой и говорит кучеру:

«Чорт бы тебя побрал, кучер! Чего кричал, чтоб еще сыпал?»

«Ах, барин, да вы же сами так велели. Я всегда делаю так, как вы наказываете».

А, ну, да, да! А только, как приедем домой, спали эту проклятую кузницу: больше я ковать не стану».

(Из сборника Лерха-Пушкайтиса)

ЧОРТ И ДЕВУШКА

В старые-престарые времена жил бедный поденщик. Было у него двое детей: дочь на выданьи, очень красивая, да сын, совсем еще махонький мальчуган.

И так это раз подошло, что нет у поденщика денег ни копейки, не с чего, как говорится, и корки хлеба в рот сунуть. В такой беде вздохнул он:

«Хоть бы помог мне кто на этот раз!»

Только вымолвил он это, глядь в окно, видит: въезжает во двор нарядный барин на шести черных жеребцах.

Да, въезжает во двор, привязывает коней и входит:

«Не живет ли здесь тот поденщик, у которого дочь красавица?»

«Да, живет!» — отвечает тот.

«Ну, так моя поездка не зря. Вот привез я треть пуры золота и хочу на твоей дочери жениться. Отдашь ли?»

«Как же такому барину да не отдать? Пусть уж будет!»

Барин тут же высыпал золото, забрал дочь да и уехал, не успел поденщик выспросить, кто такой да откудова.

Так и прошло много лет. За это время сын поденщика вырос статным молодцом и задумал отыскать свою сестру, куда бы она ни была увезена.

Вот и пошел он по свету. Ходит, бедняга, вдоль и поперек, про сестру выспрашивает, много дней уж прошло, а все нет как нет.

Вот раз плелся он по лесу да невзначай и зашел в такую чащу шиповника, что не пройти. Глянул он на землю, а в земле нора. Тут и пришло ему нежданно в голову:

«Давай погляжу, что это за нора».

Влез — оказывается, не пустячная нора, а глубокая, глубокая подземная пещера, что дальше, то все шире да светлее становится. Выбрался под конец на большое поле, кругом цветы всякие пестрят, трава растет высокая да густая, а посреди поля сверкает нарядный дворец.

Подходит к дворцу поближе — экое диво! Стоит дворец на петушиной ноге, а кругом сторожами стоят: медведи, волки, разные звери.

Пока стоял да дворец разглядывал — новое диво! Выходит из дворца его сестра, которую искал так долго, да ласковыми словами во дворец приглашает, поесть, попить сулит, спрятать от мужа-чорта обещает под кроватью, чтоб тот, когда вернется, не увидел.

Ладно. Обрадовался парень, что сестру нашел, во всем с нею согласен.

Немного погодя начинают звери рычать да выть, а дворец набок накренился. Вернулся чорт домой и первое слово — чтоб поесть сестра дала, чтоб на стол накрывала.

Накормила сестра чорта да и выпытывает:

«Слышь, ты вот ляжешь теперь, а коли придет ко мне в это время человек какой, или кто, почем я знаю, что мне с ним делать?»

«Да, да — ладно, что напомнила! Если бы пришел кто, так выдерни у меня из шубы три волоса, чтоб злость прошла, да веди его сюда к кровати поздороваться».

Когда чорт проспал целых три дня, дала сестра брату приставную деревянную руку, выдернула у чорта на спине три волоса и повела брата к кровати здороваться.

Чорт зевнул, протянул брату руку и спрашивает:

«Откуда идешь?»

А брат подает чорту деревянную руку и отвечает:

«Пришел сестру навестить».

Только это сказал, как стиснет чорт деревянную руку! И раскрошил ее в крошки, сам удивляется:

«Крепкий у тебя характер, совсем боли не чувствуешь, нанимайся, коли так, ко мне в батраки! Платить стану много, а работы вовсе мало».

«Ну, ладно, — отвечает брат, — я согласен».

«Ладно! Вот тебе работа. Завтра накормишь мою белую кобылу, сколько сможет она съесть, да вычистишь ее конюшню, больше ничего».

Идет брат с сестрой, тешится, что так мало работы.

А сестра запечалилась:

«Ах, братец, как ты ошибаешься! Твоя легкая работа — трудная работа: старая кобыла — сама чортова мать. Да коли меня послушаешься — будет хорошо. Бери завтра с собой ивовый прут да кляп, войди в конюшню и прикинься, будто занялся ими. Тут белесая тебя и спросит:

«Что хочешь делать с прутом и кляпом?»

А ты отвечай:

«Закручу тебе морду да кляпом приверну, коли еще есть станешь!»

Ладно. На другой день утром идет брат в конюшню, кладет перед кобылой добрую охапку зеленого корму, а та раз — два проглатывает охапку и загаживает чуть не всю конюшню, пусть только чистит. Кладет брат вторую охапку — то же самое.

«А! — встряхивает он головой, — я теперь понимаю!»

И давай возиться с прутом да с кляпом.

Кобыла сразу же спрашивает: «Ты что делать хочешь?»

«Что делать? Закручу твою морду да кляпом приверну, чтоб не могла ты больше глотать!»

«Вай! Не делай ты этого, не стану я больше есть».

«Не станешь! Ну, поглядим — пока так и оставим».

Сказал это брат, положил принесенную зеленую траву под голову и проспал до вечера.

Прибежал вечером чорт в конюшню, в сердцах только и фыркает на кобылу, что не ела, а потом повернулся к брату и говорит:

«Ну, о сегодняшней работе будем говорить, а завтра привезешь мне на этой кобыле воз дров из леса».

Ладно. Назавтра запрягает брат белую кобылу, едет в лес и накладывает такой воз, что телега по ступицы влезла в землю.

Поглядела кобыла на воз и ни с места.

А у брата уже кое-что на уме. Вырезывает он длинный дубец и начинает им помахивать.

Кобыла спрашивает: «Что ты с этим дубцом делать станешь?»

«Что делать? Она еще спрашивает! Да я лупить тебя стану, чтоб кожа сползла, коли воз не потянешь, вот что я тебе скажу».

«Да ты не лупи — потяну, потяну!»

«Ладно. Так тяни, да не упирайся больше!»

Понатужилась кобыла да и повезла с храпом, только канава остается позади.

Приехали домой. Выбегает чорт из дворца, оглядел кобылу, увидал, как она загнана, — только пар валит, осерчал, не может даже фыркнуть как следует, кричит брату:

«Завтра будешь пасти моего теленка, да коли не справишься, так съем вас обоих с той девицей на закуску».

Идет брат к сестре и рассказывает, как чорт хвастался. Сестра отвечает:

«Не тужи, ничего. Вот тебе клубочек красной нитки, размотай его завтра и привяжи один конец теленку к левой задней ноге, а другой держи в руках — не убежит никуда. Этот те-

ленок — дикий теленок. Он от черной коровы, чортовой дочки, да можно и его усмирить, коли знать больное место».

На другой день брат так и сделал. Ну, выпас чортова теленка на славу.

Как увидал это вечером чорт, не стал и разговаривать вовсе со злости, только крикнул:

«Завтра рано приходи вместе с сестрой, скажу вам кое-что!»

Ладно. Идет брат к сестре и сказывает, что чорт приказал. Сестра отвечает:

«Так я и думала. Теперь же ночью должны мы бежать из этой пещеры, иначе съест нас чорт завтра. Бери ты топор да пойди и отруби голову теленку, вывалится из него утка; как разрубишь утку, найдешь в ней золотое яйцо. Это яйцо надобно нам в дорогу взять, коли хочешь отсюда выбраться».

Схватил брат топор, разрубил теленку лоб, перерубил и утку, взял золотое яйцо и отдал сестре.

Взяла сестра яйцо, положила его на дорогу и тихонечко толкнула-катнула его. Засверкало яйцо, покатилось вперед. Те двое изо всех сил спешат за ним.

Проснулся чорт к обеду, нет ни брата, ни сестры. Послал черную корову беглецов ловить.

О ту пору сели брат с сестрою отдохнуть. Глянула тут сестра: золотое яйцо начинает дрожать. Сразу же догадалась сестра, что не все ладно, говорит брату:

«Гонятся за нами. Я в терновый куст оборочусь, а ты в розу, чтоб нас не приметили».

Ладно. Обернулись они в куст и розу.

Прибегает черная корова, спрашивает:

«Не видал ли, терновый куст, двух беглецов?»

«Нет, не видал!»

Прибегает черная корова назад ни с чем и рассказывает чорту, что только и видела, что терновый куст с цветиком, а больше ничего.

«Ах ты, скотина!—кричит чорт.—Почему не взяла с собою куст со всем цветком? Ведь это и были беглецы. Беги, догоняй их второй раз! А если и на этот раз их не приведешь — сверну тебе шею».

Погналась черная корова во второй раз.

А брат с сестрой прошли уже порядочное расстояние вперед. Тут вдруг стало золотое яйцо подпрыгивать. Догадалась сестра, что опять за ними погоня, обернулась сама озером, а брата в селезня обернула.

Прибегает черная корова, нет уже тернового куста, только озеро вдалеке волнуется. Что тут делать? Бежит назад к чорту, рассказывает.

Рассвирепел тут чорт, схватил черную корову за рога, свернул ей шею, вскочил, ругаясь, на белую кобылу да сам пустился в погоню за беглецами, только пыль взвилась.

А брат с сестрой уже к выходу из пещеры подходят. Тут вдруг учуяли: гонятся за ними еще настойчивей. Бросила сестра наземь полотенце. Стало полотенце виться да изгибаться, пока не обернулось в широкую да быструю реку.

Прискакал чорт к берегу реки, никак не может перебраться: всюду омуты глубокие, всюду ширина да стремнина. Наконец — будь что будет — ударил кобылу и пустился вплавь.

А стремнина унесла кобылу далеко вниз да и затащила в омут. Потонула кобыла. Еле-еле выбрался чорт на другой берег и погнался снова.

Да тут сестра бросила наземь щетку. Обернулась щетка в густой терновик.

Продирался чорт, проламывался через терновые кусты, да под конец выбился из сил и застрял.

Тем временем сестра с братом добрались до выхода и попали на наш свет.

(Из сборника П. Шмита, т. III)

МОРСКАЯ НЕВЕСТА

Жил раз на берегу моря бедный рыбак. Жил морской рыбой: один день наловит, на другой день съест.

Довелось раз, что за восемь дней ни ерша не изловил.

Глядит голод из всех углов.

На девятый не лучше. Проголодался, опечалился, повернулся спиной к дюнам и гребет домой. Тут увидал он: идет лодка, а в ней девять человек.

Подплывает лодка ближе, глядь — это не девять человек, а один человек с девятью головами.

«Клюет, что ли?», — спрашивает девятиголовый.

«Нет, не клюет. Вот уже девятый раз напрасно ловил. Голоден, как собака. Что есть станешь, коли не ловится?»

«На том не кончится, — отвечает девятиголовый: — ты с голоду помрешь; не станет рыба клевать, пока мне сына своего не отдашь в батраки. Не бойсь, сыну твоему у меня плохо не будет: будет ему хорошая плата, хорошее житье. Коли согласен, так приведи завтра об эту пору сына сюда. А уж рыба, верно слово, сразу станет клевать».

Послушался рыбак, приводит сына. Забирает парнишку девятиголовый и уплывает, а отец глядит вслед, жалеет. Болит у отца сердце, да что поделаешь? И так плохо, и этак неладно!

Плывет, плывет девятиголовый с сыном по морю — подплывают к одной горе. У горы выпрыгивает девятиголовый из лодки и пропадает за горой.

Сын ждет, ждет в своей лодочке до вечера; никого не дождавшись, заплакал, бросил лодочку да и пошел на гору. Идет, идет, глядь: в горе дыра. Заходит туда. Прошел недалеко: стоят медные ворота. Давай стучаться в ворота.

Выходит из ворот красивая девушка, дивится:

«Ах, паренек, да как ты сюда попал?»

«Нанялся я тут в батраки. Разве барина нет?»

«Как же нет? Спит он. Да скажи, разве сможешь ты сделать все, что он тебе станет приказывать?»

«Смогу ли, того не ведаю, поглядим!»

«Коли обещаешься стать моим мужем, так я тебя выручу!»

«Почему же нет!»

«Ну, тогда ладно! Как только девятиголовый проснется, он сразу же позовет тебя и пошлет на работу. Да ты отвечай смело:

«Нанимался я работать только днем. У меня, барин, цыплячьи глаза, ночью не вижу».

После этих слов станет он тебя щипать да мучить, а ты терпи да голоса не подавай, тогда все хорошо будет».

Как сказала девица, так и вышло. Да парень терпит, сколько может, — так и не сказал ни слова.

Бросил его, наконец, девятиголовый, плюется:

«Тьфу, ты, гадина, и голоса не смог послушать!»

Только уснул девятиголовый, приходит девица с зельем и давай залечивать раны-царапины. Чует сын, что силы у него сразу прибыло.

А девица и говорит:

«Не дивись, паренек! не твоя это сила, а девятиголового: сколь убавилось силы у девятиголового, пока тебя мучил, столько у тебя силы прибыло. Потерпи-ка еще ночь, да отвечай, как я тебя учила!»

На следующую ночь опять посылает девятиголовый парня на работу.

А парень отвечает:

«Нанимался я работать только днем. У меня, барин, глаза цыплячьи, ночью ничего не вижу!»

Как услыхал это девятиголовый, сразу же к нему и давай его мучить что есть силы. Стиснул тот зубы и не говорит ни слова.

Бросил его девятиголовый, плюется:

«Тьфу, гадина, и голоса не подает!»

Только улегся девятиголовый спать, опять приходит девица залечивать раны. У парня теперь силы вдвое против вчерашнего прибыло.

На третий вечер все так же выходит, да только девятиголовый мучает еще страшнее. Терпит парень, терпит да и вытерпел.

Плюет тут девятиголовый три раза и говорит:

«Тьфу, гадина, так и не смог я голоса послушать!»

Приходит девица с зельем, лечит раны, а у парня силы в три раза против вчерашнего прибыло.

«Это хорошо, — радуется девица. — Вот тебе острый меч да это зелье, отруби у девятиголового все головы, пока он новой силы не раздобыл. Коли станет девятиголовый огонь выплевывать, лей на него это зелье да руби, сколько силы, зелье погасит огонь».

Сгреб парень меч и отрубил три головы. Тут девятиголовый стал выплевывать огонь. Да только как выплюнет он огонь, заливает его парень зельем, тухнет огонь, а парень рубит да рубит, все девять голов и поотрубил.

Как только скатилась девятая голова, — дррр! дррр! дррр! — задрожала гора и рассыпалась, и на том месте город прекрасный появился.

Девица тут и говорит: «Теперь можем свадьбу справлять, и быть тебе королем в этом городе: ведь я — королевна, единственная дочь покойного короля этого города».

«Не ладно это, девушка, — говорит парень. — Должен я родителей своих на свадьбу позвать,

родню да приятелей. Поеду я в этой самой лодочке, всех позову».

«Ладно, ладно, коли так, возьми вот себе мой перстень. Коли повернешь его три раза на ладони, так сразу же и попадешь, куда хочешь. Да гляди — остерегайся, не сказывай дома, что я, невеста-то твоя, красивая. Ну иди, иди да не забудь, что я тебе сказала».

Повернул тут парень перстень три раза и сразу же у отца очутился. Ну, просит отца, просит мать на свадьбу. Надобно пойти и родню еще попросить.

Идет парень родню просить, а дорогою надобно через барский двор проходить.

Барин по двору погуливает, увидал парня, спрашивает: «Куда идешь?»

Так и так.

«Как же теперь к королевской дочери попасть?» — спрашивает барин.

Так и так.

«Ну, а красавица королевна?»

«Нет, барин, не красавица».

«Ну, так ли красива, как моя старшая дочь?»

«Нет, барин, не так красива!»

«Ну, может, столь красива. как моя средняя дочь?»

«Нет, барин, не так красива!»

«Ну, может столь красива, как моя младшая дочь?»

Разобрала парня злость от этаких расспросов. Вот он и говорит:

«Оставь ты меня в покое! Не бывать твоим дочерям такими красивыми, куда им: моя невеста в десять раз краше!»

Как всегда, так и тут, — вырвалось в сердцах одно-другое лишнее слово. А самое худое-то — перстень исчез.

«Как теперь добраться до невесты?» Идет парень по дороге и плачет.

Тут навстречу ему старая бабка. Это была Лайминя [15]. Спрашивает она парня:

«Ты чего плачешь, сынок?»

Рассказывает парень все, как было.

«Так, сынок, зачем же смеялся ты над добрым советом матушки Лаймы?»

«Не смеялся я, не смеялся; само это у меня глупое слово вырвалось!»

«Ну, ладно! Надень вот этот башмачок да беги к Луне, расспроси про дорогу к Городской горе».

Прибежал парень к Луне, а та — ничего: пусть бежит к Солнцу, оно днем ходит, больше примечает.

Прибежал парень к Солнцу, а оно — ничего: пусть бежит к Ветру, тот во все щели лазит, прислушивается.

Прибежал к Ветру, поздоровался, расспрашивает. Ладно, попробует он сказать, где эта Городская гора.

Берет ветер двенадцать свирелей, выходит вон и дует. Прибегают двенадцать Ветров, только Земэлис [16] один не может прибежать. Ну, кличет Земэлиса так, что все углы трещат.

Немного погодя Земэлис тут как тут, спрашивает:

«Что приказываешь?»

«Где так долго был?» — спрашивает Отец Ветров.

«С Городской горы иду!» — отвечает Земэлис, отдуваясь.

«Отведи-ка мне этого человека на Городскую гору!»

«Ах, милый батюшка, Отец Ветров, да ведь ему же за мной не угнаться!»

«Не мели пустяков, у него на ноге башмачок матушки Лаймы!»

Пустился Земэлис бежать, а парень как побежит, все время Земэлису на пятки наступает. Раз, два — оба на Городской горе.

Тут поженился счастливый парень с королевной и живут благополучно.

(Из сборника П. Шмита, т. III)

ДЕВУШКА УБЕГАЕТ ОТ ЧОРТА

Стояла в старые времена одна корчма. В корчму ходили девушки танцовать.

Раз вечером те девушки, что уже много раз в корчме танцовали, привели одну молодую девицу, которая еще ни разу не была в корчме. У каждой девицы был свой жених, нашла и молодая девушка своего.

Танцует вечером молодая девица, вдруг видит — у жениха хвост.

Глянула тут она на все стороны — все женихи черти.

Испугалась девица, тайком вышла из корчмы и давай удирать. Бежала, бежала, прилегла ухом к земле, слушает — не гонится ли кто за нею. Гудит земля, гонится чорт за нею во всю прыть.

Утомилась девица, вбежала в ригу, где лен был сложен для просушки, взобралась на лен и сидит.

Прибежал чорт и спрашивает:

«Где тут крещеного человека дух?»

Пожалел лен девушку и давай рассказывать чорту длинный рассказ о своей жизни, о том, как попал он сюда в ригу.

Не терпится чорту, хочет он, чтоб лен поскорей рассказал, а лен рассказывает еще медленнее.

Тут петух как запоет, чорт и убежал в болото.

В ту самую ночь та корчма сгорела синим пламенем. Нашли утром только синий пепел, а души девушек забрали черти с собой в болото.

Молодая девушка осталась в живых.

(Из сборника П. Шмита, т. III)

МЕНЬШОЙ БРАТ — КОРОЛЕВИЧ

У одного короля было семь сыновей. Старшему было двадцать пять лет, а младшему только семь. Да что там годы, — храбрости у него одного больше, чем у других шести братьев вместе.

Надумал раз отец послать шестерых своих старших сыновей в чужие края, а младшего, по малым его годам, оставить при себе дома. Да младший сын с этим не согласен, говорит отцу:

«Коли ты, батя, меня с ними не отпустишь, так сам увидишь, что братья мои не вернутся

и не станет их вовсе. Что они без меня там делать станут?»

Послушал отец, подумал да и отпустил его.

Снарядили тут все семеро братьев корабль и поплыли через море в чужие страны. На море поворачивают старшие братья корабль налево, а младший говорит:

«Влево ехать нельзя, надо ехать вправо, а коли не послушаетесь, увидите сами — заблудимся».

Да разве станут старшие братья меньшого слушать: как ехали, так и едут влево.

А младший брат был прав: на третий день корабль так заблудился, что не знают братья ни утра, ни вечера. Давай поворачивать корабль один день в одну сторону, другой день в другую — ничего не выходит.

Проходит так один день, проходит другой, проходит одна неделя, проходит другая, проходит один год, проходит другой, пока семь лет проблуждали.

На седьмой год приходит другая беда: нехватает хлеба. Что тут делать? Увидал это младший брат, кричит на старшего:

«Полезай на мачту да погляди во все стороны, не видать ли где земли!»

Взлезает один брат, оглядывается — нет; взлезает другой брат, оглядывается — нет; повзлезали все шестеро — нет как нет.

«Ну, и диво! — говорит младший брат. — Надо самому лезть, чтоб увидеть, что есть, чего нет!»

Взлезает младший, оглядывается да сразу же и кричит:

«Эх вы, растяпы, ничего не видите, ничего не знаете! Как же я вижу? Да ведь здесь же земля есть! Гляньте-ка хорошенько, вона видать, с муху величиной!»

Поворачивают корабль в ту сторону, и вот через три дня подплывают братья к берегу. А на берегу стоит совсем чужой город.

Король того города выходит братьям навстречу, встречает их ласково, как уж королевичей, и зазывает всех семерых в свой замок. Велел король приготовить кушаний хороших да напитков всяких принести, угощает братьев, чтоб только ели, а сам сидит на конце стола, не пьет, не ест почти ни кусочка.

Увидал это младший сын, спрашивает:

«Почто не ешь вместе со своими гостями? Глянь, король, как мы справляемся! Разве тебе сегодня вовсе есть не хочется?»

«Вчера не хотелось, и сегодня не хочется! Да что тут говорить, братец, с той поры, как пропали семь моих дочерей, ничего душа не принимает».

«А давно ли пропали?»

«Семь лет будет. Младшей тогда было семь лет, и как пошла в полдень со своими сестрами, так все семеро и пропали. Посулил я чуть не полцарства тому, кто найдет дочерей, да все нет как нет».

«Ну, а коли мы, семеро братьев, твоих дочерей найдем, что нам за это обещаешь?» — спрашивает меньшой сын.

«Да я, братцы мои милые, сразу отдал бы их вам в жены: тебе, младшему — самую младшую, а там уж по порядку по возрасту. чтоб

старшему твоему брату досталась моя старшая дочь».

«Ладно, тогда поедем искать. Дай ты только нам продовольствия не меньше чем на семь лет!»

К утру корабль готов. Подняли братья паруса и поплыли.

На море поворачивают старшие братья корабль влево, а младший брат говорит:

«Влево ехать нельзя, надобно ехать вправо, а коли не послушаетесь, сами увидите — заблудимся».

Да разве станут старшие братья меньшого брата слушать: как ехали, так и едут влево.

А младший брат был прав. На третий день корабль так заблудился-запутался, что не знают братья ни утра, ни вечера. Хотят старшие братья опять корабль поворачивать, а младший говорит:

«Что уж тут поворачивать, поезжайте теперь только прямо, что будет, то будет».

Так проходит один день, проходит другой, проходит одна неделя, проходит другая, проходит один год, проходит другой, пока снова семь лет прошло. На седьмой год начинает хлеба нехватать. Что тут делать?

Увидал это младший брат, кричит старшему:

«Полезай на мачту да глянь хорошенько, не видать ли где земли?»

Взлезает один брат, оглядывается — нет; взлезает другой брат, оглядывается — нет; повзлезали все шестеро — нет, как нет.

«Ну и диво! — говорит младший брат. — Надобно самому лезть, чтоб увидеть что есть, чего нет!»

Взлезает младший, глядь, да — видать — вдали земля, с кулак здорового мужика будет.

Поворачивают братья корабль в ту сторону, и вот через три дня подплывают братья к высоким отвесным скалам среди моря. Сплетает младший брат длинную веревочную лестницу, забрасывает ее на один угол скалы, чтоб зацепилась, и лезут все наверх.

Наверху находят братья прекрасный яблоневый сад, а за садом видать паровое поле. Шесть братьев остаются в саду яблоки кушать, а младший брат один идет по паровому полю. Идет, идет меньшой брат, а навстречу ему вдруг, откуда ни возьмись, идет великан с большой дубиной со стропило величиной. Говорит великан:

«Откуда ты, саранча этакая, попал сюда, в удел моего повелителя? Вон пошел, тотчас же убирайся!»

А меньшой брат не уходит. Как не уходит, так великан одним махом вгоняет его в землю по колено. Защемило у меньшого брата сердце от злости, выхватил он свой меч да и отрубил у великана одну ногу по колено.

Упал великан от боли на землю и говорит:

«Не руби больше!»

«Ладно! — отвечает младший брат. — Да только должен ты мне два дела исполнить: первое дело — братьев моих, что в саду остались, не трогать, а другое дело — про землю эту рассказать, что там дальше в ней имеется».

«Братьев твоих трогать не стану, а что в стороне этой хорошего имеется, про то тебе скажет мой второй брат, с которым скоро повстречаешься».

Пошел младший брат дальше. Идет, идет, вдруг, откуда ни возьмись, идет навстречу великан с большой дубиной, со стропило величиной. Говорит ему великан.

«Откуда ты, саранча этакая, попал сюда, в удел моего повелителя? Вон пошел, сразу же убирайся!»

А меньшой брат не уходит. Как не уходит, так великан единым махом вгоняет его в землю по пояс. Загорелось сердце у младшего брата, выхватил он свой меч и отрубил великану одну ногу до половины.

Упал великан от боли на землю и говорит: «Не руби больше!»

«Ладно! — отвечает младший брат. — Да только должен ты мне два дела пообещать: первое дело — братьев моих, что в саду остались, не трогать, а другое дело — про землю эту мне рассказать, что хорошего в ней дальше видать».

«Братьев твоих не трону, а что в стороне этой хорошего видать, про то скажет тебе мой третий брат, которого скоро повстречаешь».

Пошел младший брат дальше. Тут — откуда ни возьмись — идет навстречу третий великан с дубиной величиною с бревно. Говорит великан:

«Откуда ты, саранча этакая, взялся? Как попал в удел моего повелителя? Вон пошел, сразу же убирайся!»

А меньшой брат не уходит. Как не уходит, так великан единым махом вгоняет его в землю до подмышек. Закипела тут у меньшого брата кровь, выхватил он меч и отрубил у великана одну ногу целиком.

Повалился великан от боли на землю и говорит:

«Не руби больше!»

«Ладно! — отвечает меньшой брат. — Да только должен ты мне два дела пообещать: первое дело — братьев моих, что в саду остались, не трогать, а другое дело — про эту землю мне рассказать, что в ней хорошего дальше видать».

«Братьев твоих не трону, а про землю про эту только и могу тебе сказать: заколдована вся эта земля, и сам повелитель этой земли тоже заколдован, стоит жеребцом на конюшне. Если хочешь что-либо делать в этой земле, так сразу же должен ты итти к тому жеребцу. Как придешь на конюшню, станет жеребец крепко беситься. Да ты не бойся, иди через конюшню на другой конец, там увидишь три закрома: медный, серебряный да золотой. Все три закрома овсом полны. Как нагребешь овса из медного закрома да подсыплешь жеребцу, он сразу же немного уймется; как нагребешь из серебряного закрома да подсыплешь, успокоится он еще больше; а как нагребешь из золотого закрома да подсыплешь коню еще раз, тут жеребец совсем уймется и станет ягненка спокойнее. Тут и разговаривать с тобою начнет и скажет все, что делать надо. А больше мне сказать тебе нечего».

Идет младший брат к жеребцу и делает все в точности, как сказано. И подлинно верно, начинает жеребец разговаривать и говорит парню:

«Ты, паренек, должно быть, как примечаю, силен да смел. Разве трех великанов-силачей вовсе не встречал?»

«Ну, как же — встретил, да я их, бедняг, одолел. Третий под конец и научил меня, куда итти да что делать».

«Да ты вправду, паренек, великанов одолел? Ну, тогда и дракона этой земли тоже одолеешь. Дракон живет в этом дворце. У него девять голов и сила ужасная. Он самый и меня в коня заколдовал и у одного короля семь дочерей украл, держит их в замке. Ты в замок пойди в самый полдень, тогда дракон спит. Заходи потихоньку, сними мой меч, что там же на стене висит, своим мечом и не начинай. Там же возле дракона увидишь ты две посудины с зельем: в правой посудине зелье силы, а в левой — слабости. Ты эти посудины подмени: зелье силы, хлебнувши добрый глоток, поставь налево, а зелье слабости — вправо. Как сделаешь все это, так секи дракона моим мечом, как можешь и как умеешь!»

На другой день, в самый полдень, пошел младший брат в замок, достал меч жеребца, подменил посудины с зельем да и напал на дракона: одним махом шесть голов отрубил.

Вскочил тут дракон, зашипел, схватился за зелье, чтоб выпить его тремя оставшимися головами, новой силы набраться и врага своего проглотить. Да не удалось ему, быстро хватая, хлебанул он зелье слабости. Хотел негодник зелье вон выплюнуть, да уж ничего не помогло, сила ушла, и снял младший брат те три головы, как шляпы.

Только скатились последние головы у дракона, как пошла вокруг новая жизнь: поднялся город, замелькали люди, объявилась скотина.

Увидал это младший брат, просто испугался. Бежит к жеребцу на конюшню. А жеребец рад без конца, говорит ему:

«Ты — настоящий мужчина! Спасибо тебе, что спас мою землю, мой город, моих людей, мое богатство да и меня самого! В тридевять дней стану я опять человеком, этой земли властелином. Иди, братец, теперь во дворец, бери на память мой меч и делай то, что самому тебе любо: хочешь — со мной жить оставайся, коли хочешь — домой ступай».

«Нет, друг, возьму я лучше тех семь королевен да поеду в свою сторону, в отцовском доме всего лучше живется».

«Ладно, ладно, не забудь только меч мой с собою взять!»

Забирает младший брат королевских дочерей и к братьям на берег моря торопится.

Семеро королевен без конца радуются, а братья только плечами пожимают да удивляются. Как слезли все со скалы на корабль, тут младший брат как всплеснет руками:

«Где же мой меч драконовый, дареный! Ведь забыл! Чтоб тебе провалиться, надо итти за ним, этого оставить нельзя!»

Пошел младший брат за мечом, а остальные братья его и не дожидаются. Они решили так:

«Поедем одни, пусть он остается! Скажем тестю нашему, что это мы спасли его дочерей. По крайности тогда хоть один из нас шестерых младшую дочь получит в жены, а младшая дочь, сколь ведомо, и есть наследница королевства. Коли так не сделаем, так меньшой брат получит сливки, а мы на сыворотке останемся.

Да еще и от хвастовства его так избавимся! Он только спас, мы в саду гнили, великанов боялись, яблоки ели. Так вот, иначе дело не пойдет. Надобно только приказать младшей дочери, чтобы говорила, как и мы. Она должна дать обещание молчать.

Как сговорились, так и сделали. Уехали братья — меньшого брата обманули.

Прибегает бедняга с мечом драконовым в руках назад к берегу, а братьев не слыхать, не видать. Что тут делать? Бежит опять к жеребцу. Прибежал к жеребцу, а тот и говорит:

«Я ж тебе сказал, не забудь сразу же меч с собой взять. Иди теперь на двор, там налево яблоня стоит с золотыми яблочками. Сорви три яблока и принеси сюда мне, да гляди — не ешь сам!»

Идет младший брат за яблоками. А яблоки такие красивые, такие красивые. Он и думает:

«Разве жеребец узнает? Надо одно такое прекрасное яблоко отведать».

Сунул три яблока в карман, срывает четвертое, откусывает. Да только укусил он яблоко, пропадают яблоки из кармана, пропадает и сама яблоня.

Опять беда. Идет к жеребцу, жеребец говорит:

«Ты что ж не слушаешься, коли я говорю? Этак вовсе домой не попадешь. Иди снова на двор, там направо увидишь другую яблоню с такими же яблоками, да теперь не ешь!»

Теперь младший брат слушается.

Берет жеребец золотые яблоки и говорит:

«Садись на меня, понесу тебя домой. Мы должны очень торопиться: первое дело — мое

время жеребцом быть скоро кончается, другое дело — очень хотелось бы мне поспеть раньше твоих хитрых братьев».

«За сколько дней думаешь ты перенести меня в замок короля, моего будущего тестя?»

«В четыре дня будем там!»

«Ну, тогда не поспеть нам раньше братьев. У них больно хороший попутный ветер, сдается мне, что дня в два будут они уже дома. Это бы ничего, да боюсь я, чтобы не выманили негодники младшей дочери у короля. Тут уж мне беда. Ну, да что будет, то будет».

Сказал это младший брат, вскочил на жеребца и поскакал по воздуху, как ветер.

Дорогою отдает жеребец младшему брату те три яблока и говорит:

«Коли устанешь, так кидай одно яблоко через плечо. Сразу же королевский город появится, где мы переночевать сможем. Только гляди — наутро чужой король станет тебя всякими подарками одаривать, а ты ничего не бери, возьми только старый платок, в котором подарки завязаны будут. Да еще — коли станешь яблоко через плечо кидать, не забудь сказать: «Ну, теперь пора отдохнуть!»

К вечеру младший брат утомился. Берет он золотое яблоко, кидает себе через плечо и говорит:

«Ну, теперь пора отдохнуть!»

Сразу же появляется большой город и сам король выходит навстречу, ездока к себе приглашает.

Утром дарит король своему гостю и такие и этакие подарки, а гость благодарит, ничего не

берет — только старый платочек. С тем и отъезжает.

Дорогою спрашивает жеребец: «Платок-то добыл?»

«Добыл!»

«Ну, тогда ладно! Только береги крепко, он тебе в свое время пригодится. И сегодня, коли устанешь, так кидай другое яблоко через плечо и скажи: «Ну, теперь пора отдохнуть!» Сразу же появится королевский город, где и сможем отдохнуть. Да гляди — станет король на другое утро дарить тебе всякие дорогие подарки, а ты не бери, возьми только старый фонарь!».

К вечеру утомился младший брат. Берет он золотое яблоко, бросает его через плечо и говорит:

«Ну, теперь пора отдохнуть!»

Сразу же появляется большой город, и сам король выходит навстречу, ездока к себе приглашает.

Наутро дарит царь своему гостю и такие и этакие подарки, а гость благодарит, ничего не берет, только взял старый фонарь. С тем и отъехал, благодарствуя.

Дорогою жеребец спрашивает:

«Добыл ли фонарик?»

«Добыл!»

«Ну, тогда ладно! Только спрячь его получше, он тебе в свое время пригодится. Ну, коли и сегодня опять устанешь, так кинь через плечо третье яблоко и скажи: «Ну, теперь пора отдохнуть!» Сразу же появится королевский город, где и сможем переночевать. Только помни — станет король на другое утро дарить

тебе всякие подарки, да ты не бери их, а возьми только заплесневевшую лепешечку!»

К вечеру утомился младший брат. Берет он золотое яблочко, бросает его через плечо и говорит:

«Ну теперь пора отдохнуть!»

Сразу же появляется большой город и сам король выходит навстречу, ездока к себе приглашает.

Утром дарит король своему гостю и такие и этакие дорогие подарки, а младший брат благодарствует, ничего не берет, а только взял заплесневевшую лепешечку. С тем и отъезжает, благодарствуя.

Дорогою жеребец спрашивает:

«Лепешку-то добыл?»

«Добыл!»

«Ну, тогда ладно! Только береги ее, она тебе пригодится в свое время».

На четвертый день к вечеру прибыл младший брат к замку своего будущего тестя. Попрощался тут с ним жеребец и говорит:

«Живи счастливо, а я должен назад спешить: еще несколько дней, и время уже мое прошло».

Думал младший брат найти своих хитрых братьев у короля, да нет: те при таком хорошем попутном ветре давно уже приехали к зàмку, понарассказывали королю полную голову о геройских своих подвигах; ну, король еще вчера отдал каждому по дочери в жены, а сегодня утром уехали они все к отцу домой. Больно хотелось одному брату получить у короля младшую дочь в жены, да младшая не пошла и не пошла

Дознался король про это да и сам сказал тоже:

«Младшая обещана младшему брату, а коли младший брат, по вашим словам, вовсе пропал, так пусть и моя младшая дочь лучше при мне останется». Так и случилось. Да вот диво! В тот же день к вечеру является младший брат к королю и рассказывает, как все на самом деле было.

Подпрыгивает старик от злости:

«Этакий обман! И угораздило ж меня таким мошенникам своих дочерей отдать! Каковы теперь, а каковы еще будут! А вот ты — честный паренек, вот тебе моя младшая дочь, и будешь ты после моей смерти королем в этой земле!»

Взял меньшой брат себе в жены младшую королевну и думал у тестя жить. Да через неделю приходит ему в голову:

«Этак не гоже, должен я к отцу итти. Братья, небось, ему голову задурили своими рассказами, поверит бедный отец этим вралям да станет обо мне зря печалиться. Пусть моя женка здесь остается, а я пойду отца проведать!»

Вот и пошел младший брат.

А братья, как увидели младшего брата, схватили его, повели в лес да и бросили в глубокую, преглубокую медвежью берлогу, пусть помирает с голоду. Отец об этом, мол, ничего не узнает.

А младший брат с голоду не помер. Припомнил он про свой платок, про фонарик да лепешку. Только он платок на землю обронил — сразу же в медвежьей берлоге большой дворец появился; только он фонарик на стол во дворце поставил — весь дворец и осветило, а как

положил на стол лепешку — сразу на столе появилась всякая снедь да напитки.

Так и живет в глубокой яме младший брат. День прожил, другой прожил, одну неделю прожил, другую неделю, один месяц прожил, другой месяц, — ни тебе человек какой попадется, чтоб вылезть пособил, ни тебе самому выбраться.

Ждет молода женушка один день, ждет другой, ждет одну неделю, другую неделю, ждет один месяц, ждет другой: ни тебе весточки, ни самого муженька. Сколько же так ждать? Собрала войско и пошла отыскивать.

Приходит войско к воротам свекрова города и приказывает выйти старшему брату.

Выходит старший брат. А молодая родственница, войска предводительница, спрашивает старшего брата.

«Куда меньшого брата дел?»

Старший брат плечами пожимает, знать ничего не знает.

«Ну, коли старший брат ничего не знает, пусть другой брат придет!»

Выходит другой брат. То же самое.

Выкликает тут всех шестерых — ничего не знают.

Да кто раз наврал, кто тому в другой раз поверит? Так и тут. Молодая родственница разговаривает тут с ними совсем коротко:

«В тот раз тоже сказывали, что ничего не знаете куда меньшой делся, не ведаете, теперь та же беда! Воины, хватайте их, поведем с собой в тюрьму. Там они узнают, куда их брат поделся».

Да тут вот смех и вышел. Как услыхали жены, что мужья должны в тюрьму итти, выбе-

гают все шестеро и кричат благим матом, пусть отпустят, скажут они — куда брат поделся.

Ладно. Как рассказали все, как было, двинулось войско с шестью злодеями да их женами к медвежьей берлоге, и старый отец тоже с ними — меньшого брата искать. Никто не надеется, что он еще жив.

Да только приходят к берлоге — диво-дивное: в глубокой ямище за̀мок стоит, а в замке младший брат, здоров как редька.

Заплакала тут женка, мужа увидавши, катятся слезы от радости.

Заплакал и старый отец, плакал и от радости и от горя. Как поглядит на меньшого сына — катятся слезы радостные, а как глянет на старших сыновей, этаких негодяев — катятся слезы от горя. Не знает, как и успокоиться. Под конец говорит старый:

«Вы, шестеро злодеев, прочь с моих глаз! А ты, мой сынок, останешься после моей смерти королем. Заслужил ты, чтоб жилось тебе хорошо».

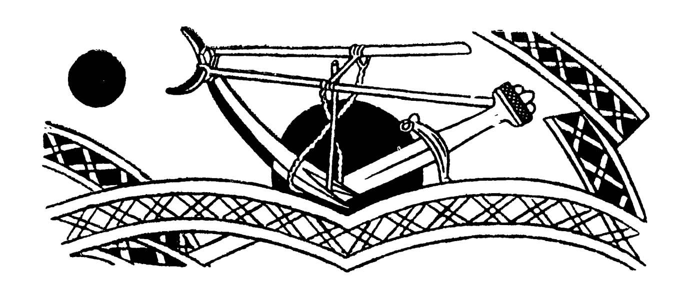
Услыхали это шесть братьев, побледнели, как мертвецы. Хватаются за отца, за младшего брата, просят, чтоб простил.

Младший брат простил сразу, а отец не дался упросить. Стал тут и младший брат просить за братьев. Просил, просил — едва выпросил.

«Ладно! — говорит старый отец. — Приму я вас опять в сыновья, да только государство наследует мой младший сын!»

Так и стало у меньшого сына два королевства.

(Из сборника П. Шмита, т. III)

ЧОРТ В ГРОБУ

Как-то много-много лет назад пошла работница в полночь на гумно по корм скотине. Торопилась работница, утром на барщину итти надобно, а с барщины раньше вечера домой не вернешься.

Взлезла работница наверх, связала вязку гороховины и только скинуть вниз на ток собиралась, как видит — входят в гумно два барина в черном.

Испугалась работница и запряталась в гороховине.

Вот один из пришедших и говорит другому: «Который из нас будет в гробу лежать и который понесет?»

«Я буду в гробу лежать, а ты неси!» — отвечает другой.

«Ну, ладно! — говорит первый. — Лежи ты! Были бы люди поумней, так они бы тебя из гроба выгнали».

«Как же это?» — спрашивает другой.

«Да вот, подсунули бы тебе к губам накаленное железо, как ты в гробу будешь лежать, так ты бы так выскочил из гроба, что только бы ветер мимо ушей засвистал».

«Да разве так может статься? Кто же людям скажет про это? — возразил другой. — Они хорошо будут петь да плакать у моего гроба», — смеясь добавил он.

Затем оба чорта ушли из гумна.

Испугалась работница насмерть. Тяжело стало на сердце.

Накормила скотину и давай собираться на барщину.

Совсем уж собралась итти на барский двор, да хозяина нет. А хозяину тоже на барщину итти надобно. Искала, искала, кликала, кликала — нет как нет. Наконец нашли хозяина в саду; висит на яблоне — повесился. Рассказала тут работница хозяйке, что на гумне видела да слышала.

Начали домашние покойника прибирать и вздумали в день похорон поиспытать, что будет, коли приложить хозяину к губам накаленное железо.

Сказано — сделано! Только ветер засвистал — а гроб пуст.

Не понравилось хозяйке, что гроб опустел, что унесли черти ее хозяина. Похороны завтра, а гроб пуст. Кого же теперь хоронить, как же пустой гроб на кладбище везти?

Подала хозяйка на работницу в суд.

Рассказывает работница судьям, что видела да слышала на гумне. Ну, судьи и отпустили работницу домой.

С той поры петухи в усадьбе, черный да белый, каждое утро на чердаке распевают:

«Тут и есть! Тут и есть!» — это черный.

«Прочь! Прочь!» — отвечает белый.

(Из сборника П. Шмита, т. III).

РУСАЛКА

Жил человек с женой у моря. Хлеба у них на еду нехватало, денег не водилось, детей тоже не было. Ходил человек изо дня в день на море рыбу ловить.

Как-то пошел человек рыбу ловить, да на этот раз ни одна рыбина не попалась. Хотел уже человек домой итти, как вдруг показывается из воды русалка и говорит:

«Коли отдашь мне через три года то, что у твоей жены нового дома, так дам я тебе много рыбы».

«Ладно! — говорит человек. — Согласен!»

А дома у жены за это время сын родился.

Пожалел человек, что сына отдал, да ничего не поделаешь — что сделано, то сделано.

Через три года сын у них был такой рослый да сильный, как двадцатипятилетний. Дал ему отец коня и повел на море к русалке.

Сын русалки не нашел и поехал дальше. Ехал, ехал, под конец заблудился в большом лесу и наехал на прекрасный за̀мок.

Привязал сын коня у ворот и заходит в за̀мок. Ходил, ходил по за̀мку — нигде никого не видать.

Вот сын и думает:

«Что бы там ни было, а надо сходить коня в конюшню поставить!»

Поставил коня и опять в замок идет. Пришел в покои, видит — ужин на столе. Ну, давай есть. Поел как следует да и глянул в зеркало.

А в зеркале видит — стоит у него за спиной женщина, совсем черная. Начал с женщиной разговаривать. Женщина и говорит:

«Заколдована я. Пойди в спальню, там тебе постель постелена. Да перед тем как в постель ложиться, обведи мелом вокруг кровати круг на полу, а в постели лежа — молись: сегодня ночью у чорта свадьба будет. Венчать будут недалеко от твоей кровати, так ты изловчись да сними у жениха браслет с руки. Как браслет снимешь, скорехонько в кровать да спи — ни один чорт за круг ступить не посмеет!»

Ладно. Обвел это он круг, лег в постель и богу молится.

Под полночь стали черти собираться, комната вся полна. Тут он живо-живехонько стащил у жениха браслет с руки да опять в обведенный круг.

Кинулись за ним черти, да ни один не смог дальше, как до круга. На рассвете все черти разбежались.

Наутро встал сын и пошел коня поглядеть, глядь, а конь уже накормлен. Пришел от коня в замок, а на столе уж еда стоит — сел и давай есть.

Так прошел этот день. Приходит другой вечер, а тут и ужинать пора. Как поел, глядь

в зеркало, там опять та же женщина стоит, да только голова у нее уже совсем белая.

Говорит ему эта женщина так:

«Обведи сегодня вокруг кровати круг побольше да молись богу: сегодня будут у чорта крестины. А как станут крестить, ты изловчись да сними у чортова детеныша шапочку».

И верно, под полночь собрались черти на крестины. Изловчился сын да и стащил у чортова детеныша шапочку. Кинулись за ним черти, да ни один за круг ступить не смог. На рассвете опять черти пропали.

На третий вечер поглядел сын в зеркало и видит: женщина почти вся уж белая, только ноги еще черные. Говорит ему женщина:

«Нынче обведи круг еще больше да молись от всего сердца: у чорта сегодня ночью похороны будут и должен ты взять у них крышку с гроба. Больно трудно будет тебе это сделать, да коли удастся тебе, так и мне и тебе будет хорошо».

Обвел сын большой-пребольшой круг и стал богу молиться. Под полночь пришли черти на похороны, а сын у них и снял крышку с гроба. Кинулись за ним черти, да ничего не могли поделать.

Наутро — только сын поднялся — приходит к нему та же женщина, совсем уж белая, и говорит:

«Ты меня спас, заколдована я была и должна была чорту прислуживать. А браслет этот держи теперь всегда при себе: коли не будет у тебя с собой браслета, так русалка затащит тебя в море».

Ну, женился сын на спасенной женщине, и живут себе счастливо.

Но как-то пошел сын на охоту и забыл дома браслет. Охотился, охотился, вдруг видит — сидит на макушке дерева большая красная птица.

Выстрелил первый раз в птицу — птица только отряхнулась; выстрелил в другой раз — птица опять отряхнулась, как выстрелил в третий раз — обернулась птица в русалку и поташила сына в море.

Молодуха дома, мужа не дождавшись, сразу догадалась, куда он делся, — пошла скорее к морю и давай у моря красиво петь.

Услыхала русалка, выходит из моря и спрашивает:

«Чего ты хочешь, коль поешь?»

«Хочу еще раз своего мужа видеть, покажи мне его».

Показала русалка мужа, да обратно его в море утащила.

На другой день приходит опять молодуха к морю и начинает петь еще красивее. Выходит русалка из моря:

«Чего ты хочешь?»

Та отвечает:

«Дам я тебе шапочку чортова детеныша, коли ты мне мужа покажешь».

Ладно. Показала русалка, а та отдала ей за это шапочку чортова детеныша.

На третий день приходит молодуха опять к морю и поет так красиво, что все море звучит. Выходит русалка из моря:

«Чего ты хочешь?»

Та отвечает: «Дам я тебе крышку от чортова гроба, коли позволишь один раз с мужем поцеловаться».

Русалка позволяет. А та положила браслет в рот и, с мужем целуясь, втолкнула браслет ему в рот.

Не может больше русалка втащить мужа в море, схватила заместо него жену да и утащила в море.

Ходит муж по берегу моря, горюет о жене, раздумывает, как бы ее выручить. Под конец пришла ему в голову хорошая мысль: скликал он всех морских мышей и спрашивает:

«Кто из вас видал мою жену?»

Ни одна мышка ничего не ответила, только старшая говорит:

«Знаю, уложена она под большую скалу, да я попробую ее вынести».

И правда — уходит мышь, а через некоторое время приносит мужу жену.

Ну, пошли они назад в свой зàмок и живут еще сегодня счастливо, коли только один из них вчера не помер.

(Из сборника П. Шмита, т. III)

КОЛДУН И ПАРНИШКА

Идет раз парнишка лесом, встречает одного барина, а тот и спрашивает:

«Читать умеешь?»

Парнишка отвечает: «Умею!»

Пробормотал барин что-то себе под нос и дальше расспрашивает:

«А по-немецки тоже умеешь?»

«Нет!»

«Ну, а по-русски?»

«По-русски — да!» — отвечает парнишка.

«Ах, так ты тоже из святошей!» — говорит барин и уходит. А барин тот был сам чорт.

Думает парнишка: «Что это должно означать?»

Сделал парнишка круг по лесу и опять тому барину навстречу. Тот снова спрашивает:

«Читать умеешь?»

«Нет, ничего не умею!»

«Какие языки знаешь?»

«Только латышский, больше никаких!»

«Не хочешь ли ко мне в работники пойти? Одна у тебя работа будет: книги обтирать да стеречь».

Парнишка согласен, идет с барином вместе и вытирает там книги. Да захотелось парнишке узнать, что там в книгах написано. Давай перелистывать, да тут только и догадался, что за птица барин. В книгах были разные колдовские слова, на немецком языке написанные. Парнишка по-немецки малость понимал, начал по тем книгам учиться и стал настоящим колдуном.

Каждый вечер повадился приезжать туда какой-то белый барин, оглядывал все добро и говорил только по-русски. Вот раз и говорит он парнишке:

«Удирай отсюда поскорей, не то — смерть тебе!»

Тут и сам парнишка как-то подслушал — говорит чорт. его барин, по-немецки другим чертям:

«Завтра вечером собирайтесь все, будем бить моего работника, пока в собаку не обернется. Боюсь я только, не понимает ли он по-русски да не подучил ли его добрый дух, чтобы удирал».

Как услыхал это парнишка, обернулся он чрез колдовское слово в серну да и наутек. Узнал об этом барин-чорт, обернулся в гончую собаку и погнался ловить. Чуть-чуть было не изловил. Да парнишка обернулся ласточкой. Обернулся чорт соколом да на ласточку. Ласточка кинулась наземь, обернулась мышкой да в нору и спряталась. Обернулся чорт змеей да за мышкой. Выскочил парнишка из норы, обернулся аистом да и проглотил змею.

Ну, обернулся парнишка опять в человека и пошел к королю. Приходит, а сторож и на двор его не пускает. Да парнишка только показал ему кукиш, сразу же сторож в камень обернулся.

Вошел парнишка в за̀мок, а у короля как раз гости — чужой король гостит. Увидал чужой король парнишку, давай над ним смеяться. А парнишка как тряхнет головой, сразу же все волосы у него змеями обернулись.

Испугался чужой король, за щит за свой прячется.

Тут король приглашает парнишку к себе, велит разыскать трех дочерей своих, что чорт украл, и говорит:

«Коли дочерей разыщешь, младшую получишь в жены!»

Разузнал парнишка, где они да как их сыскать, выплавил себе из свинца большую палицу и пошел. А силу-то он себе наколдовал огромную.

Шел, шел — пришел к старшей сестре. Входит в зáмок, та обедает со своим мужем, трехголовым.

Как увидал парнишку трехголовый, тут же встал, подводит парнишку к кипящему котлу и говорит:

«Прыгни сюда!»

Парнишка отвечает:

«Покажи-ка, как прыгнуть-то!»

Становится чорт у котла, у самого края, занес одну ногу над котлом и говорит:

«Вон как!»

А парнишка как даст своей палицей ему по спине, чорт — шлёп! — в котел.

Пошел парнишка дальше, приходит к зáмку средней дочери. Входит в зáмок, а там муж ее, шестиголовый, спит.

Не хочется парнишке спящего убивать, давай его будить. Как вскочит тот, ухватил нож да на парнишку. А парнишка вышиб у него нож из руки да как треснул по боку, шесть ребер вон.

Торопится теперь парнишка к младшей дочери. Приходит к зáмку. Та одна дома, говорит парнишке:

«Зачем пришел ты сюда? Придет девятиголовый чорт, он тебя в землю вгонит».

Спрятался парнишка за печкой. Приходит девятиголовый чорт и гремит на весь зáмок:

«Что тут за чужой дух?»

И двинулся девятиголовый прямо за печку. А парнишка ему навстречу.

Посчастливилось парнишке первому ударить — ушел чорт по колена в землю,

Тут как даст чорт парнишке — ушел парнишка в землю выше колен. Ударил парнишка в другой раз — погрузился чорт в землю по пузо.

Ударил чорт второй раз — ушел парнишка в землю до пупа. Тут собрался парнишка с последней силой да так дал чорту, что погрузился тот в землю выше груди. Не может чорт больше ударить парнишку.

Выбрался парнишка из земли, ударил чорта еще раз да и вогнал его совсем в землю.

Забрал тут парнишка всех трех королевен, повез к королю, женился на младшей, построил себе красивый дворец да и зажил спокойно. Только иногда для забавы ездит кататься.

(Из сборника П. Шмита, т. III)

КУРБАД (КОБЫЛИЙ СЫН)

В былые времена жил-был хозяин, у которого не было детей. Хозяин не больно об этом печалился да вот жена каждый день сетовала да причитывала. А когда на ту беду сам хозяин через семь лет помер, так хозяйкиному горю и конца нет.

«Ну, помер бы муж, помер — терпи, да кабы у меня только ребеночек был, поколыхать бы!»

Вот в который день прослышала вдова, что в городе один бедный человек, по бедности по своей, надумал отдать одного из своих девяти сыновей в чужие люди на воспитание. Тут же велит запрягать жеребца и едет в город.

Да уж коли не везет, так не везет: человек-то ребенка только-только отдал.

«Чтоб ты пропал! — воскликнул работник. — Зря проездили, хозяйка!»

Хозяйка с горя не отвечает ни полсловечка.

На обратном пути, недалеко от дома, переезжают ездоки речку и вдруг видят — выскочила из реки на берег большая рыбина. Барахтается рыбина на берегу, будто не может обратно в воду попасть.

Работник живо выскочил из повозки, хочет ту рыбину изловить, а рыбина прыгает в воду да и говорит:

«Пусть приходит сама хозяйка, тогда поддамся!»

Идет хозяйка сама. Верно, выскакивает рыбина опять на берег да и говорит хозяйке:

«Послушай, хозяйка, бери меня, зарежь, свари и съешь, пошлет тогда тебе Лайминя [15] сына. Да гляди, чтоб никто другой не съел от меня ни кусочка».

Хозяйка так и делает: берет рыбину, везет домой. Зарезала, поставила варить да и говорит работнице, чтоб ни рыбьего супа, ни мяса не ела.

А работница тебя послушается! Надо же отведать, как соль; да разве в другие дни приходила хоть раз хозяйка поварешку лизать?

«Чего там, с нее хватит!»

Отколупала кусок рыбы — хорошо; попробовала из поварешки — хорошо. Чешуя, потроха против печи лежат, не гоже это, — выбросила за дверь на сметник.

А кобыла весь день на дворе травник грызет попала в сорный угол, съела чешую да и

потроха поела. Что ж тут говорить: где голод, там даже и потроха вкусны. Хозяин помер — нет его, работника тоже целый день дома не видать: у бедной кобылы в желудке праздник, урчит только желудок.

Да что получилось на следующую ночь? На следующую ночь рождается у хозяйки сын, рождается у работницы сын и у кобылы также сын. Прозвали люди кобыльего сына Курбадом.

Все трое мальчишек вместе росли; только Курбад обоих смелей да сильнее. Любимейшая его еда — ореховое ядро, питье — кобылье молоко. а для спанья любимое место — у печи на лежанке.

На пятом году бегает Курбад по лесу — не дает дороги малым деревцам; на шестом году — ни одно дерево для него не велико, а на седьмом — не боится он ни волка, ни медведя.

Через несколько лет вырос Курбад таким дюжим силачом, что все домашние работы, даже самые тяжелые, для него — сущий пустяк. Пота на лбу, как у прочих людей, он еще и не видывал.

Вот вбилось ему в голову такую работу повиднее сработать, чтоб и пот довелось вытереть.

Как-то говорит силач обоим своим сводным братьям, сыну хозяйки да сыну работницы, что надумал он вечером вычистить новую избу. А избу ту новую еще хозяин покойный срубил, да одна беда: хозяин-то надумал, как вот сегодня бы перебраться, а домовой уже раньше, как бы вчера вот, вперед залез. Ничего не по-

делаешь, жить там мочи не было, а беса выгнать и совсем невозможно.

Сводные братья, конечно, противятся: что тут втроем поделаешь, когда всем домом вместе ничего сделать не сделали.

А Курбад отвечает:

«Что варено да жарено—не так душа принимает, как зелененькое!»

Под конец послушались и сводные братья, идут за ним следом в захваченную избу. В сумерках начинают в щелях избы мошки да букашки промеж себя разговаривать:

«Поглядим, не вылетят ли эти вон как отрепья! Пусть только наш трехголовый господин мост через реку перейдет».

Курбад этот разговор слышит, а сводные братья нет.

Перед полночью говорит Курбад сыну работницы:

«Ты самый слабый из нас, бери свой меч и иди сторожить мост через реку. Придет туда великан с тремя головами, ты его не пропускай через мост. Он слабейший из трех великанов, так ты с ним и разделайся!»

А сын работницы отвечает коротко:

«Мне какое дело! По мне так пусть там идет, кто хочет».

«Ну, коли ты боишься, так я сам пойду. Так делать не годится, через мост пропускать нельзя, иначе его сила возьмет. На всякий случай поставлю здесь на окне ковш с водой; коли покажется в нем молоко, так в бою мне хорошо везет, а коли кровь покажется, так бегите к моей матери, пусть мне на помощь поспешит.

Да будьте наготове, не запамятуйте, что сказал!»

Опоясывает Курбад свой меч, идет на берег реки, садится перед мостом и ждет.

До полуночи все тихо, только лягушки в реке, лесные гуси в воздухе да ласточки под мостом промеж себя разговаривают:

Лягушки кричат на реке: «Курбад! Курбад!»

Гуси в воздухе: «Прогонит! Прогонит!»

Ласточки под мостом: «У большого великана три головы, все три — чирк!»

Тут в самую полночь слышит — идут великановы разведчики: собака по полю тявкает да сокол по воздуху свистит. Вытаскивает Курбад свой меч, подымается и выставляет его перед мостом вперед.

Гудит вся земля, идет великан о трех головах. Да как наткнулся на меч Курбада, так и остановился, как перед стеной.

Хоть и кричит великан: «Курбад, гадина ты, пусти меня через мост!»

А Курбад держит свой меч, как держал, и отвечает:

«Не пущу!»

Три раза приказывал великан, чтоб отступил Курбад, да ничего не помогло. Осерчал великан, кричит Курбаду:

«Дунь-ка в поле, чтоб видел я, сколько можешь ты выдуть денег из-под моста, из моего кошеля!»

Дунул Курбад и надул целый секс [17] золотых денег.

Стал дуть трехголовый и надул только полсекса, да и то медяков.

Как увидал это великан, хочет уж назад вернуться, да Курбад не пускает: пусть деньги для него пособирает. Великан не слушается. Ну, коли не слушаешься, давай на мечах биться.

Ну и началась сеча: задрожал мост, загудела земля, мечи зазвенели, а под конец стали головы у трехголового от плеч отлетать и хлестко падать наземь.

Одолевши трехголового, пирует Курбад на радостях со своими сводными братьями до другого вечера. А как темнеть стало, прекратили они потеху и в избу поспешают.

А в щелях избы мошки да букашки уж промеж себя разговаривают:

«Ну, погоди, трехголового ты осилил, а с шестиголовым что делать станешь!»

Курбад этот разговор слышит, а сводные братья нет.

Перед полночью говорит Курбад сыну хозяйки:

«Иди сегодня ночью сторожить мост!»

Да этот боится так же, как и первый, потому и отговаривается:

«Мне какое дело! По мне так пусть там идет, кто хочет».

«Ну, коли вы такие трусы, так сам я опять должен итти Одно лишь делать не следует: через мост пропускать нельзя, иначе — его сила возьмет. На всякий случай поставлю здесь ковш с водой: коли молоко в нем покажется, то хорошо, а коли кровь, так бегите к матери».

Идет Курбад на берег реки. Все тихо, только лягушки квакают: «Курбад! Курбад!»

Лесные гуси покрикивают: «Прогонит! Прогонит!»

А ласточки под мостом чирикают: «У большого великана шесть голов, да все — чирк!»

Тут в самую полночь слышит — идут великановы разведчики: собака по полю тявкает, да сокол по воздуху свистит. Подымается Курбад и загораживает мост мечом.

Идет великан о шести головах, гудит вся земля, дрожит мост, да дальше некуда — меч перед ним.

Хоть и орет великан: «Курбад, падаль этакая, пусти меня через мост!» — да Курбад держит свой меч, как держал, и отвечает:

«Не пущу ни за что!»

Три раза приказывал шестиголовый великан, чтоб отступил Курбад, да ничего не помогло. Осерчал великан, кричит:

«Дунь-ка в поле, чтоб видел я, сколько можешь ты выдуть денег из-под моста, из моего кошеля!»

Дует Курбад и покрывает целое пурное место золотыми монетами; а шестиголовый—всего только половину пурного места медяками.

Как увидал это великан, хочет уж назад повернуть, да Курбад не пускает: пусть деньги для него пособирает. Великан не собирает. Ну, коли не слушается, давай на мечах биться.

Ну, и началась сеча: задрожал мост, загудела земля, мечи зазвенели, а под конец головы шестиголового, от плеч откатываясь, хлестко падали наземь.

Идет Курбад домой веселый, и сразу же ложится спать, чтоб подкрепиться к завтрашнему бою.

На третий вечер в щелях избы мошки да букашки очень беспокоятся, промеж себя разговаривают:

«Тьфу, пропасть! Этот двух уже осилил. Ну, да пусть, пусть, с нашим девятиголовым этакий карапуз и начать не посмеет!»

Курбад слышит этот разговор, а сводные братья нет. Ставит он ковш воды на окно, строго-настрого приказывает сводным братьям, чтоб сегодняшнюю ночь не спускали глаз с ковша, а сам к мосту поспешает. Все так же тихо, как все вечера, только квакают лягушки без перерыва: «Курбад! Курбад!»

Лесные гуси покрикивают: «Прогонит! Прогонит!»

А ласточки кричат, как угорелые: «У девятиголового головы этой ночью — чирк!»

Тут под самую полночь слышно — идут великановы разведчики: девять собак по полю тявкают, девять соколов по воздуху свистят.

Становится Курбад на середину моста. Подходит великан и кричит:

«Курбад, падаль этакая, пропусти меня!»

Курбад отвечает: «Ты что это, голова гроздевая, отвиливаешь, что тут распеваешь — ходи биться!»

Ладно. Рубит Курбад что мочи. Уже одна голова отлетела, да на ее месте сразу вырастают три новых; отлетает другая голова — на ее месте вырастают еще три новых; отлетает третья голова — три на ее месте.

Видит Курбад, что этак конца не будет, откидывает меч в сторону и голыми руками хватает великана за загривок. Да великан одним

первым взмахом вгоняет Курбада по колено в землю, а другим взмахом до подмышек.

Плохо приходится Курбаду, говорит он великану:

«Все бойцы на минуту отдыхают, — отдохнем и мы».

Ладно. Великан садится, отдыхает. А у Курбада одно в голове — как бы мать помогла. Да откуда же матери знать, что на помощь итти надо, коли сводные братья заснули, за ковшом не глядят, вестей не дают.

Стащил тут Курбад с ноги постолу и бросает прямо в окно избы, где сводные братья заснули.

Просыпаются сводные братья, глядь: полон кувшин крови. Как угорелые бегут к кобыле, а та раз-два к Курбаду на помощь.

Теперь пошло хорошо: как сын голову отрубил, мать по тому месту так лягнет изо всей силы, что сразу же белые искры сыплются и обрубленное место обжигают, новым головам уж отрасти невозможно. В несколько минут лежит великан как чурбан.

После битвы идет Курбад в очищенную избу спать. Сон так скоро не приходит, и слышит Курбад — в щелях стены мошки да букашки разговаривают:

«Этакий злодей, поубивал всех наших мужей! Ну, да ладно, пусть мужей и убил, пусть, да ведьмы, жены убитых, отплатят этому карапузу. Как пойдут они завтра все трое по дороге, так ты, жена трехголового, обернись в кроватку. Увидит кроватку один да так захочет спать, что тут же в нее и ляжет. Как ляжет — в наших руках. Ты, жена шестиголового,

обернись в родник; как увидит родник другой, так сразу же пить захочет, а станет пить — в наших когтях очутится. А жена девятиголового то в змею обернется, то в людоеда, да так станет наседать на того сильного злодея, пока не отомстит за мужа».

С утра отдает Курбад матерям собранные деньги, чтоб было у них всего вдоволь, а сам со сводными братьями отправляется в путь-дорогу.

Идут, идут — увидали на краю дороги прекрасную кроватку. Сыну работницы тотчас захотелось спать, да так крепко, что не удержаться. А Курбад спать не позволяет, вытаскивает он свой меч да и рубит кровать крест-накрест.

Вместо ручейка только лужа крови осталась, и сон пропал.

Идут дальше, видят прозрачный родничок. У сына хозяйки вдруг такая жажда появилась, что он — к роднику во что бы то ни стало. А Курбад пить не позволяет, вытаскивает свой меч и рубит родник крест-накрест.

Вместо ручейка лужа крови осталась, и жажда сразу пропала.

Идут они дальше. День идут, два идут, на третий день приходят сводные братья в совершенно чужую землю. А в той земле у властителя три дочери, как в бане мылись, чортом украдены. Посулил властитель меньшую дочь да правление тому отдать, кто дочерей найдет.

Как узнал Курбад про это, сразу же берется дочерей сыскать.

Сводные братья хотят по свету итти, там дочерей разыскивать, а Курбад говорит:

«Да нет! Не так! Где пропали там и розыск начинать — в бане пропали, с бани и начать».

Вечером берет Курбад валёк, меч, котел да крупы. Разводит он в бане огонь и варит кашу.

Сводные братья не могут дождаться — засыпают.

Около полуночи стали двери в бане поскрипывать. Влезает в баню чорт и давай в кашу пепел сыпать. А Курбад изловил чорта, защемил его в двери и давай вальком по спине лупить.

От боли посулил чорт все отдать: даст этакую дудочку, в которую ежели подуть, так вылезут из земли десять карликов и всякую работу сделают.

Берет Курбад дудочку, да бьет чорта снова, пусть скажет, куда дел трех дочерей.

Видит чорт, что дело не пустячное, начинает под конец говорить:

«Там, в том конце поля, болото. Посереди болота на сухом месте лежит большой-преогромный камень. Коли отвалить камень, так можно попасть в глубокую, глубокую дыру. По этой дыре нужно спуститься вниз, там дочери будут».

Курбаду тех вестей достаточно. Отпускает он чорта, будит сводных братьев и идет отыскивать болото.

Да, правильно: в конце поля болото, посереди болота сухое место, а на сухом месте такой большущий камень, как сена стог.

Надувает Курбад щеки и скатывает камень в болото, только брызги летят.

Что тут делать? Как вниз попасть через этакую дыру? Тут пришло ему в голову подуть в дудочку.

Как подул в дудочку, так сразу же десять карликов появляются, спрашивают:

«Чего прикажешь?»

«Приказываю принести веревку, да такой длины, чтоб через эту дыру можно было дно достать».

Раз, два — карлики с веревкой уж тут как тут.

Привязывает Курбад к веревке сына работницы и спускает его вниз, да только тот до половины добрался, орет, чтоб назад тащили — страшно.

Попробовал спустить сына хозяйки — то же самое. Приходится самому Курбаду спускаться.

Чтоб не пришлось сводным братьям на болоте мокнуть, приказывает он карликам построить для них избу да еды-питья припасти. Тотчас бревна притащены, стропила подняты, крыша покрыта и уж стол посередине избы накрыт.

Отпустил Курбад карликов, а сам со своим вальком в дыру опускается.

А на полдороге уж чорт торчит, встречает да и говорит:

«Опустись, опустись только, уж я из тебя дух вышибу!»

Да не успел Курбад и вальком своим замахнуться, как признал его чорт и пропал. Вот доходит веревка до дна, а тут большое поле. На другом конце поля видать дом, из трубы дым валит. Идет Курбад полем, пока до самого дома не добрался.

А дом этот — самого чорта жилье. Внутри три повара как раз обед чорту варят в боль-

шущем котле. Увидали чужого, испугались, спрашивают:

«Ай, да как же ты сюда попал? Придет наш барин, так убьет тебя одним пальцем!»

«Да ну вас, зайцы шелудивые, будет!» — отвечает Курбад и садится возле котла.

А повара его уговаривают, чтоб лучше спрятался за печкой, а то и им попадет за то, что впустили чужого. Курбад послушался.

Через некоторое время приходит чорт и сразу начинает нюхать: что за чужой дух такой? Повара врут, что ворона пролетала. Чорт успокоился, идет к котлу пробовать еду, довольно ли соли, вкусно ли.

Только чорт нагнулся к котлу с поварешкой, Курбад как выскочит из-за печи, как полоснет мечом по шее, так голова да туловище—в котел.

Пока чорт в котле кипит, повара должны про украденных сестер рассказывать. Те и рассказывают, что живет одна в серебряном зàмке, а принадлежала тому чорту, которого только что убил; другая живет в золотом зàмке, а принадлежит трехголовому; третья, самая младшая, живет в алмазном зàмке, а принадлежит шестиголовому.

Как услыхал это Курбад, опоясывается своим мечом и идет в серебряный зàмок.

Выходит из зàмка молодая девица, руками всплескивает, удивляется:

«Ах, паренек, куда же ты попал! Придет мой поработитель, тот тебя мизинцем убьет».

«Ну, ну, девица, разве он так уж страшен! Скажи лучше, что твой поработитель уже прикончен, а пришел я тебя освободить».

Как услыхала это девица, повалилась Курбаду в ноги, плачет от радости пуще ребенка малого.

Ну, оглядел Курбад серебряный за̀мок со всех сторон, попил, поел и давай девицу о сестрах спрашивать. Рассказывает девица да поучает, чтобы все к лучшему было, а под конец приносит диковинную посудину с зельем, что забыл ее поработитель в это утро на окне.

В посудине двоякое зелье: направо — силу дает, а налево — бессилье нагоняет. Коли выпить зелья справа, так силы — без конца; коли слева выпить — на целый год пропадает сила.

Выпил Курбад зелья с правой стороны и столько силы в себе почуял, что сам диву дался.

С утра торопится Курбад к жилью другого чорта, что с тремя головами. Убивает и этого. Теперь уже две сестры свободны.

На третий день очередь за шестиголовым. Да тут уж Курбаду не так повезло: шестиголовый успел уже и еды отведать, и поесть, и в алмазный за̀мок к третьей сестре уйти.

«Ну, да ладно! Я его и там добуду!» — бурчит Курбад и спешит в алмазный за̀мок.

В алмазном за̀мке посудина с зельем на окне стоит, а сам шестиголовый спит после обеда да храпит. Переставляет Курбад посудину с зельем: зелье силы — налево, а зелье бессилья — направо, да идет поглядеть, что поделывает третья сестра. Нашел девицу красивую, но вконец печальную. Увидала девица чужого, диву далась, говорит ему потихонечку:

«Ай, паренек, как ты сюда попал? Встанет мой поработитель, так убьет тебя мизинцем!»

«Ну, ну, не столь уж силен он. Разбуди-ка его лучше, чтобы мог мой меч указать ему дорогу в царство мошкары. Там для этаких скотов более сладкое спанье, чем в алмазном замке».

Пока они разговаривают, просыпается шестиголовый, а как стал на другой бок поворачиваться, так заскрипела кровать, что за три комнаты слыхать.

Бежит девица к шестиголовому, успокаивает, пусть только спит. А тот нюхает да принюхивается: что это за дух чужой, спрашивает. Говорит девица, что мышка тут только что пробежала по полу — пусть спит спокойно. Поверил шестиголовый и снова заснул.

А Курбад больше ждать не желает: отпоясывает свой меч, открывает дверь и рубит со всего плеча — три головы сразу долой.

Вскакивает тут чорт как молния, хватает посудину с зельем и хочет выпить зелья силы, да вместо этого зелье бессилья выпил. Отхватывает Курбад мечом последние три головы и выбрасывает туловище с головами в грязную лужу.

Кидается младшая дочь Курбаду на шею, плачет от радости, как отблагодарить не знает.

А Курбад отвечает коротко и ясно, что не за благодарностью пришел, а чтобы получить ее в жены для себя, да обеих сестер в жены для сводных братьев, которые на земле остались у входа.

«Ну, ладно, заберем сестер да поскорее к отцу свадьбу справлять. А то тут, как пронюхает родня убитых чертей, что ты с нашими поработителями сделал, так облепят они тебя, как саранча, со всех сторон».

«Ладно, ладно — поспешим!»

За воротами оглядывается Курбад еще раз на алмазный за̀мок. Приметила это младшая сестра и спрашивает:

«Что, паренек, так жалостно глядишь?»

«Вот бы за труды за свои взять с собой этот за̀мок!»

«Это дело легкое. Вот мой венок, обнесем его три раза вокруг за̀мка, тут алмазный за̀мок и обернется в алмазное яйцо».

Так и есть. Берет он алмазное яйцо и спешит к средней сестре в золотой за̀мок.

За воротами золотого за̀мка опять Курбад назад оглядывается. Приметила это средняя сестра, спрашивает:

«Чего, паренек, так жалостно глядишь?»

«Вот бы за труды за свои взять с собой этот за̀мок!»

«Это дело легкое. Вот мой венок, обнесем его три раза вокруг за̀мка, тут золотой за̀мок и обернется в золотое яйцо».

Так и есть. Тут уж все трое спешат в серебряный за̀мок к третьей сестре.

За воротами серебряного за̀мка опять Курбад назад оглядывается. Приметила это старшая сестра и спрашивает:

«Чего, паренек, так жалостно глядишь?»

«Вот бы за труды за свои взять с собой этот за̀мок!»

«Это дело легкое. Вот мой венок, обнесем его три раза вокруг замка, тут серебряный замок и обернется в серебряное яйцо».

Так и есть. Теперь все четверо спешат поскорее к дыре, чтобы на белый свет выбраться.

Привязывает Курбад старшую сестру и дергает за веревку, чтобы сводные братья тащили вверх. Те вытаскивают старшую сестру, потом вытаскивают среднюю сестру, вытаскивают младшую сестру и опускают уже веревку, чтобы Курбада вытащить.

Тут девятиголового великана жена-ведьма, обернувшись людоедом, прибегает — грызь! — перегрызает веревку, — она — шусь! — валится в подземелье. Тут громадный камень — браз! — из болота вон и завалил дыру. Пропал и домик, карликами построенный. А те пятеро рады-радешеньки, что еще шкура цела осталась и домой живыми вернуться могут.

Остался Курбад один в подземелье. Что тут делать? Берет свой валёк, опоясывает меч и отправляется искать совета да выхода. Хоть бы про свою дудку вспомнил, может, карлики бы помогли.

Да уж так бывает: в нужную минуту балдеет человек.

Идет, идет, видит — домик стоит. Перед домиком сидит слепой старичок, тут же посреди двора скотину пасет.

«Чего скотину-то перед домом голодом моришь? Дальше пастбище тучное-претучное!»

«Тучное, это верно, да луга те людоедовы — не смею!»

«Где же людоед живет? дома ли теперь?»

«Дома-то как раз его нет, да все равно — и так не смею на его лугах пасти, — в лесу у людоеда луговой сторож, великан-птица».

«Да разве она столь страшна?»

«Не больно была бы страшна, да — что уж тут и говорить — сама в тисках: коли не убережет, людоед отплатит. Вон в позапрошлом году позволила людоедова птица мне немного попасти на лугах барина своего, да вона! — прибежал людоед и глаза мне высмоктал, а теперь из года в год побивает градом детей у великан-птицы. Есть у людоеда и посудинка с зельем, которое глаза может обновить. да как до посудинки той добраться!»

«Седенький, хочу тебя от людоеда избавить, если б ты только мог мне сказать, как из-под земли выбраться».

«Коли б ты людоеда одолел, так людоедова великан-птица в благодарность вынесла бы тебя на землю».

«Коли так — ладно! Сейчас же гони скотину на людоедовы луга, пусть только до боя дойдет».

Загнал старичок скотину на людоедовы луга. Прибегает людоед, а тут уж бунт готов.

Хватает Курбад людоеда за собачье горло, придавил ногою к земле и давай изо всей силы бить вальком, пока не сказал, собачий хвост, куда посудинку с зельем для глаз девал. Приколол тогда Курбад людоеда мечом к земле, а сам пошел за посудинкой с зельем. Добыл посудинку и помазал зельем старику глаза. Снова старичок свет увидел.

Тем временем высвободился людоед из под острия меча и кинулся на Курбада.

Дал ему Курбад раз вальком — ничего, дал другой раз — ничего, как дал третий раз — повалился людоед на землю, ногами задрыгал и вытянулся.

Полон радости старичок, ведет своего избавителя к гнезду великан-птицы, знает он, что к птенцам уже град приближается.

Подошли к гнезду. Сидят птенцы в гнезде, подросли уже, да еще голые. Пока разглядывают они птенцов, подходит град — все ревмя-ревет. Да Курбад прикрыл птенцов, как мог, спас их от градовых ударов.

Только град прошел, прилетает людоедова великан-птица, с коня величиной, спустилась перед Курбадом и говорит:

«По твоей милости вырастут хоть раз у меня дети. Как отблагодарить тебя?»

«Мне другой награды не надобно, — только бы вверх на землю выбраться!»

«Ладно, я тебя отнесу. Да дорога далекая, море широкое. Потому иди на охоту, убей трех подземных быков и разруби их на кусочки: как поверну дорогою к тебе клюв, ты кидай мне каждый раз по кусочку».

Уходит Курбад за быками охотиться. Но что за быки были! — как замычат — валёк дрожит, а станут землю ногами рыть — земля дрожит. Да Курбад хватает одного быка за рога — отсекает голову, хватает другого — отсекает голову, хватает третьего — отсекает голову.

На другое утро забирает Курбад мясо быков, садится на птицу и летит над морем девять дней и девять ночей.

На девятый день уже видать край земли. Оглянулся Курбад: бычачье мясо все вышло.

Что тут делать? Коли нет мяса, не может птица нести. Нечего делать! Вырезывает Курбад мечом свои икры на левой ноге и кормит ими птицу, пока до берега не добираются.

К вечеру Курбад благополучно приходит к своим — находит невесту и сводных братьев у старого властителя. Они рассказывают, что с веревкою вышло, а Курбад — как ему под землей жилось.

«Да где же мои подземные яйца?» — вспомнил Курбад.

Достал он яйца и положил на стол. Все вокруг стола облипли, как мухи, красивые яйца разглядывают. А Курбад свою невесту спрашивает:

«Скажи-ка, невестушка, что нам теперь с этими яйцами делать?»

«Что делать — у кудесника спросим!»

Ладно. Позвали кудесника. Кудесник ворожил, ворожил, а под конец и говорит:

«Вынеси, богатырь, то яйцо алмазное на двор, положи наземь, возьми венок твоей невесты да обойди слева направо три раза вокруг яйца, тут и обернется алмазное яйцо в алмазный зáмок!»

Понес Курбад яйцо на третью гору, что была от зáмка властителя недалеко, положил наземь и обошел с венком младшей дочери кругом три раза. Вмиг обернулось яйцо в такой прекрасный алмазный зáмок, что и глядеть на него нельзя было: сверкал за много миль.

После того положил Курбад на другую гору золотое яйцо и обнес его венком средней дочери: тут же появился золотой замок.

Под конец положил Курбад на землю серебряное яйцо и обнес его венком старшей дочери: тут же появился серебряный замок.

Говорит тогда Курбад так:

«Я себе возьму алмазный замок и стану там с младшей дочерью жить, одному сводному брату золотой замок даю, пусть живет там со средней дочерью, а другому сводному брату серебряный замок достается, пусть живет в нем со старшею дочерью».

Ну, зарезали тут девяносто быков да девяносто овец, наварили пива да меду по девяносто бочек. На третий день свадьба началась. Справляли свадьбу девять дней, девять ночей.

После свадьбы надумал Курбад спокойно пожить в алмазном замке, чтобы от дел своих богатырских малость отдохнуть. Да где там! — не даст злая ведьма покоя ни днем, ни ночью, за смерть мужа девятиголового мстит: то стадо жирных козлов сглазит — заколдует, то быстрых коней заворожит, то на народ мор нашлет.

Понял Курбад, что не будет в государстве покоя от этой змеи, надобно от нее свет очистить.

Взвалил Курбад на плечи три берковца соли, взял с собой еще три берковца рассолу да и пошел ведьму отыскивать. Идет да думает сам про себя:

«Коли удастся всыпать соль злодейке в горло, так кинется она воду лакать, а пока воду лакать будет, я ее настигну да и убью».

На третий день встречает Курбад ведьму. Обернулась она летучей змеей, летит по воздуху, шипит, крыльями хлопает и пасть разинула.

Схватил Курбад соль и кинул ей все три берковца в глотку. Та только зачихала да скорей к морю — жажду утолить.

Гнался, гнался за нею Курбад, да еще и моря не видать, как змея успела налакаться и назад летит. Остановился Курбад, изловчился да и влил ей еще три берковца рассолу в глотку.

Расчихалась змея и кинулась к морю другою дорогою, чтоб жажду утолить. Погнался за нею Курбад, да след потерял.

Ищет Курбад день, ищет два, много дней проходил — заблудился совсем. Выходит под конец к морю, за спиною темные леса остались, а тут и конец света.

На самом краю света увидал Курбад диковинную кузницу — с таким ярким огнем, что все облака кругом красным отсвечивают. В этой кузнице Дэбесскалейс[18] ковал для дочери Солнца золотой венок, серебряный пояс да алмазное кольцо.

Просит Курбад Дэбесскалейса, чтоб посоветовал ему, как бы ведьму сыскать.

Говорит ему Дэбесскалейс:

«Ты паренек хороший, я тебе помогу. Пешком тебе ведьму, змею ту, никак не изловить. А вот выкую я тебе коня, так на нем три раза свет кругом объехать успеешь, пока горсть льна сгорит. Садись на этого коня, сразу ведьму догонишь и убьешь. Только гляди, — назад не оглядывайся!»

Пока Курбад и Дэбесскалейс разговаривают, змея уж мимо кузницы летит. Схватил Дэбесскалейс горсть горящих искр и кинул змее в пасть, да далековато было: только язык ей обжог.

Выковал Дэбесскалейс для Курбада коня — в алмазных яблоках, попона в звездах, уздечка серебряная, а грива пламенем пышет. Сияет конь как ясное утро. Вскочил на него Курбад и поскакал.

Помчался конь быстрее ветра через моря, через леса. Да вдруг — что такое? На всем на скоку слышит Курбад за спиною страшный шум: валятся деревья — трах! бразь! Хлещет вода — шусь! плясь!

Оглянулся тут Курбад ненароком. В тот же миг как загремит Перкон, как заблещет молния, а конь Дэбесскалейса сразу же как сквозь землю провалился.

А шум за спиной ведьма нарочно подняла, чтобы Курбад назад оглянулся; да как увидала молнию, так и сама перепугалась, кинулась в другую сторону, раз, два и улетела.

Крепко горевал Курбад, что ошибся, что забыл про наказ Дэбесскалейса, да делать уж нечего. Побрел по лесу, куда глаза глядят.

Кое-как выбрался Курбад из леса, утомился, сел, горюя, у ручейка отдохнуть, а тут его и ко сну клонить стало. Хочешь — не хочешь, а вздремнуть надо. Положил Курбад с одного бока меч, с другого бока валёк, поставил перед собой посудинку с зельем силы да и заснул.

Бегали чортовы дети по лесу, вдруг видят — богатырь спит. Потихоньку побежали к отцу

рассказать. Позвал чорт деда, а чортов дед ведьму вызвал.

Прилетела ведьма, видит — Курбад спит, сразу признала его. Обернулась она жабой, доскакала до Курбада и повернула посудинку с зельем — зелье силы налево, зелье бессилья направо.

Через некоторое время просыпается Курбад и хочет зелья силы испить, чтобы дальше итти — ведьму отыскивать, да вместо зелья силы зелье бессилья отпил. Сразу же догадался, что ошибся, да уж ничего не поделаешь: пропала сила богатырская на целый год.

Наговорила ведьма чорту, чтоб нанял Курбада в батраки да и замучил бы его непосильной работой. Ну, чорт теперь не боится, идет к Курбаду поближе и говорит:

«Нанимайся ко мне в батраки! А не хочешь в батраки итти, так давай биться!»

А сам про себя думает бес: «Я тебе, молодчик, сейчас работою отплачу, а там и жизни лишу!»

Соглашается Курбад в батраки итти, да только с уговором: «Коли кто из-за работы злиться станет, так вырезать тому со спины три полосы мяса».

Чорту такой уговор по душе пришелся.

С утра велит чорт Курбаду зайцев пасти. Погнал Курбад зайцев, да как в поле выгнал, так все и разбежались во все стороны. Догадался Курбад, что это за зайцы такие.

Приходит вечер, а пастух сидит один в поле — ни одного зайца не видать. Ну, ладно, как стало заходить солнце, достал Курбад свою

дудочку да и поиграл: десять карликов сразу тут как тут.

Приказывает Курбад, чтоб зайцев посбирали. Те сразу же в кусты, ищут, лазят, сгоняют, пригнали всех зайцев, явились зайцы домой как встрепанные.

Увидал это чорт, думает: «С этим не шуточки, ему зелье бессилья было — не было».

Наутро велит чорт коров пасти, да наказывает так пасти, чтобы к вечеру от полноты коровы подскакивали. Погнал Курбад коров, а те сразу же и разбежались, как вчера зайцы.

Сидит Курбад в поле до вечера, а вечером опять в дудочку дудит, карликов выкликает. Явились карлики, ищут, лазят, сгоняют, всех коров пособрали.

Взял тут Курбад валёк и отбил у каждой коровы по ноге. Гонит коров домой, а те подскакивают.

Увидал чорт, посинел от злости, кричит Курбаду:

«Слышь, да ведь ты уж коровам ноги поотшиб?!»

«Сам утром наказывал так пасти, чтобы подскакивали, а теперь за это еще злишься».

«Нет, нет, Курбад, я не злюсь!»

«Ну, так ладно, давай другую работу!»

Наутро велит чорт пасти лошадей, да так наказывает пасти, чтоб к вечеру все смеялись. Погнал Курбад лошадей в поле, а те сразу же разбежались, как вчера коровы.

Сидит Курбад в поле до вечера, а как стало солнце заходить, опять в дудочку дудит. Яви-

лись карлики, ищут, гоняют и посогнали всех коней.

Как только все кони в сборе, поотрезал Курбад у каждой лошади верхнюю губу и гонит домой с оскаленными зубами.

«Слышь, да ты что, верхние губы у коней обрезал?»

«Сам утром наказывал так пасти, чтобы к вечеру смеялись, а теперь за это еще злишься».

«Нет, нет, Курбад, я не злюсь!»

«Ну, тогда ладно, давай другую работу!»

Наутро велит ему чорт запрягать кобылу и вспахать за день столько, сколько обежит белая сука.

Запрягает Курбад кобылу в соху, да так коротко, что та ступить не может; изловил белую суку, избил ее своим вальком так, что у той бока стали совсем мягкими, и загнал под навес, а сам сел на соху да и дожидается вечера.

Приходит чорт вечером поглядеть:

«Ты что ж не пашешь?»

«Что не пашешь! Сука не бежит, кобыла ни с места, а ты еще злишься».

«Нет, нет, я не злюсь!»

«Ну, ладно, давай другую работу!»

Наутро заставляет чорт чистить конюшню, которая уж годами вил не видывала. Играет Курбад на своей дудочке, сбегаются карлики: и кидают, и таскают, и накладывают, и вывозят, раз, два — конюшня вычищена.

Приходит вечером чорт поглядеть. Да, нечего делать, чисто.

Наутро велит чорт привезти из леса целую сажень дров на кобыле. А кобыла та — чорту

мать. Запрягает Курбад кобылу и едет в лес. Наложил сажень дров — кобыла не тянет. Коли не тянет — Курбад вальком ее лупит и лупит.

«Чего ты там мои бока меришь?» — спрашивает кобыла.

«Да вот хочу, кобылка, на боках у тебя столько полос кожи вырезать, чтобы легче тебе стало воз тянуть».

«Не вырезывай, не вырезывай, смогу и так потянуть».

Потянула кобыла да и привозит воз домой. Взбесился чорт, кобылу ругает. А кобыла отвечает:

«Легко тебе говорить! Иди-ка потяни сам, тогда увидишь, чего ты с Курбадом станешь делать».

«Да ты злишься?» — спрашивает Курбад.

«Нет, нет, я не злюсь!»

«Ну, так ладно, давай другую работу!»

С утра приказывает чорт зарезать к обеду овцу. Просит Курбад, чтоб показал чорт, которую резать, а чорт отвечает:

«Зарежь ту, которая на тебя глядит».

Идет Курбад в хлев искать, какую овцу резать. Приходит — все овцы на него глядят. Всех по порядку и режет. Рассвирепел чорт, а Курбад спрашивает:

«Ты злишься?»

«Нет, нет, я не злюсь!»

«Ну, так ладно, давай другую работу!»

Наутро велит чорт принести две трети пуры муки, а из той муки наварить клёцок: одну треть пуры надобно Курбаду съесть, а другую сам чорт съест.

Сел Курбад позади чорта и опускает клёцки за рубаху. А чорт ест, ест да и объелся — всю ночь охает, мучается.

С утра велит чорт баню истопить. Пойдут они в баню мыться да лечиться. В бане бедняга охает да стонет:

«Знаешь, Курбад, а ведь я малость объелся. Как ты?»

«Да и мне малость не по себе, только я знаю средство: вспорю живот мечом, пусть клёцки вываливаются».

Выходит Курбад в предбанник, вытряхивает клёцки на пол да и говорит чорту:

«Теперь я здоров, как редька!»

Пробует чорт себе живот вспороть, да не может — болит, не стерпеть. Смеется Курбад до упаду; а чорту не до смеху, бурчит в сердцах:

«Такому зелье бессилья — было не было. Крепкое у этого карапуза нутро, страшная сила».

Парятся оба при лунном свете до полночи. Тут схватывает чорт свой топор в десять берковцев весом и говорит Курбаду:

«На вот топор, пойдем в лес дуб рубить».

Берет Курбад топор за ручку и долго глядит на луну. Чорт спрашивает:

«Чего глядишь, пойдем!»

«Пойдем, пойдем! А знаешь что? Хочется мне запустить топором в окошко деда».

«С ума спятил! Всего один у меня топор да и тот сгубить захотел. Давай топор, пойдем!»

«Пойдем, пойдем!»

Пришли в лес. Лезет чорт на дуб, пригибает его к земле, как плетку, и кричит Курбаду:

«Руби!»

А Курбад прислонился к толстому дубу и глядит на луну.

«Чего глядишь — руби!»

«Рубану, рубану, да только сперва крепко мне хочется запустить топором деду в окно, давно не слыхивал, как он ругается».

«С ума спятил! Не тронь деда! Давай-ка лучше топор сюда, я сам рубить стану, а ты полезай дуб пригибать».

Вспрыгивает Курбад на пригнутую макушку дуба, а дуб — шусь! — выпрямился да и перекинул Курбада через себя прямо на зайчишку.

Чорт рубит да рубит, пока дуб не повалился, да не в ту сторону: макушкой к дому, стволом к лесу.

Берет тут Курбад зайца и идет к чорту.

«Ты что ж отлыниваешь, почему дуба не пригибал?»

«Где ж я там отлыниваю, повстречал своего меньшого брата — поговорили, давно с ним не виделись».

«Какое ремесло у твоего брата?»

«По ремеслу бегун он».

«Пусть бежит со мною вперегонки!»

«Ладно!»

Выпустил Курбад зайца, тот как пошел, только хвост трясется. Кинулся за ним чорт — бежит, бежит, догнать не может.

«Ты над братом моим только смеешься: все хочешь, да ничего не можешь. Ну, что с дубом-то будет? Берись ты за верхушки, а я за ствол возьмусь. Да, известно. коли взялись, так уж без всяких остановок до дома».

Берется чорт за верхушку и тащит дуб через лес, только треск идет. А Курбад уселся на ствол и едет.

Дома утирает чорт пот со лба, а Курбад над ним посмеивается:

«Слабая ты букашка, коли тебя так скоро в пот бросило».

Утром велит чорт привезти чортовых детей и хорошенько накормить их. Запрягает Курбад чортову кобылу и едет за детьми. Сложил всех ребят в телегу, положил сверху здоровый кол, перетянул воз веревкой и едет домой.

Дорогою чортовы дети вываливаются по одному из телеги и кричат:

«Курбад, я падаю! Курбад, я падаю!»

Ну, тут Курбад давай работать по-другому: который вываливается, того — трах! — об колесо, который вываливается, того — трах! — об колесо.

Дома усаживает всех убитых детей рядом за стол, набивает полон рот еды и ставит каждому посудину с едой на колени, а сам идет кобылу распрягать.

Немного погодя приходит чорт, увидал детей и орет неистовым голосом:

«Курбад, так ведь ты ж детей моих убил!»

«Не убивал! Глянь хорошенько, это они с голодухи: рты у всех понапиханы едой, руки в еде. Говорю тебе: поперхнулись обжоры этакие».

«Что ты мне рассказываешь, убил ты их!»

«Что, ты разве злишься?»

«Нет, нет, я не злюсь!»

«Ну, так ладно, давай другую работу!»

Наутро говорит чорт Курбаду:

«Слышь, вечером я на свадьбу поеду. Убери кобылу, соберись да и ты приходи. Только, коли увидишь, что сижу я промеж невесты и жениха, дай мне знак глазами».

Вышибает Курбад у кобылы глаза и идет на свадьбу. Только садится чорт промеж жениха и невесты, кидает в него Курбад один глаз кобылицы: чорт уже оглянулся. Немного погодя кидает другой глаз кобылы: тут чорт как вскочит да в дверь да домой.

Взбесился дома чорт:

«Почему глаза у кобылы вышиб?»

«Сам ты мне наказывал глазами знак подать».

«Кто это говорит?»

«Что, ты разве злишься?»

«Нет, нет, я не злюсь!»

«Ну, так ладно, давай другую работу!»

«Получишь, получишь!»

Ложится Курбад спать, да чует, как ночью чорт с чортовой матерью разговаривает:

«Надобно теперь потихоньку к Курбаду подобраться да топором его и убить. Коли не поспешить, так того и гляди — Курбад меня убьет. Конец года тоже недалеко, а там и зелье бессилья не поможет».

Как услыхал это Курбад, вскакивает со своей постели и кладет в изголовье горшок со сметаной, чтобы на голову человечью похоже было, а сам за печью прячется.

Под полночь крадется чорт на цыпочках да как треснет по горшку со сметаной — разлетелся вдребезги.

Смеется чорт, бежит к чортовой матери и рассказывает:

«Вот дал, так дал — только мозг из башки брызнул!»

А Курбад бежит за чортом да спрашивает: «Ты чего горшок-то разбил?»

Как увидел чорт Курбада, просто ноги у него задрожали: и убить нельзя. Забрал чорт свои пожитки под одну подмышку, жену да чортову мать под другую и бежит к ведьме, девятиголового вдове, Курбадовой ненавистнице.

А Курбад гонится за чортом по пятам.

Через некоторое время говорит чорт жене: «Ну, можем теперь малость отдохнуть, больно уж ноша тяжела».

«Да, уж конечно, отдохнуть надобно!» — говорит Курбад у чорта за спиною.

«Курбад! Да разве ты тоже тут?»

«А как же? Где ты, там и я!»

Забирает чорт снова пожитки, жену да мать и бежит к берегу речки, где думает поспать, отдохнуть. Да только он присел, как Курбад уж тут как тут.

«Курбад! Ты опять тут?»

«А как же? Где ты, там и я!»

Никогда не доводилось чорту в этаком положении быть. Ясно — конец пришел: ни убить, ни убежать.

Думал, думал чорт — додумался: положит он жену с собою рядом, а Курбада у самой реки; как уснет Курбад, так чорт его в реку и спихнет спящего.

А Курбад не дурак, станет он засыпать рядом с чортом!

Не спит Курбад, со сном борется, а как заснул чорт с женой, перекладывает Курбад чортову жену на свое место, а сам ложится рядом с чортом и ждет, что дальше хорошего будет.

Как проснулся чорт, так и столкнул свою спящую жену в реку. Да скоро огляделся, что сам свою старуху в реку столкнул, прыгнул к берегу, топает ногами о землю, руки заламывает.

Тут уж схватил Курбад свой валёк да как треснет чорта по затылку, так тот и покатился на дно реки.

Освободился Курбад от чортовой службы, идет домой, своим вальком поигрывает и начинает замечать, что старая сила к нему возвращается.

Идет, идет, приходит к огромному лесу. На опушке седой человек сидит, плети плетет.

«Для чего, старина, плети плетешь?»

«Плети эти на ведьм плету, столько их в этом лесу развелось, что проходу нет, каждый прохожий с ними бьется. Только и усмиряют поганых, что этими плетьми. Вот если бы нашелся силач, кто сильной рукой разорил бы пристанище ведьм, так лес бы от них совсем очистился».

Берется Курбад лес очистить. Дождался он вечера, когда все ведьмы в своем жилье собрались, и завалил выход большим камнем. Потом взял свой валёк; откатил немного камень от выхода, выпустит одну ведьму да и хлоп ее вальком — сразу же убита; откатывает камень, выпускает вторую ведьму — при-

хлопывает; откатывает снова камень, выпускает третью ведьму — прихлопывает.

Проработал этак Курбад целую ночь. К утру все ведьмы убиты, с той поры и лес чист.

На другой день находит Курбад по другую сторону леса одного человека. Сидит человек, развел большой костер, а сам кричит без перерыва:

«Холодно мне, холодно мне!»

«Почему не погреешься, коли мерзнешь?»

«Да как только я погреться вздумаю, так прибежит мой мучитель, людоед, — сразу же он меня и съест».

«Грейся смело, а людоеда я проучу!»

Так и было. Только человек руки погрел, приходит людоед и зубами на беднягу лязгает. Схватил тут Курбад людоеда, разодрал надвое и в огонь кинул, пусть изжарится ведьмам на закуску.

Сгорел людоед, погас огонь, а человек больше уж и не мерзнет.

Пошел Курбад дальше. Проходит некоторое расстояние — видит другого человека. Сидит человек на берегу озерка и вопит без перерыва:

«Пить хочу, пить хочу!»

«Коли пить хочешь, почему не напьешься?»

«Да, как только вздумаю я напиться, так прилетит мой мучитель, орел, — сразу же меня заклюет».

«Пей смело, я орла проучу!»

Так и есть. Только напился человек, летит орел, клювом щелкает, крыльями шумит, и прямо на беднягу. Да Курбад тут же голову ему отрубил да и кинул орла в озеро.

Озеро сразу же и высохло, а человеку больше пить и не хочется.

Добрался под конец Курбад до дому. А тут уж новая беда его поджидает: околдовала ведьма-змея его жену, лежит при-смерти. Так бедняжка измучена, что и мужа своего не признает.

Да Курбад всегда знает, что делать. Так и тут. Берет он зелье людоедово, которым старику глаза вылечил, и давай жену свою лечить, живо вылечил.

Живет теперь Курбад несколько лет спокойно и счастливо — боится ведьма-змея приходить в его владения; но мысли о мести за мужа не оставила. Не смогла сама до Курбада добраться, так облетела девять государств, подговорила девять государей итти на Курбада войной, чтобы войско его осилить.

Собирается большущее войско, и сын третьего государя, непобедимый богатырь, ведет то войско прямо на Курбадову землю.

Стал Курбад собирать свое войско, идет неприятелю навстречу.

Тут началась отчаянная сеча: мечи звенят, дубины треском-трещат. Курбад уж великана наземь свалил, меч вытащить собирается, голову ему рассечь хочет; все же великан тут поранил Курбада мечом в левое плечо.

Увидала ведьма-змея, что Курбад ранен, хлопнула крыльями от радости, взлетела Курбаду на голову да и выплюнула свою ядовитую желчь ему в раненое плечо.

Поднимает Курбад левую руку — и удавил ведьму-змею, подымает правую руку — рассе-

кает голову великана. Тут разлилась ядовитая желчь по жилам — повалился Курбад на свой валёк да и помер.

(Из сборника А. Швабе)

ДРОВОСЕК

Рубил раз дровосек в лесу дрова и видит — куница бежит. Тот сразу же за ней с топором. Да где там — бегал, бегал как дурень, еще и заблудился — только того и добыл.

Блуждал, блуждал по лесу — стемнело. Хочешь, не хочешь, пришлось на дерево лезть, которое погуще, да остаться там ночевать — на земле спать боязно, еще кто загрызть может.

Вот еще до рассвета слышит он: кричат внизу, крепко спорят.

«Чтоб тебя леший! — думает дровосек.— Что же это там такое?»

Глянул вниз — вона: лев, борзой пес, кот, орел, муравей, петух, воробей да муха нашли сдохшего оленя и друг друга перекрикивают:

«Я его отпою!»

«Нет, я его отпевать стану!»

И такие они все теперь оленю родственники да близкие, что на диво: муха целый год сидела у бедняги за ухом, пес борзой бегал с ним время от времени взапуски, муравей да орел в соседях с ним жили, у кота жена с оленихой приятельницами были, а петух — тот только удивляется да орет во все горло:

«Пусть родня, как родня, да у меня голос всех лучше!»

Сидит дровосек на верхушке ели да слушает, да слушает, что из этого выйдет. Тут увидал его кто-то снизу — давай звать вниз:

«Поди — рассуди нас! Кому из нас петь, кому нет!»

Слезает дровосек, подумал немного да и говорит:

«Что я вам тут сказать могу: самому мне отпевать надобно, иначе оленя нам и не похоронить»

«Вот это правильно! Так оно и есть!» — закричали все в один голос.

И за мудрый разбор дела каждый обещает ему хорошенько отплатить: все дают ему часть своей силы, как только понадобится, пусть помянет того или другого, так сразу же сможет обернуться львом, или мухой, либо псом, либо котом.

Ладно. Отпел дровосек оленя так, что только лес задрожал, обернулся львом да вскоре из леса и выбрался.

На опушке леса встречает дровосек свинопаса, — бедняга сидит да плачет и плачет.

«Что с тобой, парнишка?»

«Да не знаю что и делать — скоро чорт всех свиней пожрет!»

«Вот тебе и раз! Чего же ради он к тебе этак прицепился?»

«Да я не виноват — сам царь тому причиной: заблудился тут в лесу давеча да и не знает, как выбраться. Тут, откуда ни возьмись, пристал к нему парень и не ведет из леса, пока не пообещал ему царь давать каждый день по свинье, а как свиньи все выйдут — отдать свою дочь, сам свое дитё. Вот теперь сожрет всех свиней, а там еще и зятем станет. Да крепко не хочется

царю этакого чорта в зятья, обещается дочь выдать за того, кто убьет этого злодея».

«Так, так. Видать, надобно мне попробовать этого свиноеда к рукам прибрать. Да я, можно сказать, сроду уж в царские зятья гож — чего тут думать».

Идет дровосек к царю, говорит.

Обрадовался царь: «Да, да! Паси свиней заместо парнишки».

Ладно. Пасет первый день, подходит вечер — чорт тут как тут, забирает свинью да в лес.

Тут дровосек наш живо, живо позвал свиней — уш! уш! — загнал всех домой, обернулся борзым псом, делает крюк да забегает чорту навстречу.

Повстречались. Говорит чорт:

«Добрый вечер, борзой, ну и тяжелая у меня ноша!»

«Тяжелая, не тяжелая — мне о том разговаривать недосуг. А вот за семью лесами, в восьмом, один староста только что повеситься надумал, да никак повеситься не может — духу нехватает. Бежал бы лучше его хватать, чего тут с пустяшными свиньями возишься».

«Да что ты, борзой, в самом деле? Ах, братец, да ведь я должен поспешить, коли так. Накось, подержи свинью малость — я тут же буду назад. А коли повезет мне — половину свиньи получишь».

Убежал чорт.

А борзой в дровосека обернулся и приводит свинью домой целехонькой.

На другой день к вечеру чорт, весьма не в духе, прибегает и хвать опять свинью.

А дровосек загоняет остальных свиней, обернулся орлом, залетает чорту навстречу и удивляется:

«Да как же ты, молодчик, сегодня свиное мясо есть станешь?»

«Что делать, что делать, орел батюшка! Иной раз с голодухи даже путы железные грызем да пробой глотаем».

«Иди, дурень, иди! На другом свете вон один разбойник утопиться хочет — так бежал бы лучше его глотать».

«Что? В самом деле?»

Тут чорт расщепил дуб пополам, сунул свинью в щель да и побежал на другой свет, пыхтит только. А дровосек вытащил свинью из дуба и пошел, посмеиваясь.

На третий день дровосек пасет-пасет — чорт не показывается, а в поле уж темно. Загнал дровосек свиней в свинюшник, а сам думает:

«Как бы негодяй ночью не пришел? Надобно мне в петуха обернуться, на жердину взлететь да ждать».

И верно — как полагал, так и было: проголодался чорт, прибегает в полночь и ломится в двери свинюшника. Да тут наш петух как пустит песню — чорт и пискнуть не посмел, удрал.

Да станет тебе, злодей, бегать понапрасну! Нет: как бежал — прямо в царский дворец, выхватил царскую дочь из постели да и понес. Еще больше убытку.

«Чтоб ты пропал!» — ругается царь утром.

А дровосек успокаивает:

«Ничего, ничего, батюшка, уж положитесь на меня».

Идет дровосек на гору, куда чорт с царевною убежал, отыскал там маленькую дырочку, обернулся муравьем, сел верхом на песчинку и поехал вниз, в пропасть бездонную.

Спустился в самый низ — большая равнина. Нечего делать — обернулся мухой и летит на другую сторону той равнины.

Как равнину перелетел, видит — дворец стоит стеклянный, а в окне сидит украденная царевна и плачет. Обернулся он опять дровосеком, чтоб царевна его признала.

А та, как увидала да признала, — испугалась:

«Ах свет, ах светик! Куда ты пришел? Вернется мой господин, он тебя разорвет!»

И верно — вскорости сам чорт идет. А дровосек обернулся львом да на чорта. Ух-ты! как они тут оба стали драться; съел лев чорта, как не бывало.

Ну, радуется царевна, дровосек тоже. Только одна забота — как на землю выбраться?

Думали, думали — тут царевне и пришло на ум: нашла она, чортовы книги перелистывая, что на таком-то дереве есть гнездо, а в нем алмазное яичко лежит; коли вынести это алмазное яичко вверх на землю, так весь этот дворец стеклянный на гору подымется.

Ладно. Обернулся наш дровосек в воробья. вытаскивает из гнезда алмазное яичко и во дворец несет.

Оно-то хорошо, да как теперь с яйцом-то вверх на землю выбраться?

«Погоди-ка! — вспоминает царевна! — Есть тут у чорта сторож у двери, а он кошек видеть

не может: как приметит где, так вверх на землю и выкидывает. Попробуй-ка этак!»

Ладно. Обернулся дровосек в кота, взял в рот алмазное яичко да и ползет сторожу под ноги. Тот и не глянул как следует — уже орет:

«Брысь, дрянюга! Брысь, дрянюга!»

Схватил за хвост, тащит по большой длинной лестнице наверх. Нес, нес долгое время — тут впереди медные ворота, большие-пребольшие воротища. Отпер ворота, саданул кота ногой и выбросил — прямо на ту самую гору, в которую тот позавчера муравьем влез.

Ну, вот. Только это обернулся кот в дровосека, кладет дровосек алмазное яйцо наземь — сразу же весь стеклянный дворец с царевною поднялся вверх и стал на вершине горы.

Женился тут дровосек на царевне, да и живут в стеклянном дворце счастливо.

(Из сборника «Наши народные сказания и сказки». Рига 1925 г.)

ГОРОХОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дал какой-то муж своей жене горошинку, а из той горошинки вырос большой человек. Прозвали его люди Гороховым человеком.

Пошел раз Гороховый человек работы искать на барский двор. Нанимает его староста, да только с уговором: пусть работает целый год, а там получит столько, сколько на спине унести сможет.

Ладно. Отработал Гороховый человек целый год и начал плату за работу спрашивать.

Повел его староста в клеть да и хотел отмерить пять-шесть мер жита — больше ведь не

унести. А Гороховый человек обмотал клеть канатом, закинул за спину да и унес всю клеть с житом к своей матери. Хватит теперь матушке на много лет.

Надумал тут Гороховый человек в свет пойти. Идет, идет — встречает большого человека: на дороге лежит.

«Ты кто такой?» — спрашивает Гороховый человек.

«Я — Акменюкалейс!» [19]

«Иди со мной!»

Тот пошел. Через некоторое время встречают другого великана, тоже на дороге лежит.

«Ты кто такой?»

«Я — Кокулаузэйс!» [20]

«Иди со мной!»

Ну, пошли тут все трое дальше. Идут, идут — нашли какой-то дом. Вокруг того дома высокая каменная стена, а за стеной быки мычат. Хотят в дом войти, да стены слишком высокие».

Схватил тут Кокулаузэйс огромный дуб за макушку, пригнул к земле и переломил, как хворостинку. Как запустит тем дубом в стену — дуб со свистом назад отскакивает, а стены и не вздрогнули.

Увидал это Акменюкалейс, схватил большущий камень да как запустит в стену — загрохотал камень да назад отскакивает, а стены и не вздрогнули как следует.

Тут уж берет Гороховый человек камень еще больше, собрал всю силу да и запустил тот камень в стену — стены рухнули.

Ну, вошли на двор, зарезали одного быка и приказали Кокулаузэйсу сварить его. А Горо-

ховый человек да Акменюкалейс пошли тем временем оглядеть окрестности.

Но не успел Кокулаузэйс быка сварить: пришел маленький человечек с длинной седой бородой и отобрал все мясо.

Нечего делать — зарезали другого быка. Этого довелось варить Акменюкалейсу. Да и у него карлик отнял мясо.

Зарезали третьего быка. Того варил сам Гороховый человек. Приходит опять карлик и хватает мясо, да Гороховый человек защемил в колоду его бороду и пошел позвать товарищей.

Пока он ходил — пропал карлик со всем чурбаном: кинулся в глубокую дыру.

Как увидал это Гороховый человек, вырезал из бычьих шкур длинный ремень и спустился в дыру. Находит внизу большой за̀мок, а в нем трех принцесс.

Сказали принцессы Гороховому человеку, чтобы пошел в задний покой — стоят там два ушата воды: в правом ушате — вода силы, в левом ушате — вода бессилья. Пусть пьет воду силы, пока не сможет махать мечом, что там на стене висит.

Напился Гороховый человек воды, что силу дает, — верно, может мечом помахивать. Перекатил он тут ушат с водой, что силу дает, на место ушата, в котором вода бессилья, взял тот огромный меч да и выходит на двор оглядеться.

Увидел в саду много птиц, зверей. Идет поглядеть, что они там делают. Глядь — вон что: звери да птицы собрались вокруг карлика, которому он бороду в чурбан защемил, и вытаскивают волос за волосом по одному из щемла.

Взялся тут Гороховый человек зверей мечом чистить. А карлик тем временем шмыгнул в покой воды силы испить, новой силы набраться.

Да ошибся: напился воды, что силу отнимает. Пошел Гороховый человек ему навстречу и тут же его убил.

Забирает тут Гороховый человек принцесс да идет к дыре, чтобы товарищи наверх вытащили. Те принцесс вытащили, а Горохового человека внизу оставили.

Нашел Гороховый человек новую дыру и полез в нее. Лез, лез — вылезает к светлому месту. Недалеко большое дерево стоит, макушкой в облака уходит. А вокруг — море, дерево растет на морском острове.

Нечего делать — полез по сучьям дерева вверх. Долез до облаков.

Как тут быть? Ничего больше не остается— взобрался прямо на облака и пошел по ним, как по земле, пока не дошел до того места, где облака с землею сходятся. Тут выбрался опять на землю и пошел домой.

(Из сборника А. Швабе)

ДРУЖНЫЕ БРАТЬЯ

Жил один старый рыбак. Каждый день ловил он только по две рыбы. Так жил он долго и не было у него детей, а рыбаку крепко хотелось сына.

Вот раз вышел он опять на берег моря и видит: плывет на него большая щука—он ту щуку и поймал.

Просится щука, чтоб отпустил ее рыбак:

«Коли отпустишь меня, пришлю тебе двух рыб. Ты отнеси их домой, свари да и отдай жене. Как съест она обе эти рыбы, так и родит тебе двух сыновей».

Рыбак так и сделал.

Съела жена обе рыбины и родились у нее два сынка, да такие пригожие с золотистыми кончиками волос.

Как подросли оба сына, давай отца просить, чтобы позволил им учиться охотничьему делу.

Что тут рыбаку делать?

С той поры, как родились у него два сына, не лавливал рыбак больше четырех рыбин за день, каждому по одной.

Пошел как-то рыбак снова на море и давай ловить. Ловил, ловил — наловил множество рыбы. Продал он ту рыбу и на те деньги купил каждому сыну по охотничьей собаке, охотничью суму, ружье и все снаряженье, да и отдал обоих охотничьему делу обучаться.

Как только обучились они охотничать, тотчас же пошли в чужие края. Вот ходят они некоторое время оба вместе, да только нет им никакой удачи.

Ходили, ходили — выходят раз на перекресток. Тут заговорили братья так:

«Не было нам до сей поры удачи, надобно нам тут расстаться. Пусть идет один направо, а другой налево. А чтобы знать, как кому живется, воткнем в дуб свои ножи. Чей нож ржавый станет, плохо тому, а чей нож блестит, тому хорошо».

Воткнули ножи в дуб и разошлись: один направо, другой налево.

Вот первый, который пошел направо, идет да идет и вдруг видит — заяц впереди бежит. Берет он свое ружье и хочет того зайца застрелить. А заяц просит:

«Не стреляй ты в меня! Пойду с тобой вместе, может, когда-нибудь из беды выручу».

Ну, он не стреляет и идет дальше. Идет, идет — встречает лису. Хочет ее тут же застрелить.

Опять же и лиса просит:

«Не стреляй ты в меня! Пойду с тобой вместе, может, когда-нибудь из беды выручу».

Ну, он опять не стреляет и идет дальше. Заяц и лиса за ним идут. Прошли некоторое расстояние — встречают волка. Только хотел его застрелить — просит волк:

«Не стреляй ты в меня, отпусти живого! Пойду с тобой вместе, может, когда-нибудь из беды выручу».

Так встретили медведя. И он так же просил. Наконец повстречали льва. Хочет его застрелить, да лев просит:

«Не стреляй! Пойду с тобой вместе, может, в беде выручу».

Так он идет дальше, и все звери идут за ним. Идут, идут — подходят к корчме, а тут же большой город стоит.

Подходит он к корчме и видит, что весь народ из того города вон валит.

Заходит он в корчму и спрашивает корчмаря:

«Зачем народ из города вон выходит?»

Корчмарь говорит:

«Заколдовали город черти, никому в нем житья нет».

Что же ему тут делать? Идет он в город к самому зáмку, запирает в хлеву своих зверей, а сам идет в зáмок.

Вошел в зáмок и видит: стоит стол, на столе кушанья да напитки, а посереди стола стоит бутылка. На той бутылке написано:

«Коли у кого что болит, умойся этим зельем — сразу здоров будешь».

Ладно. Так ждет он полуночи.

Под полночь слышит — подымается кто-то по лестнице. Тот, кто впереди идет, спрашивает:

«Кто первым пойдет?»

Второй отвечает:

«Кто же пойдет? Пусть первым идет Маленький Кристапчик».

Вот входит Кристапчик да сразу же на него, сломал его и проколол. И все опять уходят.

Подполз брат к столу, взял ту бутыль, умылся и опять здоров стал.

На другую ночь опять он остался один в зáмке. Под полночь слышит опять — идут по лестнице. Передний спрашивает:

«Кто первым пойдет?»

Второй отвечает:

«Пусть теперь идет первым Длинный Юрий».

Ну, как вошел тот Длинный Юрий, опять сломал его и проколол.

И опять все черти убегают.

Ползет брат кое-как к столу, берет ту бутыль и омывается — сразу же стал опять здоров.

Как тут быть? Видит он, что ничего ему не поделать, — решил уехать. Пошел на конюшню, взял коня, забрал своих зверей и выехал из зáмка.

Подъехал к городским воротам — не тут-то было! — заперты ворота на замок, никак не выбраться. Ну, поворачивает он назад и едет опять в тот замок.

Как подошла третья ночь, тут ему и пришло в голову, что звери те обещали ему помочь. Забирает он всех зверей к себе в замок и дожидается полуночи.

Под полночь слышит — опять идут по лестнице. Вот передний и спрашивает:

«Кто на этот раз первым пойдет?»

Другой отвечает:

«Пусть идет Малый Кристапчик».

Кристапчик не идет.

«Ну, пусть идет Длинный Юрий».

Но не идет и Юрий, хоть ты его убей.

«Ну, коли так, пусть идет третий . . .» (Каб тебя чорт, не припомню, как его и звали!)

Третий тоже не хочет итти, да под конец пошел. Как только вошел третий, тут и выпустил брат на него всех зверей. Звери давай его драть. Выскочил тот за дверь да наутек, остальные черти за ним, а убегая — кинули в дверь одну принцессу, совсем скрюченную чертями.

Дает он ей зелья из бутылки, омывает, и выздоровела принцесса, а красавица — на диво!

На другой день выходят оба, по городу гуляют. Как узнали люди, что черти прогнаны, все назад в город возвращаются. Избрали его купцы королем, и женился он на той принцессе. А принцесса обвязала всем зверям вокруг шеи по бантику, чтобы узнать можно было.

Второй брат, который налево пошел, тоже в лес попал и встретил зайца, лису, волка, мед-

ведя и льва, как и первый. Вот идет он со всеми зверями, выходит из того леса и находит корчму.

У той корчмы тоже город стоит. И слышит он, что в городе играют.

Зашел он в корчму и спрашивает у корчмаря, что за игра в том городе.

Корчмарь ему и рассказал, что в городе том воды вовсе нет — чорт о девяти головах воду задерживает, и надобно тому чорту каждый день по человеку давать. Вот сегодня и выпал жребий на царскую дочь.

Спрашивает он тогда у корчмаря, нет ли у него чего поесть. Отвечает корчмарь, что нет больше ничего, только половина селедки. Потому и корчму его Селедочной корчмой прозвали.

Поджарил он ту половину селедки, съел да и пошел со всеми своими зверями гулять по берегу моря.

Тут видит он, что кучер увозит принцессу. Велит он принцессе вылезти из кареты и с ним итти.

Прошли они все вместе немного, уселись и ждут.

Через некоторое время идет девятиголовое чудовище и орет, чтобы принцессу отдавал. А брат отвечает, чтобы сам пришел да взял.

Приходит чудовище принцессу брать, а брат и напускает на него всех своих зверей.

Пошла тут грызня, пока звери не одолели чудовища.

Подходит тут брат и отрубает у чудовища все девять голов, а из каждой головы вырезы-

вает язык и прячет в свою охотничью сумку. А головы тут же и побросал.

Как собрался он дальше итти, снимает принцесса с пальца свое кольцо и ломает пополам: одну половину себе оставила, а другую половину ему отдала.

Обвязала принцесса шею каждого зверя ленточкой, а самого его хочет с собой в замок отвести, царем его сделать, да он не идет и не идет, так они и расстались.

А тот кучер не дурак. Собрал он все головы чудовища, сложил в карету и настрого приказывает принцессе, чтобы сказала, что это он убил чорта-дракона, а нет, — так убьет ее.

Ну, что тут ей делать? И сказывать не любо, а не скажешь — смерть.. Обещается сказывать.

Как приехали в замок, тут кучер и говорит. что это он убил чорта с девятью головами.

Царь как услыхал это, не дал ему больше и коней распрягать, приказал его одеть-обуть, отдает ему свою дочь-принцессу в жены. Тот, конечно, согласен тотчас же и обвенчаться с ней.

Да нет, принцесса говорит, что до той поры замуж не выйдет, пока год и семь недель траура не выдержит.

Ну, вот и проходит год и шесть недель, скоро и свадьба у кучера с принцессой.

А охотник тот ходит да ходит и снова к той корчме Селедочной пришел. Тут слышит он, что в городе том играют так, что все гудит. Спрашивает он корчмаря:

«Что там в городе за веселье?»

Корчмарь и рассказывает:

«Год тому назад царский кучер спас от черта-дракона принцессу, а нынче свадьба у него с принцессой будет, и быть тому кучеру теперь царем».

Ладно. Спрашивает он тогда у корчмаря:

«Нет ли чего поесть?»

Корчмарь отвечает:

«Нет ничего, только половина селедки».

Ну, какая еда — половина селедки? Вот привешивает он медведю ведро с записочкой, чтобы наложили ему полное ведро капусты.

Как только дошел медведь до кухни, тут его принцесса и признала по ленточке по своей, что вокруг шеи ему обвязала. Думает принцесса:

«Ну, теперь он не может быть далеко».

Приказывает принцесса повару наложить полное ведро капусты, потащил медведь то ведро.

Да как же варить щи без мяса? Надобно же кинуть туда и мясца кусок. Пишет записочку и вешает волку на шею, тот уходит.

Как увидала принцесса волка, сразу же и признала его по ленточке, что обвязала ему вокруг шеи. Велит она повару отрезать большой кусок мяса и привязать волку к шее. Несет волк то мясо.

Как есть без хлеба? Посылает льва за хлебом. Привесил повар каравай хлеба.

А теперь и пиво понадобилось. Посылает опять медведя за пивом.

А принцесса узнает всех зверей и думает:

«Тут же где-нибудь поблизости и он должен быть».

На другой день идет он в город. Приходит на кухню и спрашивает повара:

«Не надобен ли работник?»

Повар отвечает:

«Как раз нужен, у меня сегодня работы пропасть!»

И оставляет его на кухне кухонным мужиком.

Вот сварил повар кофе для принцессы и собирается отнести, а тот и просит повара — не даст ли попробовать, какой вкус у кофе, что цари пьют.

«Эн, пустое! — отвечает повар. — Такой же вкус как и у всякого кофе».

А тот еще пуще просит. Ну, повар и дал. Тот только приложил стакан к губам, кинул в стакан кольцо и говорит:

«Да ведь совсем другой: такой вкусный, такой вкусный!»

Принес повар кофе, начинает принцесса пить да ложечкой помешивать и примечает, что в стакане что-то есть, вытаскивает — кольцо. Тут она бежит на кухню, спрашивает повара:

«Тут у тебя есть кто чужой?»

Повар отвечает:

«Да, есть! Тут пришел сегодня один, работы спрашивал, так я взял его кухонным мужиком».

«А не пил он моего кофе?»

Похолодел повар от страха и говорит:

«Больно просил уж, так я дал ему немного отведать».

Ну, она его сразу же признала, повела к себе и заперла в своей горнице.

Вот перед венцом просит она, чтобы позволили ей рассказать про один случай. Отец позволяет. Вот она и рассказывает:

«Пропал у меня ключ. Не могла я его отыскать и велела сделать мне другой ключ. А тем временем нашла я старый ключ и теперь у меня два».

Повернулась к жениху и спрашивает:

«Которым ключом теперь пользоваться, старым либо новым?»

Жених отвечает:

«Лучше старым пользоваться».

Тогда выводит она подлинного своего избавителя из горницы и говорит:

«Вот кто меня спас! Он убил девятиголового, а ты меня хотел убить, коли я не сказала бы. что ты меня спас».

Но отец ее, старый царь, не верит и спрашивает:

«А какие тому доказательства?»

Тогда принцесса говорит:

«Ну, отец, а разве бывают головы без языка?»

Тут все глядят, и что ж? Ни у одной головы языка нет.

Тогда вынимает брат из своей охотничьей сумки все языки и прикладывает к каждой голове — да, все и подходят.

Тут уж все видят, и отец также, кто чорта-дракона убил. Сейчас же повенчали брата с принцессой и сделался он царем. А кучера велели в железной бочке замучить.

Вот живут да поживают некоторое время вместе. А только как-то задумал брат на охоту поехать. Едет, едет — вдруг видит зайца, хочет стрелять, да заяц больно далеко. Скачет, хочет до зайца добраться, да ничего не выходит: заяц все дальше да дальше.

Бежал, бежал заяц, выбежал на большую поляну да и пропал, не слыхать, не видать.

На краю поляны старуха стоит и костер у нее горит. Подъезжает он к старухе и просит, чтоб дала огня трубку раскурить.

А старуха огня не дает, покамест не даст он себя погладить. Подумал он, подумал, ничего, мол, ему от того не сделается, да и дался погладить.

Только она его погладила, он и обернулся в камень. Погладила она его зверей и тоже всех в каменья обернула.

Подумал как-то первый брат:

«Погоди-ка, надобно пойти к дубу поглядеть, каково живется моему брату: поржавел ли его нож, либо все еще блестит?»

Тут идет он к дубу и глядит: нож совсем заржавел.

«Ну, — думает он, — брату живется плохо».

Вот едет он да едет, хочет разузнать, что с братом делается.

Подъезжает он под конец к Селедочной корчме. Корчмарь выходит ему навстречу и говорит:

«Ах, славный государь, где же вы так долго были? Все в тот день приехали с охоты, а вы так долго не возвращались».

А оба брата были совсем друг на друга похожи. Смекнул тут первый брат, что тут за беда.

Едет он дальше в город. Царица так же, как и корчмарь, принимает его за своего мужа, а он молчит, ничего не говорит.

Приходит ночь, надобно спать ложиться, приходится ему итти к царице спать. А он ничего

ей не говорит, только кладет между нею и собою меч. Запечалилась царица — никогда царь этого не делал, а тут между ними меч.

На другое утро едет он опять на охоту. Ну, царица его не пускать. Говорит ему:

«Так долго был ты на охоте, только воротился домой да и опять уезжаешь».

Просит царица, чтобы остался он дома, да тот не слушается и едет брата отыскивать.

Только в лес въехал — видит зайца. Хочет застрелить его — заяц бежать. Гнался, гнался за ним и прискакал на ту большую поляну. А заяц тут опять пропал.

Тут увидал он камни и старуху. Та костер разводит и греется. (А была она мать того чорта девятиголового).

Смекнул он, что тут за штуки. Подъезжает к старухе, просит, чтобы дала огня трубку раскурить.

«Ладно, — говорит старуха, — огня дам, да, позволь-ка, сначала тебя поглажу».

«А! — тут он на нее с плеткой. — Чтоб были камни живые!»

Старуха упирается, оживить камни не хочет, да он лупит ее плеткой до тех пор, пока она всех зверей не оживила.

Ну, добрались и до человека. Тут старуха опять упирается, ни за что оживлять его не хочет. А тот давай ее опять лупить, пока она и брата не оживила.

Спрашивает тут первый брат:

«Ты почему моего брата в камень оборотила?»

Старуха отвечает:

«Да что же он моего сына убил?»

Ну, тут они оба разрубили ее крест-накрест. Едут вместе в город.

Не может царица распознать, который ее муж, больно похожи один на другого. Тут настоящий муж дал себя распознать и рассказал все, как было.

А первый брат уехал снова в свое государство, так они и расстались.

(Из сборника А. Швабе)

ДРУЗЬЯ-ЖИВОТНЫЕ

В старые времена у одного царя было два рыбака: один богатый, другой бедный. У бедного рыбака не было детей. Да и жена у него была злая, все время мужа ругает, что и хлеба-то не может заработать своим рыбачеством, да и мужем-то недостоин зваться, и всячески еще поносит.

Все это крепко грызло его сердце, так что и не расскажешь. Особенно загоревал он как-то после ссоры с женой, заплакал, сел на берегу реки и задумался: что тут делать?

Думал, думал и под конец воскликнул:

«Потяну я улов Лаймы [21] — что будет, то будет!»

Забросил сеть, начинает тянуть — сеть тяжелая-тяжелая. Вытащил на берег — в ней только одна-одинешенькая рыбка. Рыбак тяжело вздохнул, кинул рыбку в торбу и идет домой.

А рыбка начинает разговаривать:

«Возьми, почисти меня — моя чешуя из золота: собери в карман, так у тебя из той чешуи деньги выйдут!»

Рыбак так и сделал, и стало у него денег полные карманы. А рыбку выпустил он обратно в реку.

Пришел рыбак домой, высыпал деньги на стол и гордо показывает жене. А жена деньги собрала и пристает к мужу:

«Скажи, откуда ты эти деньги взял? Скажи, откуда взял?»

Муж не говорит, ему рыбка приказала, чтобы молчал. А как не сказал, жена его еще больше мучит:

«Видно, за новое ремесло взялся: людей грабить стал, потому и сказать не можешь!»

Такими да этакими словечками так мужа взбесила, что тому уж невмоготу. Чтоб унялась, наконец, он и говорит:

«Из рыбьей чешуи деньги взялись».

Да баба не верит: «Как это может быть, чтобы деньги да из рыбьей чешуи? Пока не принесешь да не покажешь этакую рыбу, все буду и буду говорить, что людей ограбил, от самого царя не утаю».

Нечего больше делать — идет на берег реки и опять тащит улов Лаймы. Да, тянет, — опять ту же рыбку вытаскивает.

А рыбка и говорит: «Теперь покажи ты меня своей жене, а потом раздели меня на пять кусков: один кусок дай съесть своей жене, другой своей кобыле, третий своей суке, четвертый кошке, а пятый засунь под пол в конюшне твоей кобылы».

Рыбак так и сделал. Через некоторое время родились у жены два сына с золотыми волосами, у кобылы два жеребенка золотой масти, у суки

два щенка с золотой шерстью, у кошки два котенка с золотой шкуркой.

Как подросли сыновья, довелось раз царю мимо рыбачьего дома проезжать. Увидал царь пригожих парнишек, давай рыбака просить, чтобы отдал ему одного — станет его воспитывать да ходить за ним, как за своим сыном.

Не хотелось рыбаку сына отдавать, да перечить царю тоже невозможно — отдал.

В царском дворце парнишке было очень хорошо: полюбил его царь больше, чем своего родного сына. Куда царь ни пойдет, и тот за ним следом, больно уж умел все по нраву царя делать.

А царский сын обижался, что полюбил отец чужого больше, чем его.

Довелось царю в тот год на войну пойти. Тут царский сын и надумал Золотоволосого извести: заманил он его на высокую башню да и вытолкнул в окно, чтобы тот упал да и убился.

Однако парнишке посчастливилось — не разбился, не ушибся, так легонько на землю упал.

Тут же собрался он к родному своему отцу — рыбаку: пусть делают, что хотят, он во дворце больше не останется. Там людей убивают — он лучше по свету поедет.

«Ладно! — говорит отец. — Поезжай!»

И дал ему одного из тех жеребцов, одного из тех псов, одного из тех котов, что родились от той рыбы.

А сын и говорит:

«Куда же я поеду? У кого этакий конь золотой масти, тот должен и уздечку и седло иметь как следует».

Вспомнил тут отец про пятый кусок рыбы, что под пол подсунул, поднял пол, чтоб поглядеть, что там хорошего получилось. Глядь — а там чудеса: золотое седло, золотые уздечки.

Оседлал тут рыбак сыну статного жеребца под золотое седло и проводил его с золотым псом да золотым котом за ворота в дальний свет.

Едет сын один день, другой день, одну неделю, другую неделю — и попал в чужой царский город. В том городе все горевали: единственную царскую дочь надобно было отдать ужу, у которого двенадцать голов.

За городом на горе жил уж и надобно было ему каждый год одну молодую девицу жертвовать, иначе изрыгал он такой яд, что вокруг на семь миль все как в огне сгорало.

В этом году пришел черед царской дочери итти на гору ужу-чорту в добычу.

Услыхал это сын рыбака и спрашивает у горожан:

«Да разве ж нет никого, кто бы мог царскую дочь из когтей этого чудовища спасти? А может, мне можно?»

Те отвечают:

«Итти тебе можно, да только зря ты свяжешься с ужом».

«Ничего! — отвечает сын. — Что будет, то будет, я пойду!»

С утра большая толпа народу провожала царскую дочь из города. Позвал тут сын рыбака своего золотого пса да золотого кота, оседлал золотого коня и поехал вместе с провожатыми. Как подошли к горе ужа, вся толпа остановилась, а царская дочь одна на гору по-

шла. Выехал тут из толпы сын рыбака да и поехал за ней следом.

Увидал его народ — диву дался:

«Что это за сорви-голова с собакой да с котом из чистого золота? Да неужто он хочет к чортову ужу в глотку въехать?»

А он едет да едет. Как поднялся на полгоры, начала гора греметь, как самый страшный гром — вся земля дрожала. Да это только начало было: на вершине горы еще больший шум поднялся.

Высунул чорт одну голову и спрашивает у Золотоволосого:

«Ты чего тут ищешь?»

Золотоволосый отвечает:

«Я пришел эту девицу защищать!»

И тут же выпустил собаку да кота на ту голову. Начали драться. Пока они грызлись, Золотоволосый мечом отхватил всю голову.

Да тут одна за другой показались головы из-под земли и хотят его ядом извести. А кот да пес грызут их, конь брыкается да копытами головы топчет. Золотоволосый на коне верхом сидит да голову за головой мечом рубит — отрубил еще одиннадцать голов от туловища: тут гаду и конец.

Обрадовалась царевна, что спас ее от смерти, тут же кольцо свое ему дает, обручается. Сговорились через год свадьбу справить.

Ладно. Распрощался Золотоволосый с невестой нареченной, вырезал языки из всех ужовых голов, сунул их в карман да и уехал, весь сверкая, с псом да котом на другую сторону горы.

Радуется царевна, спускается с горы — домой спешит. Да только прошла она немного, как — откуда ни возьмись — пристал к ней какой-то мужчина. Заставил ее клясться душой и телом, что это он ее спас от ужа, приказывает, чтобы она дома иначе не говорила. Взявши с нее клятву, собрал он все головы в мешок и пошел с царевною в царский замок.

А что же царь? Тот поверил словам обманщика и свадьбу готовит.

А царевна и говорит:

«Не могу венчаться, пока год траура не пройдет».

Для обманщика это было слишком долго, да нечего делать — надо ждать.

Прошел год, нет сына рыбака, — куда запропастился — неведомо, — не может царевна дольше противиться: надобно назавтра с обманщиком венчаться.

Да только рано утром сын рыбака тут как тут, как на горе тогда сговорились. Входит он в город и спрашивает:

«Что у вас тут за веселье?»

Горожане отвечают:

«В минувшем году было у нас горькое времечко, а теперь свадьбу справляем: царская дочь замуж сегодня выходит за своего избавителя».

Как услыхал это сын рыбака, сразу же посылает своего пса и кота к царевне, чтобы знала, что он уже тут.

Увидала царевна золотого пса да кота своего нареченного, немедля выехала из замка в город к нему навстречу, встречает его с почестью.

Да старый царь все еще не может понять, что правда, что нет. Как приехала дочь обратно в за̀мок, он и спрашивает:

«Кто это такой — с золотым конем, золотым псом да золотым котом?»

А дочь и отвечает:

«Это мой жених — настоящий избавитель, — ведь у него и языки ужа: у того обманщика только головы».

Тут уж царь поверил:

«Значит, так и есть!»

И отдал дочь сыну рыбака, а того обманщика велел казнить.

(Из сборника А. Швабе)

НЕВЕРНАЯ СЕСТРА

У одного отца были сын да дочь. Сын уже парнишкой был сильнее отца, а как вырос — стал носить по тридцать пур пшеницы да по тридцать человек в санях возил по песку.

Сговорились раз брат с сестрой итти работу искать. Велел брат выковать себе пятнадцатипудовый посошок, и пошли оба большим густым лесом.

Нашли в лесу хижину. А в той хижине двенадцать разбойников живут.

Хотели разбойники чужаков убить, да брат своим посошком всех их прикончил и забросил как полена в погреб под хижиной.

С утра остается сестра в хижине хозяйничать, а брат со своим посошком уходит в тот же лес поохотиться.

Встречает он льва и хочет его убить, а лев давай просить, чтоб оставил его в живых: будет ему служить верой и правдой. Брат послушался льва.

Через некоторое время встречает еще медведя, волка да зайца. И тех в живых оставил.

Вот живет брат в хижине с сестрой да с четырьмя товарищами. С виду сестра с братом была ласкова, а за спиною — не то. Только брат в лес, она отпирает дверь погреба и выпускает одного разбойника, что тогда счастливо уцелел.

С этим разбойником она и живет в клети да в кладовой, вкусно едят, лакомятся, как могут. Брат только диву дается, куда хлеб да мясо так быстро уходят, да только ему и в голову ничего не приходит.

Под конец задумали оба обманщика брата убить.

Раз приходит брат со львом, медведем, волком да зайцем с охоты и спрашивает у сестры:

«Что доброго, сестрица, поделываешь?»

«Пряду шелк в две тысячи ниток. Хочу разок поглядеть, сколь ты доподлинно силен. Ты разорвал раз тысячу ниток, а вот теперь хочу глянуть, как разорвешь ты две тысячи ниток».

Брат, ничего худого не думая, посмеялся над ее выдумкой и позволил себе связать руки. Рвет, рвет — не может порвать.

Тут выпускает сестра разбойника из погреба. Тот сразу же собирается брата убить. А брат просит сердечно, чтобы позволили ему в последний раз на дудке поиграть.

Приложила дудку сестра брату к губам и позволяет играть.

Брат играет грустно.

Услыхал дудку зайчишка и говорит своим товарищам:

«Что-то неладно, видать, с нашим хозяином. Слышь, как грустно дудка звучит».

Все четверо становятся на задние лапы и слушают. Слышат, что дудочка звучит все печальнее.

Чего тут ждать — трах! — выломали дверь.

Разодрал лев разбойника, медведь поймал сестру, волк лижет кровь разбойника, а зайчишка шелковые нитки перегрызает.

Привязал брат сестру к столу, поставил перед ней две миски и говорит:

«Я теперь пойду надолго. А когда приду домой, то погляжу, в которой посудине слез будет больше: в моей, или в разбойничьей».

Приходит брат домой и видит: миска разбойника слезами полна, а братняя миска только наполовину.

(Из сборника А. Швабе)

СЕСТРА — ЧОРТОВА НЕВЕСТА

У одного барина в волости была высокая гора, на которой показывались привидения, так что люди боялись проходить мимо. Задумал барин поехать поглядеть, что там на той на горе взаправду делается.

Приказал кучеру коней запрягать. Сели оба и поехали.

Подъезжает барин к горе и слышит — чудесная музыка. Полез барин на гору, видит — сидит музыкант, на скрипке играет, да так хорошо, да так весело, что прямо плясать захотелось.

Зовет барин музыканта, чтобы с ним в имение поехал — на балу поиграть. Музыкант согласен. Сели да поехали.

Проехали немного, оглянулся кучер и видит — нет больше ни барина, ни музыканта: сидит вместо них громадный медведь.

Испугался кучер, ударил по коням и пустился в имение, насколько кони могут нести. А медведь начал с ним разговаривать:

«Ну, теперь конец и сыну и дочери твоего барина. Как приедем домой, прикажи зарезать семьдесят коров. Я их съем, а потом закушу сыном да дочерью барина, а под конец и тобой».

Думает кучер: «Что теперь делать?»

Мог бы удрать кучер, да детей барина жалко, больно уж любил их. Задумал он спасти их да и убежать с ними вместе.

Пока коров резали да жарили, шепчет кучер барчонку:

«Так и так! Пойди в баринов покой, разыщи там маленький ящичек — пригодится в бегстве».

Ладно. Взял барчук ящичек, свою сестру да кучера — и бежать. По дороге открыли ящичек. Там был гребень, кусок кремня да красный носовой платок.

Тем временем чорт, нажравшись мяса до-отвалу, захотел чем-нибудь закусить и стал искать

барчука, его сестру да кучера. Не найдя в имении, бежит вдогонку.

Слышат беглецы — гонится за ними чорт с страшным грохотом. Говорит тогда кучер барчуку:

«Бери кремень, бросай в поле».

Только бросил кремень — обернулся кремень в высокую, высокую гору.

Старается чорт через гору перебраться. Пробует в одном месте перелезть, в другом, да не удается: все выше да выше гора подымается.

Решил чорт гору обойти. Попробовал обходить с одного бока, а гора вытягивается в длину все дальше да дальше — не обойти.

Пока чорт у горы бился, беглецы уже далеко. Наконец, удалось как-то чорту через гору перебраться, бежит, запыхавшись, за теми тремя из всех сил.

Тут кричит кучер барчонку:

«Выбрасывай гребень!»

Только выбросил гребень — вырос из него густой большой лес. Деревья так густо срослись, что чорту никак не пробраться. Коли хочет дальше итти, так должен лес прогрызть.

Ну, начал чорт деревья грызть, насколько зубы выдержать могут — весь рот себе раскровянил. Наконец пробрался через лес и бежит за беглецами во всю прыть. А они тем временем выбрались на открытое поле, и кучер велел барчуку обвязать голову красным платком.

Как обвязал — появилась вокруг того поля огненная река: текла она так далеко вокруг, как далеко виден был красный платок с того берега.

Прибежал чорт к реке, хотел на другую сторону перебраться, да куда ни сунется, там пламя еще выше полыхает — ничего не поделать.

Те трое стали жить на том поле, что огненною рекою было окружено. Построили усадьбу со всякими нужными службами да погреб с семью железными дверями сделали.

Когда все было готово, почуял кучер, что смерть к нему подходит. Говорит он барчуку да его сестре, чтобы чорта остерегались—тот все еще хочет заполучить их в свои когти. Да красный платок чтоб всегда под шапкой носил на голове повязанным: покуда будет на голове платок, до тех пор и огненная река не кончится.

А напоследок и говорит кучер так:

«Помереть я должен так или этак. Потому отруби у меня руки да ноги и положи все на крыши, а туловище в своей спальне закопай под кроватью. Будет у вас тогда от меня еще помощь против чорта. Да вымолю я еще вам помощников у бога».

Барчук так все и сделал, хотя и крепко ему не хотелось с верным кучером расставаться. Сел после всего барчук с сестрой к столу, и задумались оба, как им теперь жить без мудрого кучера.

Тут вбегают два пса, становятся по обе стороны барчука да так и не отходят от барчука ни на шаг: ходит ли он, стоит ли, спит ли — и по ночам сидят по обе стороны и сторожат. Собаки эти и были теми помощниками, которых кучер обещал, умирая.

А чорту тоже стало известно, что кучера уже нет, и начал он крепко подумывать о том, как бы заполучить себе барчука и его сестру. Перебраться просто через огненную реку, ведомо, чорту не по силам, ну вот и задумал он на хитрость пуститься.

Пошел раз барчук охотиться, а чорт обернулся опять музыкантом и начал на берегу играть. И так красиво играл, что выбежала барчукова сестра послушать, поглядеть, кто такой играет?

Слушала она да слушала и просит, чтобы еще играл. А чорт и говорит, что играть-то он будет, да вот пусть только она через реку его в усадьбу пустит, тогда лучше музыка слышна будет.

Сестра отвечает:

«Нет, это не выйдет! Пока у брата красный платок на голове, огненная река не кончится и тебе в усадьбу не перебраться».

Давай тут чорт всячески ее уговаривать да улещать, чтобы обманула она брата, и разное говорил еще такое. Посулил ей, что, как переберется он через реку, тут же на ней женится, и сможет она тогда всю свою жизнь музыку слушать.

Сестра дала себя обмануть да уговорить.

Через некоторое время приходит с охоты брат, крепко вспотевший; идет он глаза помыть, а платок да шапку на столе оставил.

Тут подбежала сестра, схватила красный платок и перебросила через реку чорту. Тут же огненная река потухла, и чорт пробрался в усадьбу.

Брат ничего не примечает. Помывшись, сел за стол обедать. А каша на этот раз была сварена густая. Ест, ест, а собаки сидят рядом — никак чорту не подступиться.

Обернулся чорт мухой и упал в кашу. Брат ловил, ловил муху — не удалось: взлетела на воздух и отлетела в сторону. Тут собаки стали муху ловить. А муха нарочно залетела в тот погреб что за семью железными дверями. Собаки сгоряча за ней.

Как только забежали собаки в погреб, муха— как молния — назад из погреба; сразу же обернулась чортом да все двери на запор: остались собаки в погребе за семью дверями. Тут барчук и попался чорту в когти.

Хочет чорт барчука тут же проглотить, а барчук и просит:

«Не глотай меня сразу же, дай малость пожить да в бане начисто помыться, тебе же будет кусок полакомее».

На это чорт согласен. Отпустил барчука дров наколоть, баню истопить да начисто помыться.

Барчук дрова колет, колет, да очень медленно — совсем работа не спорится. Прилетает тут маленькая птичка, садится на дерево возле барчука и чирикает:

«Коли и не коли, делай и не делай, топи и не топи — собаки уже одну дверь прогрызли!»

Ладно. Тут уж барчук чуть-чуть шевелится. Чорт ждет, ждет — не может жаркого дождаться! Прибегает раз, другой под дверь бани:

«Что, еще не помылся?»

«Скоро!» — отвечает тот. Чорт нетерпеливо уходит.

Тем временем прогрызли собаки все семь дверей и прибежали к барчонку. Спрятались под лавкой, чтобы чорт не приметил да не убежал.

Малость погодя приходит снова чорт и кричит:

«Что, ты еще не готов? Выходи вон!»

«Чего же мне выходить — иди лучше ты сюда!» — отвечает барчук.

Чорт думает: «Он еще грубиянит!»

И прыгает в баню. А собаки тут же на него и разодрали его на мелкие кусочки. Все кости перегрызли, только один единственный чортов зуб целым остался тут же на земле.

Не оставил брат и сестру без наказания: привязал ее цепью к столбу меж двух ушатов — один ушат был полон песку, а другой пустой. И говорит:

«Коли съешь ты ушат песку да наплачешь полон ушат слез, пока я вернусь, тогда будет тебе прощенье за твое предательство».

Вернулся брат через год и видит — полон ушат слез наплакала и весь песок съела. Отпустил он сестру с цепи, спалил в проклятой усадьбе все постройки и пошел с сестрой да псами в другую сторону.

А как проходили мимо бани, где собаки чорта разодрали, увидала вдруг сестра чортов зуб на земле, подняла его да и сунула в карман.

Прошли большое расстояние и остановились отдохнуть. Тут брат да собаки сразу же и уснули от усталости.

А сестра вытащила чортов зуб из кармана и давай его разглядывать. Как поглядела на него, зуб и заговорил — стал сестру уговаривать:

«Положи меня брату в ухо, тогда увидишь, что будет!»

Положила сестра брату в ухо зуб, а брату сразу и конец.

Проснулись собаки, увидали, что стряслось — хотят барчука оживить. Трудились, трудились — напрасно. Тут увидели они вдруг — кончик зуба торчит из барчукова уха, стали по-очереди тот зуб вылизывать из уха.

Лизали, лизали, а зуб как выскочит да той собаке, которая последнею лизала — в ухо. Теперь барчук ожил, а пес мертвый лежит.

Начал тут другой пес лизать. Да еле вылизал, как зуб — самому в ухо. Первый пес теперь ожил, второй мертвый лежит.

Скликал тут брат разных зверей — по-очереди зуб вылизывать. Да со всеми то же самое: кто вылижет, тому зуб в ухо — и готов.

Пришла очередь лисе вылизывать. А лисица — умница, знает, что делать: лижет, лижет, а ухо прикрыла сковородой. Как вылетел зуб — трах! — в сковороду и отлетел в сторону. Тут собаки кинулись на зуб и погрызли его в крохи.

Прогнал затем брат необузданную сестру, а сам пошел в именье отца, где и остался жить.

(Из сборника А. Швабе)

МАТЬ-ПРЕДАТЕЛЬНИЦА

Одна мать перед смертью сказала своему единственному сыну:

«Сын, вот тебе этот мой башмачок. Когда поедешь жену себе искать, на иной не женись —

женись только на той девице, у которой другой такой же башмачок».

Ладно. На другой аль на третий год после того поехал сын невесту искать. Подъезжает к одной усадьбе, а навстречу ему выбегает молодая девица:

«Вот если б сыскался у какого человека второй такой башмачок, как у нее под кроватью, носила бы она распеваючи!»

Вынимает сын свой башмачок из саней, идет с девицей в избу: будет ли его башмачок похож на другой аль нет?

Вытащила девица свой из-под кровати — похож. Надела — башмачок сына как раз впору, точно ее собственный.

Ну, чего же больше — надобно жениться. И поженились.

А как пришло время рожать, застыдилась жена и ушла в лес. Там родился у нее сын, которого прозвали Ванюха Неодолимый.

Растет Ванюха Неодолимый не по дням, а по часам. По лесу бегая, научился Ванюха ловко стрелять.

Пошел раз Ванюха Неодолимый с матерью по лесу так далеко, как только пожелается. Шли, шли — дошли до одного за̀мка. А в том за̀мке ворот не видать.

Стал Ванюха за̀мок обходить — в потайном месте приметил дверь, да только она крепко-накрепко заперта. Ну, лег он наземь, уперся ногами в дверь, понатужился — высадил дверь.

Вошли, поотдохнули. Затем Ванюха оставил мать в за̀мке, а сам ушел в лес поохотиться, еды для обоих раздобыть.

Пока Ванюха Неодолимый по лесу ходит, охотится, приходит в замок черный барин — а был это сам чорт — и спрашивает у матери:

«Тебя кто в замок впустил?»

Та отвечает:

«Ванюха Неодолимый!»

Ну, тут чорт и говорит ей по-серьезному:

«Коли пойдешь за меня, так оставлю в живых. Коли нет — убью!»

Та обещалась.

Немного погодя идет Ванюха Неодолимый домой. Увидал его чорт, засуетился, так и этак учит мать, под конец говорит, чтобы сказалась она больной и говорит Ванюхе:

«Никак не выздороветь иначе — надобно молока волка, медведя да льва! Сходи на ту гору, там у зверей сход будет, там и молока можно добыть».

Пошел Ванюха Неодолимый на гору, спрятался в орешнике и ждет, покуда звери соберутся.

Ждал, ждал—понаскакало зверей таких и этаких, а за ними и самки ихние собрались, каждая с двенадцатью малышами. Тут крикнул Ванюха на этих самок:

«Я вас застрелю!»

Подбежали самки, упрашивают, чтобы пощадил: дадут молока, сколько надобно, да еще и по детенышу в придачу.

Ладно. Надоил он полный подойник молока и взял от каждой самки по детенышу.

Только подходит он к замку, обернулся чорт иголкою да и шмыг за печь. Как вошел Ванюха Неодолимый в покой, детеныши звериные

сразу же на печь кинулись — разнесли ее вдребезги.

А Ванюхина мать стала кричать: «Где теперь греться станем? Печь развалили!»

Прикрикнул тогда Ванюха на своих зверенышей и дает матери добытого молока испить. Та напилась, да не выздоравливает:

«Дай-ка ты мне яблочко, что у чорта в саду выросло, тогда уж и поправлюсь!»

Нечего делать, забрал сын трех своих зверенышей и пошел к чортову саду. Приходит туда — забор высокий, никак в сад не попасть.

Взлез он своему волчонку на спину, приподнялся и через забор прыгает — не перепрыгнул. Взлез на медвежонка, прыгал, прыгал — никак не перепрыгнуть. Под конец лезет на спину львенка — перемахнул через забор.

Забрался в сад со всеми своими зверенышами, подбежал к яблоне, сорвал яблоко.

А в саду одна девица была. Просит она Ванюху:

«Переправь меня через забор!»

Тот отвечает:

«Садись, коли так, медвежонку на спину!»

Ладно. Пошла она своей дорогой, а Ванюха Неодолимый на львенка взобрался и прочь поскорее. А тут чертенята, за ними вдогонку бегут, огонь несут, спалить хотят их обоих.

Да не удалось — во-время через забор перескочили: спасены оба. Тут девица на радостях снимает свой перстень, подает спасителю.

А Ванюха Неодолимый взял перстень, переломил, одну половину в карман сунул, другую девице назад отдает:

«Береги, пока опять встретимся, а сейчас расставаться надобно».

Ладно. Пошла она своей дорогой, а Ванюха со звереньшами в замок вернулся, яблоко желанное матери несет.

Съела мать яблоко. Да еще мало:

«Пойди добудь три берковца проволоки для чесалок!»

Пошел Ванюха, добыл проволоку:

«Еще чего надобно?»

«Больше ничего не надобно! Теперь иди спать».

Пошел Ванюха Неодолимый спать. А покуда он спит, привязывает мать сына к кровати проволокой.

Еще бы последний узел завязать, тут Неодолимый просыпается:

«Мать, а мать, ты что делать хочешь?»

«Я, сыночек, силу твою измерить хочу — потянись три раза, сможешь ли порвать!?»

Потянулся Неодолимый раз, потянулся другой раз: трещит проволока — так сильно тянется, да порвать силы нет.

Видит чорт, что не в силах Ванюха проволоку порвать, вылезает из-под печи, стал бить его.

Собрал тут Ванюха всю силу, потянулся еще раз, да изо всех сил — лопнула проволока. Навалился он на чорта, стал биться, своих звереньшей на помощь кличет. А звереныши помочь не могут, запер их чорт за железными дверьми.

Может и одолел бы Ванюха чорта, да чорт-негодник на хитрости пустился: выколол ему

глаза и с издевками потащил на одну гору — пусть там в слепоте погибает.

А Ванюха ничуть не погиб. На другой день подъезжают к горе семьдесят возниц на семидесяти возах, хотят через гору перебраться. А гора крутая, не могут кони возов перетащить.

Тут и говорит слепой:

«Коли отведете вы меня к королевской дочери, что я из чортова сада освободил, так я перетащу вам возы ваши через гору».

Те согласны.

Ладно. Связали возницы все возы один к одному, взял их Ванюха и перетащил все сразу через гору.

Ну, ведут возницы Ванюху к королевской дочери.

Увидала та своего избавителя слепым, заплакала горючими слезами, да и вспомнила, как помочь: повела его к ключу здоровья, омыла проколотые глаза и скоро вылечила.

А тем временем прогрызли Ванюхины звереныши железные двери и напали на мать.

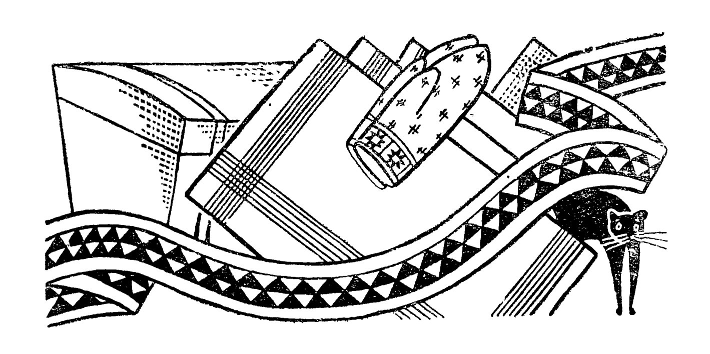
Просит мать, клянется, что она не виновата: чорт сына ее искалечил — она за собой вины не признает. А звереныши и говорят:

«Коли вправду ты не виновата, так подпали зáмок — мы и поглядим: коли зáмок не загорится — ты не виновата, а коли станет гореть — твоя вина!»

Подкладывает мать огонь. Загорелся зáмок, а с ним вместе и мать сгорела.

Взял себе Ванюха Неодолимый царевну в жены и жил счастливо.

(Из сборника А. Швабе)

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Один парень пошел раз по свету. Приходит он на перекресток дорог и видит — на столбе надпись:

«Вправо — счастья дорога, влево — несчастья».

Подумал, подумал парень:

«Пойду дорогой несчастья, погляжу — нельзя ли несчастье превозмочь».

Вот идет он долгое время — никаких несчастий нет.

Приходит, наконец, в глубокое ущелье. Глядит — два человека дерутся.

«Чего деретесь?» — спрашивает парень.

«Да вот, должны драться всю жизнь из-за отцовского наследства, коли не найдется человека, который бы нас рассудил».

«Ну и диво! Да что у вас за наследство?»

«Да вот оно и есть: шапка, которую как на голову наденешь, так тебя и не видать; палочка, которая занесет тебя, куда только захочешь, да

еще мешечек, в который золото со всего света можно вложить».

Как услыхал это парень, так и рассудил коротко: забрал мешечек, палочку, надел шапку да и крикнул:

«Неси меня, палочка, в царский дворец к прекрасным царевнам!»

Палочка вмиг перенесла парня в прекрасный царский дворец.

А оба драчуна пошли каждый своей дорогой, благодарят парня, что хорошо рассудил — не надо больше драться.

Во дворце спрятал парень шапку-невидимку на дворе, палочку да мешечек под кафтан. Выходит царь и спрашивает:

«Чего ищешь?»

«Работы ищу!» — отвечает парень.

«Есть у меня работа, да будет она для тебя тяжела».

«Давай только сюда, трудности не страшусь!»

«Ладно!»

На следующую ночь посылает царь парня свою дочь сторожить.

Забирает парень палочку да мешечек, надевает шапку-невидимку и идет в горницу, где царская дочь живет.

Дочь парня не видит.

До полуночи ничего: спит царевна спокойно. А в полночь вдруг вскакивает и открывает окно.

Малость погодя влетает в окно огненный зверь и падает у ног царевны, а из того огненного зверя выскакивает чорт, да такой ловкий да верткий — на диво.

Схватил чорт царевну да и понес ее через поля да леса.

Тут парень живо хватает свою палочку и кричит:

«Неси меня, палочка, за чортом!»

Вмиг очутился парень у того за̀мка, куда чорт царевну отнес. Пляшет чорт с царевной по за̀мковым покоям, пляшет долгое время и вовсе ему невдомек, что тут парень в шапке-невидимке все видит.

Под конец повел чорт царевну в свою сокровищницу. А там было страх как много золота. Показывает чорт золото царевне и говорит:

«Все это будет твое, коли пообещаешься моей невестой быть!»

«Пусть, пусть! — отвечает царевна. — Завтра я еще подумаю».

«Ладно! — говорит чорт. — На дворе у ворот маленькая костяная палочка лежит. Возьми ее после с собою и дай мне завтра знать костяною палочкою: коли надумала за меня итти, так стукни три раза толстым концом палочки — буду у тебя как жених: коли нет, так ударь три раза тонким концом палочки — явлюсь к тебе опять чортом».

Сказал это чорт и, танцуя, вышел с нею из того покоя.

Вытаскивает тут парень мешечек и шепчет:

«Все чортово золото пусть в моем мешечке будет, а костяная палочка в мешечке сверху!»

Сразу же все золото в мешечек ушло, а костяная палочка сверху легла.

К утру унес чорт царевну обратно в ее покой. Лег и парень спокойно спать.

Наутро увидал царь парня, удивляется:

«До сей поры всех сторожей наутро находили убитыми, как же ты жив остался?»

Рассказал парень царю все, как было, и просит, чтоб собрал ему на помощь все войско.

Ладно. Тут ударил парень три раза толстым концом палочки. Чорт вмиг же и прилетел женихом.

Накинулся на него парень с войском — убили чорта.

Умирая, чорт только и крикнул:

«Жаль, что не пришел я чортом — содрал бы кожу со всех вас!»

Царь был бесконечно доволен ловким парнем. Позвал он попа, велел дочь свою освятить да тут же и обвенчать с тем парнем.

После свадьбы высыпал парень из своего мешечка золото и построил себе золотой дворец.

Оба молодых жили в золотом дворце счастливые дни.

(Из сборника А. Швабе)

ТРИ СЕСТРЫ, БРАТ ДА ЯЙЦО БЕССМЕРТИЯ

В старые времена было у одного отца четверо детей: сын да три дочери. Дочери со старанием ходили за старым отцом-вдовцом, а сын не переставал приносить седому кусочек повкуснее.

У таких хороших детей была для отца поистине счастливая старость. Старик часто говаривал:

«Дети, коли всегда этак в мире да ласке жить будете, сама Лайма будет вам всегда улыбаться! А ты, сын, гляди, как помру я, так не женись сразу же, а погоди, покуда сестры твои замуж повыходят. Коли послушаешься моих слов, многого в жизни своей достигнешь».

Сын обещается. Помер отец — сын долго еще живет вместе со своими сестрами, как при отце было. Да только вот в один черный день судьба вдруг решила все по-своему: отбирает она у брата любимых сестер.

А было это так. Раз в полдень гуляли сестры по саду. Тут — откуда ни возьмись — налетел страшный ураган: подхватил сестер и умчал неведомо куда.

Ищет брат три дня, плачет, нигде не найти. Тут бросает он свой дом и уходит искать сестер по белу свету.

Ходит он, ходит, расспрашивает, выпытывает, — нет и нет нигде. А тут и хлеб и вся еда вышла. Не знает, бедный брат, что и делать, что начать.

«Пусть будет, что будет! — сам себя подбадривает. — А домой не пойду. Коли иначе не выйдет, стану есть все, что дорогою попадется!»

Тут вскорости попадается ему на дороге заяц. Заяц хочет мимо пробежать, а брат ему и говорит так:

«Зайчишка, неуклюженький, не убегай, очень я голоден, я тебя съем!»

«Паренек, браток, не ешь ты меня, пойду я с тобой, в трудные дни помогу!»

Ладно. Вскоре после того встречает брат волка. Хочет волк мимо пробежать, а брат и говорит ему так:

«Волчонок, баранокрад, не убегай, крепко я голоден, я тебя съем!»

«Паренек, браток, не ешь ты меня, пойду я с тобой, в трудные дни помогу!»

Ладно. Вскоре после этого встречает брат двух оводов да ос. Хотят оводы да осы мимо пролететь, а брат и говорит:

«Слепни сосущие, осы жужжащие, не улетайте, крепко я голоден, я вас съем!»

«Паренек, браток, не ешь ты нас, полетим с тобой вместе, в трудные дни поможем!»

Ладно. Вскоре после того встречает брат сокола. Хочет сокол мимо пролететь а брат и говорит:

«Соколок-кривой коготок, не улетай, больно я голоден, я тебя съем!»

«Паренек, браток, не ешь ты меня, полечу я с тобой вместе, в трудные дни помогу!»

Ладно. Вскоре после того встречает брат рака. Хочет рак от него уползти, а брат и говорит:

«Рачок, ползунок, не уползай, крепко я голоден, я тебя съем!»

«Паренек, браток, не ешь ты меня, я за тобой поползу, в трудные дни помогу!»

Ладно. Паренек-браток, зайчишка неуклюжий, волчок-баранокрад, слепни сосущие, осы жужжащие, соколок-кривой коготок, рачок-ползунок — все вместе идут прямо в лес.

На другой день находит в лесной гуще избушку. Вертится та избушка на куриной ножке.

Увидал брат ту избушку, давай кричать:

«Избушка, избушка, остановись! Путники пришли, отдохнуть хотят!»

Избушка сразу же остановилась. Входят путники в избушку, а там ветхая старушонка сидит, спрашивает:

«Вы откуда да куда?»

А брат отвечает:

«Дай нам поесть, позволь выспаться, поутру все расскажу!»

Старуха соглашается. С утра рассказывает брат старухе все с самого начала и просит, не может ли она сказать, где его сестры нынче находятся.

Старуха и говорит:

«Я тебе, браток, не могу сказать, где твои сестры нынче находятся, а вот, коли пойдешь к моей сестре, она тебе, может, про это и скажет».

Ну, пошли все ко второй сестре.

На другой день в глубоком лесу видят — такая же избушка стоит, на куриной ноге вертится.

Увидал брат ту избушку, давай кричать:

«Избушка, избушка, остановись! Путники пришли, отдохнуть хотят!»

Избушка сразу же остановилась. Входят путники в избушку, а в избушке той ветхая старушонка сидит, спрашивает:

«Вы откуда да куда?»

А брат и отвечает:

«Дай нам поесть, позволь выспаться, поутру все тебе расскажу!»

Старушонка соглашается. С утра рассказывает брат старушонке все по порядку с самого начала и просит, не может ли она сказать, где его сестры нынче находятся.

Старушонка и говорит:

«Я тебе, браток, не могу сказать, где твои сестры нынче находятся, а вот, коли сходишь к моей третьей сестре, она тебе про это уж скажет».

Ну, пошли все дальше.

На другой день в густом лесу видят они — опять такая же избушка стоит, на куриной ножке вертится.

Увидал брат ту избушку, давай кричать:

«Избушка, избушка, остановись! Путники пришли, отдохнуть хотят!»

Избушка сразу же остановилась. Входят путники в избушку, а в избушке ветхая старушонка сидит, путников спрашивает:

«Вы откуда идете да куда?»

А брат и отвечает:

«Дай нам поесть, позволь выспаться, поутру все тебе расскажу».

Старушонка соглашается. С утра рассказывает брат старушонке все с самого начала и просит, не может ли она сказать, где его сестры нынче находятся.

Старушонка и говорит:

«Как не сказать — скажу. Сестры твои вот где: одна у щуки, другая у орла, третья у медведя. Да чтобы попасть туда, должен ты раньше заработать у ведьмы верхового коня.

Три дня напрямик пройдешь — тут и ведьмино жилье».

Ну, пошли путники ведьмино жилье отыскивать.

На третий день к вечеру в самом деле находят ведьмино жилье. Уговаривается брат с ведьмой так: коли сможет он три дня под ряд отпасти двенадцать ведьминых кобыл, так получит одного жеребчика от тех ведьминых кобыл.

Наутро выгоняет брат двенадцать ведьминых кобыл в поле, а все двенадцать жеребчиков остаются дома в конюшне. Все спутники тоже с братом в поле выходят пасти и ложатся с ним рядом.

Только зайчишка неуклюжий не спит: он всех умней на этот раз оказался. Говорит он так:

«Спи, паренек-браток! спите и вы, все другие, а я пойду подслушаю, о чем кобылы промеж себя разговаривают».

Прыгает зайчишка неуклюжий вокруг да около кобыл, подслушивает. Слышит — чудно́ кобылы разговаривают:

«Вечером не будем дурами — домой не пойдем: ведьма приказала настрого, чтобы все остальные разбрелись, пока одну погонят».

Как услыхал это брат, у него мурашки по спине пробежали.

А оводы сосущие да осы жужжащие успокаивают:

«Чего тужить! Коли кобылы разбредутся, мы пригоним. Поглядим, как это они домой не пойдут».

Так и было. Вечером кобылы туда, сюда. Да только начнут оводы сосущие да осы жужжащие им кожу чесать, — прилетают кобылы, как бабочки.

Ведьма проклинает кобыл, а те отвечают:

«Пойди, пойди, сама, пойди, попробуй, тогда увидишь, что сама делать станешь!»

На другой день было то же самое.

На третий день зайчишка неуклюжий подслушал и приносит такие вести:

«Наказала ведьма кобылам, чтобы сегодня вечером, от уколов спасаясь, не бежали домой в конюшню, а в лесную гущу, где оводы сосущие да осы жужжащие ничего им сделать не смогут».

Как услыхал это брат, так у него мурашки по спине пробежали.

А волчонок-баранокрад и говорит:

«Экое диво! Будто только осы да оводы кусаться умеют: да ведь и я тоже это ремесло знаю. А в лесной гуще для моих зубов — настоящая работа».

Так и было. Вечером, как налетели оводы сосущие да осы жужжащие, кобылы — прямо в лесную гущу. Да ничего не вышло — волчьи зубы выгнали кобыл из леса, а овода сосущие да осы жужжащие домой кобыл пригнали.

Ну, ведьма и говорит брату:

«Получишь завтра одного жеребчика и убирайся от меня поскорее!»

Как услыхал это брат, идет к своим товарищам спать, а зайчишка неуклюжий подслушивает, что ведьма жеребчикам приказывать станет. Вот ведьма и говорит:

«Вы одиннадцать оставайтесь такими же, а ты, двенадцатый, мой самый лучший, полезай под ясли и прикинься больным, полумертвым. Может он из вас двенадцати выбрать того, кто ему самому по нраву, таков уговор. А коли прикинешься ты больным, он тебя не возьмет».

Зайчишка неуклюжий, подслушавши этакие речи, приносит их брату прямо тепленькими.

С утра одиннадцать жеребчиков прыгают в стойлах — просто деваться некуда, а двенадцатый растянулся под яслями и дышит сильнее кузнечных мехов.

Ведьма тех одиннадцать выше небес расхваливает, а о двенадцатом вот какие слова бросает:

«Дураком был, дураком и останется, пока не подохнет!»

А брат и не слушает, говорит ведьме:

«Возьму я того больного, другие больно уж резвые».

Не хочется ведьме отдавать двенадцатого, да ничего не поделаешь — уговор надо выполнить.

Забирает брат своего жеребчика и уходит. Дорогою говорит жеребчик брату:

«Коли попасешь ты меня в белом клевере три дня, так стану я таким, как мать моя у ведьмы; коли попасешь ты меня в белом клевере шесть дней — вырастут у меня три крыла, и буду таким, как ветер; а коли попасешь ты меня в белом клевере девять дней, так вырастут у меня шесть крыльев, и стану таким, как ураган».

Так и вышло.

На девятый день шестикрылый жеребчик советует брату отпустить зайчишку неуклюжего, волчонка-баранокрада, оводов сосущих да ос жужжащих — они уж свое отслужили. А сам чтобы садился на него верхом, сокола к себе бы взял, а рак пусть в хвост ему уцепится — так и перенесет он всех трех к первой сестре.

Вот зайчишка неуклюжий да волчонок-баранокрад прыгают в кусты, оводы сосущие да осы жужжащие в дупла улетают; вцепился рак-ползун шестикрылому в хвост, а соколок-кривой коготок взлетает да и садится брату на колени.

Загудела земля, засвистал ветер мимо ушей — и шестикрылый уже у первой сестры, у жилища щуки.

Говорит тут шестикрылый жеребчик:

«Слезай, паренек-браток да иди к щуке, к мужу первой твоей сестры, поговори, что дальше делать. Мы трое в дюны морские пойдем, отдохнем».

Идет брат к сестре, у сестры от радости слезы текут. А щуки как раз дома нет. Накормила сестра брата, отдохнуть укладывает, мужа дожидается, поглядывает, скоро ли придет.

Под вечер приходит щука; да только увидала следы шестикрылого, испугалась и спрашивает:

«Женушка, помилуй! Скажи, не драконовы ли это следы?»

«Нет, вовсе нет: это брат мой к нам в гости приехал».

«Ну, тогда я могу в человека оборотиться».

Обернулась щука в человека и входит. Брат жены навстречу ему, и так обоим хорошо, будто они уж много лет знакомы.

Да недолго искрится радость в глазах шурина — скоро вспомнил он свою горемычную судьбу, вздохнул горестно и говорит:

«Хоть бы ты, браток, смог меня из когтей дракона спасти, был бы я тогда счастливым человеком. Околдовал дракон нас, одного моего брата орлом заколдовал, другого медведем, а меня самого щукою. У меня в женах твоя младшая сестра, у орла средняя, а у медведя самая старшая. Да только одному тебе дракона не одолеть. Иди ты к моему брату-орлу, может, он тебе поможет — я слабоват, чтоб помочь. Наутро, как только солнце взойдет, мне снова щукой обернуться надо».

Утром садится брат на своего шестикрылого и мчится к другому шурину — орлу.

Шестикрылый с соколом да раком уходят в лес отдохнуть, а брат идет к сестре в дом. Увидала сестра брата, обнимает, плачет, накормила, отдохнуть уложила и мужа своего домой поджидает.

К вечеру прилетает орел, да только увидал следы шестикрылого, испугался, спрашивает:

«Женушка, помилуй! Скажи, не драконовы ли это следы?»

«Нет, вовсе нет: это брат мой к нам в гости приехал».

«Ну, тогда я могу в человека оборотиться».

Обернулся орел в человека и входит в дом. Брат жены навстречу ему, и так обоим хорошо, будто они уж много лет знакомы.

Да только вскоре вспомнил шурин-орел свою горемычную судьбу, вздохнул горестно и говорит:

«Хоть бы ты, браток, смог меня из когтей драконовых спасти, был бы я тогда счастливым человеком. Да только одному тебе дракона не одолеть. Иди ты завтра к моему брату — медведю, он тебе поможет — я слаб для этого. Утром, чуть свет, мне снова орлом обернуться надобно».

Утром садится брат на своего шестикрылого и мчится к третьему шурину-медведю.

Как примчались, шестикрылый с соколом да раком уходят в лес отдохнуть, а брат идет к сестре в медвежий дом. Увидала сестра брата. обнимает, плачет, накормила, отдохнуть уложила и мужа своего домой поджидает.

К вечеру приходит медведь, увидал следы шестикрылого и сразу спрашивает:

«Женушка, да тут не дракон ли путался! Что это за следы?»

«Нет, вовсе нет: это брат мой к нам в гости приехал».

Обернулся медведь человеком и входит в дом. Женин брат ему навстречу, и так обоим хорошо, будто они уже целыми годами видывались.

Да только вскоре и этот шурин вспоминает свою горемычную судьбу, вздыхает горестно и говорит:

«Хоть бы ты, браток, мне помог из когтей дракона освободиться. Один не могу его одолеть, а вот коли вдвоем — должен он сгинуть. Завтра я опять в медведя должен оборотиться, тут и возьмемся за дело».

Утром кличет брат своего шестикрылого. Загудела земля, засвистел ветер — вмиг прибегает шестикрылый с соколом да раком.

Увидал его медведь, думает, что это сам дракон явился. А женин брат его успокаивает:

«Да не дракон, нет: это мой верховой конь, а это мои товарищи — одного честно заработал, а других с честью добыл».

«Это ладно, браток. Коли у тебя этакий верховой конь да этакие помощники, так дракона живо одолеем. Живет дракон в крепком за̀мке средь скал, поспешим-ка все туда».

Раз, два — все у драконовой скалы. Хочет брат на своем шестикрылом в за̀мок въехать. А медведь и говорит:

«Не горячись этак! Ты, браток, сегодня оставайся с соколом да раком снаружи, а я войду с шестикрылым: у шестикрылого сила, у меня ловкость. Завтра — тогда уж, браток, твой черед, а послезавтра — всем работы хватит. Коли мы вдвоем сегодня сможем его связать, так и совсем довольно — убить его в первый день невозможно: дракон неумертвим. Ну, теперь начнем, чтобы до вечера, пока солнце не зашло, управиться».

Ворота в скале затрещали и свалились. Сама скала задрожала — шестикрылый да медведь за дело взялись. Вскорости земля греметь стала, скала на куски потрескалась, то слышался точно гром, то гул шел глухой.

Так это до вечера тянулось. К вечеру бой затих. Выходит из драконова жилья шестикрылый — в крови, выходит медведь — в крови. Дело сделано, дракон связан да скручен.

Идут все домой отдохнуть да поспать, чтобы завтра рано с утра опять за дело взяться.

С утра медведь первый на ногах. Будит он жениного брата и говорит:

«Вставай, браток, пора на работу, сегодня твой черед улов тянуть. Мы все снаружи останемся, а ты иди через взломанные ворота прямо в пещеру. Дальше увидишь две двери: одну направо, другую налево. Левая дверь будет лыком завязана. Туда не ходи — в той комнате связанный дракон лежит: он тебя одним дыханием к себе притянет и проглотит. А в правую дверь иди смело, там в покое наша главная пособница живет, красавица-девица, королевская дочь. Выкрал ее у короля дракон и запер в свой дворец. Проси ту девицу, чтобы помогла она у дракона обманом узнать, где он силу свою бессмертную запрятал».

Брат так и сделал. Забрался он потихонечку к девице в покой да рассказал все, как надо. Девица сейчас же без разговоров идет к дракону.

Выпытывал дракон, выпытывал, к чему да на что ей это знать, а потом подумал да и говорит:

«Могу тебе рассказать, ибо силу мою бессмертную все равно достать не сможешь. Видишь, за сто миль отсюда стоит вторая такая же скала, как эта. В той скале есть дворец, а во дворце страшный бык. Тот бык и есть моя бессмертная сила. Да только, если б даже и быка того убить, так и то моей силы бессмертной не достать; убитый бык оборотился

бы в серую утицу в поднебесьи. Да коли бы ты и утку ту изловила, так и тогда силы бы моей бессмертной не добыла: убитая утка оборотилась бы в яйцо. а то яйцо упало бы на дно моря».

Так узнала все девица. Рассказала она все парню-братцу. Пошел братец, рассказал шестикрылому, шестикрылый медведю.

Ну, идут все домой отдохнуть да к завтрашнему дню готовиться.

С утра медведь встает первым. Будит он брата, шестикрылого, сокола да рака и говорит:

«Вставайте, пора и на работу итти, сегодня всем нам работы хватит».

Никто и не медлил. Пошли все к той второй горе. Было над чем поработать, да к вечеру скала вся была разворочена, а страшный бык убит.

Да только быка убили — чих! — утка из быка вон да в воздух. Как только она в воздух взметнулась, сокол за ней — догнал да тут же и разодрал.

Только разодрал утку — плюх! — яйцо из утки вон да и на дно в самом глубоком месте моря. Ну, теперь раку черед: лезет он за яйцом в море и тащит из глубины на свет. Только выволок яйцо на сушу — бац! — шестикрылый копытами разбил яйцо вдребезги.

Тотчас же связанный дракон, за сто миль оттуда, испустил дух.

В тот же миг — откуда ни возьмись — прилетает орел, прыгает из воды щука. Все трое — медведь, орел да щука — кидаются брату в ноги. оборотились в людей и говорят:

«Спасибо тебе, что пришел с шестикрылым да со своими товарищами и из когтей драконовых нас освободил. Теперь навсегда людьми останемся. Теперь мы счастливы, а с нами и сестры твои, жены наши, счастливы будут: теперь они царицами станут, а мы такими же царями будем, как и раньше были. Помер дракон — мы жить будем. Надобно только поскорее домой спешить».

«Спешить, спешить! — отвечает брат. — Это вы еще успеете. А вот что по-моему надо сделать: пойдем все сначала к моим сестрам, заберем их, а потом пойдем ко дворцу дракона убитого, где красавица-девица осталась. Надобно нам знать, куда она денется; не забывайте, что она была у нас самой главной пособницей».

Так и делают.

Как забрали сестер, спешат ко дворцу дракона девицу проведать.

Батюшки-светы, как она обрадовалась: слезами заливается и тут же парню-братцу на шею. Плача да всхлипывая, говорит девица так:

«Спасибо тебе, паренек, что освободил меня из драконовых когтей. Наследовала я от отца великое царство, да царя в нем нет. Становись ты моим царем, стану я твоей царицей. А шестикрылый, как наибольший наш герой, должен бы остаться здесь, жить в этом драконовом дворце».

Тут все стали прощаться: шестикрылый во дворце побежденного дракона остался, сокол улетел, рак уполз в воду, брат женился на своей царевне и в свое царство уходит, а все три

сестры со своими мужьями-царями спешат в свои царства.

Все были радостны и счастливы.

(Из сборника А. Швабе)

ПАРЕНЬ И ЧОРТ

У одного человека было девять сыновей. Посылает отец детей в свет хлеб зарабатывать. Пошли сыновья, а куда — и сами не знают.

На другой день на лесной опушке увидали они большой камень и захотелось им поглядеть, что под этаким большущим камнем хорошего. Откатили они все разом тот камень в сторону и глядят — под камнем глубокая пещера.

Спускаются братья все вместе в ту пещеру, а в пещере — покой с девятью столами, девятью стульями да девятью кроватями, на столах посуда с едой стоит на девять человек. Поели братья и глубже в пещеру идут. Нашли тут другой покой, а в нем старуха с девятью девицами прядет. (Старуха-то была чортова жена, а девицы — чортовы дочери).

Сыновья девицам больно приглянулись. Вот оборотили они всех девятерых братьев в иголки и воткнули в подушки.

Приходит чорт. Девицы тут же к чорту просить, чтобы позволил замуж выйти. Чорт позволяет. Тут обернули они иголки опять в людей и показывают чорту.

Скривил чорт рожу, да ничего не сказал, а вечером сговаривается он с женой, чтобы ночью всех сыновей убить. Дал чорт каждому

сыну по шапочке, а каждой дочери по венку и погнал всех спать. А жене приказал чорт, чтобы ночью убила всех тех, у кого шапочка на голове.

Подслушал младший сын, что чорт жене наказывал. Укладываются все спать, а младший сын не спит. Как все позаснули, он и переменил головные уборы: братьям венки надел, сестрам шапочки.

Ну, чортова жена всех дочерей убила, а сыновья, все девять, убежали к одному царю и там нанялись на службу: восьмеро солдатами, а младший конюхом.

Раз велел царь своему конюху украсть у чорта золотую птицу. Он украл.

Другой раз приказывает царь украсть у чорта коня, который хорошо играет. Парень пошел на кражу, только тут конь заиграл, чорт это услыхал, изловил парня и отдал своей жене, чтобы та его убила. Уходит чорт и ухмыляется:

«В прошлый-то раз с шапочкой ты у меня удрал, а теперь не сбежишь».

Привела чортова баба парня к большому чурбану и говорит:

«Ну, браток, клади голову на чурбан, отрублю я тебе голову».

А парень отвечает: «Отец, мать меня этому не учили. Покажи сама, как мне голову-то класть».

Показывает старая, как класть, а тот живехонько топор хвать да и отрубил самой бабе голову. Ну, тут поскорей к коню, пока чорт не вернулся, забрал коня, заткнул деревянной втулкой игральную дыру да и поскакал к царю посвистывая.

Под конец захотелось царю на самого чорта посмотреть. Парень должен был украсть самого чорта.

Показалось бедняге, что больно уж тяжелое это дело, да только как посулил на другой день царь дочь свою за него выдать, так у парня точно крылья выросли. День и ночь голову ломает конюх — как бы ему до чорта добраться.

Под конец надумал парень, идет к царю и говорит:

«Прикажи гроб большой железный изготовить. Тогда чорта тебе добуду».

Ладно. Изготовили железный гроб. Едет парень с гробом к чорту. Чорт и спрашивает: «Это что за гроб?»

«Да там, старина, денег тебе привез. Не хочешь ли заглянуть?»

Затрясся чорт от радости, тут же крышку поднял и нагнулся в гроб поглядеть, а парень схватил чорта за ноги, толкнул в гроб и запер. Стучится чорт как бешеный, а парень только посвистывает да так и привез чорта к царю. Ну, женился конюх на царской дочери и жил счастливо.

А чорта скоро прикончили и с той поры оставил он всех в покое.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ДУРАК И ЕГО БРАТЬЯ

У одного отца было семеро детей: шесть разумных, седьмой дураковат. Отец был очень беден. Вот и говорит он своим сыновьям:

«Ну, вы шестеро ступайте в свет сами на себя промышлять, нет у меня столько добра, чтобы всех вас содержать — только дурачок при мне останется».

А дурачку это не по нраву, он и говорит отцу:

«Да что те шестеро без меня делать станут! Коли я не пойду с ними, добра не будет!»

«Пусть уж идут все семеро!» — подумал отец под конец.

Ну, все и уходят. Идут, идут — вдруг встречают нарядного барина. Барин и говорит:

«Не можете ли все семеро ко мне в батраки пойти?»

«Отчего нет? За тем только и в свет пошли: работы искать».

Ладно. Вытаскивает барин тут же этакую писулечку, что-то приписывает и говорит:

«Идите этою тропою, по ту сторону леса барский двор стоит, там отдайте моей жене, скажите, что я вас батраками нанял. Да только никому другому этой писульки не показывайте!»

Нарядный барин дальше ушел. А братья давай раздумывать:

«Неведомо, что он написал там в писульке? Эка беда, что никто из нас читать не умеет!»

«Как! — отзывается дурень. — Кто это сказал, что никто не умеет? Подавай-ка сюда — десять раз прочитаю, коли надобно!»

Те и дают.

«Эге! Не говорил ли я, что без меня никуда не годитесь? Гляньте-ка, что в этой писульке. Да тут ведь написано, чтобы на барском дворе

нас убили, а писал-то ведь ни какой не барин, а сам чорт! Вон, как бы вы без меня влопались!»

«Вот тебе раз!» — те рты поразевали: «Что теперь делать-то?»

«Что делать? А вот что: писульку эту изничтожим, напишу я новую писульку, что приказал чорт чортовой бабе выдать нам каждому по мошне денег да семь коней, да коней получше. Поедем верхом, свет поглядим».

Ладно. Так и сделали.

Дивилась, дивилась чортова баба, что такое чорту в голову взбрело — этак добром своим кидаться, да раз написано — надобно дать. Насыпала она семь мешков золота, отдала, а потом стала коней выводить.

Шесть коней было здоровенных, а седьмая кобылка — кляча.

«Кто ее возьмет?»

Никто не отзывается. Да что тут думать? Добрые братья всучили дурачку ту клячу. Дурачок рукою махнул:

«Пусть уж — ладно!»

Известно, все братья на своих жеребцах ускакали, как ветер, а дурень, бедняга, еле-еле плетется. Те уже далеко, а дурачок все еще там же на опушке леса.

А тут чорт приходит в имение свое и спрашивает первым делом:

«Что, те семеро братьев уже убиты?»

«Нет, не убиты! Писано ведь было, чтоб золота дать, да чтоб коней дать — как же убивать-то?»

Как услыхал это чорт, прямо взбесился. Вскочил на своего коня и погнался за братьями.

Плетется дурачок вдоль лесной опушки да вдруг и слышит: за спиною страшный грохот пошел. Оглянулся — чорт на своем жеребце.

Что тут делать? Затрясся дурачок от страха. А кобылка его успокаивает:

«Ничего, ничего, пусть только те умники свои шкуры берегут, а мы в пущу спрячемся. Чорт впопыхах мимо проскачет, ему и невдомек так близко от имения искать».

Ладно. В чащу запрятались и стоят оба, согнувшись, а чорт полным ходом проскакал мимо. Да и братьям на этот раз посчастливилось: успели уже завернуть в одно имение и нанялись там служить.

Немного погодя едет чорт назад впустую и видать можно — посинел от злости, что не удалось нагнать.

Как проехал чорт обратно, выбирается тут и дурачок со своей кобылкой из чащи да и плетется дальше. На третий день, иль еще позднее, приезжает дурачок в то имение, где братья. Нанимается и он на работу.

На другой же день так приглянулся дурачок барину, что тот его в лакеи назначил. Остальным братьям это — хуже репейника в бороде. Так что же? Надумали те негодники наврать барину про дурачка, будто он давно хвастался, что может у чорта золотую птичку украсть. Пусть пошлет дурачка в чортово имение за той золотой птичкой.

Барину что? Конечно, посылает.

А дурачку беда, хорошо знает: коли покажется в имение — слопает его чорт как землянику. Стал он плакать.

Тут кобылка и спрашивает:

«Чего плачешь?»

«Так и так!» — жалуется бедняга.

«Ах ты, светики мои, ну да пускай братья врут! А ты не тужи, садись на меня, я достану птичку!»

Так и было. Дурачок у опушки леса остался, кобылка — каким способом, то неведомо, приносит золотую птичку прямо к нему.

Приезжает дурачок к барину, подает ему золотую птичку. Барин дурачка обнимает:

«Ну и здорово! Вот это мужчина!»

Еще пуще братьев это за сердце ущемило. И что же? Через некоторое время опять придумали:

Хвастался дурачок, что может у чорта еще и клетку для золотой птички украсть — пусть только пошлют его!»

Барину что? Конечно, посылает.

А дурачок плачет, опять своей кобылке жалуется.

«Ничего, не горюй, пускай братья врут! Садись на меня. я клетку добуду!»

Так и было. Дурачок у леса остался, кобылка — каким способом сделала, то неведомо — приносит золотую клетку прямо к нему.

Приезжает дурачок к барину, подает ему золотую клетку. Барин дурачка обнимает:

«Ну, и здорово! Вот это мужчина!»

Это братьев еще больше за сердце берет. И что же? Через некоторое время надумали:

«Хвастался дурачок, что самого чорта из имения украдет! Пусть только пошлют за ним!»

Барину что? Конечно. посылает.

А дурачок плачет, опять своей кобылке жалуется.

«Ничего, не тужи, пусть братья мелют! Выговори только у барина гроб с двумя крепкими железными обручами — поедем за чортом!»

Выговаривает дурачок у барина этакий гроб, барин сразу же согласен.

На другой день привозит дурачок на кобыле гроб к чорту. Чорт выскакивает:

«Что там такое?»

«Я ангел с небес! — говорит дурачок: — Обещал тебе бог одну человеческую душу в этом гробу, да только должен ты лечь да измерить, не короток ли гроб будет».

Услыхал чорт про этакую радость, тут же в гроб—шлеп! А дурачок—хлоп! крышку на гроб и закрепляет железным обручем в одном конце, в другом конце.

Барахтается чорт в гробу как бешеный, да ничего не помогает — кобыла тащит к барину.

Выходит барин навстречу и говорит:

«Ты, дурачок, доподлинно молодец! Кинь ты чорта со всем гробом в пруд, пусть тонет! А с сегодняшнего дня не должен ты больше работать, ешь мой хлеб на здоровье!»

Это братьям уже вовсе не по душе. И что же? Через некоторое время опять говорят они барину:

«Говорил дурачок — жить без работы не могу, всех бы вот зайцев вместе посогнал, кабы приказали».

Барину что? Пусть собирает, барин сам не прочь поглядеть.

А дурачок опять приходит к кобылке да жалуется.

«Не тужи, пусть братья врут. Выговори только у барина две дудочки: одну золотую, другую алмазную. Как выйдешь в поле да заиграешь на золотой дудочке, сразу же все зайцы сбегутся. Коли придет к тебе кто зайцев покупать — продавай сколько хочешь, только не давай домой унести. Дунь в алмазную дудочку, тогда заяц назад прибежит».

Ладно! Идет дурачок к барину: пусть даст такие да такие дудочки, тогда зайцев скличет.

Барин дает. Выходит дурачок в поле и давай на дудочке играть. Ах ты, светики мои! Как подул в золотую дудочку — сбегаются зайцы как дым. Он теперь и пасет их.

Приходит тут к нему единственная дочь барина и торгуется, одного зайца покупает.

Ладно! Дурачок продает зайца, да за большие деньги. Берет барская дочь одного зайца, завязывает его в платок и идет домой. Только она к воротам подошла, дудит дурачок в алмазную дудочку — заяц сразу же из платка вон и назад во весь дух.

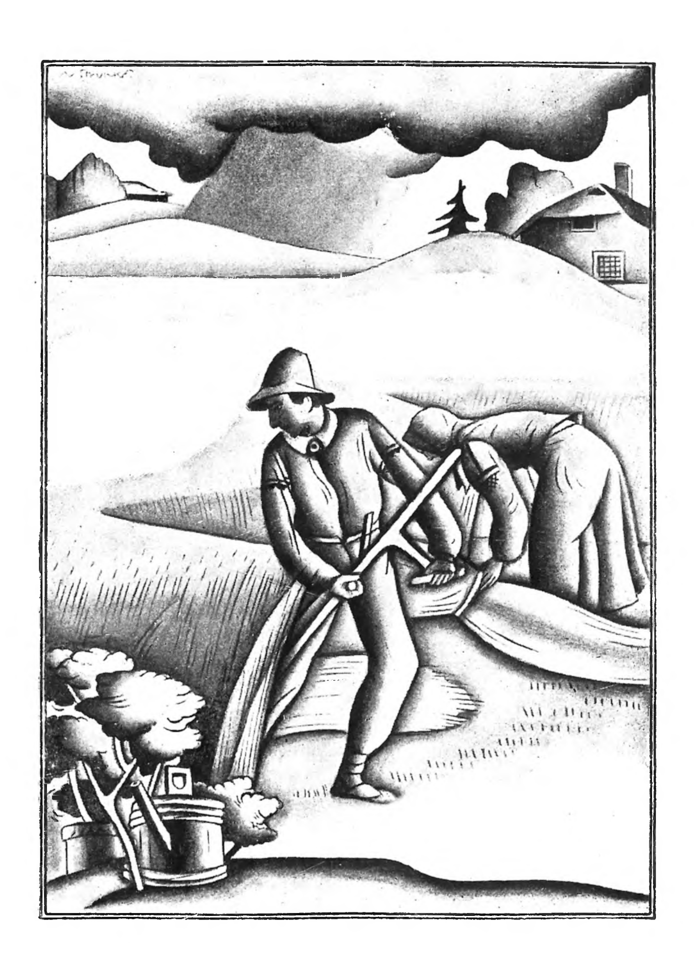
Малость погодя приходит сам барин зайца покупать:

«Сколько хочешь?»

«Да что я могу хотеть? Отрежь, вона, кусок падали, что на берегу пруда лежит, да съешь — только и платы всего».

Ладно. Отрезал барин кусочек падали и съел. Дурачок отдает зайца. Да только барин у ворот, дурачок дудит в алмазную дудочку — выкрутился заяц да назад.

Тут уж братьям-умникам и вовсе завидно стало — никак до дурачка добраться не могут.

«Погоди! — надумали они: — Пойдем к барину и скажем, что может дурак с три короба наговорить».

Ладно. Как услыхал барин про это, отвечает:

«Завтра созову полон дом гостей и дурачка призову, пусть тогда с три короба и наговорит».

С утра тьма гостей понабралась. Позвал барин дурачка, пусть теперь наговорит с три короба, его гости тоже хотят послушать.

Ладно! Взял дурак мешок и начал говорить:

«Было нас семеро сыновей. Послал нас отец в свет на заработки. Пришли в это имение. Тут я лакеем стал, мои братья другие батраками. Да братьям-то завидно стало, давай барину врать, что могу я из чортова имения украсть золотую птичку, клетку да самого чорта. Поверил барин братьям и приказал мне это сделать. Сделал. Да братьям еще мало было: могу, мол, я и зайцев созвать. Ладно! — созвал. Пришла тут баринова дочь зайца покупать, продал за большие деньги. После сам барин приходит покупать зайца, да я не продаю, пока падали . . .»

«Молчи! — кричит барин. — Мешок уже полон — больше не говори!»

Оборвал барин дурачка, чтобы гости не узнали, что падаль он ел.

А гости, как услыхали, что дурачок сделал, крепко дурачка хвалят:

«Да он ведь больше сделал, чем барин заплатить может. А братьев его надобно вон гнать, те ни к чорту не годятся».

«Ладно! — отвечает барин. — Братьев я прогоню а тебе, дурачок, дочь свою в жены отдам».

Так и сделал.

Ушли братья с длинным носом, а дурачок в такое счастье попал, что и не снилось.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

КУЗНЕЦ И СМЕРТЬ

Закоптелый кузнец, черный, как сам чорт, кует в своей кузнице так, что все гудит.

Приходит Смерть и кличет его с собою.

Просит кузнец, чтобы позволила еще хоть годик пожить. Смерть — ни за что:

«Вовсе не смею на глаза богу показаться, коли ты не пойдешь со мною».

«Ну, коли уж так, то делать нечего! — говорит кузнец, бросивши молот. — Пойду уж! Да только сперва должен я помыться, а ты пока что подай мне одно яблочко!»

Смерть выходит, глядит — на яблоне яблок много, да все на верхних ветвях, снизу их не достать. Взлезает Смерть на дерево. А у кузнеца такая яблоня была, что без его позволения никто с яблони на землю слезть не может.

Попробовала Смерть двинуть одной ногой, двинуть другой, двигает одной рукой, двигает другой — все будто окоченело, приросло к дереву, и не думай сдвинуть.

Знает это кузнец, да только и ухом не ведет, кует себе да кует снова.

Так и проходят семь лет. Высохла тем временем Смерть так, что только кости да кожа остались. Пожалел ее кузнец да и отпустил домой.

Еле-еле дотащилась Смерть до господа бога и на кузнеца жалуется. Рассердился господь бог на кузнеца так, что отдает его чорту:

«Пусть чорт поберет этакого бесстыдника!»

Чорт этого только и дожидался. Подпрыгивая да подскакивая, бежит он к кузнецу в кузницу и зверем на него накинулся, зовет с собой.

А у кузнеца яблоня уж срублена и из нее лесенка сделана — лежит лесенка, в углу кузницы под полочкой.

Только чорт опять заговорил, чтоб итти, кузнец уж и готов — бросает передник и идет к двери. Чорт за ним.

«Не знаю, взять ли с собой кусок янтаря, али тут оставить? — разговаривает кузнец сам с собой вполголоса: — Эх, да к чему он мне в пекле-то? Пусть лучше здесь остается».

А чорт уж навострил уши:

«Что ты сказал? Что у тебя там?» — выпытывает он скорехонько.

«Да там у меня на полке в углу кусок янтаря остался величиной с голову, — отвечает кузнец равнодушно. — Я про себя и подумал — взять ли с собой, али дома оставить. Не хочется мне носить».

«Где? Где? Я понесу!» — хватается чорт за кузнеца, выспрашивает.

«Да вона, в углу на полочке».

Чорт сразу же назад, становится на лесенку, подымается к полочке за тем большим куском янтаря. А полка пустая. Рассердился чорт, хочет слезать, да не может — прирос к лесенке.

Вошел кузнец в кузницу и говорит:

«Коли оставишь ты меня в покое, так я тебя отпущу».

«Глаз своих больше сюда не покажу! Милый кузнец, отпусти ты меня, никогда больше за тобой не приду!» — просит чорт.

Поверил ему кузнец, отпускает домой. Да только на другой день приходит брат того чорта и кричит строго, чтобы шел кузнец с ним.

«Сейчас, сейчас, молодчик! — отвечает кузнец. — Должен я только еще вот этот винт отрезать, тогда и пойдем»

Начинает кузнец у тисков возиться, да не может их отвинтить. Малость открылись, а дальше не открываются. А чорт все кипятится да ругается, что должен так долго ждать.

«Да разве я тому виною, — отговаривается кузнец. — Заржавели тиски, никак не открыть. Не можете ли вы, барчук, лопасти тисков раздвинуть, скорее будет».

Чорт сразу же подскакивает, сует пальцы, хватает каждой рукой по лопасти тисков и тянет в разные стороны. А кузнец — крах! — приворачивает тиски крепко-накрепко: чортовы руки в западне.

Кличет кузнец парней и давай тузить барчука. Орет чорт, бедняга, и обещается никогда больше не приходить. А кузнец с парнями, знай, лупит по ребрам.

Не может чорт больше выдержать и обещается, что и сам больше не придет и другого не пошлет. Ну, тут уж кузнец его отпускает.

Теперь кузнец — ни богу свечка, ни чорту кочерга.

Что ж ему теперь делать?

Ну, живет он, живет, живет, покамест не надосло. Как надоело, завязывает он свой молот в передник и пошел по свету ходить.

Идет он, идет, идет — приходит к глубокому оврагу. В одном конце оврага ужасно большой огонь — там пекло.

Идет кузнец прямо туда. Да только увидали его черти, сразу же во все стороны удирать. Они еще не забыли, как он в тот раз их отлупил.

«Нет, так нет! — думает кузнец. — Больно мне надобно с вами встречаться. Удирайте, коли хотите. Пойду к таким, кто от меня удирать не станет».

Идет он прямо на небо. Приходит к воротам и давай молотом стучать.

Выходит Петр:

«А-а, кузнец! И ты сюда пришел? Уходи, знай, тебе сюда не попасть, зачем так долго Смерть задерживал, совсем уморил голодом».

Захлопнул Петр ворота и ушел. Кузнец остался тут же ожидать.

Стоит, стоит кузнец у ворот, в рай попасть не может. Тут, к счастью, несут одну бедную душу в рай.

Стал кузнец у самых ворот, обязательно думает в рай протиснуться. А Петр приоткрывает ворота только настолько, что впору молоту пролезть, сам никак не пролезешь.

Кузнец, долго не думая, кидает свой молот в райские сени. Идет Петр богу докладывать:

«С этим человеком больше терпения нет. Коли сам попасть не может, так пожитки свои к нам кидает. Такой уж не уймется да не уймется, пока сам сюда не попадет».

«Ну, чего там так долго упираешься, впусти его!» — отвечает небесный отец Петру.

Попадает кузнец в рай.

Как там все прекрасно! Солнце тут же, может, шагах в пяти, светит так ярко да греет. Звездочки, как камушки, по всему полу рассыпаны. Старая луна висит в углу на вешалке. Небесный отец сидит на высоком кресле и глядит через ворота на свет.

Захотелось и кузнецу на свет поглядеть, как люди живут да не лодырничают ли его работники в кузнице.

«Слышь, батя, пусти-ка меня тоже в свое высокое кресло! Хочу поглядеть, что мои парни в кузнице делают».

Небесный отец слезает, кузнец влезает.

Да что же он видит? Оба парня как раз драться начали. И самое-то противное что?— Неправый правого бьет. Тот, на чьей стороне правда, слабее, вот неправый его и бьет.

Не может кузнец этого терпеть. Как хватит он свой молот, как запустит виноватому прямо в лоб — тот сразу же и готов.

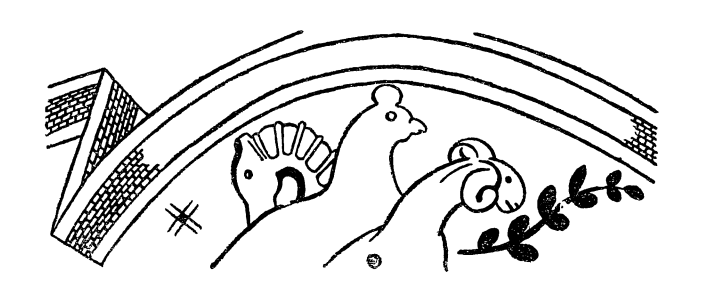
Да небесному отцу это не по нраву:

«Не надобно было этак делать. Сколько я, что ни день, всякой неправды да невинных страдальцев вижу, да я не бью сразу же молотом по лбу. Не надобно было так делать!»

Велит небесный отец кузнецу с кресла слезать, а сам опять на свое место садится.

Ушел кузнец обратно в свою кузницу, похоронил убитого своего работника и кует, может, и по сегодняшний день.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТ В МЕШКЕ

Раз шел воин по дороге, и было у него всего три копейки. За эти деньги он с охотой хлеба бы купил, больно уж голоден был, да где же ты на дороге продавца так сразу сыщешь?

Нечего делать — кинул он эту мысль да и потащился вперед, сколько было силы. Под конец ноги уж больше не слушаются, надобно отдохнуть.

Сидел, сидел служивый и стал думать:

«Всем бог помог — неужто мне не поможет?»

Не успел как следует и слов этих вымолвить, подымает глаза — видит: идет навстречу седенький старичок.

Подходит старичок, спрашивает:

«Чего этак приуныл?»

Так и так. «Больно уж есть хочется. На три копейки можно бы хлеба купить, да кто продаст в этаком нежилом месте?»

«Ого! — вскрикивает старичок жалобно. — У тебя хоть три копейки есть — у меня гроша

за душою нет. Не можешь ли ты, миляга, браток дорогой, мне хоть копеечку дать-то?»

«Отчего же нет? Я не жадный — на!»

Поблагодарил старичок седенький и сунул копеечку в карман. А как вытаскивает руку из кармана, говорит:

«Глянь-ка, глянь, а у меня тут этакая трубочка лишняя, никак ее выкурить нельзя. Прими от меня на память и ходи здоров!»

Взял служивый трубочку, тут же закурил — и глядит: что за диво! — голод будто немного прошел, можно уж терпеть да итти дальше.

Прошел еще малость, подходит другой старичок.

«Что с тобой делается, что этак приуныл?»

«Что делается — есть хочется! Две копейки нашлись бы, да где ж ты купишь тут хлеба!»

«Ого! Да у тебя две копейки — у меня гроша за душою нет. Не можешь ли ты, миляга, браток дорогой, мне копеечку дать?»

«Отчего же нет? Я не больно жадный — на»!

Седоголовый поблагодарил, взял копеечку и в карман сунул. А как стал руку из кармана вытаскивать, говорит:

«Глянь-ка, глянь, у меня тут этакая лишняя бутылка водки, никак ее выпить нельзя. Прими ее от меня на память и ходи здоров!»

Взял служивый бутылку, тут же хлебнул немного и пошел. Шел, шел — встречает третьего старичка. Спрашивает и этот:

«Что с тобой делается, что этак приуныл?»

«Ничего не делается — есть больно хочется! Одна копейка нашлась бы еще в кармане, да где ж ты, человек, хлеба тут купишь!»

«Ого! У тебя хоть копеечка за душой — у меня ни гроша нету. Не можешь ли ты, миляга, браток дорогой, мне ту копеечку подарить?»

«Отчего же нет? На!»

Старичок поблагодарил, взял копеечку и сунул в карман. А как стал руку из кармана вытаскивать, говорит:

«Глянь-ка, глянь, у меня тут колобочек за пазухой лишний. Коли тебе этак есть хочется, так приложи только руку к этому колобочку — сразу же, какие только хошь, кушанья появятся. А коли захочешь что в этот колобочек спрятать, приложи только руку да скажи: «Войди!» Сразу же, — хоть с быка величиною, — съежится и в колобочек спрячется, глянуть не успеешь».

Служивый теперь совсем счастлив стал: есть чего поесть, чего попить да покурить. Пошел он радостный дальше.

Под вечер приходит в одну корчму, ночевать просится. А корчмарь отвечает:

«У нас тут сегодня вечером народу пропасть будет, негде тебе тут по-настоящему и приткнуться будет, а вот пойди — тут недалеко зàмок царский стоит, там уж тебе царь отведет место для спанья-то».

Ладно. Идет служивый к царю. Царь рад, говорит лакею:

«Слышь! Отведи-ка этого путника в старый зàмок да запри его в том покое — знаешь, в каком, — пусть выспится. Да так запри, чтобы не мог вон выбраться — сегодня ночью там у чертей поминки. Хоть и домогались они, чтобы я дочь свою им послал на съедение, да я не по-

шлю, пусть лучше они слопают этого чужого человека, коли уж так есть хотят».

Ладно. Лакей тут же берет служивого за руку и ведет в старый зàмок.

Дорогою проходят мимо корчмы, служивый и видит: там, в корчме, белый хлеб пекут, гусей жарят, во-всю орудуют. Он и думает:

«А! Разве мне поужинать не надобно?»

И тут же прикладывает руку к колобочку да требует:

«Белый хлеб да гуси в колобочек!»

Только он это шепнул — верно, все гуси да весь белый хлеб попали в колобочек. Опустели столы в корчме, будто подметено.

Так-то.

Приходят в старый зàмок, запирает его лакей в покой, и остается он совсем один за ужином.

Ест, ест — идет дело к полночи — начался всюду шум. Под конец открывается дверь в покой. Как открылась дверь — видит: двенадцать чертей один за другим прут, а задние передних все спрашивают да расспрашивают:

«Какое сегодня ночью мясцо будет? Будет ли царева дочь?»

«Нет, нет! — отвечают передние. — Эдакий старый пустяковый солдатишко прислан!»

«Ах ты, проклятый! — плюются задние. — У него такое же жесткое мясо будет, как у того в прошлый раз — до сих пор еще в зубах торчит».

Услыхал это служивый, испугался, да живо ему в голову пришло:

«Погоди, погоди, где же это моя трубочка? Надобно их трубкой задобрить».

Нашел трубочку и говорит:

«Послушайте, гости дорогие! Знаю я, что вы меня так или этак скушаете. Да как бы это было, коли бы мы сначала хорошенько покурили? Мой дед всегда это делал. Перед едою всегда накурится хорошенько, и уж какой аппетит бывал, прямо и не расскажешь».

Ладно. Черти согласны:

«Хорошая трубка нам по нраву, подавай только сюда».

«Да, сейчас! — усмехается служивый. — У меня тут как раз этакая маленькая трубчоночка под рукой. Вестимо, до той поры не переставать, покуда всю трубчонку не выкурите. Что вам тут, двенадцати мужикам? Каждому по одной затяжке, каждому по другой, гони кругом, пока не захлюпает».

Принялись все двенадцать по очереди затягиваться — так накурили, что не дай бог! Уж весь покой полон синего дыма, дышать нечем, а трубочка все еще не пуста, тянут и тянут.

Не может служивый больше выносить дыма, закутал голову в одежину, а те, знай, тянут да тянут без конца. Да под конец туго чертям пришлось: один уж без памяти свалился, вскорости за ним другой, третий — да так все по очереди, пока к утру только двенадцатый еле держался. Кричит он товарищам:

«Нельзя ее выкурить, светает, пойдем!»

Поднялись все черти, покачиваются, выбрались вон и ушли, отплевываясь, как уж черти.

А служивый спокойно улегся да и проспал до обеда.

После обеда приходит царский лакей с корзиною, чтобы кости служивого собрать. Да так глаза и вытаращил — увидал его живым да здоровым, в постели спит. Побежал лакей к царю, об этаком диве рассказывает.

Говорит царь: «Не может этого быть — пусть сам он сюда придет!»

Приходит служивый — верно: жив, да жив.

«Видано ли это? — удивляется царь. — Да как же ты от чертей спасся?»

Так и так — рассказывает служивый:

«Есть у меня этакая махонькая невыкуримая трубчонка. Так они ее до тех пор сосали да сосали, покуда светло стало. Тут уж они, видать, свету испугавшись, все и удрали, не простившись».

«Так, так! — качает царь головой. — Я того не ведаю, да только это — дело. Миляга, друг любезный! Коли уж начал ты с чертями, не можешь ли еще пару ночей с ними повозиться? Кто знает, может, ты и вовсе их выживешь, может, ты дочь мою освободишь, а — по мне — тогда я тебе ее и в жены отдам».

«Видал ты! — всплеснул служивый руками.— Коли так, тут уж я должен пойти, хоть бы сам дьявол явился!»

Ладно. Уходит служивый опять в старый за́мок.

Как полночь подошла — опять черти тут как тут. А служивый и говорит:

«Послушайте, гости дорогие! Знаю я, что так или этак, а вы меня скушаете. А что, коли

мы выпьем раньше по глотку водки? Мой дед так всегда делал. Как сядет есть, глотнет раньше глоток, и уж какой аппетит бывал, просто и не расскажешь».

«Да, да!» — черти сразу же соглашаются.

«Вот, вот, гости мои! — усмехнулся служивый. — У меня тут этакая бутылочка водки есть, так уж не бросать ее, покамест вся не выпита».

Сразу же все двенадцать накинулись на бутылку, как мухи на сметану. Пили, пили — ничуть не уменьшается. Ну, тянули, тянули, захлебываясь, да как не убавляется, так и не убавляется.

Под конец — что же? — не шуточки: начинают все они, обжоры, качаться да все и полегли тут же на полу, напившись вдребезги. Только двенадцатый еще на ногах держался да через некоторое время как крикнет:

«Этого не выпить, светает, пойдем!»

Так и убежали, спотыкаясь да кувырком, — известное дело — пьяные.

А на третью ночь — тут уж не шути! — пришли черти совсем по-иному: все стены дрожат, а черти, знай, кричат:

«На этот раз не дадим себя одурачить! На этот раз не дадим себя одурачить! Теперь надо его сразу же съесть, как бы там ни было!»

А служивый отвечает крикунам спокойненько:

«Это я знаю, что вы меня съедите, да только позвольте мне хоть из кровати вылезть да посереди покоя стать, тогда все сразу сможете подойти да есть».

«Да, да — вылезай поскорее!»

Ладно. А служивый вылез из кровати, схватил свой колобочек да и кричит:

«Всех чертей в колобок, кроме одного!»

Сразу же все одиннадцать в колобке пропали. А двенадцатому, который с перепугу с места сдвинуться не может, служивый и говорит:

«Коли принесешь ты мне полон покой золота да пообещаете вы все никогда больше сюда в замок не показываться, так на этот раз еще, так-сяк; выпущу из колобочка; а коли нет, так и тебя туда запру, пропадайте там, покуда не сгниете — больше не выпущу».

Нечего делать — стал чорт, пыхтя, золото таскать. К назначенному времени натаскал полон покой. Ну, чуть светать стало — выпустил служивый чертей, а сам к царю стал собираться.

Царь этакими делами был очень доволен, тут же без разговоров отдал служивому свою дочь да еще полцарства в придачу.

Зажил с той поры царский зять совсем счастливо.

Вот раз довелось ему ехать с женою по морю. Подымает он вдруг глаза и сразу же видит: его старые знакомые черти выходят из-под воды злые-презлые и собираются ему отплатить или еще что сделать.

Видит царев зять, что дело плохо, да как крикнет:

«Где мой колобочек?»

Черти сразу же остановились, точно вкопанные и с места не двигаются. А царский зять спрашивает их коротко:

«Как вы отваживаетесь меня еще дразнить? Что вы тогда обещали, мошенники, разве не помните?»

«Да, мы-то обещали, да сказано не было, что на воде тоже нельзя».

«Ладно. От сей поры, значит, я и на воде запрещаю ко мне приставать!»

Ну, тут оставили его черти навсегда в покое.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ДУХ В КУВШИНЕ

Жил один рыбак в полуразвалившемся домишке, недалеко от моря. Он прожился до последнего: рыба не ловилась, жито не росло, оброк барину никак не уплатить. Гонит тот бедного рыбака вовсе из домишка вон.

Тоска у него на сердце, идет еще в последний раз попытать счастья. Закидывает сети и вытаскивает запечатанный кувшин.

«Что тут другое может быть, кроме вина, аль водки?» — думает рыбак и взламывает печать.

Только он пробку вытащил, выходит из кувшина будто туман. Через миг глянул — кувшин пуст, а перед ним стоит страшилище-великан.

Глядит великан сверкающими глазами на рыбака и говорит:

«Я тебя проглочу!»

«Зачем ты меня глотать станешь?» — спрашивает рыбак.

«Отлежал я уж тут назначенные мне триста лет. Разбудившему меня дал бы я богатство,

а как не просил он у меня ничего, так я его и проглочу» — отвечает страшный великан и хочет уж бедного рыбака глотать.

А рыбак и говорит:

«Как же ты меня глотать можешь? Может, ты вовсе и не тот человек, который тут в кувшине триста лет лежал. Коли ты еще раз в кувшин влезть сможешь, тогда я тебе поверю и дам себя проглотить, иначе нет».

Страшилище-великан вздымается маленьким облачком да как по нитке влезает в кувшин и кричит:

«Ну, видал теперь, как я влез».

Рыбак только того и добивался: он тут же — бац! — заткнул пробку, и страшилище-великан опять взаперти сидит.

Смекнул великан, что не надобно было в кувшин влезать, да уже поздно. Стал он рыбака упрашивать, чтоб выпустил он его на волю, добра да богатства всякого обещает, чего только рыбак захочет.

Рыбак и выпускает.

Уходит страшный великан, шипит, кряхтит как вихрь. Поглядел рыбак ему вслед и пошел домой.

А дома у рыбака уж целая куча золота лежит. Стал теперь рыбак богачом. Выплачивает рыбак свой долг барину и посылает своего сына учиться в ту же школу, где и баринов сын учится. Там оба парнишки подружились.

Когда оба старика, барин да старый рыбак, померли — сыновья остались на их месте. Отдал молодой барин своему школьному при-

ятелю домишко рыбака в собственность, а тот должен ему время от времени рыбы доставать.

Так и живут они некоторое время. Тут родилась у барина дочка. Посылает он к своему школьному приятелю за рыбой на крестины.

Молодой рыбак сразу же идет на море рыбы наловить. А рыба-то и не ловится. Сел он на берегу на камень и стал плакать.

Подымается буря. Сосны шумят, волны вздымаются до макушек деревьев — выходит из моря большущий человек и спрашивает рыбака: «Чего плачешь?»

Рыбак и рассказывает ему все толком:

«Надобно отнести барину рыбки на крестины дочери, да только никак не может ни одной изловить. Подумает барин, что не хотел он рыбы дать».

«Это беда не великая! — отвечает большущий человек: — Коли отдашь ты мне то, что есть у тебя дома, о чем сам ты не знаешь, так я тебе рыбу дам».

Думает рыбак, думает, что бы это могло быть? Деньги, добро, жена, домишко, про все это он знает, а что бы там еще могло быть, о чем ему самому неизвестно?

«Ладно, я согласен — отдам. Коли сам я не ведаю, что у меня там такое, так и жалеть мне того нечего».

Подписывается рыбак, что отдает своей кровью. Большущий человек опять в море уходит. Буря затихает. Закидывает рыбак сети еще раз — рыбы, сколько хочешь. Крепко доволен рыбак, несет рыбу домой.

А дома у него родила жена мальчонка, он его-то и отдал морскому человеку. Не знает рыбак, что и делать от жалости, только вопит.

Пошел к барину, рыбу понес, а сам плачет да плачет. Барин и спрашивает:

«Чего ревешь?»

«Да как же мне не реветь? Сын у меня родился, а я его... Лучше уж и не скажу».

И заревел еще пуще.

Барин стал ругаться:

«Скуп ты, только и всего! У тебя сын родился, а ты не хочешь ему ничего давать. Давай мне своего сына, я его воспитаю».

Рыбак и думает: «Надобно отдать: коли другой его растить станет, так мне под конец не так жалко будет его отдавать тому морскому великану».

Вот и отдает он своего сына барину на воспитание.

Мальчонок рыбака да баринова дочка вместе растут. Как подросли они малость, нанимает им барин учителя. Оба учатся старательно, да только сын рыбака все лучше смекает да запоминает.

Через некоторое время парнишка уж знает все так же хорошо, как и учитель. Отпускает барин того учителя и нанимает другого. С этим то же — через год все, что знал, уже у парнишки в голове.

Отпускает барин второго учителя и по всему царству ищет нового, самого мудрого, чтоб пришел его воспитанника учить. Приходит ветхий седой учитель, да только и года не прошло, как и старый учитель не знает уж, че-

му больше и учить мальчонка: он уж все знает.

Собирается ветхий, седой учитель уходить и говорит парнишке:

«Вот тебе моя палка да книга на память. Коли проведешь палкой вкруг себя круг-черту, никто до тебя добраться не сможет, а коли станешь книгу читать, так можно будет вкруг тебя костер разводить—не сгоришь ты».

Ушел ветхий, седой учитель. Подержал еще некоторое время барин парнишку у себя, а потом и отдает отцу.

Только увидал отец своего сына, стал опять реветь:

«Ну, вот и пришло времечко отдавать сына морскому великану».

Ведет рыбак своего сына к морскому берегу и рассказывает, что ему предстоит. Сын ничуть не испугался, не запечалился, он еще плачущего отца успокаивает:

«Не плачьте, батя, уж мы справимся! Идите-ка домой».

Идет отец домой, ревет.

Садится сын на берегу моря на камень, обводит вокруг себя черту палкой, подаренной седым учителем, и ждет — что теперь будет?

Подымается страшная буря. Сосны шумят, леса стонут, волны хлещут до макушек деревьев. Выходит из моря великан и кричит:

«Ступай, парнишка, за мной!»

«С чего я должен с тобою итти?» — спрашивает паренек.

«Твой отец тебя мне отдал».

«Может и отдал, да я о том не ведаю».

«Бумага тут, что сам отец твой своей кровью подписал» — показывает морской великан ему издали бумагу.

«Подойди поближе! Так далеко не вижу, ничего прочитать не могу».

Хочет морской великан поближе подойти, да не может черту перейти. Бегает он вокруг, ищет, где бы перебраться, да всюду черта. Кинул он бумагу парню, упала перед ним бумага на песок, а он ее палкой в песок и закопал.

Рассердился морской великан, давай на парня огнем блевать, наблевал полон круг, а парень читает книгу — и хоть бы что.

Блюет великан огнем да блюет, побежит к морю, напьется и опять огнем блюет, пока так воды налопался, что и пошевелиться невмоготу. Однако опять стал пить, пока тут же у моря и не свалился.

Тут подошел паренек да палкой и убил его совсем. Теперь парень свободен. Пошел он к дубу и лег спать.

Через некоторое время подлетает золотая карета. Выходит из нее принцесса и просит паренька, чтобы поехал он с ней.

Садится паренек в карету — и летят по воздуху точно ветер. А дорогою принцесса рассказывает:

«Отец мой чортом был околдован, потому и помер. Умирая сказал он мне, что в зàмке никто ничего не должен двигать, иначе все разобьется. Только тот зàмок спасет, кто три ночи просторожит у его гроба. Коли не найдется такого человека, так останется зàмок чертям навеки-вечные».

Обещает паренек попробовать пойти да посторожить в зàмке.

Вот входит паренек в зàмок, обводит вкруг себя черту и садится в самую середину. В полночь открывается дверь, и входит умерший царь:

«Ты чего тут ищешь?» — спрашивает царь паренька.

Паренек ничего не отвечает, приглядывается только, что тут будет.

Старый царь стал свистать. Сбегаются тут ему на подмогу разные чертенята со всех сторон. Набрался уж полный покой, а они все валят да валят.

Начинают уж стены трещать: столько чертей набилось, да ни один через проведенную черту перебраться не может. Стены уж чуть-чуть не обрушились, тут, к счастью, как запоет петух — все черти и выбегают вон

Так это продолжается все три ночи.

На третью ночь отсылает царь чертей и говорит:

«Ты одолел. Можешь теперь жениться на моей дочери. Теперь уж получай и весь зàмок, и государство, и все мое добро. Пойди за мной, я отдам тебе ключи зàмка!»

Царь идет впереди, паренек позади да на каждой двери и ручке мелом крест вычерчивает.

Приходят в склеп. Тут стоит пустой гроб царя, а вокруг свечи горят. Отдает ему царь свой перстень, ключи да всякое свое добро показывает, а потом как побежит царь к двери — закрыть ее хочет, а на двери-то крест видать.

«И вправду ты меня умнее, — тебе и царская моя честь. Теперь уж оставлю я тебя в покое!»

Только сказал это царь — тут же и пропал со всем гробом.

На другое утро принцесса и все подданные крепко обрадовались, что замок свободен. Уговариваются паренек с принцессой пожениться, да только хочет он еще сходить своих родителей проведать.

Дает ему принцесса на прощанье свой перстенек с жолудем и говорит:

«Коли повернешь ты жолудь к земле, так явится к тебе золотая карета и отвезет она тебя, куда только пожелаешь».

Паренек поворачивает жолудь к земле, сразу же является золотая карета. Садится в нее паренек и едет к своим родителям.

Отец да мать не знают, что и делать от радости, что сын вернулся. Они уж давно оплакивали его, как покойника, а он жив да здоров оказался. Должен он рассказывать да рассказывать, несколько раз к ряду, как он от великана морского спасся да как ему до сих пор жилось.

От родителей идет он к своему воспитателю и к сводной сестре. Те не меньше родителей рады, не хотят его и отпускать.

Самому пареньку тоже не хотелось так скоро с родителями да воспитателями расставаться. Вот и остался он у родителей да у воспитателей не малое время.

Ждет его принцесса, не может дождаться — поехала искать, куда он делся.

Вот переоделась она нищенкой да и приехала в имение его воспитателей. А жених ее как раз после обеда отдыхает. Возле него сидит его сводная сестра да мух отгоняет.

Подумала принцесса, что изменил ей паренек и что это у него уж другая невеста. Выкрала она свое кольцо и поехала обратно.

Как проснулся паренек — испугался: увидал он, что кольцо украдено. Сразу же смекнул он, что не ладно теперь будет — стал собираться обратно к принцессе. Не помогли тут ни отговоры, ни мольбы, взял он подаренную ему седым учителем палочку и пошел в свет.

Вот прошел он некоторое расстояние да и приуныл совсем: не знает он, ни как то царство прозывается, где невеста его находится, ни в какую сторону повернуть надобно, чтобы в то царство попасть.

Коли было бы у него то кольцо, так повернул бы только жолудь к земле, сел бы в карету да сказал бы: «Неси меня к невесте!» Все сразу же и было бы, как захотел, а теперь ничего.

Тут вспомнил он на счастье, что седой его учитель раз наказывал:

«Коли хочешь куда итти и не ведаешь по-настоящему, в которую сторону итти надобно, так обернись кругом на пятке: в какую сторону выйдет нос, в ту сторону иди!»

Обернулся он на пятке и давай теперь итти прямо вперед да вперед — через леса да болота прямо к громадному озеру вышел. Как подошел к озеру — не знает, как перебраться,

Можно бы кругом обойти, да как тогда узнать, куда направиться прямо вперед.

Стал он искать, нет ли где хоть деревца, чтобы его на этом берегу воткнуть, а на том берегу, на него глядя, узнать, куда дальше итти. Да нет нигде никакого деревца.

Нечего делать — приходится на этом берегу воткнуть в землю палку, седым учителем подаренную, пускай она знаком будет. Воткнул паренек палку, обошел кругом озера и пошел вперед, все дальше да дальше.

К вечеру приходит паренек к одной горе. Тут он отдохнуть задумал. Только присесть хотел — видит: два человека внизу дерутся. Подходит он к тем мужчинам и спрашивает: «Что за спор, чего деретесь?»

«Видишь, — оба ему отвечают. — Один у нас заступник был, царь соседский, да и тот помер. А тут какой-то бродяга, что на взморье был, убил нашего отца да нас самих из нашего же замка выгнал. Теперь только и осталось у нас у двоих, что это седло да плащ. Не ведаем мы теперь — которому из нас получить их? Рассуди ты нас по справедливости!»

«Пусть одному достанется седло, другому плащ!»

«Так не годится! Только тогда, когда оба они у одного, имеют они чудесную силу: как оденешь плащ — сразу же невидимым станешь, как сядешь в седло — унесет, куда только пожелаешь» — отвечают оба спорщика.

«Ну, коли так, слушайте, что я вам скажу! — говорит паренек. — Кладите плащ да седло тут же на горе и принесите мне мельничный жер-

нов. Спущу я тот жернов с горы вниз. Кто из вас первый жернов мне назад на гору принесет, тот и получит седло да плащ».

Оба спорщика таким решением довольны. Тащат мельничный жернов. Пустил паренек жернов с горы, пусть катится. Побежали оба спорщика с двух сторон за жерновом, чтобы понести его назад на гору, как только камень остановится, и получить седло с плащем.

А паренек о ту пору одевает плащ, садится в седло да как крикнет:

«К принцессе!»—так вмиг и очутился в за̀мке у принцессы.

Пробежали оба спорщика за жерновом немного и оглядываются назад. А там не видать больше ни судьи, ни плаща, ни седла. Сразу оба и смекнули, что тот удрал.

«Теперь нам, браток, незачем больше ни драться, ни ссориться!—разговорились оба.— Примирил он нас на вечные времена. Он — не кто другой, как тот самый, что отца нашего на взморье убил да нас самих из за̀мка выгнал».

А паренек, добравшись до принцессы, не стал сразу показываться — оставил плащ на себе да глядит, что в за̀мке делается.

Вот видит — собираются все на свадьбу. Прислушался он к разговорам да и слышит, что обманул принцессу первый жених — по горячему делу хочет она с другим обвенчаться.

Перед самым венцом входит первый жених к принцессе — тут все дело и выясняется. Думала она, что он более не вернется, что женился он на своей сводной сестре.

Выходит принцесса к свадебным гостям да к новому своему жениху и говорит:

«Пропал у меня ключ и велела я новый сделать. А теперь старый ключ у меня нашелся. Скажите, которым ключом должна я теперь отпирать, а который в сторону отложить?»

«Первым ключом — тот боле привычен!» — отвечают жених да все свадебные гости.

Ушла принцесса назад в свою горницу и выводит своего первого жениха:

«Мой первый жених нашелся, и сами вы рассудили, что должна я с первым обвенчаться — он боле привычен».

Все с этим согласны были — и справили веселую свадьбу.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

СМЕРТЬ КУМОЮ

У одного бедного человека было много детей. А как еще у него один сын родился, так никто уж и в кумовья к нему пойти не захотел.

Когда вся родня да приятели от кумовства отказались, задумал человек выйти на дорогу да и заговорить с первым встречным.

Вот идет он по дороге и встречает одного старичка. Тот сам в кумовья просится.

Бедный человек спрашивает: «Ты кто таков?»

Старичок отвечает: «Я — бог».

Тут человек и говорит: «Тебя взять не могу, ты несправедливо поступаешь. Богатым много даешь, беднякам мало».

Идет он дальше, встречает еще одного человека и с ним разговор начинает:

«Не хочешь ли к моему сыну в кумовья пойти?»

Человек отвечает:

«Отчего нет?»

«Да ты кто таков?»

«Я — чорт».

«Тебя не хочу, ты людей обманываешь».

Идет человек дальше, встречает третьего прохожего. Спрашивает бедный человек:

«Не хочешь ли к нам в кумовья пойти?»

«Хочу».

«А как тебя звать-то?»

«Я — Смерть».

«Ты делаешь правильно да справедливо. Всех к себе зовешь одинаково, что царей из дворцов, что бедняков из халупок. Тебя беру в кумовья с радостью».

Приходит это Смерть на крестины и крестят мальчонка, как полагается. Уходя, говорит Смерть отцу мальчонка:

«Как крестник подрастет, приду навестить его».

Сын подрастает. В назначенное время приходит Смерть. Дает она своему крестнику этакий совет:

«Хочу тебя научить, чтобы ты знаменитым лекарем стал. Коли увидишь меня у больного в ногах, то беря вот этот листок, обмакни в воду и капни больному три капли в рот. Он тогда вскорости и выздоровеет. А коли стою я у больного в изголовьи, так не давай ему никакого лекарства — все равно помереть он должен».

Оставила Смерть крестнику этот листок да и ушла.

Стал парень скоро знаменитым лекарем. Все больные, которых он только лечил, вскорости выздоравливали, а которых лечить отказывался — умирали. В скором времени стал он богатым человеком.

Заболел раз один очень богатый барин. Зовет барин к себе знаменитого лекаря. Пришел лекарь, видит — стоит Смерть у изголовья больного. Не хочет он никакого лекарства давать.

Стал тут барин его просить, так просить да такую плату большую сулить, что не может более лекарь отказываться. Приказывает он быстро кровать с больным перевернуть, чтоб изголовье на месте ног было, и тут же капает больному три капли в рот.

Хоть и глянула Смерть на лекаря сердито да пальцем ему погрозила, да только больной барин все-таки выздоровел и платит лекарю по уговору.

С этого счастливого случая сделался крестник Смерти смелее и вылечил еще одного барина. Да на этот раз Смерть осерчала еще больше.

Решил лекарь никого больше против желания Смерти не лечить. Да тут заболела дочь у самого царя, и ни один доктор больше лечить не берется. Кличет царь крестника Смерти, да и тот не хочет никакого лекарства давать.

Стали тут его просить да этакую высокую плату сулить, что дал он себя уговорить. Опять обманывает он Смерть, как раньше, и дочь царя поправляется.

Тут Смерть совсем обозлилась, берет доктора за рукав и ведет в подземный замок. Весь громадный замок заставлен неисчислимыми свечами: и большими и маленькими; а некоторые до половины сгорели.

Спрашивает крестник: «Это что за свечи?»

Смерть отвечает: «Это—человеческого житья свечи».

«Где же моя свеча?»

Тут показывает Смерть на погасающий огарок и говорит:

«Это твоя».

Испугался крестник и просит, чтобы зажгла другую да поставила на ее место. Смерть хотя и не хотела, да как пристал крестник, так зажгла она под конец другую свечу.

С того дня знаменитый лекарь не мог больше вылечить ни одного больного, да и сам он был уж настолько богат, что и зарабатывать больше не надобно было.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ПАРЕНЬ И СМЕРТЬ

Служил как-то парень у одного хозяина целый год за одно ячменное зерно. Взял он то ячменное зерно и посеял — выросла у него горсть семян, посеял еще раз и на следующий год вырос у него почти что целый секс ячменя.

Собрал он тот ячмень, сварил пиво, привязал боченок с пивом себе на спину и ушел.

Идет, идет — встречает дорогою чорта. Чорт и спрашивает:

«Куда идешь?»

Тот отвечает: «Нечего мне с тобой разговаривать, ты — чорт!»

И пошел дальше. Идет, идет — встречает бога. Бог спрашивает:

«Куда идешь?»

Тот опять отвечает: «Нечего мне с тобой разговаривать — ты несправедлив: одному даешь слишком много, другому ничего».

И пошел дальше. Идет, идет — встречает Смерть. Смерть его тоже спрашивает:

«Кто таков? Куда идешь?»

«Да, — отвечает парень, — вот с тобой я стану разговаривать, ты со всеми одинаково поступаешь: ты забираешь как молодого, так и старого, как богатого, так и бедного!»

Сели они на край канавы, пьют пиво да разговоры разговаривают.

Как выпили пиво, парень и говорит:

«А ведь по-хорошему-то еще и неизвестно, Смерть ты, аль нет? Коли да, так покажи — влезь-ка в этот боченок!»

Та влезает. Как влезла, парень и забил затычку. Не может Смерть более из боченка выбраться.

Так и проносил он ее в боченке семь лет. А за то время ни единого человека не померло.

Стала Смерть проситься, чтоб выпустил. А парень не пускает, пока не скажет Смерть, как лечить надобно, чтоб не могла она людей убивать.

Под конец Смерть и рассказывает:

«Прочитай «Отче наш», да не говори «аминь» — тогда ничего поделать не смогу. Да

коли видишь, что у больного в ногах стою, так не помрет, а коли стою у изголовья — тут уж помереть ему».

Ходит теперь парень из дома в дом, народ лечить, молитву читает, да «аминь» не говорит. Коли кто болен и видно, что Смерть у изголовья стоит, поворачивает он кровать в другую сторону и остается она в ногах.

Осерчала Смерть, что не может она никого убить.

Нарядилась Смерть свинопасом — пасет свиней да плачет. Подходит парень да спрашивает:

«Ты чего плачешь?»

«Да! — отвечает она: — как же мне не плакать? Порет меня хозяйка да толкает, что не могу я того последнего слова из «Отче наш» вспомнить».

Парень свинопасу и отвечает:

«Да ведь то последнее слово — аминь!» Как только он это слово вымолвил — накинулась Смерть на него и перекусила ему горло.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

УГОВОР ТРЕХ БРАТЬЕВ С БОГОМ

Жил раз один крестьянин, было у него три сына. Недалеко от хутора стоял барский лес, и хаживали трое сыновей частенько в тот барский лес бревна красть.

Барину это не нравилось — осерчал он на крестьянских сыновей. Идет раз барин к тому крестьянину и говорит ему:

«Коли ты своих сыновей с хутора не прогонишь, так и их прогнать велю да и хутор у тебя отберу. Твои сыновья — воры злые, лес мой воруют да деревья портят. Больше этого не потерплю. Да помни, не забудь, что тебе говорю!»

Задумался крестьянин и сам с собой разговаривает:

«Не ведаю вовсе, что мне тут делать? Коли отберет барин хутор, куда мне тогда деваться? Ничего не поделаешь, надобно сыновей со двора выпроваживать. Молодые они, силы у них много, смогут себе хлеба заработать в ином месте».

На другой день велел он сыновьям собраться, дал каждому по караваю хлеба да по топору и отослал каждого своей дорогой.

Идут они трое, каждый своей дорогою, и приходят в большой лес.

Ходили, ходили долгое время густым темным лесом и заблудились, не могут никак из леса выбраться. Вот уже и еда у всех троих вышла.

Раз младший брат, задумавшись, ходит по лесу и вдруг видит — идет ему человек навстречу. Обрадовался меньшой и говорит сам себе:

«Может, у него кусочек хлеба найдется, а коли и хлеба у него не будет, так по крайности знать будет, где лесу конец».

Торопится он тому человеку навстречу. Да только примечает — эко диво! — чужой-то человек — старший брат его.

А старший брат, увидя младшего брата, что ему навстречу шел, тоже за чужого человека его принял и про себя подумал:

«Может, у него кусочек хлеба найдется, а коли и хлеба у него не будет, так по крайности знать будет, где лесу конец».

Так ошиблись они оба, и нет ни у одного хлеба.

Покуда стояли они да разговаривали, снова видят, какой-то человек навстречу идет. Обрадовались они, спешат к нему, думают, что у чужого человека кусочек хлеба найдется.

Да вот диво — человек-то вовсе не чужой был, а их же средний брат. А тот, как увидал их, так же, как и они, подумал:

«Может, те двое чужих людей кусочек хлеба имеют, а может, ведают они, как из лесу выбраться».

Все трое братьев так голодны были, что больше и вытерпеть не могут — лучше сразу умереть. Один и говорит:

«Какую же смерть искать станем? Повесимся!» Другой говорит так же.

Покуда они о тяжелой своей доле разговаривали, подъехал всадник на белом коне.

Тут все трое братьев низко кланяются, просят седока, чтобы доброту свою явил да показал бы им, где лесу конец.

«Вы, парни молодые! ведаю я, понятно, где лесу конец!» — говорит белый седок очень ласково.

Тут братья стали просить белого седока от всего сердца:

«Дай нам поскорее поесть, больше невтерпеж: так есть хочется».

Старый седок говорит: «Идите за мной, я вас хлебом обеспечу!»

Повел их белый седок — а это был сам бог — на край леса и дал хорошенько поесть. Как поели они, белый седок и говорит:

«Дам я вам мешечек, полный денег. Коли вы меня послушаете и будете делать так, как я вам скажу, то в мешечке этом никогда недостачи в деньгах не будет».

Подал он мешечек старшему брату и говорит ему: «Коли спросит тебя кто о чем, ты не должен ничего боле говорить, как только: «Мы, братья, все трое!»

Среднему брату он сказал: «Ты не должен ничего больше говорить, как только: «Из-за денег!»

А младшему сказал белый: «Коли кто у тебя что спросит, то каждый раз отвечай: «Это было больно хорошо!» Коли все вы этак делать будете, как я вам сказал, то мешечек никогда не будет пуст. Коли у вас еще что спрашивать станут, то вы все-таки ничего более не должны говорить, как только каждый свой сказ».

На этом и покончили. Все трое братьев вполне довольны. После того ушли они от белого седока и пошли вперед, все дальше и дальше.

Этак шагая, пришли они в одну корчму. Там они едят да пьют, ничего не говорят да не спрашивают, а за все втридорога платят. В деньгах у них недостатка нет — мешечек всегда полон.

Корчмарь и его жена их приняли за немых. Так и живут братья в той корчме в свое удовольствие, а корчмарь с каждым днем богатеет. Он даже корчму свою перестроил — похожа теперь корчма на дворец богатого барина.

Случилось тут, что помещик той волости, где корчма стояла, надумал оброку своим крестьянам прибавить. А староста у того барина был человек умный да понятливый, вот и говорит он барину:

«Зачем вы, барин, на бедных крестьян оброк набавлять станете? Лучше наложить на корчмаря поболе! Больно он богат стал. Разве он заплатить не сможет? Поглядели бы вы, как он свою корчму перестроил, она теперь так богата и красива, что похожа на ваш дворец».

Барин тут же велел лошадей запрягать — собирается на корчму поглядеть.

Вот едет, едет — не видать корчмы. Приметил кучер, что барин чего-то ищет, да найти не может. Поворачивается он к барину и спрашивает покорно:

«Барин, казалось мне, будто ищете вы чего-то, да найти не можете».

«Корчму нашу ищу, да не вижу».

«Ах, барин! да мы уж три раза мимо корчмы проезжали. Вон наша корчма — тот дворец пригожий!»

Дивится барин — корчмы совсем не узна́ть. Остановил кучер лошадей — идет в корчму. Корчмарь с женой встречают барина ласково, потчуют, чем только могут.

Пока барин корчму осматривал, подходит уж вечер. Собирается барин отъезжать, велел уж кучеру коней запрягать. Корчмарь с женой стали барина отговаривать, чтобы не ехал, чтобы у них переночевать остался. Уговорили барина, тот и остался.

Вечером, когда барин и кучер уже спали, взбрела жене корчмаря в голову лихая мысль. Шепчет она корчмарю на ухо:

«Милый муженек! Знаешь что? Ведь придется нам теперь большой оброк платить. Кажется мне, что за тем только барин и приехал. Вот убить бы его да кучера, так нам бы и не пришлось об оброке беспокоиться — да и свидетелей-то нету. Трое наших хороших постояльцев немые — от них никакого свидетельства не добьются».

Такой совет корчмарю понравился. Вот и стали они поджидать, пока барин с кучером уснут покрепче. Как заснули, так обоих зарезали, а мертвые тела из корчмы вынесли да и запрятали.

Когда все было сделано, заползла в злое сердце жены корчмаря тревога, стала она беспокоиться да побаиваться. Под конец совсем от страха ошалела да заметалась, говорит мужу:

«Слышь, муженек милый, — плохо будет! Как бы не проведали, что это мы сделали? Думаю я: надобно бы тебе пойти сейчас же и сказать, чтобы во всех церквах звонить начали, а коли кто станет тебя что об их смерти спрашивать, говори смело, что это трое немых путников их, видать, убили. Так, может, и отвертимся».

Корчмарь сразу же пошел и велел во всех церквах звонить в колокола. Как проведали люди, что барин в корчме от злодейской руки погиб, повалила к корчме большая толпа народа на злое дело поглядеть.

Жена корчмаря стала всему народу говорить, что не иначе, как те трое немых путников это

сделали — никого ведь более в корчме не было.

В тот же день корчмарь, жена его да трое братьев попали в суд. Вызывает судья старшего брата и спрашивает его:

«Ты ли того барина да кучера убил?»

«Мы, братья, все трое!» — тот отвечает смело.

Велел судья позвать среднего брата и спрашивает его:

«Из-за чего убили того барина да кучера?»

«Из-за денег!» — средний брат отвечает.

Велел судья позвать меньшого брата и спрашивает его:

«Как вы отважились это сделать?»

«Это было очень хорошо!» — отвечает меньшой брат совсем смело да весело.

По их же собственному признанию постановил судья считать братьев виновными. Присудил всех трех за разбой повесить.

На другой день к месту казни, где уж и виселица стояла да петли болтались, собралось народу великое множество. Через некоторое время приводят и трех братьев. Подвели их к виселице, хотели уж вешать, тут — откуда ни возьмись — подъезжает на белом коне белый седок да и говорит судье:

«Нет вины на тех трех братьях! Не они барина с кучером убили!»

Рассказал тут белый седок, что дал он тем трем братьям мешечек с деньгами и наказал, чтобы больше ничего не говорили, как только одно — то самое, что и сказывали они суду. Коли бы на суде еще что-нибудь у них стали спрашивать, так опять ответили бы они каждый свой сказ. А под конец и говорит белый седок:

«Это корчмарь с женой барина да кучера убили, чтобы оброку им барин за корчму не надбавил».

Судья тут же стал корчмаря с женой допрашивать — те во всем и повинилися. Ну, их здесь же и повесили.

А трое братьев пошли в отцовский дом, барского леса более не воровали и жили ладно да счастливо.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

НЕУМЫТЫЙ ЧОРТОВ СЛУГА

Жил раз в одном городе сапожник, стройный, высокий, красивый парень, да только такой лентяй, что ни один хозяин-мастер не хотел брать его в подмастерья. Так и путался он без работы, сам не ведает, что делать да как быть — никто не нанимает.

Вышел он раз из города, ходит по полю да и ругает всех хозяев на чем свет стоит, что ни один ему работы не дал. Тут вдруг идет ему навстречу какой-то барин и спрашивает:

«Ты чего тут этак ругаешься?»

Так и так. Рассказывает барину сапожник о всех своих обидах:

«Нигде не могу работы получить».

Барин спрашивает:

«Не хочешь ли ко мне наняться — огонь разводить?»

Сулит барин полный мешок денег, коли наймется на семь лет. Сапожник согласен, идет с барином на работу. Прошли не очень далеко —

ведет его барин вниз по ступенькам в подземелье, показывает большой котел и говорит:

«Тут вот и есть твоя работа. Разводи огонь под этим котлом — дрова другой подавать станет, да только топить надобно без перерыва. Коли погаснет огонь — тебе смерть, да коли в котел заглянешь — тоже смерть».

Сапожник спрашивает:

«Да что же мне есть, где спать?»

Барин отвечает:

«Того не ведаю, — знаю только, что тебе семь лет топить, а коли топить не станешь — конец тебе будет».

Думает сапожник: «Беда. Делай так, делай этак, все одно — смерть. И не видать тут ни единого человека, ни единого скота, ни единой живой души».

Топит, топит сапожник и крепко горюет. Раз вздремнул он, и огонь едва не погас. Прибегает тут барин и давай ругать сапожника, что уговора не соблюдает. Сапожник опять разводит огонь наново и держит в порядке. Прощает его на этот раз барин, не казнит смертью, только приказывает:

«Держись впредь лучше!»

Обещает сапожник исправиться и работать старательно, а у самого из головы не выходит: «Что бы там быть могло, в том котле, под которым огонь я должен раскладывать? Погоди — надобно поглядеть!»

Подымает крышку, глядь — сидит в котле тот самый хозяин, который ему работы не давал. Сапожник тут же захлопнул крышку и говорит:

«Сиди, сиди, мошенник! Варись — чего мне работы не давал?»

Тут входит барин и говорит: «Коли бы не прошло уже твое время — семь лет — было бы тебе худо, а так уж прощаю тебя — нанял другого на твое место. Хоть и плохо служил, да уж пойди за мною, отдам тебе заработанные деньги».

Повел барин сапожника за собой и отдает заработок — мешок денег. А сапожник упирается, требует, чтобы уплачены были деньги на том месте, где на работу он нанимался. Не хочется барину мешок денег тащить, вот он и говорит:

«Дам тебе заместо мешка с деньгами лучше кошель: только бросишь ты кошель объземь да подымешь — будет он каждый раз денег полон».

Сапожник думает: «Этакий кошель и вправду сподручнее будет того мешка с деньгами: все равно носить с собой мешок денег не смогу, а кошель легонький да в нем, может, добра еще больше будет, чем в том мешке».

Взял сапожник кошель и ушел. Выбрался от барина под открытое небо. Идет, идет, да только кого ни встретит—все от него бегом бегут, больно уж на человека не похож он стал, как сам чорт выглядит: семь лет не умывался, не ел, не стригся, такой кожей оброс, какой ни у одного человека нет.

Вошел сапожник в город, где много народа, тут от него хотя и не убегают, да все выпытывают, где да когда он этаким сделался. Рассказал сапожник все с самого начала и кошель свой показывает, что чорт за работу дал.

А был в том городе царь, да только больно бедный. Вот услыхал царь, что пришел в город

человек с волшебным кошелем: бросит наземь — полон денег. Приказывает царь тому человеку притти.

Приходит сапожник — да, в самом деле правда, что говорили. Тут царь и надумал:

«Этакому простофиле да такой кошель оставлять! Был бы у меня такой, так я бы все долги уплатил. Нет, выдам-ка я за этого человека свою дочь замуж да и власть ему передам, пускай он мои долги уплатит — заживем уж тогда честь-честью».

Ладно. А было у того царя три дочери. Старшая дочь за сапожника не идет, средняя тоже, а младшая и говорит:

«А я пойду! Лучше уж за него выйти, чем всем нам по свету пойти. Уплатит он все долги и нас из беды выручит».

Зовет царь брадобрея, чтобы постриг дочернина жениха, да ничего брадобрей поделать не может: волосы у жениха такие жесткие, точно железо. Позвал кузнеца, велел ногти обрезать, да ногти были жестче стали.

Нечего делать — пришлось жениху остаться таким, каким он был. Все-таки младшая дочь пошла за страшного сапожника. Велел старый царь после того короновать его царем, и стали жить все вместе, только молодая жена не спит с мужем рядом, а в соседней комнате.

Вот раз слышит молодой царь, что его за окном кличут. Идет он к окну поглядеть, в чем дело. Видит — кличет его большой орел.

Спрашивает он у орла:

«Чего надобно?»

Орел отвечает:

«Мой барин послал за тобой: садись на меня!»

Сел молодой царь на орла, и принес его орел на то же место, где чорт его тогда нанимал. Тут его ждали сам чорт и еще два господина.

Спустился орел вниз, а бывший барин и велит разрубить царя на куски. Оба чортовых помощника разрубили царя на куски, а старый барин содрал с него кожу. После этого сложил чорт куски вместе — все куски сразу же и срослись: стал опять сапожник здоров и пригож.

Говорит ему старый чорт на прощанье: «Кожу эту ты вместо панцыря надевать сможешь».

Взял его орел опять на спину, отнес ко дворцу да и спустил через окно в покой.

Наутро приходит лакей будить молодого царя, а вместо него находит молодого, пригожего человека. Побежал лакей к старому царю — тестю рассказывает. Приходит старый, не узнает больше, спрашивает:

«Ты кто таков?»

Показывает молодой царь свою старую кожу, все опять его признали, а жена рада без конца.

Как увидали обе старших сестры молодого царя этаким пригожим, загоревали, что не пошли за него, да из зависти и повесились.

Ну, попали к чорту в когти двое новых людей вместо сапожника, которого он в живых оставил.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЛЕНИВЫЙ АНСИС

У одного отца был очень ленивый сын Ансис, который не хотел учиться никакому делу. Под

конец отдал его отец моряку, пусть делает тот, что хочет, с таким лентяем.

Ну, моряк знал, что делать—живо человеком сделал, не помогли ни мольбы, ни проклятия.

Вот раз моряк опять отправился с Ансисом в море. Поднялась большая буря-непогода. Волны разбили корабль, потопили моряка, а Ансис спасся на обломке дерева — плавает да мучается.

Мучился, мучился Ансис — не может больше выдержать, как крикнет он:

«Хоть бы сам чорт пришел мне на помощь!»

Чорт сразу же тут как тут — отвел Ансиса в ад и велел разводить огонь под котлом, да только чтоб крышку не подымал да в котел не заглядывал, не глядел бы, что там кипит.

Да разве Ансис вытерпит! Вот раз подымает Ансис потихоньку крышку и видит — кипит в котле его бывший хозяин, который часто избивал его.

Ну, Ансис только усмехается и разводит огонь вдвое больше, отплатить хочет моряку за побои. Прибегает тут чорт:

«Ансис, чего так много топишь?»

«Да там мой моряк кипит. Он мне давал, я ему даю».

Так и пробыл он в аду десять лет. А за это время отрастил когти с лопату длиной, бороду этакую, что можно было два раза вокруг живота обвернуть, волосы до пят. Крепко хотелось ему из ада снова к людям выбраться.

Ладно! Вот отпускает его чорт из ада, дает ему за работу один рубль и говорит:

«Ансис! Ты не будь дурнем. Бери этот рубль, переложи его с одной ладони на другую — будет в каждой руке по рублю. Сколько раз этак переложишь, столько и рублей у тебя будет».

Ладно. Ну, ушел от чорта и стал богатым человеком. А у одного корчмаря было три дочери-красавицы. Ансис, как человек богатый, пошел сватать старшую.

Та отвечает:

«Лучше повешусь, чем за чорта пойду!»

Посватался к средней, а та отвечает:

«Лучше в озере утоплюсь, чем за чортова батрака пойду!»

Тут смекнул Ансис, что одни только деньги не помогут, надобно еще и пригожим быть — сбрил он бороду, остриг волосы, обрезал ногти и пошел теперь к младшей дочери свататься.

Та сразу же пошла за него.

Сыграли свадьбу. Как увидали обе старшие сестры, что у младшей сестры этакое счастье, что отвергнутый жених таким пригожим стал, одна с горя повесилась, другая в озере утопилась.

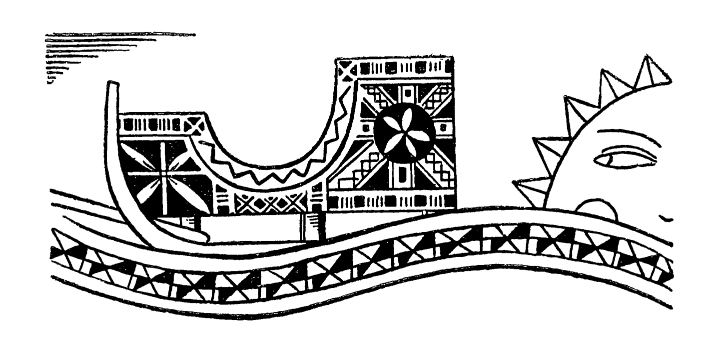
А Ансис живет себе счастливо со своей молодухой.

Вот раз прибегает чорт и вопит:

«Ансис, Ансис, да ты меня совсем нищим сделаешь! Только ты из одной руки в другую рубль переложишь, я должен тебе новый рубль давать. Отдай мне назад первый рубль!»

Ансис и отдал: за это время он с того рубля столько накопил, что сделался очень богатым человеком.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

МАЛЬЧИК СЛУЖИТ БОГУ И ЧОРТУ

Жил-был один очень бедный человек, а семья у него была большая. Каждый год нехватало хлеба и приходилось им почти все лето голодать.

Раз, в одно такое тяжелое лето, надумал он утопить своих детей. Взял двоих детей, положил в корзинку и понес к реке топить.

Идет он по береку реки и видит — идет ветхий старичок. Старичок и спрашивает у бедняка:

«Что несешь в корзине-то?»

Бедняк отвечает:

«Котят топить несу».

Спрашивает его старичок еще раз. Бедняк отвечает то же самое. Только, как спросил в третий раз, тут бедняк и рассказал всю правду.

Велел старичок нести детей обратно на двор, а сам идет вместе с бедняком в его хату.

Как вошли во двор, велит старичок бедняку достать из печи к обеду тушеного мяса. Бед-

няк глаза на старичка вытаращил. Где ему мяса взять, когда давно уже нет ни кусочка?

А старичок печь открывает, и видит бедняк полную печь всякой еды да хлеба. Дивится бедняк, несет все на стол и всех кормит.

Посылает тут старичок бедняка в хлев, чтоб зарезал самого жирного быка. Бедняк опять думает:

«Говорит старичок — зарезать самого жирного быка, а у меня в хлеву нет ни жирного быка, ни тощего — только и есть, что один хлев».

Да все-таки, наглядевшись на стариковы чудеса, идет бедняк в хлев и видит — полон хлев скота. Обрадовался бедняк, бежит к старичку рассказать.

Подает тут старичок бедняку клубочек ниток и приказывает:

«Когда младшему сыну восемь годков минет, пошлешь его ко мне — дашь этот клубочек: куда клубочек покатится, туда и сын пусть идет».

Обещается бедняк все выполнить, как наказано. Попрощался старик и ушел своей дорогою.

Проходит восемь лет. Посылает бедняк своего сына к старичку — дает ему клубочек и говорит, чтобы шел туда, куда клубочек покатится.

Взял сын клубочек и пустился в дорогу. Покатился клубочек, сын за ним. Через несколько дней он уже у старичка.

Там и жить остался.

Позволил старичок сыну бедняка по всем покоям ходить, только в один покой не пускает.

А сын как-то не вытерпел да и заходит в тот запретный покой.

Вошел в покой и видит — стоит у стены посудина с водой и зеркало. Подошел сын бедняка, умывает себе руки да и сам умывается. Только умылся, сразу же покрылись у него руки серебром, а волосы золотом.

Приходит старичок и видит, что сын бедняка его не послушался, да на этот раз прощает. Отер серебро с рук, золото на голове оставил и опять запрещает ему в тот покой входить.

Сын бедняка некоторое время терпит, а в конце концов опять входит в запретный покой. Только вошел, видит красивую палку — взял ее да и поднял.

В тот же миг входит старичок в покой и говорит:

«Что ты наделал? Ты этою палкой полсвета перебил. Не послушался ты меня — не стану я больше тебя у себя держать. Иди, куда хочешь!»

Выпроваживает старичок сына бедняка и дает ему с собой три семечка. Наказывает старичок, чтобы не нанимался к такому хозяину, у которого будут черные курчавые волосы, а коли где жить останется, так чтобы посадил там эти три семечка. Повязал старичок на прощанье голову бедняцкого сына куском полотна и велел сказывать, если кто спросит, что голова болит.

Пошел бедняцкий сын в дорогу. Идет, идет — встречает человека. Хочет человек взять сына бедняцкого в батраки, а тот велит ему волосы свои показать.

Снимает человек шапку и показывает ему свои черные курчавые волосы. Сын бедняка и говорит:

«Не пойду служить — у тебя ведь волосы черные да курчавые».

А тот человек был сам чорт. Он тут же бежит на свой двор, окрашивает волосы в другой цвет, причесывается да приглаживается и опять идет навстречу сыну бедняка. Обманул он так бедняцкого сына, тот и остался у чорта батрачить.

Вспомнил он о тех семенах, что дал ему старичок, и посадил их в землю. Через некоторое время вырастают три яблони: одна медная, другая серебряная, третья золотая. Так и живет сын бедняка некоторое время у чорта. Да только раз говорит ему чорт.

«Придется тебе с целой дружиной биться, коли одолеешь, стану тебе платить, а коли нет — будешь у меня даром работать».

Думает сын бедняка, как бы ему одолеть, и вспомнил про свои яблони. Приходит, срубает сучок от первой яблони и ударяет по яблоне. Выбегает из яблони конь.

Садится сын бедняка на того коня и скачет биться. Как подъехал к тому месту, где надо было биться, видит — народу много. А конь как поскачет — всех и потоптал.

Обрадовался сын бедняка — едет назад счастливый. Недалеко от двора отпускает коня, а сам идет к воротам. Встречает его чорт и спрашивает:

«Каковы твои дела?»

«Все хорошо!» — отвечает сын бедняка.

Осерчал чорт и опять посылает бедняцкого сына биться. Тот таким же порядком получает коня от другой яблони, едет в поле и опять всех перебил.

Да чорту все мало — посылает биться в третий раз. То же самое и в третий раз было.

Нечего делать — должен чорт уплатить бедняцкому сыну за работу. А тот не дурак — как получил от чорта деньги сразу же и ушел.

Долго ходил по разным краям, пока отыскал своего отца — тут уж и остался при нем жить.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТ-БЛАГОДЕТЕЛЬ

Жил-был старый нищий, ходил да милостыню собирал. Раз проходил старичок мимо церкви, видит — дверь в церковь отперта. Положил он на ограду ломоть хлеба да селедку, что в тот день собрал, и заходит в церковь.

Поглядел это чорт. Только нищий в церковь вошел, чорт хвать с ограды селедку да ломоть хлеба и удрал. Прибежал он к другим чертям и показывает им ту селедку да ломоть хлеба. А черти давай его стыдить да и говорят:

«Зачем ты этак сделал? У старого да слабого бедняка милостыню украл! Должен ты ему за это помочь!»

Пошел чорт к тому нищему старичку и спрашивает:

«Не надобно ли какой работы сделать?»

«Откуда же у меня, бедняка, работа сыщется? — отвечает старичок тихо. — Разве вот,

коли хочешь, сходи в лес да принеси мне хворосту охапку, чтобы в огонь подкинуть!»

Пошел чорт в лес и так много хворосту принес, что весь двор им завалил.

Не знает старик, что теперь работнику приказать. Говорит он парню:

«Работы у меня нет никакой, а коли хочешь еще у меня оставаться, так иди в лес и принеси мне еще хворосту, чтобы у меня было и на будущее время!»

Достал чорт где-то длинный канат, пошел в лес, охватил тем большим канатом весь лес и притащил домой все деревья да кусты из леса. Старичку на великое диво обложил чорт всю хибарку старика деревьями да хворостом — хватит теперь старичку дров, бревен да хворосту на много лет.

О ту пору вышел у старичка весь хлеб. А было у него накоплено шесть рублей денег. Посылает старичок работника в город, чтобы купил ржи для хлеба, и отдает ему те шесть рублей — за рожь уплатить.

Добыл где-то работник белую кобылку да старый деревянный возок и поехал в город. Сразу же разыскал одного купца и стал рожь торговать. Хвалится чорт, что весь склад со всем житом может он на свой деревянный возок сложить да на своей же кобылке и домой отвезти.

Думает купец, что работник только смеется, а тот от своего не отступается рожь торгует, да торгуется вовсе не на шутку. Давай купец с работником об заклад биться на сто рублей.

Собралось тут много народа всякого любопытного, и вот, всем на диво, погрузил работник

весь склад того купца со всем житом на свою деревянную телегу, крикнул пару раз на свою клячу-кобылку и поехал вон из города.

Поразевали все рты и глядят вслед этому силачу, что, посвистывая да подпевая, повез громадный купеческий склад жита. А работник еще с купца сто рублей денег взял.

Привез парень склад жита и свалил его посреди двора.

Оглядел старичок громадный склад, увидал, как много в нем жита — сотни пур! — да и закричал:

«Ну, хватит мне теперь хлеба до самой смерти!»

Подает тут работник старичку еще и сто рублей денег. Ну, старичок уж тут совсем обрадовался, совсем себя счастливым почувствовал: на великое диво и денег у него много, и добра всякого.

Понадобилось старичку железо, чтобы оковать колеса у телеги. Велит он работнику ехать в город железа на оковку колес купить. Запряг тот свою клячу-кобылку и поехал.

Приезжает в город, сразу же отыскал заводчика и давай железо торговать. Хвалится работник, что может он весь железный завод со всем железом на свою деревянную тележку погрузить да на своей кляче-кобылке домой отвезти.

Смеется фабрикант, думает, что парень только в шутку говорит это, давай биться с работником об заклад на тысячу рублей. А работник сгреб завод со всем железом и взвалил его на свою деревянную тележку.

Загоревал заводчик, очень ему жалко завод да столько железа потерять. А парень получает с заводчика еще и тысячу рублей, да и повез все это своему хозяину.

Теперь у старичка столько железа, что за сто лет не изведешь.

Как пришла весна, наказывает старичок работнику, чтоб засеял его поле. Поле старичка— теперь хозяина — было на большом глубоком болоте, где ничего не росло.

Взял работник свою клячу-кобылку, пошел и засеял хозяйское поле. Выросла у хозяина отличная рожь, знай зеленеет да наливается. А у других хозяев-соседей вовсе не удалась рожь — их поля, что из года в год и обрабатывались и унаваживались как следует, стояли пустыми.

Собрал работник хозяйские снопы ржи и сложил семь скирд.

Не знают другие хозяева, что им и делать. Ведают они хорошо, что работник старичка отколдовал ихнюю рожь и приколдовал к старичкову полю.

Вот и сговорились они силою отобрать у старичка свою рожь.

Собрались все, уйма телег, лошадей да народу, забрали с собой на всякий случай управляющего с барского двора да и поехали к жилью старичка. Приехали они туда, посчитали, сколько на каждого хозяина возов выйдет, и давай нагружать.

Да только они грузить стали, приходит тут работник и не позволяет больше нагружать. Говорит им работник:

«Прошу я вас, не увозите вы всю рожь, оставьте и моему хозяину хоть что-нибудь. Коли уж больше нельзя, так позвольте хоть с каждой скирды по одной охапке моему хозяину отнести, чтобы не остался он совсем ни с чем. А что останется — можете вы к себе отвезти».

Позволяют они под конец работнику взять, да только одну охапку из каждой скирды. Работник подсунул длинный канат под скирду, взял всю скирду сразу и унес к дому старичка.

Так перетащил работник одну скирду ржи за другой, только последнюю скирду не позволил барский управляющий уносить.

«Как? Разве не сговорились мы, что я могу из каждой скирды по одной охапке своему хозяину отнести?» — говорит работник недовольно.

А те и слушать не хотят, что работник сказывает, не дают — да и только — седьмую скирду уносить. Больше всех барский управляющий противится.

Видит чорт, что дело не ладится, отогнал весь народ от скирды, а управляющего барского отшвырнул далеко, далеко в глубокое болото; одни только туфли управляющего остались у скирды. Унес тут работник и седьмую скирду ржи домой.

Вымел тогда работник двор начисто, разложил снопы в ряд, надел туфли барского управляющего и давай снопы топтать. Топтал да шлепал он туфлями управляющего, только пыль летела. Вытряхивая снопы, сам дул вместо ветра. Так обмолотил он снопы старичка, провеял, и стало

у старичка ржи вволю, пришлось еще большую клеть построить.

Мог теперь старичок в счастьи и довольстве да при большом своем богатстве жить спокойно и счастливо до самого своего смертного часа.

Когда работник снабдил старичка всем необходимым, попрощался он с ним и сказал, что делал он все это, чтобы отплатить за селедку и ломоть хлеба.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

КАК ЧОРТ ВОДКУ ГНАТЬ НАЧАЛ

Жил-был хромой чорт. Другие черти его не уважали и часто говаривали:

«Никуда ты не годишься более, люди тебя, этакого хромого, не проклинают, и не можешь ты потому, понятно, ни до кого добраться».

Хромой упрямится:

«Чего вам надобно? Вот обойду завтра свет — кто-нибудь уж проклинать станет!»

Ладно. С утра пошел хромой чорт пахаря дразнить. Принесли пахарю поесть, да покуда он коня распрягал, чорт украл всю еду, залез в кусты и слушает, не станет ли пахарь его проклинать.

Да нет — пришел пахарь, поискал, поискал, и вздохнул:

«Ах ты, господи милостивый! Есть же еще люди беднее меня! Этакий мякинный хлеб! Коли уж такой крадут, то можно представить, как беден был вор».

Плюнул хромой и ушел в лес лесника дразнить. Ободрал у всех берез кору и думает:

«Как увидит этакие дела лесник, вот будет ругаться да проклинать!»

Да нет! Приходит лесник, оглядел все и только пробурчал:

«Такому надо бы по пальцам дать, что ни с того ни с сего деревья портит!»

Плюнул только хромой и ушел в другую сторону.

Идет он, идет и встречает хозяина, у которого рожь не выросла. Набивается хромой чорт к нему в батраки. Хозяин не хочет: хлеба, мол, нет.

«Э! — под конец одумался. — Возьму!»

И что за диво? Хозяин в три года крепко разбогател. Да и как не разбогатеть, коли в первый год сказал хромой:

«Этим годом много дождей будет, давай посеем рожь, где повыше!»

Так и было. У других в этот год рожь вымокла, а у него — не знает, куда девать.

На другой год хромой сказал:

«Нынешний год засушливое лето будет, посеем рожь в низких местах!»

Так и было. У других рожь повыгорела, а у него — не знает, куда девать.

На третий год хромой сказал:

«Нынче весна будет дождливая, а лето сухое — посеем рано!»

Так и было. Другие засеяли поздно — у них хлеба засохли, они засеяли рано—и что за рожь!

Надобно бы полагать, что хромой принес хозяину большое счастье, да нет — это он нароч-

но помогал хозяину добра побольше накопить, чтобы уговорить хозяина из лишнего хлеба, что не нужно на еду отпускать, напитки делать.

Выгнал хромой первую мерку и дал хозяину отведать.

Хозяин попробовал:

«Ничего себе!»

Выгнал хромой вторую мерку и дает хозяину отведать.

Хозяин отведал и уж воскликнул:

«Больно вкусно!»

Выгнал хромой третью мерку и дает хозяину отведать.

Отведал хозяин и радуется:

«Эк как вкусно! Теперь земля кругом ходит да и сам я теперь так велик, так велик!»

Как же — велик! На другой день стал совсем мал, когда выспался.

Стали чортово питье скоро повсюду делать. Того питья как напьются, дерутся да ругаются по-разному.

От такой жизни скоро весь ад заполнился.

Тут другие черти и говорят хромому:

«Ты выше нас! Мы теперь уважать тебя станем!»

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ТРУПОЕД

К одной крестьянской девушке приходят много сватов, да она у всех женихов находит много недостатков и говорит:

«Таких я не хочу! Пойду только за такого, у которого медная борода будет!»

Вот раз и приходит такой с медною бородою свататься. А это был сам чорт, девушка не смекнула, что это чорт, да и вышла за него.

По дороге домой надо мимо трех церквей проезжать. Уже возле первой церкви приказывает чорт остановиться. Чорт идет в церковь, а возница не позволяет жене глядеть, что муж там делает, так ему чорт приказал.

У другой церкви опять останавливаются. Чорт идет в церковь, а возница при жене остается.

«Позволь ты мне поглядеть, что муж мой там делает!» — просит жена.

«Коли позволю тебе поглядеть, — отвечает возница, — так у нас обоих кожа очутится на жердочке, а мясо в бочке».

Хочешь, не хочешь — должна жена угомониться.

Подъезжают к третьей церкви. Идет чорт и в третью. Да на этот раз жена все же уговорила возницу.

Подходят они оба к церкви и видят: муж рвет и ест трупы, как селедки.

Выходит чорт из церкви—борода так испачкана, что ужас. Муж жену целует, а она притворяется, что ничего не знает. Подумал чорт, что жена ничего и не видала.

Приехали домой. Чорт все-таки не спокоен. Подходит он к жене и спрашивает:

«Не хочешь ли отца своего да мать повидать?»

«Хотела бы, — говорит жена, — да как же они придут из такой дали?»

Выходит чорт на двор, обернулся матерью, его сын — в отца и оба входят, будто только-что приехали.

Обрадовалась жена. Ничего отцу о своем горе не рассказывает, а матери тайком все и рассказала.

Как услыхал чорт, тут же схватил ее разодрал.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

КАК ЧОРТ ТАБАК ВЫРАСТИЛ

Умерла у чорта мать. Отвез он ее на кладбище и похоронил. Увидал чорт, что у других на могилках цветы растут, захотел чорт вырастить цветы и на могиле своей матери.

Побежал чорт к ручью, набрал полон рот воды и понес поливать могилу матери. До тех пор поливал, пока и вырос цветок — табак. Поливал его чорт старательно.

Шла как-то мимо могилы какая-то женщина, увидела она, как чорт старается, цветок поливает, вот и подумала:

«Вишь, какой хороший сын, как мать помнит!»

Уронила она свою слезу и пошла дальше.

Через некоторое время проходит мимо один мужчина. Увидел он, что чорт пустяками занимается, плюнул и пошел дальше.

С той поры стал чортов цветок по всему свету расти да шириться. Стали его мужчины курить, а женщины нюхать.

Да только и до сего дня, как закурят его мужчины, так и плюют, как понюхают женщины, так слезу и обронят.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТОВ ПОРТРЕТ

Один кузнец нарисовал на двери своей кузницы лицо человека и прозвал этот портрет чортом. Каждый раз, когда вытаскивал он из огня железо, совал он чорту в глаза раскаленный кусок.

Не мог чорт стерпеть, что этак над его портретом издеваются, и задумал кузнеца проучить.

Раз ночью забрался чорт в кладовую тамошнего царя, украл там много золотых да серебряных вещей и подсунул все это в кузнецовой избе в подполье.

Посулил царь уйму денег тому, кто воров изловит. Тут чорту пора. Пошел он к царю и сказывается колдуном. Говорит ему царь:

«Коли скажешь, кто меня обворовал, получишь, что обещано».

Взял чорт блюдо с водой и повел царя с собой в кузницу. В кузнице водил он соломой по воде и бормотал всякие слова. Потом повел царя в кузнецову избу и делал там то же.

«Подымайте половицы!» — говорит чорт и на пол показывает.

Взломали половицы, а под полом — золото да серебро. Отыскавши всю пропажу, велит царь схватить кузнеца и в тюрьму бросить.

Сидит кузнец в тюрьме да молится богу, чтоб из тюрьмы его выручил. Молился, молился — ничего дождаться не мог, стал проклинать да и крикнул:

«Пусть чорт поберет!»

Чорту, который о ту пору в замочную скважину подглядывал, это крепко понравилось.

«Э-э! — стал он дразниться. — Сунь-ка мне еще в глаза огонь».

«Не буду, не буду больше этак делать! Только освободи ты меня на этот раз» — просит кузнец.

Чорт выпустил кузнеца из тюрьмы, а на его место поставил куль соломы.

Приказывает царь наутро кузнеца повесить. Повели на виселицу куль соломы и повесили.

Возвращаясь домой, услыхали, что в кузнице кто-то кует. Пришли поглядеть — тот же кузнец опять кует.

«Ты как сюда попал? — спрашивает царь. — Тебя ведь повесили».

«Не меня, а куль соломы!» — отвечает кузнец.

Пошли поглядеть — так и есть.

Рассказал тут кузнец царю все как было, а после, боясь чорта, велел соскрести с дверей кузницы чортов портрет.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ТРУПОЕДКА

Один богатый да чванливый парень захотел получить красавицу-жену. Объездил он весь

приход, оглядел всех девушек, да ни одна не была для него достаточно красива. Пошел он наконец к одному колдуну-ворожбиту и просит у него совета, как добыть красивую жену.

Колдун дал ему такой совет:

«Ходи три четверга вечером на перекресток в лес и говори там каждый раз: «Ведьма». В первый вечер скажи: «Ведьма», и сразу уходи, в другой вечер то же самое сделай, а в третий вечер оставайся там ждать, пока не подойдет к тебе господин с девушкой. Коли тебе та девица приглянется — можешь свататься, коли нет — уходи».

Делает парень, как колдун-ворожбит советовал. Когда крикнул он в третий вечер четверга, стоя на перекрестке в лесу: «Ведьма!» — пришел к нему чорт в образе барина, а с ним красивая девица.

Красавица парню очень полюбилась. Тут же подписал он своею кровью с чортом договор о свадьбе. Сунул чорт договор в карман и ушел. А парень совсем и не смекнул, что барин этот — чорт, а девица-красавица — ведьма.

Радуется молодой муж, привез домой жену-красавицу на редкость. Ни у кого такой красавицы-жены не было.

Дни и недели проходили быстро. Молодуха оказалась хорошей да примерной хозяйкой: работа у нее вся спорится, со своим мужем она приветлива да послушна.

Через некоторое время задумал муж дальних своих родственников проведать, чтобы показать свою красивую да примерную жену.

Когда они ехали мимо кладбища, жена и просит мужа, чтобы остановил коня и позволил ей

на минуточку уйти — могилу родственника проведать. Муж согласен, остановил коня, позволил жене на кладбище пойти, а сам остался в линейке сидеть да жену поджидать.

Прошло доброе время, пока жена назад вернулась. После этого опять они поехали вперед.

Через несколько часов снова они мимо кладбища проезжают, и снова просит жена, чтобы позволил ей муж проведать могилу одного родственника. Не хотел муж этому противиться и позволил жене опять на кладбище пойти.

Да только на этот раз оставалась она там еще дольше, так что мужу совсем ждать надоело и стал он угрюм.

Как вышла жена с кладбища, погнал муж коня быстрее вперед. А тут опять им мимо кладбища проезжать доводится и опять жена просит, чтобы позволил ей муж еще одного родственника могилу проведать, хотя бы на самое короткое время. Она, мол, сейчас же вернется. Не хотелось мужу жену отпускать, да все-таки и на этот раз позволил.

Ушла жена, а муж ждет, ждет — не дождется. Пошел он на кладбище, чтобы поглядеть, что она там так долго делает. Подошел он да и перепугался крепко, — видит: одна могила разрыта, а его жена отъела у трупа нос и уши.

В испуге выбежал он из кладбища; срезал карманным ножом рябиновую палку, чем жену бить, сделал из вожжей петлю, чтобы накинуть жене на шею, дабы не убежала.

Через некоторое время вышла жена с кладбища, села на линейку и говорит мужу, что теперь можно ехать. А муж накинул ей на шею петлю и давай бить рябиновой палкой.

Да только раз, два ударил — пропала жена из петли, а вместо нее стоит в петле корова и глядит на него сердитыми глазами.

Отпустил муж корову и поехал вперед. Доехавши до усадьбы пастора, заходит к пастору и рассказывает ему про свой случай.

Выслушал пастор и говорит:

«Дело это очень важное. Посиди тут да обожди, пока я приеду».

Велел пастор запрячь коней и уехал. Через несколько часов приезжает пастор, а с ним еще два других пастора.

Перво-наперво побранили пасторы молодого мужа, что захотел иметь чересчур красивую жену. Потом велели ему итти в церковь и там до вечера ждать.

Вечером приказывают ему пасторы стать посреди храма и держать в руках библию. Старший пастор говорит ему:

«Коли хочешь ты от грехов избавиться да от власти чорта освободиться, так должен ты тут простоять, пока не пропоет петух. Все это время библию читай и не гляди на то, что вокруг тебя делаться будет. Жена твоя ведьма была, и теперь захотят черти тебя в пекло унести. Только не удастся им это, коли не станешь ты на их кривлянье глядеть. Не взгляни на них ни разу».

После этого обвел старший пастор вокруг мужа круг пальцем, потом средний и под конец младший, благословили мужа и ушли.

Вскорости стали злые духи в разных видах в храм собираться, начали разными способами мужа дразнить да к нему подойти пробуют. А муж читает библию без перерыва. Стали тут черти его всячески соблазнять, денег ему сулят уйму, добра всякого обещают, коли он из круга выйдет. Да муж и слушать не хочет.

Стали тогда злые духи мужа проклинать, грозятся через обведенный круг переступить. А тут петух как запоет — все злые духи сразу же и пропали.

Только та бумага, на которой муж с чортом свадебный договор своей кровью подписал, упала перед ним на библию.

Тут вскорости и пасторы пришли мужа проведать, — нашли его целехоньким.

Поблагодарил он пасторов за спасение от чортовой власти, покаялся, что хотел этакую красавицу-жену заполучить да на ведьме женился, и поехал домой.

Долго еще мерещились мужу те страхи, что в храме ему перетерпеть довелось.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТ И ВОР

В старые времена жили в одной усадьбе парень-работник да девушка-батрачка. Никак они не могли поладить — грызлись, как кот с собакой.

Глядели на них другие люди и говорили:

«Уж вы оба поженитесь. Старый Ян Кушка да Ильза, которые теперь тут же в половинщи-

ках живут, так же вот друг на друга и глядеть не хотели, да только и осени не смогли дождаться — в самую жатву ячменя услыхали люди, что пастор объявил о них с церковной кафедры: выклички сделал, а через три недели и свадьбу справили. Теперь у них большие дети, которым пора уж жениться. Так и вы будете вместе».

Работник был парень бедовый, богатый, у барина в риге истопником служил, своего коня имел. Вот он и говорит:

«Пусть вор моего коня украдет, коли я ее возьму!»

А работница отзывается:

«Пусть чорт мою душу поберет, коли я за него пойду!»

И верно! Через некоторое время поженились оба и справили свадьбу.

В вечер свадьбы, как приехала невеста из церкви, идет чорт за ее душой, а вор за конем. Встречаются оба за оградой сада. Чорт и спрашивает вора:

«Куда же ты идешь?»

«Иду женихова коня уводить», — отвечает вор. — «А ты куда идешь?» — спрашивает вор у чорта.

Чорт отвечает:

«Я иду за невестиной душой. Да только не добыть мне ее одному, пойдем — помоги мне. Как войдем — я под скамью залезу, а ты за печь полезай. Сядет невеста в конце стола на скамью, я ей на ногу наступлю, она тут же чихнет, а ты и скажи: «Чорт, бери невестину душу!» Как скажешь ты этак три раза, так невеста и умрет —

я тут и смогу ее душу взять. Поднимется тут большая кутерьма. Станут все охать да бегать, а ты тем временем сможешь легко коня увести».

Входят они в избу. Увидал чорт у дверей рябиновую палку и говорит вору:

«Этой я боюсь: коли бьют меня рябиновой палкой, могут мои кости в муку раздробить».

Вошли и забрались каждый на свое место.

Выходит невеста к гостям и садится в конце стола на скамью. Чорт сразу же наступает ей на ногу. Чихает невеста так громко, что вся комната звенит. Да только стоят все, заколдованные, будто немые, и никто не смекнул сказать: бог в помощь!

Только вор из-за печи кричит громким голосом:

«Бог в помощь!»

Осерчал чорт и думает: «Ладно, ладно — пусть только после третьего раза скажет: «Чорт, бери душу невесты!» и того будет достаточно».

Наступает чорт во второй раз невесте на ногу. Невеста опять чихает во весь голос. Все опять молчат, ничего не говорят, только вор, за печью сидя, кричит:

«Бог в помощь!»

Чорт совсем обозлился, готов зубами вора искусать. Теперь в третий и последний раз наступает чорт невесте на ногу изо всей силы — как чихнет невеста, так вся изба затряслась.

Да вот диво! Ни один цыпленок, ни один гость не смекнули сказать: «Бог в помощь!» Начинает уж невеста бледнеть. Тут вор, высунувши голову из-за печи, закричал во весь голос:

«Бог в помощь!»

Посинел да почернел чорт от злости, не может больше вытерпеть и кричит:

«Люди, люди! вор за печью!»

А вор отвечает ему:

«Чорт под скамьей!»

Тут уж никто на вора и не глядит, поворачивают все глаза под скамью, да никто чорта не видит, только вор его видит.

Тут вспоминает вор, что сказал чорт о рябиновой палке, схватил ее и давай лупить чорта, сколько может — по глазам, по голове, только пыль летит.

Высадил чорт все двери и удрал.

Теперь обступили все вора и спрашивают, как же это он с чортом связался. Вор и напоминает им, что так это все и должно было случиться, ведь парень говорил, чтобы вор украл его коня, коли он возьмет эту девушку, а девушка сказала, чтобы чорт ее душу взял, коли она за этого парня пойдет.

Рады молодые, что их легкомыслие так хорошо закончилось, и подарили вору коня.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТОВА СВАДЬБА

Пришел раз в воскресенье жених к невесте погостить. Засиделся довольно долго. Вот будущий тесть и пошел провожать его немного.

Только вышли на соседский луг, видят — в знакомом месте широкая река, где раньше никогда реки и не бывало.

Некоторое время дивились — не могли понять: то ли заблудились, то ли глаза обманывают? Только вдруг видят: едет свадьба и соседская хозяйка — человек знакомый — та невестою.

«Грета, куда ты едешь, что это за свадьба?» — спрашивают.

А Грета отвечает:

«Некогда!»

«А почему у тебя, Грета, белое полотенце вокруг шеи?» — те опять спрашивают.

Да Грета только рукой махнула и ничего не ответила.

И пока они там глядят, появляется на берегу реки постройка. Входят в ту постройку все свадебные гости — и все сразу же пропадает, пропадает река, пропадает дом, пропадают свадебные гости.

А на другое утро что же слышат: соседка на полотенце повесилась.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТ ЗА ДУШОЙ ЕДЕТ

В одном имении умер барин, а брат его еще раньше помер. Был этот барин при жизни такой лютый изверг, что говорили про него:

«Не будет ему покоя в могиле».

Через несколько недель после похорон шел один старый человек под полночь мимо кладбища. Вдруг слышит — едет кто-то сзади.

Оглянулся старичок назад, а тут же рядом уже важный барин. Останавливает барин пару

вороных коней, запряженных в карету, и спрашивает:

«Куда идешь?»

Туда и туда.

«Садись ко мне! Подвезу тебя».

Подсел старичок и поехали так, что все загудело. Наконец, барин спрашивает:

«Нет ли у тебя огнива с собою?»

«Нет, на этот раз нет, барин!»

Только что сказал, начал барин гореть — борода да волосы — синим пламенем, и завонял, как сам чорт.

Старичок и думает:

«Хоть бы скорее из кареты выбраться — уж ты не из добрых».

На счастье скоро нужно было ему вылезать. Приподнялся старичок в карете и говорит:

«Тут мне вылезать надобно!»

Барин остановил коней и выпустил его целым и здоровым из кареты. Снял старичок шапку и благодарит барина, что подвез, а барин сердито крикнул:

«Чего меня благодаришь? Разве не знаешь, что тех двух перед каретой благодарить надобно?»

Подошел человек к головам коней, снял шапку и благодарит их.

Да вот диво! Что же он увидал? Двое вороных не кони были — это были барин со своим покойным братом.

Вот что было.

А на другое утро услыхал старичок, что тут же в соседней усадьбе под полночь кто-то повесился.

Тут старичок и понял — зачем чорту понадобилось в это время ездить: за душой он приехал, чтобы в пекло отвезти.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

СОЛДАТ И УПЫРЬ

Раз в сумерки вышел из одной крестьянской усадьбы солдат. Было уже поздновато и начало темнеть. Шел, шел солдат — заблудился и попал на кладбище.

Пощупал он рукою — перед ним могильный крест стоит. Вдруг примечает он, будто из одного угла как бы хорек выскочил — только земля осыпалась; после того открывается могила, выходит из нее мертвец и убегает.

Что теперь солдату делать? Как только мертвец убежал, влезает солдат в могилу и ложится в гроб.

Лежит и поджидает, скоро ли мертвец назад придет аль нет.

Не прошло и двух минут, прибегает мертвец обратно:

«Эй, кто тут в моем гробу? Вылезай вон!»

А солдат отвечает:

«Нет, не выйду! Скажи ты мне сперва, где ты был?»

Мертвец не отвечает.

Коли не отвечает, солдат из гроба не выходит.

Видит мертвец — скоро петухи запоют. Нечего делать — начинает сказывать:

«Был тут недалече на свадьбе».

«Что ты там на свадьбе делал?» — спрашивает солдат.

«Да я, как говорится, молодым, жениху да невесте, головы закрутил назад».

«Ну, как же их теперь вылечить?»

«Взять надо ту простыню, на которой молодые в первую ночь спали, вынести эту простыню на двор и сжечь ее, а пеплом напоить невесту и жениха — будут здоровы, как и были».

Ну, вылезает солдат из гроба. Как только вылез — мертвец сейчас же в гроб, только сверкнуло что-то, будто хорек прыгнул — осыпался песок, и больше ничего. Могила была, могила и осталась — ничего не приметно.

А солдат смекалистый был — вытащил он из ружья шомпол и воткнул в могилу. После — кто знает — может могила понадобиться, тогда и узнать можно, которая это была.

На другое утро идет солдат в ту усадьбу, где свадьбу играли. Пришел — видит: все свадебные гости крепко опечалились. Солдат спрашивает:

«Чего вы на свадьбе такие грустные?»

«Да как нам не печалиться да не горевать? — отвечают они. — У нас большое несчастье приключилось. В самый свадебный вечер у молодых, жениха да невесты, головы назад закрутились».

«Ну, ничего! — говорит солдат. — Что мне дадите, коли я их вылечу?»

«Ах! — отвечают те. — Мы уж тебе хорошо заплатим, только пособи!»

«Ладно. Берите, коли так, ту простыню, на которой молодые первую ночь спали, вынесите

ее на двор и сожгите, из пепла приготовьте питье и дайте жениху да невесте выпить — будут здоровы».

Ладно! Сделали так, как солдат велел, и молодые стали здоровы, как были.

А как же теперь с платой солдату? Тут ничего не вышло. Ему сказали:

«Коли смог ты молодых вылечить, этакое для них снадобье придумать, так сам, видать, и болезнь-то на них наслал, сам головы им закрутил».

И даже в тюрьму солдата кинули да и судить еще стали.

Вот на суде у него и спрашивают:

«Ты кто таков и за что тебя судят?»

Взялся солдат все с самого начала рассказывать:

«Так и так на кладбище случилось — там еще и шомпол мой остался: воткнул я его в ту могилу, где лежит тот мертвец, что вокруг бродил».

Тут суд и говорит:

«Коли правду ты говорил, так все должно быть на месте, как ты сказывал».

Пошел суд прямо на кладбище — да, действительно: в одну могилу шомпол воткнут. Солдат показывает:

«Вот она!»

Приказывают судьи ту могилу разрыть.

Отрыли — видят: лежит мертвец как живой — ничуть не сгнил, будто вчера его похоронили.

Приказали судьи тут же отрубить тому мертвецу голову и положить ему меж ног, а в сердце кол вогнать.

С той поры мертвец не бродил больше. А солдата отпустили.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

УМЕРШИЙ МУЖ

У одной жены умер муж. Она все горько плакала, причитывая:

«Хоть бы пришел он ко мне разочек!»

Тут муж и вправду является. Приняла его жена ласково и пошла искать чего на ужин.

А дочка ее осталась в комнате и отца разглядывает. Хорошенько разглядевши, выбежала незаметно для отца к матери и говорит:

«Мама, с чего у тятьки этакие длинные да кривые зубы?»

Жена тут же идет поглядеть — и правда! Зубы у мужа были длинные, кривые. С того часа муж жене больше не люб был, начала она придумывать, как бы от кривозубого отделаться?

А муж с той поры навещает жену каждый вечер, только к полночи уходит. Вот и пришло жене в голову спрятаться от мужа на чердаке.

Ладно. Приходит муж. Ждет, ждет жену — не дождаться. Стал ее искать повсюду. Искал, искал — не мог найти. Выходит на двор.

Как раз была полная луна. Муж и спрашивает у луны:

«Луна, а луна, где моя жена?»

Луна отвечает: «На лукте!» [22]

Муж опять стал искать ее повсюду — да нет, не находит. А муж и не знал, что означает слово: лукта.

Вот опять он луну спрашивает:
«Луна, а луна, где моя жена?»
Луна отвечает: «На лужке!»

Как третий раз спросил муж у луны: «Где моя жена?» — тут как раз петух-то и запел. Муж сразу же пропал.

С той поры не приходил боле.

Примечание. «Эту сказку рассказывают молодым вдовам, чтоб много не плакали по умершем муже» — прибавила рассказчица.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

УМЕРШАЯ НЕВЕСТА ПРИХОДИТ ЗА ЖЕНИХОМ

Мертвецы, сказывают, могут выходить из своих могил совсем такими, какими они были похоронены. Они навещают живых, показываются им и разговаривают как живые. Один старый солдат со слезами на глазах сказывал мне, что вышел с ним такой случай.

Перед военной службой полюбил он одну девицу и посватался за нее. Девушка была счастлива и полюбила его всем сердцем и душою. Да тут довелось ему на военную службу уйти, и пришлось с невестою расстаться.

Расставаясь, они пообещали остаться друг другу верными.

Хоть такие обещания часто не исполняются, да у наших молодых этого не случилось. Долгие двадцать пять лет они все друг о дружке думали и все ждали, когда им опять доведется увидеться.

Вот уже и последний год к концу подходил. Радовались они оба и надеялись, что скоро уж всем помехам конец. Да только не суждено было их радостям да надеждам сбыться: пришло тут неожиданное расставанье, что разлучило их навсегда: незадолго до прихода Юрия его желанная невеста заболела да и умерла.

На далекой чужбине Юрий ничего об этом не знал.

Вместе с Юрием вернулись на родину и некоторые другие солдаты. Все вместе пришли они в Бауск. Был уже вечер, и другие товарищи разыскали место для ночлега, где бы ночь переспать.

А Юрий, которому совсем уже близко оставалось до давно невиданной родины, задумал итти дальше, чтобы в ту же ночь со своими ближайшими родственниками свидеться. Задумано — сделано: пустился он один в дорогу.

Была уже полночь, когда подошел Юрий к церкви своей волости.

Тут перед ним посреди дороги остановилась какая-то женщина, поглядела на него и бросилась к нему с распростертыми объятиями.

Хоть и испугался Юрий, да вскоре — и по голосу, и по обличью — признал он свою нареченную невесту. Обнял он ее и поцеловал, да тут же как отскочит, будто змея его укусила — холодна была невеста, как лед.

«Ах, испугался ты моих холодных губ! — вскрикнула невеста. — Не бойся, они из-за тебя, тебя дожидаясь, такими стали Пойдем со мною, тогда согреемся и поговорим».

Юрий не мог промолвить ни слова. Не ведал он, что делать, и был будто не в себе, как во сне.

Взяла его невеста за руку и повела за собой. Идет он, на нее глядит, не противится. Повела его невеста мимо множества домиков, вокруг которых много красивых деревьев росло, а перед каждым домиком были пригожие цветочные садики.

Долго шли они, наконец остановилась невеста у одного новенького домика, который еще будто не совсем закончен, не убран, показывает ему рукою на дверь и говорит:

«Ну, входи!»

А он, сам не ведая с чего, отвечает:

«Иди сама вперед!»

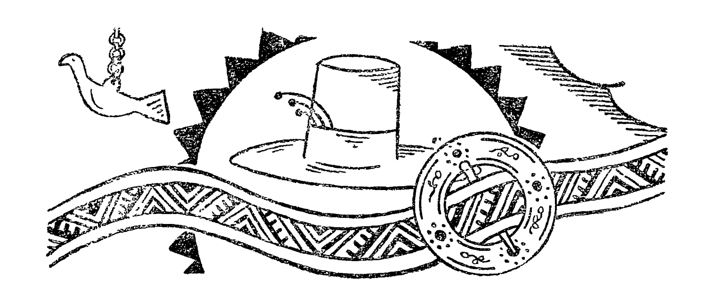
Открывает невеста дверь и, будто нехотя, входит. В тот же миг у него точно чешуя с глаз упала — видит он, что стоит на кладбище у какой-то новой могилы. Тут петух запел совсем рядом — он и смекнул, что стоит тут же у церкви на кладбище, а рядом корчма, где петух-то и запел.

Испугался он, кинулся через кладбищенскую ограду да в корчму. Добежал до корчмы и хочет войти, да все окна в корчме еще темны, значит, спят еще люди.

Оглянулся он кругом — нигде ничего опасного не видать. Собрался с духом и поспешно пошел к отцовскому дому.

Дома узнал он, что нет уж его невесты в живых, что незадолго до его прихода ушла она на тот свет, куда и его самого увести хотела.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

НЕВЕСТА-ЛЕБЕДЬ

Раз один парень пошел с барином на охоту загонщиком. И довелось ему такого зверя поднять, что никак на барина не выгнать. Мучился, мучился долгое время. А под конец зверь и вовсе как в воду канул.

Отстал от него гонщик и хотел уже назад вернуться, да вот беда — не может найти ни одной знакомой тропы. Блуждал он, блуждал, пока не стало совсем смеркаться. В сумерках прислонился парень к дубу и думал тут заночевать. Только вдруг совсем рядом фыркнул конь.

Кинулся парень туда, схватил коня за гриву и думает:

«Погоди-ка, погоди, я теперь еще верхом попробую блуждать. Кто знает, может, и посчастливится дорогу отыскать?»

Как надумал, так и сделал.

Ехал, ехал, доброе время прошло. Вдруг видит — большое пламя.

Подъехал.

Ах ты, светики мои! О чем не думал, не гадал — теперь, по лесу блуждая, увидел: на самой опушке леса стоит красивый за̀мок с золотыми дверями да золотыми окнами.

Да вот диво! Хоть бы один человек был в том за̀мке. Огни горят, столы накрыты, на столах еда да напитки разные, а едоков нет.

Подивился парень некоторое время да и пошел своего коня поглядеть. Тут опять чудеса. Конь в золотую конюшню отведен и прибран как нельзя лучше.

«Вот тебе раз!» — думает парень и опять идет в за̀мок.

Была самая полночь. Только в за̀мок вошел, тут навстречу ему ветхий старичок с седой бородой из дальних покоев за̀мка выходит, парня ласково встречает. Испугался парень. А старичок говорит ласково:

«Не бойся, я тебе зла не сделаю. За̀мок этот мой, а ты можешь в нем остаться и жить. Я в зверя заколдован: бабушка моя ведьмой была, она это и сделала. Только в полночь на короткое время дозволено мне человеком становиться — остальное время зверем должен я ходить. Одно только помни: под девятым покоем есть длинная пещера, туда и ногой не ступи».

Ладно.

Старичок тут пропал, а парень хорошенько поел да и спать лег.

Наутро обошел парень все покои за̀мка. Под конец приходит и в девятый покой. Поглядел, поглядел — не знает, как и быть: сходить в запрещенную пещеру аль нет.

Решил не ходить.

Через некоторое время подобрался парень опять к двери в пещеру и думает:

«Неведомо, светло ли там внутри аль темно?»

Приоткрыл он чуть-чуть дверь в пещеру и хотел глянуть, а дверь тут же и открылась настежь, — хочешь не хочешь, очутился парень в пещере. В конце пещеры как раз солнце всходило, посредине пещеры было тихое, блестящее озерко, а на берегу озерка лесная поляна.

Лег парень на берегу озерка и стал глядеть в воду. Все было тихо, листок не шелохнется. Тут вдруг зашумели птичьи крылья. Поднял парень голову и увидал в воздухе трех лебедей.

Опустились лебеди на берег озерка, огляделись вокруг внимательно да и обернулись девицами. Через некоторое время вздумали девицы в озерке искупаться. Сняли они свои веночки, повесили на ветви липы и начали косы расплетать.

Парень живехонько схватил тут один венок, спрятал его под армяк и побежал вон из пещеры.

Увидала девица, что ее венок парень унес, кинулась за ним и стала просить, чтобы отдал веночек.

А парню девица очень понравилась — он не только не отдал ей венка, но схватил ее да и вынес вон из пещеры, усадил на своего коня и поскакал домой.

Скакал да спешил, пока до своего дома не добрался.

На третий день собрался парень свадьбу с той девицей справлять. А девица все его упрашивает:

«Отдай, паренек, мой венок, отдай мой венок!»

Парень подумал:

«Завтра свадьба будет, можно и отдать, ничего не приключится!»

Отдал. Да тут и приключилось диво: только положила девица венок на голову, как тут же и обернулась лебедем — взмахнула крылами и улетела в свою пещеру.

Как увидал это парень, сердце у него от тоски по девице-красавице на части разрывается. Надумал он опять ее отыскать, вскочил на коня и поскакал в тот золотой замок.

Прискакал в замок в самую полночь. Все там было по-старому, да только старичок вышел ему навстречу больно свирепым и крикнул:

«Как ты смел меня ослушаться? Знаешь ли, что теперь ты на месте помереть должен?»

«Ах, батюшка! — взмолился парень. — Делай со мной, что хочешь, только в живых оставь».

«Ладно. От моей руки тебе не помереть, а только предстоит тебе теперь трудное дело. Коли управишься, все будет хорошо, коли нет — смерти не миновать. Должен ты через лесную поляну вдоль реки дойти до мостика через реку. По дороге всякие звери тебя задевать будут — пытайся от них отделаться; а на мостике самый большой зверь будет — постарайся его одолеть, тогда все хорошо будет. Только, коли не удастся тебе это, тут и смерть».

Взял парень меч и спешит к мостику. Дорогою накидываются на него звери, как бешеные, да парень так и сечет их мечом на месте.

Под конец добрался парень до мостика. Большой зверь его уже поджидает и тут же накинулся на него. А парень как даст ему мечом, так у зверя голова и скатилась.

Пошел парень, ликуя, обратно к зàмку. А тут его ожидает еще бòльшая радость. Все три лебедя в прекрасных девиц обернулись, а старичок — в человека.

Вышли они все парню навстречу и не знают, что от радости делать. Под конец старик и говорит:

«Одолевши зверя, ты спас и нас и наш зàмок. Бери за это мою младшую дочь себе в жены, ту самую, которую ты хотел в тот раз взять, да не смог; да и все имущество мое тебе отдаю.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧУДЕСНАЯ НЕВЕСТА

Жили отец с матерью в бедной избенке. Был у них сын Петр. Раз в позднее осеннее утро примечают отец с матерью, что Петр будто в лихорадке — покраснел, лежит да спит, совсем на больного похож.

Оглядывают оба спящего сына, да вдруг отец примечает, что в стене от сучка дыра, а через ту дыру дует в избу холодный ветер. Говорит муж жене:

«А знаешь что? Надобно эту дыру заткнуть тряпицей. Холодный ветер парня застудил, потому и бредит».

Заткнули.

Да только заткнули старики дыру — глядь — что такое? — рядом с Петром красивая девица лежит. Петр во сне бредит, хочет из ее рук освободиться, а она не шевельнется, не отпускает.

Осталась девица в бедной избушке, научилась ткать, вязать, скот пасти, кашу варить. Что бы она ни делала — все у нее Петр на уме. Так крепко Петра полюбила.

Пришло время, и Петр женился на той красавице-девице, что в то утро с ним рядом нашлась. Жили счастливо, добра накопили, двоих ребятишек прижили, всего у них вдоволь.

Лет так через пятнадцать после свадьбы поехал раз Петр с женой на троицу в ту самую церковь, где их венчали. Вошли в церковь. Молится Петр и видит — жена во время богослужения глядит в сторону и так смеется, так смеется, что у нее даже слезы по щекам катятся.

Осерчал Петр на это. Да что ты поделаешь в церкви? Разве станешь тут ругать либо стращать? Не гоже в церкви браниться. Да только как поехали домой, он за жену и взялся:

«Как тебе не стыдно в церкви смеяться?»

«Стыдно! — отвечает жена. — Коли бы ты видел, что я в церкви видела, ты бы со смеху помер, не то что засмеялся!»

«Ну, так расскажи, что же там смешного было?» — пристает Петр к жене.

А жена отвечает холодно:

«Коли не станешь больше от меня таить, как я к тебе пришла, как в избенку попала, тогда скажу, что в церкви видела».

«Ладно! — соглашается Петр. — Как приедем домой, ничего не утаю, а теперь рассказывай ты сначала!»

«Видела я в церкви чорта с растянутой лошадиной шкурой. Кто во время проповеди спал, либо кому грешные мысли в голову приходили, тех всех чорт на шкуре записывал. Так он писал, писал, пока всю кожу не исписал, не было уже места, где бы остальных записать. Чорт крепко сердился из-за того и в сердцах бил ногою и бодал церковную стену, как бешеный. Глядя на это, не могла я больше вытерпеть — смеялась до слез».

Удивился Петр видению жены, заторопился домой. Как только приехали домой, тут уж стала жена приставать, чтобы рассказал Петр поскорее, как она к нему попала.

Тогда повел Петр жену к той самой дыре в стене, показал ее да и говорит:

«Тут, через эту дыру, ты будто и влетела тогда, как ветер. Так говорили мне мои покойные родители, а сам я был тогда парнишкой и во сне не видал, как это все было».

Тут и вытащил Петр тряпицу из дыры. Как только вытащил тряпицу, жена сразу же и пропала, как сквозь землю провалилась, куда девалась — неведомо.

Загоревал Петр с двумя ребятишками, плакал горькими слезами. Да уж плачь или смейся — что пропало, то пропало.

Только на всю жизнь остались у Петра в доме домашняя благодать и довольство.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДЕВИЦА

В стародавние времена один крестьянин в первый день праздника пасхи на лодке выехал на озеро. Гребет он и видит — стоит на острове красивая девица и жалобно плачет.

Начал ее крестьянин расспрашивать, чего она стоит да плачет, какое у нее горе?

Девица ему отвечает: «Заклята я уже много лет, и никто не может увести меня отсюда!»

Крестьянин спрашивает: «Кто может с тебя заклятие снять?»

Девица ему и говорит: «Коли хочешь ты меня спасти, так приходи через год на первый день пасхи на это самое место и, что бы тут ни было, накрой скатертью со своего стола, на которой в первый день пасхи разговляться будешь, поцелуй это — и спасешь меня!»

Сказала девица эти слова и пропала.

Поехал крестьянин домой и никому ни слова не говорит о том, что с ним случилось.

На другой год, на первый день пасхи, едет крестьянин в лодке по тому самому озеру, где встретил красивую девицу. И скатерть со стола везет с собою.

Подъехал к тому самому острову, выходит на то самое место и видит — там, где в прошлом году красавица-девица стояла, лежит теперь большой длинный червь.

Испугался крестьянин, никак не отважится червя поцеловать — пошел назад к лодке.

Только отходить стал — слышит: кто-то жалобно заплакал. Вернулся крестьянин назад — глядь, а уж там никого нет.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

КОЗА НЕВЕСТОЮ

В какой-то бане жил старик со старухою. Оба они от старости ослепли и не могли уже ни дров себе добыть, ни постель постелить, ни избенку подмести. В горе да беде своей старички причитывали: «Вот был бы у нас ребеночек, он бы за нами доглядел, он бы нам пособил!»

Как-то вечером захотелось старичку пить. Он и говорит:

«Вишь, женушка, коли была бы у нас маленькая дочурка, она бы на ручеек сбегала!»

Только что сказал это старичок, входит белая козочка в баню и говорит:

«Я — ваша дочурка, воды принесу, дров добуду, грибочков насбираю да ягодок, постельку постелю, избенку подмету!»

Как услыхали это старички, от радости заплакали.

А козочка успокаивает:

«Куш! куш! Чего натощак плакать? Сейчас водички принесу, хворосту насбираю, кашки сварю!»

Надела козочка подойничек на рожки, принесла водички, развела огонек, сварила вкусную-вкусную кашку и поставила перед старичками.

Поели старички, поблагодарили козочку и спали в ту ночь так сладко, будто на небе.

Так это продолжалось долгое время.

Вот раз собрались девушки по ягоды итти. Козочка надела свое лукошко на рожки и пошла с ними. До обеда у других лукошечки полны наполовину, а у козочки — доверху полно.

Содрала козочка кусок ольховой коры, сделала туесок — скоро и туесок полон. Только собралась она второй туесок сделать, проезжает тут мимо богатая карета и останавливается возле козочки.

Выходит из кареты нарядный барин и спрашивает:

«Что ты за козочка, что так много ягод собираешь?»

«Я — дочка банщиков, ягоды собираю батюшке да матушке».

Взял барин козочку, поехал к старичкам в баню и большие деньги им за козочку обещает. А старички отвечают:

«Не продадим козочку ни за какие деньги!»

Под конец, когда обещал барин содержать обоих старичков с козочкой в своем зàмке, поддались старички на уговоры, забрали козочку и поехали вместе с барином.

В зàмке старичкам жилось хорошо.

Да вот раз вышло так, что должен был барин на неделю уехать. Просит он своих трех сестер, чтобы те по очереди за это время брали козочку к себе. Обе старшие сестры об этом и слышать не хотят, а у младшей другое сердце: та принимает охотно и даже укладывает спать на шелковых подушках.

Через неделю приезжает барин и говорит сестрам, что в одном имении будет большой бал — пусть собираются.

В день бала старшие сестры уже с раннего утра на каблучках вертятся, а младшая сестра говорит брату:

«Поезжай, поезжай ты с сестрами, а я дома с козочкой останусь».

Все трое уезжают.

Вечером в сумерках козочка говорит:

«Сестричка, не поехать ли нам на бал?»

Как услыхала это младшая сестра — вздрогнула: ей и в голову не приходило, что козочка говорить умеет. Она и говорит:

«Ах, козочка, да мне и в голову не приходило, что от тебя словечко когда-нибудь услышу!»

«Ладно, ладно, сестричка, только не говори своим сестрам. Брат-то твой знает про это, да он мне накрепко обещал никому об этом не рассказывать. У твоих сестер черствое сердце, не хочу с ними водиться. Да говори — поедем ли?»

«Поехала бы — да как попасть?»

«Ничего, погоди».

Выбежала козочка на двор и заблеяла.

Сейчас же появилась серебряная карета с четырьмя конями, двумя кучерами да двумя лакеями. Приносят лакеи обеим серебряные платья.

Сбрасывает козочка свой белый кожушок, сворачивает его в узелок, надевает серебряное платье и оборачивается в пригожую девицу.

Кучера только плетью щелкнули — раз, два — карета уже на балу.

Входят. Все гости диву даются: из каких краев этакие приехали?

Козочкин хозяин приглашает козочку танцовать, а сам про себя думает:

«Вот бы заполучить себе этакую девицу-красавицу, сразу бы женился!»

Начинает он расспрашивать, да та ни за что не говорит, откуда она. Ну, коли не хочет сказать, так задумал барин другим путем узнать: потихоньку приказывает он двум верховым быть наготове и, как выедет карета с бала, гнаться за ней, покуда не узнают, откуда приехали девицы

Да только ничего из этого не вышло. Только сели в карету, она сразу же унеслась, не успели и оглянуться.

Младшая сестра и козочка давно уже дома, давно переоделись, давно выспались, а барин со своими сестрами приезжает только на другое утро.

Старшие сестры еще и порога не переступили, как первое слово:

«Ах, сестрица, что мы видели! Приезжала туда серебряная карета с серебряными принцессами. Хотели мы все разузнать, откуда они такие, да никак не удалось — умчались как ураган. Ах, сестричка, не довелось тебе этого видеть!»

«Пусть, пусть, что мне с такого гляденья!»

Через некоторое время другой барин устраивает у себя большой бал, сам царевич туда приглашен. В день бала старшие сестры уже с самого утра на каблучках вертятся, а младшая говорит брату:

«Поезжай, поезжай, братец, с сестрами, а я с козочкой дома останусь!»

Те уезжают.

В сумерки выбегает козочка на двор. Как заблеяла, сейчас же появилась золотая карета с

четырьмя конями, двумя кучерами да двумя лакеями. Приносят лакеи золотые платья.

Сбрасывает козочка свой белый кожушок, сворачивает его в узелок и прячет, надела золотое платье и обернулась девицей-красавицей.

Кучера только плетьми хлестнули — раз, два — карета уже на пиру.

Входят. Все гости надивиться не могут — из каких краев этакие приехали? Козочкин хозяин приглашает козочку танцовать, а царевич с младшей сестрой танцует. Танцуют оба, козочкин хозяин да царевич, и думают:

«Вот бы этакую красавицу да себе в жены взять!»

Царевичу младшая сестра полюбилась, козочкиному барину полюбилась та, которая уж в прошлый раз по душе пришлась. Да что с того? Не говорят да и не говорят, откуда они.

Задумали снова пустить за ними верховых. Да опять напрасно—умчалась карета будто в туман.

На другой день приезжают старшие сестры и рассказывают:

«Ах, сестрица, что мы видели! Теперь приезжала золотая карета с золотыми принцессами. Да куда они делись, никто не знает. Сам царевич хотел узнать, да и то не удалось. Не довелось тебе этого посмотреть!»

«Пусть, пусть, что мне с такого гляденья!»

Через некоторое время сам царский сын большой пир устраивает и всех зовет. В день пира старшие сестры с раннего утра на каблучках вертятся, а младшая сестра говорит брату:

«Поезжай, поезжай, ты, братец, один с сестрами, а я с козочкой останусь!»

Те уезжают. В сумерки говорит козочка сестре:

«Знаешь ли, сестрица? Сегодня вечером кончается мой срок козочкою быть. Надену теперь алмазное платье и стану его носить. Ты также. Козий кожушок заверну в платочек и отдам лакею, — пока мы на пиру будем, пусть лакей кожушок сожжет!»

Выбежала козочка на двор, как заблеет — сразу же появилась алмазная карета с четырьмя алмазными конями, с двумя кучерами да тремя лакеями.

Отдает козочка третьему лакею узелок с кожушком и приказывает:

«Этот узелок ты сожги, когда мы на пиру будем. Да берегись, не гляди, что в нем завернуто — иначе всю жизнь несчастным будешь!»

Сказавши это, идет она с младшей сестрой в алмазных платьях к карете. Сели в карету — раз, два — подъезжают к замку царевича.

Выходят. Все удивляются — из каких краев этакие приехали?

Козочкин барин приглашает козочку танцовать и шепчет ей на ухо:

«Вот бы получить мне тебя в жены!»

Царский сын приглашает баринову младшую сестру на танец и тоже шепчет ей на ухо:

«Вот бы получить мне тебя в жены!»

Только вымолвил он это слово, подбегает козочка к младшей сестре и говорит ей на ушко:

«Поедем скорее домой — моя козья шкурка горит!»

Сразу обе пропали, никто не успел и оглянуться.

На утро приезжает барин домой совсем печальный. Младшая сестра выбегает к нему навстречу в алмазном платье и спрашивает:

«Братец, не хочешь ли видеть свою козочку?»

«Хочу, хочу! Да только скажи ты мне, где ты этакое платье взяла? Не ты ли это была, что вчера у царевича пропала?»

«Пусть там было, что было. А вот не хочешь ли, я тебе твою козочку теперь покажу?»

Пока они так разговаривают, выходит козочка и показывается барину. Барин, как увидал, от радости чувств лишился.

Младшая сестра рассказывает все, как было. Все радуются, только старшие сестры горюют — пальцы себе ломают да жалеют, что такими неласковыми к козочке были.

На другой день, как прослышал обо всем царевич, приезжает он в барский за̀мок и тут же сговаривается о свадьбе.

Ну, и свадьба была: царевич с младшей сестрою барина на одном конце стола, барин со своею бывшей козочкой на другом конце стола сидят. Оба старичка тоже на свадьбе.

Никак не мог барин достаточно отблагодарить старичков, что они со своей козочкой в за̀мок приехали.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЛЯГУШКА НЕВЕСТОЮ

У отца было три сына: два — умника, а третий — дурачек. Захотел отец женить сыновей и дал каждому по яблоку: пусть бросят

яблоки наземь и каждый идет за своим яблоком.

Дурачок как бросил яблоко, оно и укатилось в болото.

Пошел дурачок за яблоком и подошел к камню: На камне лягушка сидит.

«Ты должна моей женой быть, мое яблоко к тебе подкатилось!» — говорит дурачок.

«Я-то могу! — отвечает лягушка. — Да вот сможешь ли ты меня взять?»

Пошел дурачок домой.

А старшие братья уже вернулись. Перебивая друг друга, братья о своих невестах-красавицах рассказывают.

А дурачок молчит.

Отец и говорит:

«Идите завтра к своим невестам и принесите мне каждый какие-нибудь от невест подарки!»

Сыновья пошли. Пришел дурачок к лягушке на болото и плачет.

«Чего ты плачешь?» — спрашивает лягушка, сидя на камне.

«Велел отец принести от невест подарки, да что я от тебя возьму? Что ты дашь отцу?» — говорит дурачок.

«Не плачь!» — отвечает лягушка. Соскочила с камня, полезла под камень и вынесла оттуда красную рубаху, свитку да книгу.

Видит дурачок, что вовсе и не лягушка она, спрашивает:

«Давно ли ты лягушкою стала?»

«Три года, как заклята я да еще три года лягушкою быть должна!» — отвечает лягушка.

Взял дурачок подарки и отнес отцу.

Отец больше всего подаркам невесты дурачка радуется. Через некоторое время наказывает отец сыновьям, чтобы привели невест — венчаться пора.

Сыновья пошли.

Пришел и дурачок к своей лягушке, а лягушка и говорит:

«Приходи на Иванов день! Я буду сидеть на сундуке с деньгами—ты меня за пазуху положи, а деньги забирай!»

Приходит дурачок домой. Братья уже со своими невестами давно пришли.

«А где же твоя?» — спрашивает отец.

«Я свою на Иванов день приведу!» — отвечает дурачок.

Пришел Иванов день. Пошел дурачок за своей невестой. А лягушка уже сидит на сундуке с деньгами.

Положил дурачок лягушку за пазуху, забрал золото и пошел домой.

Дома он золото отцу отдал, а лягушку под печь пустил. Братья стали над ним смеяться, отец опечалился, а дурачок на завалинку сел и сидит.

На другой день поехали братья со своими невестами в церковь венчаться, а дурак слез с полатей, вытащил лягушку из-под печки, положил за пазуху и пошел в церковь.

Братья уже были повенчаны. Начал священник дурачка венчать. Тут стала лягушка в разных змей да червей оборачиваться, а дурачок их всех держал.

Под конец обернулась она прялкой.

Дурачек прялку сломал — и тут рядом с ним пригожая девица появилась.

Повенчал их священник, и зажил с того дня дурачок в счастьи да довольстве. А братья его счастью завидуют.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЗАКОЛДОВАННАЯ НЕВЕСТА

В одной усадьбе была такая баня, где поздно вечером никто показываться не смел.

Вот раз в субботний вечер пришли девушки из бани и вспомнили, что забыли на лавке свою шайку. Боятся они за нею назад итти, а парень-батрак и говорит:

«Что за пустяки! Хотите посмотреть — один пойду!»

Пришел — и что за диво! Горят в бане свечи и молодая красивая девица на лавке моется.

Испугался парень, а та его успокаивает:

«Чего испугался? Заходи знай!»

«Чего я пойду! Я только шайку свою заберу — больше мне ничего не надобно».

«Ах, паренек, добрая душа, обещай на мне жениться, тогда шайку отдам. Я — заколдованная царская дочь. Коли возьмешь меня — будешь счастлив, а коли нет — в живых не останешься. Приезжай в следующую субботу сюда к бане, забери меня с собою и отвези к священнику».

Парень обещал.

Пришла суббота. Побоялся парень и не поехал. Только лег он спать в эту субботу, слы-

шит ночью — стучится кто-то в окно, как раз там, где кровать парня поставлена.

Выходит парень на двор — опять она. И просит, и умоляет, чтобы сдержал свое слово и чтобы в следующую субботу обязательно приехал — будет она его ждать, в последний раз. Коли и теперь не дождется — обоим погибать.

«Нечего делать! — думает парень. — Что за беда — поеду да и только!»

Тут он всю неделю только о свадьбе и говорил, о девице в бане только и пел. Другие, конечно, не верили, что в бане невеста может быть. Да только кому какое дело?

Запрягает в субботу хозяин лошадей и спрашивает:

«Ну, что? Довольно шутить — говори теперь, в котором доме твоя невеста, чтобы знал я, куда ехать».

«В каком же другом доме — вон, тут же в нашей бане, хозяин!»

«Да ты рехнулся! Всю неделю болтал и сегодня не перестаешь!»

А парень твердит:

Тут в бане и больше нигде!»

Хозяин больше не упирается — подъезжает к бане.

Как подъехал к бане — глаза раскрыл: баня прибрана на диво, стол накрыт — все по-хорошему. А на лавке сидит сама хозяйка — распрекрасная принцесса в золоте да серебре.

Чего тут ждать? Поехал парень, ликуя, к пастору. Готовятся к свадьбе.

В день свадьбы невеста и говорит:

«Хорошо, что ты на мне женился. Теперь и я избавлена от заклятия, а ты после смерти отца царем станешь».

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЧОРТОВА ЖЕНА

Жили-были два брата и сестра. Как-то утром уходят братья на луг сено косить и просят сестру, чтобы она им поесть принесла. А чтобы знала она, как пройти, обозначили они еловыми ветками ей дорогу.

Обозначили братья дорогу, а чорт взял да и переставил ветки — сестра и приходит прямо к озеру. Схватил ее чорт, втащил в озеро и взял себе в жены.

Задумала раз чортова жена своих братьев проведать, своих трех деток показать, двух мальчиков да девочку.

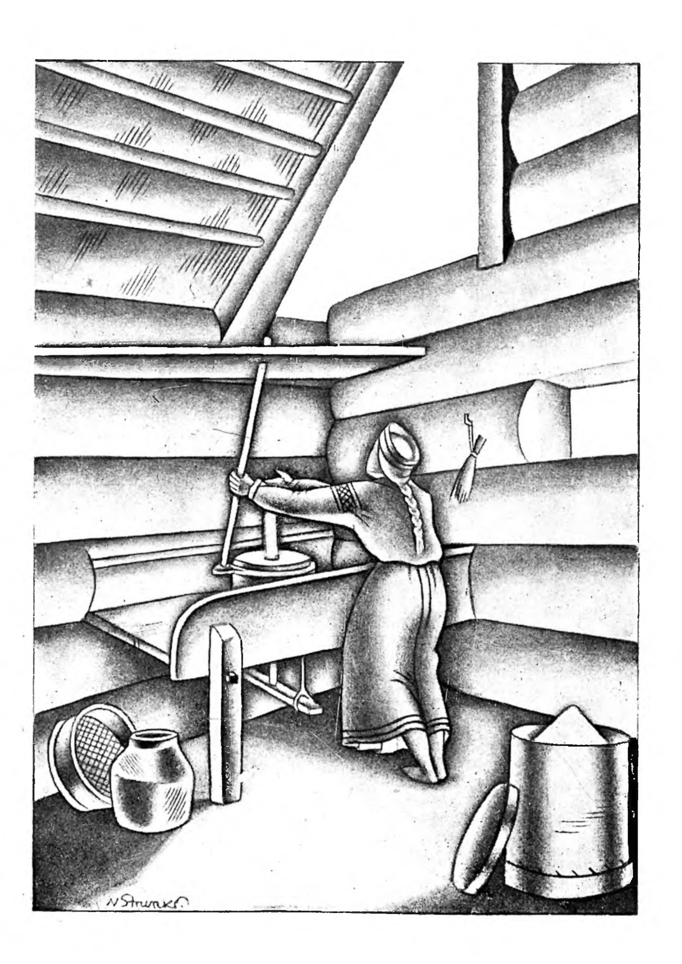
Чорт проводил всех четырех из озера на берег и говорит:

«Когда пойдешь назад, то крикни на берегу: «Ива, ива, откройся! Коли жив, дай молочка, коли нет, то крови!» Как услышу я это, так и выйду вам навстречу».

Приходит она к братьям и находит их живыми и здоровыми.

А братья теперь хотят знать, где она так долго была да как ей жилось.

Сестра братьям обо всем рассказывает, да только о чорте да о жизни в озере ничего не говорит. Начинают братья примечать, что она что-то утаивает, — стали у детей выспрашивать.

Спрашивают старшего — не говорит, спрашивают среднюю — не говорит, спрашивают младшего, дурачка, — тот про все и рассказывает: и про жизнь в озере, и про чорта и про слова для обратного входа.

Братья уходят тайком и убивают чорта.

Через некоторое время попрощалась сестра с братьями и домой уходит. На берегу озера кричит она, как муж наказывал:

«Ива, ива, откройся! Коли жив, дай молочка, коли нет, то крови!»

Покрывается озеро кровью.

Увидала мать, испугалась и спрашивает у детей — не разболтали ли они тайну. Меньшой не скрывает:

«Дяде рассказал».

Мать кричит: «Почему же ты рассказывал? Нам теперь нет житья».

Сказала это она и решает каждому его долю:

«Ты, сынок, станешь дубком; ты, дочушка,— липочкой, а ты, маленький лягушонок, будешь болотной кочкой, чтобы люди тебе каждый год голову срезали. Я сама кукушкою обернусь—стану куковать с Юрьева дня до Ивана: «Куку, куку!»

Так все и сталось, как мать сказала.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ТРИ ЗОЛОТЫХ ВОЛОСА С ЧОРТОВОЙ ГОЛОВЫ

У одной девицы родился сын. Положила она дитя в лукошко и пустила в реку.

Выловили рыбаки лукошко и понесли к царю — дитя показывают. Царь говорит:

«Дочь у меня есть, теперь бы только сына надобно — возьму-ка я мальчонка за сына».

Вот так и вырос мальчонок у того царя.

Говорит раз ему царь:

«Сын, коли хочешь получить дочь мою себе в жены, так вот тебе жеребчик — садись на него и поезжай в свет да отыщи мне три золотых волоса».

«Ладно!» — говорит сын.

Поехал. Едет день, другой, третий, наконец нашел темную пещеру. В той пещере жил чорт.

Вошел он в пещеру. Чорта как раз дома нету. Стал разговаривать с чортовой женой — не поможет ли она достать три золотых волоса?

«Конечно, могу, у моего мужа такие волосы на голове растут. Да он ведь скоро вернется, давай оберну я тебя в блоху на оборке юбки — иначе в живых не останешься».

Обернула чортова жена всадника блохой на оборке юбки и поджидает мужа. Через малое время приходит муж и спрашивает:

«Что это за запах человеческий тут?»

«Эх, да что ты разболтался? Пойди-ка сюда, я тебе голову почешу!»

Стала чесать у чорта голову и усыпила его. Только чорт захрапел, она и вырвала один волос.

Проснулся чорт, кричит как бешеный: «Болит, болит!»

Жена смеется:

«Что у тебя во сне болеть может?» — И опять взялась голову чесать.

Скоро чорт опять захрапел, а она второй волос тут выдергивает.

Проснулся чорт снова и закричал еще громче: «Болит, болит!»

«Да что у тебя во сне болеть может? Спи лучше, чтобы голову чесать можно было».

Немного погодя чорт опять захрапел, а она тут и третий волос вырвала. Закричал чорт страшным голосом и убежал.

Обернула чортова жена блоху опять всадником, дала три золотых волоса и отпустила домой.

Привез паренек золотые волосы царю и женился на его дочери.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

ПТИЦА-ЧАРОДЕЙКА

Жил-был человек, который много думал да размышлял про вечную жизнь. Никак понять он не мог, как это можно жить вечно.

«Один год — и то время долгое, а коли прожил человек шестьдесят, семьдесят лет, так уж он всю свою жизнь закончил и должен помереть».

Так это раздумывая, вошел он раз в лес. Слышит — в лесу какая-то птичка поет. Стал искать птичку — отыскал, наконец, дерево, на котором птичка сидит да поет. Птичка маленькая, пестренькая, очень красивая, а поет так чудесно, что никогда он такого пения еще и не слыхивал.

Так это стоит он некоторое время под деревом, слушает чудесное птичье пение, удивляется птичке. А птичка попела, попела, вспорхнула да и улетела.

Человек выходит теперь из леса и хочет домой к себе вернуться. Как вышел на опушку — видит: холмы да долины те же самые, а поля, сады да постройки совсем иные. Ничего больше не узнает. И люди все чужие: ни он их, ни они его не знают.

Вот идет он под конец к священнику и рассказывает ему все, что видел да слышал.

Открывает священник старую церковную книгу и находит в ней старую запись, что сто лет назад из такого-то дома вышел такой-то человек, пошел в лес и там пропал.

Значит, за то время, пока слушал человек пение птички, прошло целых сто лет.

Тут понял человек, какова может быть вечность.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

КАК ЧЕЛОВЕК УЧИЛСЯ КОЛДОВАТЬ

Одному человеку захотелось научиться колдовать. Поговорил он с одним, другим — ему и говорят:

«На берегу моря много колдунов живет, там и научиться сможешь».

Пошел туда. Шел, шел — почти уж дошел до того места, да только перед ним еще широкая река: по ту сторону реки колдуны живут, а по эту сторону реки большая корчма стоит.

Захотелось человеку есть. Вошел в корчму и стал с корчмарем разговаривать. Корчмарь спрашивает:

«Куда ты идешь?»

«Колдовать учиться!»

«Этому и здесь научиться можешь».

«Коли так далеко шел, так уж и через реку перейду».

И спрашивает у корчмаря:

«Нельзя ли рыбы к обеду приготовить?»

Корчмарь обещает приготовить да и говорит:

«Покуда рыба готова будет, пойдем в сад погулять».

Пошел он с корчмарем по саду. Подходят они к одному колодцу. Тут корчмарь и говорит:

«Погляди-ка в колодец и скажи, что там видишь».

Поглядел путник в колодец и говорит:

«Вижу рыбу».

Повел его корчмарь к другому колодцу и велит опять глядеть в него. Нагнулся путник и глядит, а корчмарь как хлопнет его по затылку — он кубарем и скатился в колодец.

Летел, летел без остановки — пролетел через всю землю насквозь и упал на другом свете прямо на улицу в каком-то городе.

Встал, оглянулся — ездят люди, ходят одни в одну сторону, другие в другую, а он не знает, где он и что ему теперь делать.

Подходит наконец к нему один человек и спрашивает:

«Не умеешь ли писать? Не хочешь ли к моему барину писарем наняться?»

Он отвечает:

«Писать умею да и работу получить надо бы».

Нанялся он писарем. Служит один год, служит другой, женился, хоть и помнил хорошо.

что есть у него жена, да на том свете осталась. Прожил этак десять лет и троих детей прижил. Да вдруг подходит к нему корчмарь и будит:

«Вставай, рыба готова!»

Проснулся он от сна, встал и диву дался — опять он у корчмаря, а ведь десять лет прошло, как провалился он сквозь землю.

Видит он, что и по эту сторону реки научиться колдовству можно.

Пошел он к столу есть рыбу, что десять лет назад корчмарю на обед заказывал. Поел рыбы и остался у корчмаря колдовству учиться.

Научился колдовать и вернулся опять к своей жене да к детям.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

СТАРИК И ВЕДЬМЫ

В одном доме жили-были две ведьмы. Думали они да размышляли, где бы достать к рождеству кусочек полакомее.

Проведали они, что в далеких краях теперь как раз наступает лето: цветут яблони, все люди в поле работают, только один махонький ребеночек дома в колыбели спит.

Сговорились тут ведьмы поехать в те далекие края на старых пустых ульях, украсть того ребеночка и привезти домой да на рождестве им полакомиться.

Подслушал некий старичок эти ведьмовские разговоры, залез в один из пустых ульев и ждет, что будет.

Пришли ведьмы к ульям, сели каждая на свой улей верхом и полетели по воздуху. Да только одна ведьма, у которой старик в улье сидел, все приговаривала:

«Никак не пойму, отчего мой конь на этот раз так тяжел — может, отсырел, так долго лежа».

Скоро ведьмы были уже в далеких краях.

Видит старик — верно: тут лето красное, и яблони в цвету. Вылез он тайком из улья, увидал, что ведьмы рвут цветы с яблонь, — отломил и он несколько больших веток с цветами.

После того спешит поскорее в ближний домишко, где, как ведьмы сказывали, ребеночек лежит. Как только старичок вошел, ребеночек в колыбели чихнул. Старик ему говорит:

«Бог в помощь!»

Немного погодя, приходят ведьмы и хотят ребеночка схватить, да уж тут бог на-стороже — пришлось уйти с пустыми руками.

А старик тем временем обратно в улей пробрался, на старое место.

Вернулись ведьмы, села каждая на свой улей и летят назад в свои края, только одна ведьма все жалуется, что конь у нее отяжелел.

Прилетели они домой, стали улей оглядывать и нашли старика. Тут же обернулись обе в змей и хотят старика ужалить. А старик схватил привезенные с собой яблоневые ветки и прогнал змей.

Уходят ведьмы и грозятся:

«Ну, нашли бы тебя в дороге — ты бы жив не остался!»

(Из сборника П. Шмита, т. V)

СИРОТИНКА И РОДНАЯ ДОЧЬ

Жила-была одна мать. Приняла она на воспитание сиротинку. А была у матери и своя родная дочь. Да только пришлось сиротинке одной по хозяйству работать — родная дочь ничего не делала.

Ростом обе девушки были одинаковы, только лицом хорошела сиротинка с каждым днем все больше. Это очень было досадно матери.

Вот раз, как пошла сиротинка к колодцу за водой, мать за ней следом: только нагнулась сиротинка воды зачерпнуть, а приемная мать и толкнула ее в колодец.

Упала сиротинка в колодец и полетела без остановки вниз. Летела, летела, покуда не пролетела сквозь землю на другой свет.

Упала она на другой свет, поднялась и пошла куда глаза глядят, запечалилась. Дошла до табуна коней.

Коням тем крепко пить хотелось. Побежали они ей навстречу и просят:

«Напои нас!»

Привыкла сиротинка у приемной матери работать, сразу же побежала она к колодцу, взяла ведро и стала воду таскать. Напоила она коней и пошла дальше: может, где какой человек встретится.

Шла, шла — подходит к стаду коров. Коровы те долго не доены были. Как увидали сиротинку, побежали к ней навстречу и просят:

«Выдои нас!»

Выдоила сиротинка коров и пошла дальше.

Шла она, шла — подходит к стаду овец. Овцы те давно уже стрижены не были. Увидали сиротинку — бегут к ней навстречу и просят:

«Остриги нас!»

Остригла сиротинка овец и пошла дальше.

Шла она, шла по чужому свету — дошла до квашни с заквашенным хлебом и до печи. Просит ее квашня:

«Испеки хлеб!»

Сиротинка живехонько испекла хлеб, взяла один хлебец с собою и пошла дальше.

Шла она, шла — подходит к маленькому домику. Вошла она в домик и видит: сидит у печи на лавке ветхий старичок с длинной седой бородой.

Подошла к нему сиротинка поближе и просит его показать ей дорогу на тот свет, откуда она пришла.

А старичок и говорит:

«Не можешь ли ты, дочушка, лучше истопить для меня баню?»

«Пошто нет!» — отвечает она. Побежала в баню, истопила ее, нагрела воды и побежала

назад к старичку сказать, что баня готова. Прибежала к старичку и просит его:

«Пойдемте, батюшка, теперь в баню — веничек выпрел, водица нагрета!»

Взяла она старичка на руки и понесла в баню — умыла и отнесла обратно в домик. Благодарит старичок сиротинку и говорит:

«Спасибо тебе, моя доченька, да я ведь не один. Помой, дочушка, и других, что в бане!»

По старичковой просьбе пошла девушка еще раз в баню и видит — полна баня змей. Хотела уж она из бани убежать, да змеи и говорят:

«Не бойся, доченька, мы тебе ничего дурного не сделаем!»

Осталась сиротинка со змеями в бане, обрызгала их чуть-чуть теплою водою и побежала к старику в домик.

Узнал старичок, что она все сделала, и говорит сиротинке:

«За то, что всем ты услужила, покажу я тебе дорогу в твой свет. Вот тебе коробочка и палочка. Да не открывай коробочки и не стукни палочкой, пока не будешь в своем свете».

Взяла сиротинка коробочку да палочку и пошла назад в свой свет. Пришла она в свой свет и уж больно ей захотелось коробочку открыть и палочкой стукнуть.

На краю зеленого леса открыла она свою коробочку — выскочил из коробочки прекрасный замок. Взошла она на пригорок и стукнула палочкой — появилась там красивая церковь.

Увидала это мачеха с дочерью, и одолела их зависть. Стали они расспрашивать сиротинку, как это достала она этакое богатство. Сиро-

тинка и рассказала, как была она на другом свете, как дал ей старичок коробочку да палочку.

Выслушала все это приемная мать, повела свою родную дочь к колодцу и толкнула ее так же, как раньше сиротинку.

Упала и родная дочь на другой свет, дошла и она до табуна коней. Просят и ее кони напоить их, да она отвечает:

«Мне недосуг, должна я спешить — свое счастье отыскать».

Дошла она до стада коров. Просят коровы выдоить их, а она отвечает:

«Мне недосуг, должна я спешить — свое счастье отыскать».

Пришла она к стаду овец. Просят и ее овцы постричь их, да она отвечает:

«Мне недосуг, должна я спешить — свое счастье отыскать».

Подходит она к квашне с заквашенным хлебом у печи. Просит квашня хлеб испечь, да она отвечает:

«Мне недосуг, должна я спешить — свое счастье отыскать».

Дошла она этак до самого того маленького домика. Сидит в домике на лежанке у печки тот же ветхий старичок. Спрашивает у нее старичок:

«Куда ты идешь, моя дочушка?»

Она отвечает:

«Иду я своего счастья искать».

Старик и говорит:

«Ступай, моя доченька, истопи для меня баню и вымой меня».

Пошла она, истопила баню, пришла назад в домик, схватила старичка за бороду и потащила в баню. В бане она толкнула его в угол, полила водою, схватила потом опять за бороду и потащила назад в домик. А старик и говорит:

«Я не один. Помой, дочушка, и других, что в бане».

Пошла она назад в баню и видит — полна баня змей. Взяла она горячей воды и ошпарила всех змей, схватила дубину да и перебила их всех.

Приходит к старичку. Старичок дает ей в благодарность коробочку, да только с таким уговором, чтобы принесла она коробочку домой, пошла бы в лучшую свою клеть, позвала бы туда всех своих лучших приятелей да родственников и только тогда открыла бы коробочку.

Маменькина дочь так и сделала, как учил старичок: пришла домой, позвала всех своих лучших приятелей да родственников и пошла в лучшую клеть коробочку открывать.

Да только открыла она коробочку, как вспыхнул из нее огонь — всех и сжег.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

СИРОТИНКА И РОДНАЯ ДОЧЬ В БАНЕ

Хозяйка-мачеха выгнала сиротинку из дома и не дала ей нигде приюта.

Пошла бедняжка в баню. А в бане мышенок попискивал.

Взяла сиротинка мышенка на руки и гладит, чтобы не пищал. А мышенок тот боженькой был Вот и говорит он сиротинке:

«К полуночи придет сюда чорт и крикнет: «Впусти!» Да ты не пускай, пока трижды не крикнет, а на третий раз впусти. Как впустишь, чорт и скажет: «Подними меня на печь!» Да ты не поднимай, пока трижды не попросит, а на третий раз подыми. Как подымешь, чорт и скажет: «Дай мне камень в руку!» Да не давай, пока трижды не повторит, а на третий раз подай. Тогда скажет тебе чорт: «Беги три раза вокруг бани!» Да ты не беги, пока трижды не скажет, а на третий раз беги. Как войдешь опять в баню, бросит он тебе в голову камнем, да бросая и лопнет как стручок».

Сказал это мышенок и пропал в норке.

Пришла полночь. Чорт тут как тут:

«Впусти!»

Та не впускает.

Кричит еще раз. Та опять не впускает.

Как крикнул третий раз — впустила.

Вошел:

«Подними меня на печь!»

Та не поднимает.

Сказал еще раз. Та опять не поднимает.

Как сказал третий раз — подняла. Тут он и говорит:

«Дай мне камень в руку».

Она не дает.

Сказал второй раз. Она опять не дает.

Как сказал третий раз — подает она ему камень в руку. Тут он и приказывает:

«Беги вокруг бани три раза!»

Она не бежит.

Сказал второй раз. Она опять не бежит.

Как сказал третий раз — побежала она вокруг бани. Обежала вокруг бани три раза и возвращается в баню. Тут как бросит чорт в голову сиротинке камень, да не смог добросить — упал на землю и лопнул как стручок.

А на том месте, где упал чорт, целая куча денег появилась — всякие тут деньги были: и медные, и серебряные, и золотые.

На другой день пошла и хозяйская дочь в баню. Приходит, а мышенок так же попискивает. Да она и не подумала мышенка погладить — давай его бить.

К полуночи приходит чорт и кричит:

«Впусти!»

Да, она сразу же и впускает.

Чорт кричит: «Подними на печь!»

Та сразу же и подняла.

Приказывает чорт: «Дай мне камень в руку!»

Дала.

Тут чорт и говорит: «Беги вокруг бани три раза!»

Сразу же и побежала.

Да только она в баню вернулась, чорт как бросит камень в голову — та обземь.

Оторвал чорт у хозяйкиной дочери голову и всунул в маленькое банное окошечко, а туловище съел.

Торчит голова из окошка, ощеривши зубы. А хозяйка проснулась утром, увидела голову да и говорит:

«Ах, как моя дочка весело смеется — видать, много денег получила!»

Пошла поглядеть — где там деньги? — страсти, а не деньги.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

ПАДЧЕРИЦА И РОДНАЯ ДОЧЬ У МАТУШКИ-ЛАЙМЫ

У одной матери были падчерица и родная дочь. Падчерица была работящая и приветливая, да только мать всячески падчерицу изводила, морила голодом и мучила. А свою родную дочь она крепко баловала.

Раз, в самую лютую стужу зимою, посылает мать падчерицу в лес по землянику. Дала она падчерице большую корзину да хлебец, который из песка да золы был слеплен и только выкатан в муке.

Пошла падчерица в лес. Ходила, ходила целый день, устала и замерзла, да ничего не нашла. И так это она далеко-далеко в лес зашла, что и дороги назад уж не знает. А тут и вечер подходит.

Села падчерица на пень и горько-прегорько заплакала. А как подняла она голову, так и видит — тут же поблизости маленький домик стоит.

Пошла она к домику, а ей навстречу старушка выходит. Просится падчерица, чтобы старушка впустила ее погреться.

Старушка впустила ее и спрашивает, что она в лесу с корзиной делает и откуда она?

Рассказала падчерица, как отправила ее мачеха за земляникой. Ничего она не нашла и те-

перь страшно ей домой итти — станет ее мачеха бить да бранить.

Выслушала старушка и ничего не сказала.

Захотелось падчерице есть — вытащила она свой хлебец, отломила себе и дала старушке тоже.

Взяла старушка падчерицын хлеб, отломила маленький кусочек и сунула в рот — жевала, жевала, а проглотить не могла. Говорит она падчерице:

«Ах, доченька, какой у тебя плохой хлеб!»

Падчерица говорит, что такой уж всегда дает ей мачеха. Взяла тут старушка свой каравай и дала падчерице. То был белый и вкусный хлеб.

«Ах, бабушка, — говорит падчерица, — какой у тебя вкусный хлеб! Такого хлеба я никогда в рот не брала».

Когда падчерица поела и обогрелась, говорит ей старушка так:

«Возьми, дочушка, вот эту метелочку и обмети теперь все углы моего домика — будет тогда у тебя земляники, сколько хочешь».

Взяла падчерица метелку, вышла на двор и обмела все углы. Как подмела она — насыпалось там всюду земляники много-премного, просто кучами. Набрала падчерица земляники полную корзину — не знает она, как и отблагодарить старушку. Стала падчерица домой собираться.

Проводила ее старушка и вывела на дорогу, а на прощанье дала ей маленький ящичек и наказывает:

«Открой его только через три дня. В нем твое счастье будет!»

«Как так? — диву далась падчерица. — Да разве у меня может быть счастье?»

«Да, да! — отвечает старушка. — Там будет твое счастье!»

«Ну, так ты, видать, и есть сама матушка-Лайма!» — говорит падчерица.

«Да, я и есть!» — отвечает старушка да тут же и пропала.

Пошла падчерица домой счастливая. Отдала она мачехе землянику—та диву далась. Давай падчерицу расспрашивать, где да как она земляники добыла.

Рассказала падчерица все: как весь день понапрасну ходила она да землянику искала, как замерзла и пошла в домик Лаймы-матушки погреться, как потчевала ее Лайма-матушка своим вкусным хлебом, как дала землянику из углов дома вымести да ящичек, в котором ее счастье находится.

На другой день посылает мачеха свою родную дочь в лес по землянику. Дала она ей с собой разных лакомств да белый хлебец.

Пошла родная дочь в лес и разыскала домик Лаймы-матушки. Заходит она в домик, села на стул и говорит:

«Замерзла — страсть!»

Матушка-Лайма ничего не сказала.

Вытащила дочь свои лакомства да белый хлеб, сложила все на стол и давай есть. Сама ест — Лайме-матушке и не подумала дать.

Спрашивает матушка-Лайма: «Ты мне ничего не дашь?»

«У тебя у самой есть!» — отвечает родная дочь.

Как поела она, тут и говорит матушке-Лайме: «Ну, давай мне земляники».

Говорит ей матушка-Лайма, чтобы обмела все углы метелкой, тогда и землянику найдет.

«Не стану я углы подметать. Можешь сама их мести. Я пришла только землянику собирать».

Поленилась родная дочь углы обмести. Пошла сама матушка-Лайма обметать да еще и землянику собрать помогла. А родная дочь собрала землянику да и говорит:

«Как, разве ты мне никакого счастья не дашь?»

Дала матушка-Лайма родной дочери ящичек и сказала, что открыть его можно только через год, а в нем и будет ее счастье.

Побежала родная дочь домой бегом. Прибежала домой, запыхавшись от большой радости.

На третий день приходит в дом царский сын и спрашивает, нет ли девицы, которая хочет с ним пойти?

Падчерица сразу же согласилась итти к царю работницей. Угощает она царевича земляникой. Дивится царевич, откуда падчерица земляники достала посереди самой лютой зимы.

Рассказала падчерица все, как было. Тут и родная дочь подходит, своей земляникой царевича потчует, да только земляника у нее не такая, как у падчерицы, а вовсе горькая.

Три дня прошло. Открывает падчерица свой ящичек, что матушка-Лайма дала. А в ящичке разные убранства да царский венец.

Так и случилось — женился на ней царевич и стала она царицей.

Как прошел год, открывает и родная дочь свой ящичек. Да из ящичка вылетело огненное пламя и сожгло весь дом с мачехой да со злою родной дочерью.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

МЕДНАЯ БОРОДА

У одного царя были сын и три дочери. Сына он любил больше всех остальных детей. Посадил царь для сына яблоню, на которой росли золотые яблоки.

Приметил царевич, что каждую ночь пропадает с яблони по одному яблоку. Приказал он поставить на яблоне петлю.

И вот диво! Находят утром в петле человека с медной бородой.

Захотел царь показать того человека своим приятелям и приказал посадить его в тюрьму. Пока тот в тюрьме сидит, царевич с яблоком играет в соседнем покое.

И этакая беда! Как там было не было, а только выскочило яблоко в дыру да и попало прямо к Медной бороде в тюрьму.

Просит царевич:

«Милый Меднобородый, отдай мне яблоко!

«Вели выпустить меня из тюрьмы, — говорит Меднобородый. — Тогда отдам, а иначе нет».

«Не могу я этого, ключ от тюрьмы у моей матушки в кармане».

«Пойди к матери, — учит Меднобородый: — дай голову расчесать, а в то время и вытащи

у нее ключ из кармана. Как выпустишь меня, ключ так же обратно положишь».

Выпустил царевич Меднобородого. Тот и говорит:

«Коли тебе что понадобится — покличь меня, я и приду».

Идет опять царевич к матери и говорит: «Почеши у меня еще раз голову!»

Пока мать голову у него чешет, царевич потихоньку сует опять ей ключ в карман. А мать и приметила.

«Ты что с ключом делал?»

Сын все и рассказывает.

Собираются к царю гости. Ведет он показывать Меднобородого. А тюрьма пуста. Рассказывает царица, что случилось.

«Вон из моего дома! — кричит царь. — Бери одного солдата с собой и сейчас же из моего государства уходи!»

Уходит царевич с солдатом. Оба приуныли. Забрели в пустыню.

«Гляди-ка! — говорит солдат. — Мне из-за тебя еще с голоду помереть доведется: пища к концу идет, воды нет ни капли. Этакая жажда, что язык к нёбу прилипает».

Царевич его обрывает: «Чего так много скулишь! Глянь — вон колодец. Пойдем туда».

Подходят они к колодцу, да никак воды не достать. Солдат и придумал:

«Спусти меня в колодец за ноги, — говорит он: — а я тебя спущу. Так и напьемся».

«Ладно!»

Напился солдат, спускает в колодец царевича.

«Я уже напился! — кричит царевич. — Вытаскивай меня!»

«Надоел ты мне до последнего! — отвечает солдат. — Хочу я, наконец, от тебя отделаться. Коли отдашь мне свою одежду да выданные царем грамоты, так оставлю в живых, а коли нет — оставайся в колодце».

«Вытаскивай только, — взмолился царевич: — отдам все».

Так и сделали. Тут они и расстались.

Пошел солдат к одному царю, показал ему свои грамоты — царь и взял его к себе за сына. Однако за беспутную жизнь скоро он его вон выгнал. Пошел тогда солдат к драконам служить.

«Коли ты для каждого из нас приведешь по красивой девушке, — говорят драконы солдату, — так от каждого по две пуры денег получишь».

Стал солдат думать, как ему до девушек добраться.

А царевич тем временем, никем не признанный, возвращается во дворец к своему отцу и нанимается конюхом.

Раз за стенами дворца встречается царевич с Меднобородым и рассказывает ему про свою беду.

«Мы солдату отплатим! — говорит Меднобородый. — А не придешь ли ты сегодня к нам на пирушку?»

«Охотно!» — отвечает конюх.

«Да помни, — наказывает Меднобородый: — есть да пить можно, сколько хочешь, да только говорить нельзя. А теперь поторапливайся, чтобы поскорее добраться».

Закончивши дневную работу, уходит царевич с Меднобородым. На берегу моря садятся оба в лодку и едут. Перебравшись на другой берег, входят оба в чудесный замок. Там гостей полно. Все пьют да едят, ничего не говорят.

Через некоторое время все расходятся. Берет конюх с собою из того замка серебряного коня.

На другой вечер опять они на пир едут. И опять Меднобородый наказывает:

«Ешь, пей, сколько хочешь, да только не говори».

Отъезжая домой, берет с собою царевич золотого коня.

На третий вечер привел он коня алмазного.

Через некоторое время приезжает к царю знакомый солдат и говорит:

«Мой повелитель послал меня, чтобы я привел к нему вашу старшую дочь».

«Мою старшую дочь? Да кто же таков твой повелитель, что такое у меня требовать может?»

«Не ладно будет, царь! — пугает солдат. — Мой повелитель — могучий дракон, оплюет он все ваше государство огнем, все и сгорит».

«Отдам уж я свою дочь», — отвечает царь, испугавшись.

Солдат уезжает.

«Отдам полцарства тому, кто отведет мою дочь к дракону и опять назад приведет ее живою!» — объявил царь.

Вооружился конюх-царевич, сел на серебряного коня и поехал к царю. Тот принял его за чужого королевича и дозволяет ему дочь отвезти.

Садится дочь у него за спиною на коня — и оба ускакали.

«Давай мне девицу!» — кричит дракон на берегу моря и стал этакий огонь выплевывать, что у конюха-царевича вся броня накалилась.

А царевич на него с мечом — трах! — дракон и растянулся. Вырезал у него парень язык и берет с собою.

Радуется царь, что дочь спасена. А герой-то и пропал.

На другой день приезжает солдат за другой дочерью. Опять испугался царь. Да приезжает незнакомец на золотом коне и увозит царевну.

Дракон с тремя головами ждет уж на берегу моря. Как показался конюх-царевич, стал дракон на него огнем плевать — вся броня красною стала.

А парень, как кошка, сразу дракону на шею и — все три головы долой! Вырезал языки и едет домой с царевной.

На третий день приезжает солдат и требует младшую дочь. Царь обещает.

Герой опять приезжает, на этот раз на алмазном коне. Приказывает он слугам:

«Налейте теперь воды во все железные котлы».

Потом говорит царевне: «Иди, ухватись за хвост моего коня».

Она ухватилась — и оба уехали.

А на берегу моря уже стоит шестиголовый дракон. Соскакивает парень с коня. Дракон храпит, шипит, на него кидается. Да парень ловко всадил ему меч в живот.

Зашатался дракон, языки высунул. А царевич вскочил ему на шею, отрубил у него все головы и вырвал языки. Едет домой с царевной.

Увидал царь свою младшую дочь живой и здоровой, обрадовался и говорит:

«Герой! Бери мою младшую дочь, лучшей награды у меня для тебя нет».

«Нет, царь, этого я не могу, — отвечает конюх, — я ее брат, твой сын изгнанный».

Обнял царь сына, прижал к груди и проливает слезы радости.

Как узнал царь про злодейские проделки солдата, посылает войско — солдата изловить. Изловили сразу же.

Пока Меднобородый со старшей царевной свадьбу справляет — солдат в тюрьме сидит и должен языки драконовы грызть.

После свадьбы его помиловали.

(Из сборника П. Шмита, т. V)

ЧУДЕСНЫЙ ПОМОЩНИК

Сын пас овец матери у лесной опушки. Сначала у него было много овец, да они по одной все пропадали да пропадали, и осталась у него под конец одна-одинешенька овца. Да и та однажды пропала.

Не смеет теперь пастух итти домой к матери. Пошел он отыскивать своих пропавших овец.

Ходил, бродил повсюду — наконец в густом лесу находит не только своих овец, а еще целое стадо. Какой-то молодой барчук их пасет, сам весь черный.

«Ну, я за своими овечками пришел», — говорит наш пастух черному барчуку.

«Притти-то пришел, да я тебе их не отдам»,— отвечает черный.

«Отдай, отдай! Я без овец не смею матери дома показаться!»

«Коли исполнишь ты для меня три работишки, так отдам я тебе не только твоих, а всех овец, сколько тут видишь. А коли не сделаешь — ни одной не получишь».

Согласен пастух все делать, чтобы только овец своих получить.

Приказывает ему черный барчук в первую ночь вырыть большое озеро — столько-то верст длиной, столько-то верст шириной.

Приходит пастух на обозначенное место и начинает плакать. Этакую работу ему и за всю жизнь не сделать, а теперь в одну ночь должен справиться. Положил он лопату и плачет навзрыд.

Вдруг подходит к нему дряхлый старичок и спрашивает:

«Чего плачешь?»

«Как же тут не плакать? Пропали у меня овцы, а теперь не отдают мне их обратно, пока я в одну ночь не выкопаю этакое большущее озеро. Кто же это сможет?»

«Чего там, сынок по-пустому плакать! Ложись лучше да знай—спи!»—говорит старичок.

Послушался пастушок и лег спать.

На другое утро проснулся он и диву дался: за ночь этакое озеро вырыто, что ему даже страшно стало. Такой глубины, как велено было, такой же ширины да длины.

Обрадовался пастух, идет к черному барчуку и говорит, что озеро вырыто. Не хочет барчук верить. Идет поглядеть — верно, — пришлось поверить.

На другую ночь приказывает черный барчук пастуху наполнить озеро водой.

Приходит пастух вечером к озеру и давай опять плакать. Подходит к нему дряхлый старичок и спрашивает:

«Чего плачешь?»

Рассказывает ему пастух про свою беду.

«Чего там, сынок, по-пустому плакать! Ложись-ка лучше да поспи!» — успокаивает его старичок.

Послушался пастух и лег спать.

За ночь — откуда не возьмись — вода. Проснулся пастух на другое утро и видит — полно озеро воды.

На третью ночь приказал пастуху черный барчук напустить в новое озеро различных рыб да другой живности.

Теперь у пастуха еще большее горе, ломает он голову еще больше, чем в первый раз. Да и теперь старичок его успокаивает:

«Не горюй, мы и это сделаем! Только завтра, как погонишь домой овец, никого не принимай в помощники».

Проспал пастух всю ночь, а на другое утро, как проснулся, видит — все уже сделано.

Приходит черный барчук, оглядел работу — и отдал ему всех овец.

Обрадовался пастух, гонит свое стадо домой. Его собственные овцы прямо по дороге бегут, а чужие овцы по дороге итти не желают — те

в одну, то в другую сторону с дороги разбегаются.

«Не надо было мне чужих овец брать—пусть бы он сам их домой гнал!» — сердится пастух.

Только он это молвил, тут сразу черный барчук подходит, овец гнать помогает. Теперь все овцы прямо по дороге идут.

Скоро вышли они из леса и уже подходят близко к хате пастушьей матери. Тут черный барчук хлопнул в ладоши и крикнул:

«Тыш, волки, в лес!»

Чужие овцы тут же обернулись в волков, схватили пастушьих овец за горло и пропали в лесу.

Ходил, ходил пастух по лесу, искал, искал своих овечек, да так и не нашел больше.

И вырытого озера не сыскал больше. Только в зимние вечера слышен был волчий вой в лесу.

(Из сборника П. Шмита, т. VI)

КЛАД В КОКНЭСЕ[23]

Ехали раз крестьяне из Ликсненской волости мимо зáмка Кокнэсе и остановились в Большой корчме. Дело было ночью. Все возчики управились с конями и легли спать, каждый на своем возу.

Только один возчик никак еще не мог справиться и все копался на своем возу. Подходит полночь. Зажег он свечку, сел на воз и начал ужинать.

Тут появляется перед ним какой-то человек и говорит:

«Здравствуй, брат!»

Возчик сперва немного испугался, а потом и отвечает:

«Какой я тебе брат? Я вовсе тебя и не знаю!»

А чужой говорит: «Да ты мне на самом деле родной брат! Твоя мать меня маленького удушила, а теперь поставлен я тут, в Кокнэсском зàмке деньги сторожить. В этой должности должен я оставаться, пока мать не умрет. Тогда она на мое место станет. Увидал я, что ты сюда заехал, и хочется мне сделать тебе что-нибудь доброе. Барина моего сегодня дома нет, отправился в карты играть. Я сегодня свободен. Да пойдем в зàмок! А нет ли у тебя мешка под рукой?»

«Да, конечно есть — торба из-под овса коню!» — отвечает возчик.

«Ну, ладно, так забирай торбу с собой!»

Пошли они оба в зàмок. Младший брат повел его прямо в большой погреб.

Оглянулся — батюшки мои! — сколько тут добра! — полные закрома. Ну, младший брат и говорит возчику:

«Держи свою торбу!»

Взял и насыпал полную торбу денег. Потом вывел его из погреба и проводил обратно в корчму. Дорогою крепко-накрепко ему наказывал:

«Денег этих ты тут не меняй, ни в этой корчме, ни в корчме Стуралея. В эти корчмы мой барин часто хаживает в карты играть. Коли заметит он свои деньги, то беда и мне, и тебе».

Ликсненский возчик так и сделал, как научил его младший брат: не менял денег ни в одной,

ни в другой корчме, и никому этих денег не показывал. И стал он, как сам говорил, богатым человеком.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЗОЛУШКА

Умерла мать и оставила маленькую девочку. Отец женился снова и взял вдову, а у той у самой были две девочки.

Все три девочки росли вместе и стали взрослыми девицами.

Мамины дочки были очень избалованы, некрасивы да ленивы. А падчерица была девица работящая и очень красивая. Не взлюбила мачеха за это свою падчерицу, возненавидела, измывалась над нею всячески и велела ей ночами в золе спать. Оттого и прозвали падчерицу Золушкой.

Поехал раз отец в город и говорит всем трем дочерям, чтобы сказали, чего хотят, чтоб привез он из города.

Мамины дочки захотели и того и другого, а Золушка говорит:

«Привези мне, отец, то, что дорогою тебе за шапку зацепится!»

Накупил отец обеим дочерям разных красивых подарков и поехал домой. Был он совсем от дома близко, как зацепился вдруг за шапку сучок орешника и сломался. Взял отец этот сучок и привез домой Золушке.

Взяла Золушка сучок, пошла на кладбище и посадила его на могиле матери. С этого сучка

вырос большой ореховый куст. Слетались на куст разные птички и очень красиво пели.

Вскоре в том государстве задумал царь жениться. Объявил он по всему царству, что будет выбирать себе невесту и чтобы все девицы к нему на бал явились.

Обе маминых дочери собрались и пошли на бал. Золушка сделала всю свою работу и пошла к мачехе проситься, чтоб и ее на бал отпустила. А мачеха и говорит:

«Можешь итти, коли соберешь в золе лукошко чечевицы».

Высыпала мачеха в золу целое лукошко чечевицы и велела Золушке собирать.

Как только мачеха ушла, Золушка постучала три раза в окно. Сразу же слетелись птички и собрали в золе всю чечевицу.

Взяла Золушка лукошко, пошла к мачехе, отдала ей собранную чечевицу и опять просит отпустить ее на бал. А мачеха не отпускает и говорит:

«Собери еще три лукошка чечевицы в золе, тогда отпущу».

Высыпала мачеха еще три лукошка чечевицы в золу и велела Золушке выбирать ее.

Как только мачеха ушла, постучала Золушка опять три раза в окно. Слетелось множество всяких птичек, и выбрали они из золы чечевицу.

Понесла Золушка чечевицу к мачехе, отдала и опять просится, чтобы на бал отпустила. А мачеха не отпускает и говорит:

«Спать иди, нет у тебя ни платья, ни нарядов, нечего людей смешить, — тебе только в золе и валяться».

Крепко опечалилась Золушка, ушла она от мачехи, а сердце так заболело, что полились слезы без удержу. Собралась она с духом и пошла на кладбище, чтобы на могиле матери горе свое выплакать.

Поплакала она у матери на могиле, немного успокоилась и хочет уж домой итти, да видит — сидит на дереве белая птичка.

Бросила белая птичка Золушке красивое платье и золотые туфельки. Как надела Золушка новое платье да золотые туфельки, так и стала принцесса-принцессой.

Пошла Золушка в царский дворец. Как только вошла, сразу же ее царь приметил. Только с ней и танцовал — не хотел даже вовсе и отпускать.

Да Золушка не стала долго задерживаться, торопилась домой попасть раньше своих сестер. Повеселилась она немного, увернулась от царя да и домой.

На другой вечер Золушка опять пришла на бал. Опять царь только с ней и танцует, ни на шаг не отходит. А Золушка снова ухитрилась от царя уйти да поскорее домой.

На третий день царь опять бал устраивает. Золушка опять приходит. Снова царь только с ней и танцует, не расстается. Под конец ухитрилась все-таки Золушка вывернуться у него из рук. Побежала она вниз по лестнице. Царь за ней.

Как увидала Золушка, что царь за ней гонится, кинулась она, сломя голову, дальше и потеряла одну свою золотую туфельку: царь велел смазать лестницу смолой, вот туфелька и при-

липла к лестнице. Остановился царь и взял туфельку.

Крепко полюбилась царю Золушка, задумал он ее отыскать. Взял золотую туфельку и стал ходить из дома в дом — всем девицам золотую туфельку примеряет: какой девице туфелька совсем по ноге будет, та и будет его суженая.

Да нет — не находит такой девицы.

Приходит царь под конец в дом к Золушкиному отцу. Мачеха сразу смекнула, в чем дело. Велит она своей старшей дочери отрезать пятку — станет царицей, так не надо будет пешком ходить.

Отрезала старшая дочь пятку. Как надела туфельку — впору, вестимо.

Повез царь ее в свой дворец, думает, что это его суженая.

Да только подъехали к кладбищу, белая птичка и запела:

«Кровь, кровь на ноге! Подлинная невеста еще дома!»

Как услыхал царь пение белой птички, сразу же приказал старшей дочери показать ногу.

Та показывает. Ну, конечно — пятка обрезана и туфелька крови полна.

Вышвырнул царь старшую дочь вон из кареты, а сам опять поехал назад в дом Золушкиного отца. Увидала мачеха, что со старшей дочерью ничего не вышло, говорит младшей:

«Обрежь пальцы — станешь царицей, так не надобно будет пешком ходить».

Младшая дочь тут же обрезала на ноге пальцы. Как стала надевать туфельку — как раз впору.

«Ну, — думает царь, — вот это уж моя суженая!»

Везет младшую дочь в свой дворец. Да только подъехали к кладбищу, белая птичка опять запела:

«Кровь, кровь на ноге! Настоящая невеста еще дома!»

Как услыхал царь пение белой птички, сразу же приказывает младшей дочери:

«Покажи-ка ногу!»

Та показывает. Ну, конечно — пальцы на ноге отрезаны и туфелька крови полна.

Увидал царь, что опять его обманули, вышвырнул младшую дочь из кареты вон и в третий раз едет к дому Золушкиного отца.

Приехали и спрашивает у Золушкиной мачехи:

«Нет ли у тебя еще дочери?»

Та отвечает:

«Нет».

А царь приметил тут Золушку и спрашивает:

«А это кто такая?»

Мачеха отвечает:

«Это Золушка. Да только она ни на одном балу не была, а все дома в золе сидит».

Приказывает царь Золушке туфельку примерить.

Надела Золушка туфельку — как раз по ноге. Обрадовался царь, что нашел свою суженую и повез ее в свой замок.

В день свадьбы пригласила Золушка свою мачеху в церковь. Та пошла. Да только хотела мачеха в церковь войти, как слетелись тут разные птицы и выклевали у мачехи глаза.

Женился царь на Золушке и жили они счастливо.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

ЦАРЬ И ИСТОПНИЦА

У одного богатого человека была красивая жена с золотыми волосами, и родилась у нее такая же дочь — тоже с золотыми волосами. Заболела раз жена, позвала к себе мужа и говорит ему:

«Коли умру я, женись на такой же, как я, с золотыми волосами».

Жена умерла, и стал муж через некоторое время себе новую жену искать. Хотел он покойной жены послушаться и все искал себе жену с золотыми волосами. Весь свет исходил, а другой такой жены не сыскал.

А тем временем выросла его собственная дочь, у которой такие же золотые волосы были, как у ее покойной матери. Увидал ее отец и говорит своей дочери:

«Выходи за меня замуж!»

Хочет дочь от отца как-нибудь отвязаться, вот и говорит она ему:

«Вели выткать для меня лунное платье, тогда пойду».

Ну, созывает отец всяких ткачей — те и выткали лунное платье. Как получила дочь лунное платье, стала она новую причину придумывать, вот и говорит отцу:

«Вели выткать мне звездное платье. тогда пойду».

Созвал отец ткачей, и выткали они звездное платье. Получила дочь звездное платье и говорит отцу:

«Вели выткать мне солнечное платье, тогда пойду».

Созвал опять отец всяких ткачей, и удалось им выткать солнечное платье. Принимает дочь этот подарок и опять у отца просит:

«Вели сшить мне шубу из шкурок различных зверей!»

Поехал отец в город, накупил разных звериных шкурок и отдал портным, чтобы сшили шубу.

Получила дочь шубу из шкурок разных зверей и опять у отца просит:

«Вели сделать мне золотое веретено, тогда пойду».

Ну, отец стал опять всяких мастеров отыскивать — те и сделали золотое веретено.

Как получила дочь золотое веретено, сложила она свои платья да веретено в сундучок, вывернула шубу наизнанку, надела, вымазала лицо углем и убежала в лес. В лесу нашла она старый дуб с большим дуплом да в то дупло и влезла.

Пошел в этот самый лес царь со своими слугами на охоту.

Погнались его собаки по следу, добежали до дуба и начали лаять.

Подходит сам царь к дубу поглядеть и видит — сидит в дупле человек в страшной звериной шубе. Стал царь расспрашивать, а девица ничего не отвечает. Тут царь и говорит:

«Коли не будешь ты мне отвечать, я стрелять стану».

Ну, вылезает тут девица из дупла, забирает ее царь с собой в зáмок и отдает там ее кухарке в помощницы.

Вот раз понесла она царю есть и бросила в еду золотую катушку.

Спрашивает царь у кухарки:

«Кто это золотую катушку в еду бросил?»

Кухарка отвечает, что она не бросала, и спрашивает у истопницы, не знает ли она. Та тоже говорит, что ничего не знает.

В другой раз она опять бросила в блюдо с едой золотую катушку. Опять царь спрашивает, кто бросил, и опять обе отвечают, что не ведают.

Так было и в третий раз.

Под конец бросила истопница в царское блюдо с едой все веретено, а кухарка и истопница говорят, что ничего не знают.

Задумал раз царь в своем зáмке бал устроить. Просит истопница, чтобы кухарка позволила ей с работы отлучиться. Та и отпустила.

Вымыла угольщица лицо, причесала свои золотые волосы, надела лунное платье и пошла на бал в царские покои. Дивились все в зáмке, на чужую красавицу глядя, танцовали с ней, да никто ее не узнавал. А она опять назад в кухню вернулась, опять лицо углем намазала и кожух свой надела.

Как устроил царь во второй раз бал, истопница опять у кухарки от работы отпросилась. Помыла она лицо, причесала голову, надела звездное платье и ушла на бал.

Опять все дивились красивому платью, танцовали с чужачкою и никто не признал ее. А она незаметно ушла, опять лицо углем вымазала и кожух свой надела.

На третий бал опять собралась истопница и надела теперь солнечное платье. Сам царевич теперь танцовал с ней и надел ей на палец свой перстень. А истопница опять потихоньку ушла из покоев, вымазала лицо углем и надела свой кожух.

Да только царевич скоро приметил свой перстень на пальце у истопницы. Не стала и она теперь скрываться и вошла к царю в своем солнечном платье. Женился царевич на бедной сиротке и оба жили долго и счастливо.

(Из сборника П. Шмита, т. VI)

ДУРЕНЬ И ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА

В стародавние времена у одного старого-престарого человека было три сына: два умных, один дурачок.

Вот в те времена оповестил царь своих подданных, чтобы сделали такую лодку, которая и по воде и по земле бежит. Кто такую лодку сделать сможет, тому обещал царь свою дочь в жены отдать.

Надумали трое сыновей старичка такую лодку сделать—что будет, то будет—может и удастся.

Ладно. Прежде всех старший брат свое счастье испробовать захотел. Взял с собой хлеба, пошел в лес и взялся за работу: рубил да тесал так, что все звенело.

Тесал, тесал — подходит тут к нему какая-то кошка:

«Не дашь ли ты мне кусочек своего хлеба? Проголодалась до смерти, совсем сердце млеет!»

А старший брат обругал кошку и прогнал ее в шею — убежала без оглядки.

Прогнав кошку, стал опять тесать. Так и тесал он дни и ночи, да только ничего из той лодки не вышло — бросил свою затею и вернулся домой со стыдом.

Тогда взял хлеба другой умный брат и пошел в лес, надеялся на лучшее счастье. Тесал, тесал — приходит и к нему кошка:

«Не дашь ли ты мне кусочек своего хлебца? Проголодалась до смерти, сердце так и млеет!»

Но и второй брат обругал кошку и хлестанул ее по голове да по шее. Убежала кошка, а он все тешет, обливаясь потом. Тесал, тесал днем и ночью, да только и у него ничего путного не вышло — пришлось и ему свою затею бросить.

Собирается тут дурень свое счастье испробовать — хочет итти лодку строить. Умные братья стали его высмеивать:

«Что ты, дурень, затеваешь? Коли мы, разумные, ничего сделать не смогли, так уж где тебе, дурню?»

А дурак их и слушать не хочет — забрал с собой хлеба и пошел на работу. Пришел в лес, начал тесать — кошка тут как тут:

«Не дашь ли ты мне кусочек своего хлебца? Проголодалась так, что сердце млеет!»

Дурень отвечает:

«Ладно, ладно! Да только у меня ничего хорошего нет. Что есть у меня, того и тебе дам!»

Отломил кусочек сухого хлеба и дал кошке, пусть грызет.

Кошка грызла, съела, облизнулась три раза, села у ног дурня и стала разговоры разговаривать:

«Что ты из этого тесаного дерева делать станешь?»

«Так и так, — рассказывает дурень, — лодку надобно сделать, что и по воде, и по земле ходит.

Тут кошка головой мотнула:

«Все ладно, дурачок ты мой, да только тебе такой лодки ни начать, ни кончить не удастся как следует. Ложись-ка после обеда поспать и будь спокоен — уж лодка будет готова».

«Ладно!» — ответил дурак и завалился спать. Спал, спал—просыпается: лодка готова.

Что же? Сел в нее и поехал, только пыль по дороге летела, прямо к царскому дворцу.

Да только проехал немного — опять диво. Увидал человека, который прямо по вершинам гор шагает — одну ногу на одну гору поставит, другую ногу на другую гору, да так и шагает все вперед.

Дурню такой скороход понравился, давай он к себе скорохода звать, чтобы служить у него нанялся.

А тот и согласен. Поехали оба дальше.

Проехали еще немного — видит дурень большую гору мяса, а у той горы сидит человек, ест мясную гору и горюет да приговаривает:

«Есть нечего! Придется этой малостью довольствоваться!»

Дурню этакий обжора сразу понравился: Нанимайся ко мне служить!»

Обжора нанимается. Едут теперь все трое дальше.

Проехали еще немного. Видят — стоит человек возле костра из сотен саженей дров, пылают дрова, а человек греется да все кричит:

«Мал огонь! Никак не согреться! Мерзну!»

Дурню этакий сразу же понравился:

«Нанимайся ко мне служить!»

Ладно. Поехали все четверо и приезжают к царю.

Увидал царь лодку, на которой и по воде и по суше ездить можно, дивится да радуется, а дураку и говорит:

«Хоть и сделал ты лодку, а только зятем моим ты еще не можешь быть. Надобно тебе принести воды из одного колодца. Моя кухарка побежит за водой, и ты за водою беги. Коли прибежишь раньше кухарки, так получишь мою дочь, а коли нет, не получишь».

А дурень и говорит: «Просил бы вас, царь, нельзя ли мне своего слугу послать?»

«Да, это ты можешь делать!»

Ну, дурень и послал своего скорохода бежать вперегонку с кухаркой.

Ладно. Скороход зашагал — только пятки мелькнули. А кухарка та ведьмой была. Обернулась она в быстрокрылого голубя да и кинулась за скороходом что было мочи. Да только скороход всетаки раньше голубя вернулся и первый воды принес.

Приходится царю свою дочь отдавать, да ведьма подговаривает, чтобы не отдавал еще, чтобы собрал все мясо да хлеб со всего города, позвал бы дурня да и сказал бы ему:

«Коли все это сразу съешь, так будешь царским зятем».

Такой совет царю понравился. Зовет он дурня: так и так.

А дурень и говорит:

«Просил бы вас, царь, нельзя ли мне своему слуге приказать все это съесть?»

«Да, это ты можешь делать!»

Позвал тут дурень своего обжору. Тот ел, ел — все мясо в городе съел, весь хлеб в городе слопал да еще и спрашивает:

«А больше нету?»

Дивится царь, хочет уж свою дочь дурню отдать, да ведьма опять отговаривает:

«Прикажи истопить свою железную баню в десять раз горячее, чем всегда, — пусть дурень умоется в этаком паре: коли сможет — получит дочь, коли нет — не отдавай дочери».

Такой совет царю понравился. Он тут же зовет дурня: так и так.

А дурень и говорит: «Просил бы вас, царь, нельзя ли мне послать помыться своего слугу?»

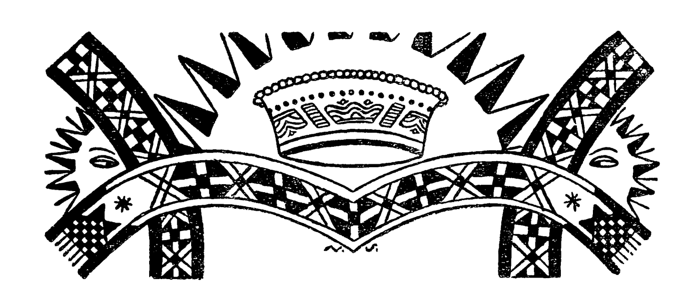
«Да, это ты можешь делать!»

Натопили баню — совсем докрасна. Идет дурень со всеми слугами пробовать, каков пар. Приходят — пламя да и только!

А мерзлый входит в баню, смеясь — и не почувствовал — стынет баня, а он моется, как душе угодно. Тут и остальные пошли, все попарились.

А через несколько дней справили богатую свадьбу дурня и царской дочери.

(Из сборника П. Шмита. т. VI)

ДЕВИЦА-ВОИН

Дочь одного барина полюбила сына бедного батрака. Она пошла бы за него с охотой, да знает хорошо: как скажет отцу, тот ни за что не пустит. Разве не беда?

Наконец, пришла ей в голову хорошая мысль. Просит она отца, чтобы взял он парня к себе в лакеи. Коли будет лакей с отцом ладить, может, через некоторое время старик одумается и позволит им жениться.

Да только не удалась эта хитрость. Повар уже в первую неделю приметил, что между барской дочерью и лакеем что-то не все ладно. Рассказал он барину — тот вспыхнул как огонь в пакле.

Велит барин сунуть лакея в мешок и отнести на гумно — пусть он помирает там с голоду.

Жаль девице парня, да делать нечего — даже плакать боится. Тут понадобилось на другой день барину куда-то в гости съездить. Задумала девица парня освободить. Выпустила его из мешка и говорит:

«Иди, паренек, к царю на службу! А тут никому не показывайся, пусть отец думает, что ты в мешке помер с голоду».

Приходит парень к царю и нанимается в работники.

Скоро после того у царя с другим царем война началась.

Что ж тут барская дочь придумала? Переоделась она в мужскую одежду, приходит к тому царю, у которого парень в работники нанялся, и просится в солдаты. У царя время военное — он принимает.

Вот тут и было на что поглядеть, что может женщина в мужской одежде делать! Кто подойдет — падает как муха. Царь этакого вояки не видывал. Назначает он молодого воина воеводою.

Вот было диво! Никому и в голову не приходило, что этакий отважный воевода — барская дочь. Да что правда, то правда: молодой воевода одолел неприятеля и кончил войну раньше, чем царь предполагал.

После войны не знает царь, как и отплатить молодому воеводе. А воевода говорит:

«Чего там много платить, царь! Отдай мне только в лакеи того парня, кто в работники к тебе нанялся, — с меня довольно!»

Царь отдает.

Идет парень к воеводе, да уж, конечно, ему и в голову не приходит, что этот воевода — его же невеста. На другой день воевода рассказывает парню, в чем дело, и учит его так:

«Переоденься теперь в мою одежду воеводы и через три дня приходи к моему отцу за меня

свататься. Такому знаменитому воеводе он не станет отказывать. А я поскорее домой вернусь, будто ничего и не было. Коли станет отец спрашивать, где я так долго была, скажу, что в лесу заблудилась».

Через три дня парень в одежде воеводы приходит к барину и первым делом спрашивает.

«Не выдашь ли за меня свою дочь замуж?»

«Ах ты, светики мои!—воскликнул барин.— Да этакому знаменитому человеку разве стану я отказывать! Коли хочешь — завтра же и свадьбу справим!»

«Ладно, завтра справим свадьбу!» — отвечает парень.

Так и случилось.

После свадьбы рассказали молодые все, как было.

Рассердился было барин сначала, а потом и сказал:

«Что сделано, то сделано — пролитой воды не соберешь. Ошибся я, что хотел расстроить настоящее ваше счастье, да и вы оба ошиблись, что меня, старика, обманули. Да что было, то было. а вперед в согласии жить будем».

(Из сборника П. Шмита, т. VI)

ХИТРЫЙ СВИНОПАС

У одного отца был сын, большой упрямец и буян, а вместе с тем большой умница и говорун. Свиней он пас всегда неудачно, каждый день они или в картофельном поле рылись, или луг взрывали, или хлеба топтали.

Обозлился за это отец на парнишку и принялся его колотить за такие дела. А парень что же? На другой день бросил он своих свиней и удрал, куда глаза глядят.

Ушедши подальше, лег парень в лесу под елью и заснул от усталости. Во сне слышит он, будто кличет его кто-то три раза и говорит:

«Иди этой дорогой все вперед — царем станешь!»

Просыпается парень и идет по указанной дороге все вперед, все глубже в лес, пока не подошел к маленькому домику.

Входит парень в домик и видит — в домике стол накрыт, всякие сласти, еда да напитки понаставлены, а никого нигде не видать. Садится парень за стол — поел да и за печь спать завалился.

К полночи приходят в домик четверо его хозяев, четыре короля: Бубновый, Червонный, Трефовый да Пиковый. Все четверо поели и начинают спать укладываться.

Перед сном стали короли сговариваться, где каждому из них сподручнее свои вещи спрятать. У Бубнового был такой плащ, что как надел кто его, так и становится невидимым. У Червонного была шапка-треуголка, которая войско вызывала: как натянешь шапку на лоб — приходит войско, как сдвинешь на затылок — войско сразу же пропадает. У Трефового были стеклянные туфли — в них как пойдешь, так каждым шагом семь миль отмахиваешь. У Пикового был такой кошель с деньгами, который никак опорожнить нельзя было.

Бубновый и говорит: «Я свой плащ тут же у себя в ногах положу».

«А я свою шляпу у печи повешу», — говорит Червонный.

Трефовый сунул свои стеклянные туфли под кровать, а Пиковый свой кошель положил на припечек.

Парень из-за печи все это подслушал да подсмотрел. Как только все четверо королей заснули, вылез парень из-за печи и забирает себе все их чудесные вещи: сначала плащ, потом шляпу, а за ними и стеклянные туфли да кошель.

Как забрал все это парень — скорей в дверь да и ходу! Бежит по тропинке — только ветер мимо ушей свищет: что ни шаг, то семь миль.

Скоро прибежал парень в чужое государство, в самый столичный город, где чужой царь сидел. Тут бывший свинопас веселился как самый богатый парень. Да и почему ему не веселиться? В деньгах у него недостатка нет, может брать сколько хочет: только возьмет из кошелька, а кошелек тут же опять полон.

В том государстве сам царь уж давно помер. Осталась только одна-единственная принцесса: она и правила теперь всем царством.

Соседние королевичи охотно желали овладеть ее царством. Вот и стали они ездить к ней да свататься. Как-то приехали трое, и все трое грозят на нее войной пойти, коли она не станет их невестой.

Испугалась бедная царевна, не знает, что и делать: коли пойдет за одного — двое других с войском придут отомстить, а за всех за трех ведь сразу не выйдешь! Взяла да и отказала всем троим. Все три королевича готовились к мести.

Все советники царевны и весь народ не ведают, что делать со страха.

А наш бывший свинопас знай веселится дни и ночи, вовсе и думать не хочет о войсках трех королевичей, что все ближе да ближе к городу подступают. Только как подошли неприятельские войска к городу совсем близко, пошел он к царевне и обещает спасти царство, коли выйдет она за него замуж.

Царевна обещает. Надвинул свинопас один угол шляпы на лоб — и сразу же появилось огромное войско. Войска трех королевичей не выстояли и были разбиты. Сдвинул тут свинопас угол шляпы на затылок — и войско опять пропало.

Собралось тут все царство вокруг молодого избавителя, и радостно справили свадьбу его с царевной.

К свадьбе наварено было много крепкого пива. Напился жених того пива — как в тумане ходит и давай спьяну рассказывать, как он смолоду свиней у отца пас, как порол его отец за недосмотр и как потом он четырех королей обокрал.

Да только ни царевна, ни подданные за это на него не обиделись: спас он их так или этак, а кем он был раньше — все едино.

(Из сборника П. Шмита, т. VI)

ПОСЛУШНЫЙ СЫН

Отец, умирая, позвал к себе трех своих сыновей и наказывает им:

«Как умру я и похороните вы меня, так первые три ночи приходите мою могилу сторожить, чтобы не случилось со мною чего худого».

Сыновья обещают сторожить.

Помер отец, ладят сыновья похороны и хоронят отца. Вечером надо итти одному из них к могиле отца. А оба старших брата помыкали младшим, дураком его считали. Младший же брат добер был, золотое сердце, не хотел он со старшими братьями ссориться и ни в чем им не перечил, а во всем подчинялся. Надо бы старшему брату к могиле отца пойти, да он говорит младшему:

«Сходи-ка ты на отцову могилу, мне недосуг!»

Младший идет. Садится он на край отцовой могилы и сторожит.

Под полночь выходит покойный отец из могилы и спрашивает:

«Не старший ли мой сын тут сторожит?»

«Нет, меньшой!»

«А почему старший не пришел?»

«Ему будто недосуг!»

«Коли послушался ты меня, так подарю я тебе серебряный свисток. Как свистнешь в этот свисток, так подскачет к тебе серебряный конь с серебряным седлом, а на том на серебряном седле будет красивое серебряное платье».

Сказал это отец и опять пропал.

Наутро приходит младший брат домой — старшие братья ничего не спрашивают, и он ничего не сказывает.

Вечером надо бы среднему брату итти отцовскую могилу сторожить, да он идет к младшему брату и говорит:

«Сходи-ка ты отцову могилу посторожить, мне недосуг!»

Младший брат идет, как и в прошлую ночь. В полночь выходит покойный отец из могилы и спрашивает:

«Не средний ли мой сын тут сторожит?»

«Нет, меньшой!»

«Почему средний не пришел?»

«Ему будто недосуг!»

«На этот раз подарю я тебе золотой свисток. Как свистнешь в него — прибежит золотой конь».

И опять пропал отец.

А дурак наутро домой приходит. Опять старшие братья ничего не спрашивают, и он им ничего не сказывает.

Вечером сам он должен сторожить итти, братья теперь на него и не взглянули. Идет он и садится на могилу. В полночь выходит покойный отец из могилы и спрашивает:

«Не меньшой ли мой сын тут сторожит?»

«Я самый и есть».

«Хорошо, сын, что меня послушался! Вот тебе теперь третий подарок — алмазный свисток. Как свистнешь в него — подскачет к тебе алмазный конь».

Сказал это отец и пропал.

Наутро приходит меньшой брат домой — братья ничего не спрашивают и он ничего им не сказывает.

Царь в том государстве совсем уж дряхлый был. А была у него одна-единственная дочь-красавица. И было у царевны так много женихов, что ни отец, ни дочь не знали, кого и выбрать.

Приказал царь сделать высокую стеклянную гору, дал своей дочери сияющий алмазный перстень и посадил ее на ту гору. А всех женихов по всем странам оповестить велел:

«Кто взъедет на стеклянную гору и снимет перстень с руки моей дочери, тот и получит ее в жены».

Понаехало со всех краев много разных царевичей, да ни один из них на ту стеклянную гору подняться не может.

Стали тогда взбираться на гору разные другие молодцы, да только никому это не удалось.

Собрались и оба умных брата поехать, а меньшой-дурак и заговорил:

«Нельзя ли и мне с вами поехать?»

Братья его на смех подняли:

«Как же ты дурень, царевне показываться смеешь?»

Как только умные братья уехали, просится дурак у матери в лес по грибы. Мать отпустила. Пошел дурак в лес, повесил свою корзинку для грибов на дерево и свистнул в серебряный свисток.

Сразу же прискакал серебряный конь с серебряным красивым платьем. Переоделся меньшой живехонько, сел на коня и поскакал на стеклянную гору. Доехал до полгоры, вернулся назад и пропал.

Дивятся все люди, что это за богатый царевич. А дурень ускакал в лес, отпустил своего коня, переоделся в свое старое платье, набрал полную корзину старых червивых грибов и скорей домой торопится.

Мать сердится, что сын этакие негодные грибы принес. Приехали умные братья и рассказывают, какого богатого царевича видели.

На другой день братья опять на стеклянную гору поехали, а дурака оставили дома. Просится тот у матери по грибы. В лесу получил он на этот раз золотого коня, поскакал на стеклянную гору и доехал теперь до самого конца, да повернул назад и ускакал.

Дивится народ, что он так быстро пропал. А дурак отпустил в лесу коня, переоделся, набрал опять полную корзину червивых грибов и приносит домой, будто ничего с ним и не было.

Подумала мать, что совсем он ума лишился, коли такие грибы собирать стал. Приехали умные братья и рассказывают, что сегодня опять прекрасный всадник был и доскакал он уже почти до самой вершины горы.

И на третий день не остаются умные братья дома — опять едут к стеклянной горе, а дураку приказывают дома сидеть. Просится он у матери в лес по грибы. А мать боле отпускать не хочет. Да уж так умел дурак ласково просить, что под конец и отпустила. На этот раз уехал он на алмазном коне, одетый в алмазное платье, доскакал до самой вершины горы, снял перстень у царевны, съехал вниз и пропал в толпе.

Прискакал дурак опять в лес, отпустил коня, переоделся, набрал полную корзину червивых грибов и приходит домой.

Приезжают старшие братья, дивятся да рассказывают, как прекрасный царевич на стеклянную гору въехал и кольцо у царевны снял.

Ждет теперь царь, когда царевич приедет, который у царевны перстень снял, да никто не является.

Приказывает царь созвать к себе всех своих подданных, чтобы дознаться, кто у царевны перстень снял. Обыскали и обоих старших братьев, да кольца у них нет.

Кличут под конец и дурака, а у него палец тряпицею обвязан. Развязали тряпицу — видят: у него на пальце перстень царевны.

Старому царю этакий зять, которого все дураком считали, не больно нравился, да только как приехал меньшой брат на своем алмазном коне да в алмазном платье, тут царь и понял, что другой дурак поумнее иных умных бывает.

(Из сборника П. Шмита, т. IV)

УМНЫЙ КОНЬ

Один батрак работал у своего хозяина за грош в год. Проработал он год, получил грош и бросил его в пруд — грош и пошел на дно. Поглядел батрак и говорит:

«Видно, плохо я работал, коли грош на дно пошел. Буду еще один год за грош работать».

Проработал другой год, получил второй грош и опять в пруд бросил — грош опять на дно пошел. Говорит батрак:

«Видно, и этот год плохо я работал, коли опять грош на дно пошел. Буду еще третий год за грош работать».

Проработал третий год, получил третий грош и снова в пруд бросил — тут все три гроша поверх воды выплыли. Взял он те три гроша и говорит с радостью:

«Ну, работал я ладно, теперь с этими грошами в свет пойду!»

Пошел в свет и встречает человека с чесоточным конем. Разговорился с ним:

«Ты куда с этаким чесоточным конем едешь?»

«Никуда не поеду, веду этого чесоточника на убой!»

«Ах, не убивай ты его, продай ты мне лучше этого замученного беднягу за мое годовое жалованье!»

Ладно. Взял батрак коня и отдал человеку свое годовое жалованье — один грош. Человек спрашивает, удивляется:

«Да разве у тебя только и было за год жалованья, что один грош?»

«Больше не было. Пойди к моему хозяину, спроси, коли не веришь!»

Пошел ли человек тот к хозяину, аль нет, то неведомо, а только поехал батрак на чесоточном коне к банщику и говорит:

«Истопи мне баню за мое годовое жалованье!»

Ладно, истопил. Повел батрак своего чесоточного коня в баню и мыл да парил его в теплом, нежном пару и один раз и другой раз, и

третий раз. Как стал мыть в третий раз — чесотка отвалилась, заблестел конь, гладким сделался.

Отдал батрак банщику за истопленную баню свое годовое жалованье, второй грош, и уезжает. А банщик удивляется:

«Да разве у тебя только и было за год жалованья, что один грош?»

«Больше ничего не было. А коли не веришь, спроси у моего хозяина».

Сказал это батрак, хлестнул своего коня и ускакал — только и видели его. Ехал, ехал — и пришло ему в голову:

«Неладно это! Конь у меня блестит, как только что из воды, а у меня у самого рабочая одежина!»

Покуда этак он раздумывал, видит — идет ему навстречу человек в праздничном уборе.

«Слышь, дружище! — кричит ему батрак громко. — Давай обменяемся одежиной! Надобно мне в свет ехать, а в старом болтаться не хочется. Дам я тебе в придачу свое годовое жалованье!»

Тот сразу же согласился — снимает свою одежду, надевает батрацкую.

«А где же годовое жалованье в придачу?»

Отдает батрак третий грош и на коня садится.

Удивляется человек: «Да разве у тебя только и было за год жалованья, что один грош?»

«Ничего больше не было. А коли не веришь, пойди к моему хозяину, у которого три года работал, да спроси».

Сказавши это, подхлестнул батрак своего коня и ускакал, — только и видели его.

Ехал, ехал — видит: на дороге лежит серебряное перо. Слезает с коня, хочет поднять. А конь и говорит:

«Не бери! Свое несчастье подымешь!»

Батрак не послушался, взял. Едут дальше. Проехали немного — видит: лежит золотое перо. Слезает с коня — взять и это. Конь опять говорит:

«Не бери! Свое несчастье подымешь!»

Да тот не слушается, опять взял. Проехал еще немного — видит: лежит на дороге алмазное перо. Слезает с коня, чтоб и это поднять. А конь опять говорит:

«Не бери! Свое несчастье подымешь!»

Да батрак все-таки берет и берет. Вот со всеми тремя перьями едет он дальше. Приехал к одному царю, спрашивает:

«Нет ли какой работы?»

Царь говорит: «Мой старый конюх на свадьбу ушел, убери-ка ты покамест коней!»

Ладно. Это парню как раз по душе. Да только новый конюх днем за конями вовсе не ухаживает, только ночью.

Пошел царь ночью нарочно подглядеть, как это можно ночью видеть да работать. Подошел к двери конюшни, в замочную скважину подглядывает — видит: полна конюшня серебряного света. Диву дался царь, спрашивает:

«Что это за свет?»

Показывает батрак свое перо: «Серебряный свет вот от этого!»

Пристал тут царь, чтобы отдал ему батрак то серебряное перо:

«Отдай да отдай!»

Отдал. Как не отдать, коли сам царь этак просит?

Да на другую ночь опять пошел царь подглядывать, как теперь батрак без серебряного света обойдется. Пришел — глядит: полна конюшня золотого света. Еще пуще к батраку пристал:

«Отдай да отдай мне светящееся золотое перо».

Отдал. Что станешь делать, коли сам царь этак просит?

Да на третью ночь опять идет царь подглядывать, как батрак убираться станет без золотого света! Пришел — глядит: полна конюшня алмазного света. Еще пуще стал батрака просить:

«Отдай-ка ты мне это светящееся алмазное перо».

Отдал. Что станешь делать, коли сам царь этак просит?

Да только тут и вышла потеха. Приходит старый конюх со свадьбы, а царь ему от работы отказывает:

«Молодой конюх лучше, у него всякие перья светящиеся, а у тебя что?»

Кольнуло у старого конюха в сердце от обиды да несправедливости. Задумал он новому конюху отплатить — стал царю наговаривать, что хвастался молодой конюх, будто может он самое птицу со светящимися перьями добыть, коли только захочет.

Царь легковерный был, ему что? — кличет он парня, чтобы сейчас же ему достал таких птиц, как эти перья!

Идет парень к своему коню, сказывает ему, что царь приказал сделать.

Конь говорит:

«Садись на меня, поедем!»

Ехали, ехали — подъезжают к одному домику. Конь останавливается и наказывает:

«Ты в домик заходи — переночуешь, а я на дворе останусь. Завтра скажу, что дальше делать надо».

«Ладно!»

Вошел парень в домик, выспался. Наутро встал, хочет коня накормить да куда там — конь уж накормлен и говорит ему:

«Иди теперь из первого покоя во второй, там найдешь серебряную, золотую да алмазную птицу. Потом иди в третий покой, там найдешь красавицу-царевну. Под конец иди в четвертый покой, там найдешь две маленьких скляночки — заплети их в самый кончик своей верховой плети, одну вправо, другую влево. Тогда бери царевну, бери птиц и садись на меня. Встретится нам дорогою широкая река, никак через нее перебраться нельзя будет. А ты хлестни плетью со склянками по воде — вода сразу же и разойдется по обе стороны: переедем как по сухому месту, а в скляночки зачерпнется вода: в одну — вода молодости, а в другую вода старости, направо вода молодости будет, а налево — вода старости. Сохрани обе!»

Молодой конюх сделал все, как конь наказывал: заплел скляночки в плеть, взял девицу, забрал птиц. По дороге домой встретилась им широкая река. Хлестнул он плетью — скля-

ночки налились водой, река разошлась — как по суше проехали.

Приезжает конюх домой — у царя первым словом:

«Птиц добыл?»

«Добыл!»

Да царевну и скляночки с чудесной водой не стал еще показывать — спрятал их на конюшне.

Получил царь серебряную, золотую да алмазную птиц — и крепко обрадовался.

А старый конюх стал опять царю наговаривать, что хвастался молодой конюх, будто может привезти царю самую красивую невесту, какую только в свете сыскать можно.

Кличет царь молодого конюха и приказывает ему сыскать для него самую красивую невесту, какая только есть на свете.

Конюх отвечает:

«Чего мне еще искать? У меня такая уж под руками!»

И приводит из конюшни невесту, да такую пригожую, как солнышко.

Да невесте царь не полюбился: больно стар уж, то да се.

Царь запечалился: «Не стану больше ни пить, ни есть!»

Тут старый конюх опять врет царю да наговаривает, будто хвастался молодой конюх, что может принести царю воду молодости, пусть только пошлет его за зельем царь.

Кличет царь молодого конюха и тут же его за водою молодости посылает:

«Полсвета обойди, а сыщи!»

Парень отвечает: «Что тут еще искать? Она у меня под руками!»

Расплетает он плеть и подает царю ту скляночку, что вправо была вплетена.

Выпил царь из скляночки зелье молодости и таким молодым да статным сделался, что поглядеть любо. А только царь больно жаден был — увидал он в руках у конюха другую скляночку и захотел еще выпить, чтоб еще больше помолодеть.

Да только как выпил царь из левой скляночки, так сразу же и зачал стареть да стареть, покуда тут же на глазах у всех и помер.

Тут уж остался молодой конюх заместо царя, женился на красавице-царевне и жил без беды да горя.

(Из сборника П. Шмита. т. VII)

ЧУДЕСНЫЙ ЖЕРЕБЧИК

У одного короля было три сына: два умных, третий дурак. И был у короля луг, а с того луга каждую ночь пропадало по копне сена.

Нечего делать — велит король своим сыновьям тот луг сторожить.

В первую ночь старший сын пошел, да в самую полночь так ему спать захотелось, что заснул он и ничего не устерег.

На другую ночь пошел средний сын, да и на этого сон напал, а копны нет как нет.

На третий вечер просится дурачок, чтобы его этою ночью сторожить пустили. А король пускать его не хочет:

«Как же ты, дурень, устережешь, коли твои старшие да умные братья ничего не устерегли? Где уж тебе!»

А потом и подумал король: «Пусть себе идет, — будь, что будет!»

Приходит дурак на луг сторожить и со сном борется. К полночи никак больше выдержать не может — так сами глаза сладко и слипаются. Думает дурак:

«Этак ничего не выйдет. Дай-ка подлезу под копну, вытяну руки да ноги пошире и буду спать спокойно. Коли станет кто красть сено, так все равно мне на руки, либо на ноги наступит — я и проснусь».

И верно! Только это он уснул как следует, приходят воры, — белая кобыла с двумя жеребятами, и давай сено есть из той копны.

И не приметили едоки, как наступили дурачку на большой палец правой ноги. Проснулся дурачок, хвать кобылу за поводья и вскочил на нее.

Кинулась кобыла вскачь как ветер, пятьсот миль отмахала, а дурачку нипочем — скачи хоть шесть сотен.

Остановилась под конец кобыла, отдышалась чуть-чуть да и говорит:

«Одолел ты меня, теперь уж я твоей стала. Отдай меня твоему старшему брату, моего старшего жеребенка — среднему брату, а этот недоуздок да младшего жеребенка себе оставь. Коли понадобится тебе что-нибудь когда, так звякни недоуздком и пожелай, чего хочешь — тут же все перед тобой будет. А когда надумаешь лихо поскакать, так звякни недоуздком и

крикни: «Жеребеночек!» — сразу же мой меньшой жеребенок появится, только засверкает».

Поблагодарил дурачок и домой едет. Отдал кобылу старшему брату, старшего жеребеночка среднему брату отдал, а себе меньшого жеребеночка да недоуздок оставил.

Да стоило ли старшим братьям давать?

Сразу же, на другой день утром, отвели они кобылу с жеребенком на базар и продали. А дурачок не таков: поставил он своего меньшого жеребеночка в конюшню и давай его обхаживать без устали.

Недалеко от королевского замка жила ведьма. Приходит она через некоторое время к королеве и говорит ей:

«Слышь, что мне ведомо? Коли ты до завтрашнего утра дурака не прикончишь, так он тебя в гроб вгонит. Вот тебе зелье, подсыпь его дураку к еде — все ладно и будет!»

Королева думает: «Ведьма ведь лучше знает, надо слушаться».

Изготовила она смертельную еду — кличет дурачка. А тот идет сперва в конюшню своего жеребенка накормить. Жеребенок стоит, голову повесив и на еду вовсе не глядит.

«Что с тобой, жеребеночек, чего заскучал?»

«О себе я не забочусь! — отвечает жеребенок. — А вот тебя жалко. Хочет тебе мать смертельной еды дать. Не ешь ни за что! Лучше отдай ту еду чорному коту, который в покое сидеть будет».

Дурачок так и сделал. Отдал коту еду — кот сдох. Выбросил дурачок кота за окно, а сам идет к матери, сказывает, что поел мол.

Мать еще спрашивает: «Вкусно ли было?» и ждет, когда это дурачок помирать станет.

А дурачок отвечает:

«На диво вкусно!»

И не умирает, да и только.

На другой день рано приходит ведьма и спрашивает:

«Где дурачка хоронить станете?»

«Что ты! Что ты! Еще не помер — уже хоронить!» — отвечает мать со злостью.

А ведьма опять стращает ее:

«Не хочешь дурачка по-добру убрать, так он тебя завтра прикончит. На вот новое зелье, свари вкусного мяса и прибавь к нему — будет ладно!»

Королева верит. Ставит котелок и варит своему сыну смертельную еду. Как только котелок снят, кличет дурака есть. А тот опять сперва на конюшню идет своего жеребенка накормить.

Стоит жеребеночек такой же опечаленный.

«Что с тобой опять жеребеночек?»

«Да вот, сварила мать смертельное мясо. Гляди — только не ешь! Обмакни краешек скатерти в блюдо с мясом — тогда увидишь».

Дурачок так и сделал. Обмакнул краешек скатерти в блюдо — скатерть сразу вспыхнула синим пламенем и сгорела со всем мясом.

Спрашивает мать, было ли вкусно, и ждет его смерти, а тот и не думает помирать.

Наутро чуть свет приходит ведьма и спрашивает коротко:

«Готов ли дурак?»

«Нет! — отвечает королева. — Что ни дашь ему — нет и нет!»

«Погоди, уж я узнаю. Никто другой в этом не виноват, как жеребенок — надобно его раньше убрать. Прикажи дураку убить жеребенка и вынуть у него сердце».

Ладно. Приказывает дураку убить жеребенка и вынуть у него сердце.

Дурачок не отвечает ни да, ни нет — идет на конюшню посоветоваться с жеребеночком.

«Что теперь делать?»

Жеребенок отвечает:

«Иди к самому королю и проси на коленях. чтоб позволил тебе последний раз на мне по двору проехаться. Скажи ему, что смотрел за мной, а ни разу еще не ездил верхом. Он позволит. Тогда надень на меня данный тебе матерью моей недоуздок и поезжай вокруг двора три раза!»

Идет дурачок к отцу, и тот уважил просьбу. Надевает он тогда на жеребенка недоуздок и объезжает вокруг двора три раза — все глядят.

Да только как объехал третий раз, не успел и попрощаться — поднялся жеребенок на воздух и улетел как мотылек с дурачком в чужие края.

Только на другой день, в другом царстве спускается жеребенок на землю и говорит:

«Теперь сними с меня недоуздок, звякни им и пожелай себе одежду из звериных шкур, мохнатой стороной кверху, всю из одного куска. Потом спрячь недоуздок под шубу и ступай прямо в столицу, да ничего не говори. Коли кто о чем спрашивать да выпытывать станет, отвечай: «Не знаю, не знаю!»

Вот идет дурачок в шутовском наряде в город. Горожане сразу же обступили его:

«Кто такой, откуда идешь?»

«Не знаю, не знаю!»

«Не знаешь — экий шут! Что тут с этаким еще разговаривать? Отвести его к королю, тот разберет!»

Приводят к королю. Там то же самое:

«Не знаю, не знаю!»

Махнул царь рукой и посылает придурковатого к садовнику — пусть даст ему какую-нибудь работу, себе на пропитание ведь заработает.

Садовник велел дурачку сад вычистить. Сел дурачок в саду, звякнул недоуздком и пожелал:

«Хоть бы сад чист был!»

Сразу же все деревья вырываются с корнями и уходят по воздуху: через минуту — весь сад чист, ни одного деревца.

Прибегает садовник, кричит:

«Ты что, с ума спятил? Сейчас же к королю!»

Велит король дать дураку пять розог и сдать его к водоносу.

Водонос приказывает дурачку:

«Принеси в дом воды!»

Идет дурачок к озеру, звякнул недоуздком и пожелал:

«Вот были бы сорокаведерные коромысла, да кабы мог я этакие ведра снести!»

Сразу же появилось у дурака на плечах огромное коромысло с большущими ведрами. Носит он воду и наливает через трубу в дом Скоро полон дом воды до самой трубы.

Прибегает водонос и кричит:

«Ты что, с ума спятил? Сейчас же к королю!»

Велит царь всыпать дураку десять розог и сдать его дровосеку.

Дровосек приказывает нарубить дров и отнести для всего города.

Идет дурачок в лес, звякнул недоуздком и пожелал:

«Вот была бы такая веревка, чтобы можно было сто сажен леса да своей силой в город затащить!»

Сразу же появляется веревка. Захватывает дурачок той веревкой кусок леса и тащит домой.

Младшая дочь короля сидит у окна, глядит да диву дается:

«Вон какие чудеса бывают: идет человек впереди, а лес за ним следом!»

Услыхал это царь, выбегает дурачку навстречу и кричит:

«Что ты, с ума спятил? Дворец мой опрокинешь. Сейчас же бросай веревку и ступай — прикажу всыпать тебе пятнадцать!»

В тот день как раз все три королевны себе женихов выбирали. Обе старших дочери выбрали себе двух королевичей, а младшая дочь сама не знает, кого выбрать. Да король не уступает:

«Живо сказывай, кого взять надумала!»

Та ничего сказать не может.

«Вот несчастье! — кричит король в сердцах. — Так возьми себе хоть того дурачка, только без мужа тебя не оставлю, так я хочу!»

«Ладно! Возьму того самого дурачка!» — отвечает дочь.

«Нечего делать, что сказано — сказано!» — думает король и велит обвенчать дурачка со своей младшей дочерью.

Проходит доброе время. Дурачок живет со своей женой в большем согласии да ладу, чем обе старшие дочери со своими королевичами. Хоть никто и не хотел этому верить, да так оно было.

Тут в один несчастный день — откуда ни возьмись — появился чорт на горе у города и требует, чтобы каждый год посылали ему по человеку, а в первые годы чтоб отдали ему королевских дочерей, а нет — так разнесет он все государство.

Нечего делать — приходится отвести к нему сначала старшую королевну. Все в этот день горевали. Дурень тоже казался печальным, да на уме у него другое было.

Как пошли все провожать королевну на чортову гору, звякнул он недоуздком и крикнул:

«Жеребеночек!»

Сразу прискакал серебряный конь в серебряной броне, с серебряным мечом и говорит:

«Влезай мне в левое ухо, вылезай в правое!»

Вылезает дурачок из правого уха весь в серебре. Хватает он серебряный меч, вскидывает на коня и едет окольным путем навстречу старшей королеве. Подъехал — здоровается.

Та отвечает:

«Чего ты меня искушаешь?» И думает про себя: «Вот, вероятно, сам чорт!»

Да в это самое время выходит из горы настоящий чорт, с шестью головами, и собирается схватить королевну.

Дурачок больше не ждет — хвать чорта серебряным мечом: отрубил все головы сразу.

Не узнает его царевна, благодарит да спрашивает:

«Скажи, чем могу отплатить тебе за спасение?»

«Скажи королю спасибо за пять плетей!» — отвечает дурачок да исчезает на серебряном коне в лесу.

Там серебряный конь останавливается и говорит:

«Влезай теперь в правое ухо и вылезай через левое!»

Дурачок так и делает — глядь! — серебряного платья уж и нет на плечах.

На другой год снова чорт — уж другой, девятиголовый — забирается на ту же гору. Требует он, чтобы отдали ему среднюю королевну.

В тот день, как итти королевне к чорту, опять звякнул дурачок недоуздком и кричит:

«Жеребеночек!»

Сразу прискакал золотой конь, в золотой броне, с золотым мечом и говорит:

«Полезай мне в левое ухо и вылезай в правое!»

Вылезает дурачок из правого уха весь в золоте, схватил золотой меч, прыгнул на коня и едет окольным путем королевне навстречу. Подъехал — здоровается.

Она думает, что это — сам чорт, потому и отвечает:

«Чего ты меня искушаешь?»

Да в тот же миг выходит из горы сам девятиголовый чорт и хочет схватить королевну.

Дурачок как хватил его золотым мечом — все девять голов сразу отлетели.

«Как отблагодарить мне тебя за спасение?»— говорит королевна.

«Скажи королю спасибо за десять плетей!»— отвечает дурачок и пропадает в лесу.

На третий год опять новый чорт, двенадцатиголовый, забирается на ту гору. Требует он, чтоб отдали ему третью королевну, жену дурачка. В тот день, как жене дурачка итти к чорту на гору, звякнул он недоуздком и кричит:

«Жеребеночек!»

Сразу прибегает алмазный конь, в алмазной броне, с алмазным мечом и говорит:

«Сегодня будь поосторожнее! Выйдет там из горы громадный великан о двенадцати головах да с ним еще двенадцать кузнецов будет. Коли успеют те кузнецы по разу ударить по наковальне, так явится к ним еще двенадцать кузнецов. Убей сперва кузнецов, а потом уж и великана одолеешь. Понял?»

«Понял, понял!»

«Ладно! Влезай теперь мне в правое ухо, вылезай в левое!»

Влезает дурачок, как сказано, и вылезает из левого уха весь алмазный. Схватил он алмазный меч, вскочил на алмазного коня и скачет окольным путем жене навстречу. Подъехал — здоровается.

Та думает, что это — сам чорт, потому и отвечает:

«Чего ты меня искушаешь?»

В этот миг выходит из горы и двенадцатиголовый великан со своими кузнецами. Соби-

раются кузнецы ударить по наковальне, а дурачок накинулся на них и так быстро всех зарубил, что ни один ни разу по наковальне и не стукнул.

Двинулся тут дурачок на великана, да тот одним ударом загнал его в землю по колена.

Подскочил тут жеребенок и вырвал его из земли. Схватился дурачок опять с великаном, да тот загнал его теперь по бедра в землю. Вырвал жеребенок дурачка еще раз из земли. Замахивается дурачок мечом изо всей силы. На этот раз помогло: отрубил алмазный меч у великана одну ногу до самого туловища.

Трахнулось громадное туловище великана наземь со всеми двенадцатью головами. Дурачок вспрыгнул на туловище и давай рубить головы, — рубит одну за другой, как дрова. Алмазный меч раскалился. Отрубил все головы— великан и сдох.

Да только у самого дурачка рана на ноге — кровь течет.

Жена его живо вытаскивает платочек, перевязывает рану и говорит:

«Не знаю, как мне и отблагодарить тебя за спасение?»

«Скажи королю спасибо за пятнадцать плетей — больше ничего не надо!»

Сказавши это, вскакивает дурачок на своего коня и пропадает в лесу. Там конь говорит ему:

«Влезай теперь в правое ухо, вылезай в левое!»

Дурачок так и делает — все алмазное с него пропало.

Приходит он домой, а жена к нему навстречу:

«Знал бы ты, кто меня спас? Алмазный всадник на алмазном жеребчике, я ему раненую ногу своим платочком перевязала».

«Ну, значит, и совсем хорошо!» — отвечает дурачок и больше ни слова.

Да вечером, спать укладываясь, увидала жена на ноге у мужа свой платочек и совсем растерялась: и верить не хочет. Поглядела еще раз: так и есть!

Пристала она к мужу, чтобы рассказал ей всю правду.

Чего тут много хитрить? Он и рассказывает.

Жена дурачка тут же к королю. Подымает его с постели и подробно рассказывает о всех подвигах дурачка.

С тех пор стал дурачок любимым зятем короля. Сказал ему король:

«Как я помру, ты вместо меня королем останешься!»

(Из сборника П. Шмита. т. VII)

КОНЬ ВЫРУЧИЛ

Как-то поздним вечером пришел в корчму нищий и попросился ночевать. Ему позволили.

Пожевал нищий сухую корочку хлеба и сейчас же полез на печь спать. Да только не спится нищему — уже и полночь пришла, и все никак заснуть не может.

Вдруг слышит нищий — вылез корчмарь из постели и будит жену:

«Жена, жена! пойди со мной в кладовую, наточим большой нож — надо того нищего зарезать!»

Испугался нищий до-смерти. Пока те в кладовой нож точат, дабай он к воротам пробираться. А ворота на запоре. Нечего делать — шмыгнул он в конюшню тут же рядом. Да и в конюшне схорониться негде.

Трясется нищий от страха. Тут один конь сжалился и говорит:

«Ведаю, ведаю, чего ты хочешь! Схорониться — так ведь? Иди-ка, полезай под этот чурбан, тут тебя не пронюхают».

Схоронился нищий под чурбаном.

Корчмарь с женой по всему двору его ищут. Прибежали под конец и в конюшню — понюхали там-сям да не нашли. Пошли назад, отплевываясь.

Конь и говорит:

«Вишь, как выручил! Теперь беда прошла. Вылезай из-под чурбана смело, пойди в лес и срежь себе там батожок. В тот батожок вгрызу я тебе такой заговор, что сможешь ты всякие несчастья, им помахивая, отогнать!»

Ладно. Раз, два — принес нищий батожок. Вгрыз конь туда какие-то слова, опять отдал нищему и говорит:

«Пойди с батожком на двор, помахивай им в воздухе и принеси старый кусочек веревки да дощечку, что там валяются».

Ладно. Принес.

Фыркнул теперь конь, а потом и говорит:

«До сих пор все ладно! Теперь пойди, батожком помахивая, в хлев — там телка стоит,

обвяжи ей вокруг шеи кусок веревки и приведи сюда на поводу».

Ладно. Раз, два — телка тут.

Конь опять фыркнул и говорит нищему:

«Забирай теперь телку, забирай дощечку, забирай батожок да садись на меня со всем добром!»

Вскинул нищий телку коню на шею, сунул дощечку под мышку, батожок в руку взял и поскакал, только его и видели.

Ехал, ехал — вдруг река. Конь и говорит: «Кинь дощечку в реку!»

Кинул он дощечку — откуда ни возьмись — мост. Переехали по мосту — только прогудело.

По ту сторону моста остановился конь и приказывает нищему:

«Принеси камней, собери дров, разведи на камнях костер — на том костре телку надо сжечь!»

Ладно.

Только сгорела телка, как из пепла выходит прекрасная девица. Женился на ней нищий и жил счастливо.

(Из сборника П. Шмита, т. VII)

ВОЛК ДЕВОЧКУ ОСВОБОДИЛ

Вышла девочка на дорогу и давай играть. Проезжали мимо литовские возницы, схватили девочку и продали разбойникам.

Разбойники хотели зарезать девочку и съесть, да она больно тощая была. Посадили разбойники девочку в бочку и поставили на опушке

леса. Каждый день носили они ей еду и кормили через втулочную дырочку.

Приходят они как-то и приказывают, чтоб высунула девочка через втулку палец — коли будет палец круглый, то убьют.

Была уже темная ночь. Разбойникам ничего не разглядеть. Высунула девочка палочку. Потрогали разбойники палочку:

«Тощая девчонка еще!» — думают они и пошли домой.

Тут приходит волк. Пронюхал он запах человека и хочет девочку из бочки вытащить. Стал он у бочки возиться и повернул как-то хвост к самой втулке. А девочка схватила волчий хвост да и втащила его к себе в бочку.

Испугался волк, стал удирать, а девочка уцепилась за хвост — не отпускает. Потащил волк бочку по лесу, пока бочка не разбилась.

Тут кинулся волк наутек, а девочка освободилась из рук разбойников.

(Из сборника П. Шмита, т. VII)

МУЖИК И СТАРАЯ БЕРЕЗА

Жил-был мужик. Нельзя сказать, чтоб был он богат, да только и не беден, — так себе. Вот раз собрал мужик хороший урожай — стоят высокие скирды, а нет дров, чтоб подсушить да обмолотить жито.

Что тут делать? Коли в лес пойдешь да богом выращенный лес рубить станешь — отберет лесник топор, а барин с земли прогонит, у самого же у мужика денег нет, чтобы дров купить.

А росла у мужика в саду старая береза, этой бы березой можно было две риги жита обмолотить, да баба рубить березу не позволяет. Надумал мужик срубить ту старую березу тайком от бабы.

В одно утро, еще до свету, пока хозяйка спит, выходит мужик в сад с топором и хочет срубить старую березу.

Только изготовился рубить, тут старая береза и взмолилась:

«Хозяин дорогой! Не руби ты меня! Какая тебе с меня корысть?»

«Корысть не велика, а хватит дров две риги жита высушить!» — отвечает мужик, опуская топор.

«Не руби! — говорит опять береза. — Пойди в избу, там у тебя столько денег будет, что сможешь дров купить, сколько захочешь».

Идет хозяин в избу — верно! — полон угол денег.

Мужик сразу же к барину — покупает дрова и велит за деньги привезти на дом.

Все диву дались: не намолотил еще ни зерна, а уже у него столько денег. А мужик и слушать ничего не хочет — зажил богато.

Жил, жил мужик богато да широко, пока не надоело. Тогда схватил он топор и опять в сад идет — березу срубить хочет.

Взмолилась опять старая береза:

«Не руби ты меня! Какая тебе с того корысть будет?»

Мужик отвечает:

«Какая мне с тебя корысть будет? Да должен же я тебя все же срубить так или этак. Одно вот,

коли сделала бы ты меня барином, так уж я бы тебя расти оставил».

«Ладно, не руби, будешь ты барином! Да только должен ты обождать, пока барин помрет».

Мужик уходит.

Через короткое время пришли вести с барского двора, что помер барин и никого в наследниках не осталось. Собирается вся волость нового барина из своих мужиков выбирать.

Наш мужик туда как гвоздь.

Собрались все, давай судить да рядить:

«Кого выбирать?»

«Ну, кого же выбирать? Надобно выбирать такого, у которого денег поболе, тогда уж, вестимо, могарыч будет!»

Выбирают все единогласно нашего мужика.

Живет наш мужик теперь барином. Жил, жил, да только и такая жизнь ему скоро наскучила. Сговаривается он с женой опять итти березу рубить.

Просится старая береза:

«Не руби ты меня! Какая тебе с того корысть будет?»

«Коли стану я царем — можешь ты дальше расти, коли нет — срублю тебя!»

«Будешь, будешь царем! Да только должен ты обождать, покуда этого царя на войне убьют».

Через некоторое время началась война, царя-то на войне убили. Созывают тут всех господ и выбирают из них царя.

И вот диво! Выбирают царем бывшего нашего мужика, теперешнего барина.

Некоторое время новый царь будто доволен своей судьбой. Да кто же наполнит бездонную

бочку? Захотелось мужику самим богом стать. Схватил он топор да к старой березе:

«Коли сделаешь меня богом — не стану еще тебя рубить, коли нет — срублю!»

Задумалась старая береза, а потом и говорит:

«Попробуем это сделать. Вели запрячь четырех вороных коней и поезжай с женой да детьми за три мили, в сторону моря, к большой сосновой горе. Там вы с женой вылезайте — тут и станете вы богами».

Царь тут же домой — и точь-в-точь исполняет приказание старой березы.

Только подъехали к сосновой горе, велит он остановить коней, и оба с женой, каждый с своей стороны, выскакивают из кареты.

Да только ступили они на землю, как сразу же обернулись в медведей, стали на четвереньки и кинулись в лес.

Повернул кучер коней назад и поехал с детьми домой. Ну, дети теперь и царствуют заместо отца.

(Из сборника П. Шмита, т. VII)

ПАРЕНЬ, РАК, КРЫСА ДА ЖУК

У одного царя была дочь, которую никак рассмешить нельзя было. Велел царь объявить:

«Кто мою дочь рассмешит, тому и отдам ее в жены!»

Как проведали об этом женихи — на другой уж день полон царский дворец вельможами всякими. Да только все зря: делай, что хочешь — губы у царевны даже не улыбаются.

Разнеслась молва об этом далеко и докатилась под конец до убогой избушки, в которой жил бедный седой старик со своим единственным сыном.

Старик и говорит сыну:

«Сынок мой милый! тебе всегда улыбалась матушка Лайма. Пойди, попытайся на свое счастье рассмешить царевну, кто знает — может и удастся».

«Отец, коли ты велишь, так я сейчас же и пойду!»

Взял парень свою кожаную сумку и пошел.

По дороге встречает рака. Рак просит:

«Паренек милый, не наступай на меня — брось лучше меня в свою сумку, может и пригожусь тебе в черный день!»

Бросил парень рака в сумку и шагает дальше. Через некоторое время встречает он крысу. Крыса просит:

«Паренек милый, не убивай меня — брось лучше в свою сумку, может и пригожусь тебе в черный день!»

Парень так и сделал. Через некоторое время встречает он жука. Жук просит:

«Паренек милый, не наступай на меня — брось лучше меня в свою сумку, может и пригожусь тебе в черный день!»

Парень так и сделал.

На другой день, к самому ужину, приходит он со своими тремя товарищами в царский замок и говорит, что пришел царевну смешить.

Царь говорит:

«Ладно, ладно, только сперва положи свою сумку да иди ужинать».

«Поесть — это я могу, да только вот с сумкой ни за что не расстанусь!» — отвечает парень и садится за стол рядом с царевной.

На ужин варили горох. Все едят молча.

Вдруг крыса в сумке почуяла запах гороха и давай облизываться: «Тип! тип! тип!»

Рак как услыхал это, так тоже забеспокоился да завозился и давай своим хвостом по засохшей сумке хлопать: «Лип! лип! лип!»

А жуку чего ждать? Тот, вестимо: «Бим-бам! бим-бам!»

Царевна спрашивает:

«Кто это там под столом дурачится?»

«Да кому там дурачиться? Горошины в желудке в мире жить не могут: биться начинают!»

Ах ты, светики мои! Это было удачно: царевна от души рассмеялась.

Царь тут же встал и говорит:

«Тебе она принадлежит — ты мой зять!»

А на другой стороне стола чужеземный царевич сидел: он тоже пришел царевну смешить. Завидно царевичу, что бедный парень царевну получил.

После ужина дал царь своему зятю нарядное платье, которое завтра надеть надобно, а чужеземный царевич посулил царскому лакею большие деньги, коли тот ночью украдет нарядное платье. Надумал чужеземный царевич то платье тайком одеть и царским зятем объявиться.

По первому сну ползет лакей, чтобы платье выкрасть. Да только приоткрыл он немного дверь, как жук — бим! — лакею прямо в глаз.

Схватился тот за глаз, бросил дверь полуот-

крытой и сам наутек. У второй двери опомнился лакей, приостановился, а жук тут — бам! — во второй глаз.

От боли бросил лакей и вторую дверь открытой.

Тут уж пришла пора для крысы да рака: чужеземный царевич уснул, обе двери открыты — теперь и отплатить ему можно. Взялась крыса грызть одежду мошенника, а рак лохмотья вон вытаскивает.

Проработали они этак до самого утра — осталась у чужеземного царевича только рубаха нательная цела.

Утром разговоры были короткие — вылетел чужеземный царевич из зȧмка как мотылек, а бедный парень стал царским зятем.

Забрал молодой царский зять своего старого отца в зȧмок и живет себе счастливо со своей женушкой.

(Из сборника П. Шмита, т. VII)

ЗМЕИНАЯ КОРОНА

Жил-был один дровосек. Был он очень беден и каждый день ходил в лес дрова рубить.

Идет раз субботним вечером дровосек со связкой хвороста за плечами из лесу и видит: лежит на пне змея с золотою короною на голове.

Увидал дровосек, что змея спит, подобрался он к ней, схватил корону да и пустился бежать из всех сил.

Бежал, бежал, оглянулся назад и видит: гонится за ним змея. Бросил дровосек свой ар-

мяк, и пока змея с ним возилась — дровосек уж дома.

В понедельник утром понес он корону в город и продал скупщику золота. Получил деньги, спешит радостно домой, строит себе новый дом и живет богачом.

Как-то в мусоре старого дома находит он алмазный камушек, который выпал из змеиной короны. Поднял он камушек, вертит в руках, поворачивает, да неприметно и потер его покрепче.

Тут — откуда ни возьмись — прибегают девять черных мужиков и спрашивают:

«Чего надобно?»

Дровосек приказывает, чтобы построили они дворец со всякими яствами да питьем и чтобы перед дворцом был пригожий сад.

Построили мужики дворец и спрашивают:

«Не надобно ли еще чего?»

«Нет, не надобно!»

«Ну, коли надобно будет, так потри камушек — мы сразу же явимся».

Сказали это черные мужики и пропали.

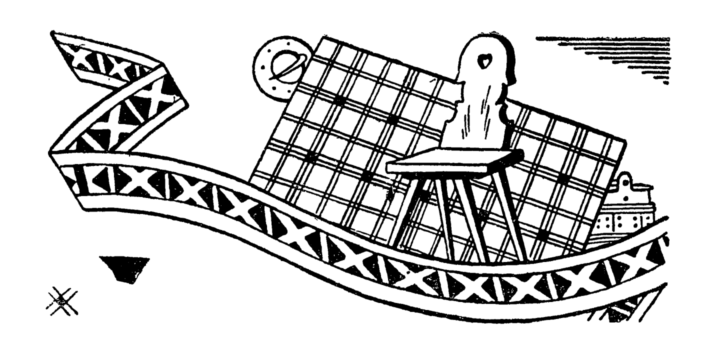
Живет теперь дровосек в своем дворце, а камушек на окно положил.

Вот раз, когда самого старика дома не было, пролетела мимо дворца большая черная птица. Увидала она на окне алмазный камушек, схватила его и улетела.

Только отлетела птица — сразу же пропал дворец с садом.

Пришел старичок и очень приуныл. Должен он теперь в своем старом доме жить без всякого богатства да роскоши.

(Из сборника П. Шмита, т. VII)

КАК МАТЬ НЕХОТЯ ВОРОЖЕЕЙ СТАЛА

У одной матери был очень ленивый сын — только и делал, что дома на печи лежал да баклуши бил. Как-то мать и говорит ему: «Сынок, чем теперь питаться станем? Ты ленив, я стара стала, кто же на хлеб заработает?»

«Ничего, мать! Знаю я, как еды нам добыть: тут у соседей завтра к свадьбе быка резать будут — я того быка украду!»

«Что ты, сынок, этого и не думай делать — это великий грех!»

«Никакого греха не будет. Я того быка в самом-то деле красть не стану, а уведу со двора, привяжу к сосне да и скажу соседям, что моя, мол, матушка — великая ворожея, что поворожила она да и сказала — там, мол, и там стоит тот бык, к сосне привязан. Ну, сосед нам на радостях даст еды, сколько хочешь».

Противится мать, не велит этого делать, да сын не послушался — украл быка, отвел в лес и хвастается соседям:

«Моя мать ведает, мать ведает — наворожила она, что бык в лесу к сосне привязан».

Пошел сосед в лес — и находит быка. Ну, на свадьбе пустил сосед по полусвету молву, что мать того ленивого парня—великая ворожея: наворожила она ему, куда пропавший бык делся, и еще, мол, про всякую всячину рассказала.

И — что ж вы думаете? — дошла эта молва до самого царя. Вон как!

Вот раз и вышло дело — пропал у царевны дорогой перстень. Искали. искали до одури — нет и нет.

Тут царь и надумал: посылает он за той прославленной старухой-ворожеей.

«Поворожи-ка, сделай милость, куда пропавший перстень девался!»

Всплеснула старая мать руками:

«Что сын-то наделал, что наделал — вгонит мать-старуху в беду!»

А царь никаких отговорок и слушать не хочет:

«Знай ворожи, да живо, чего там много церемониться — что знаешь, то и сказывай!»

Нечего делать — усаживается старуха поудобнее и только просит царя:

«Дай-ка три дня сроку подумать!»

«Ладно! Хоть четыре!—отвечает царь.—Знай только ворожи!»

Вот мать-бедняжка сидит, сидит, голову повесив, — просидела весь день, а вечером только и могла, что вздохнуть:

«Так — вот уже у меня один!»

Мать про себя думала и сказать хотела: «Так-вот уже у меня один день и прошел!» —

А кухарка, которая с двумя царскими лакеями вместе тот перстень украла, крепко испугалась слова «один» — подумала, что это старуха об одном воре говорит.

Ладно.

Просидела мать весь второй день и вечером вздыхает печально:

«Так — вот уже у меня и два!»

Первый лакей, как услыхал это, толкнул кухарку в бок:

«Нас обоих уже выворожила эта ведьма!»

На третий день к вечеру говорит мать лакеям совсем уж в отчаянии:

«Милые лакеюшки! Как бы там ни было, теперь уж все три!»

«Что? Неужто и вправду ты ведаешь, что это мы все трое крали? Сжалься, милая, золотая мамулечка, не говори этого царю — пропадем!» — взмолились лакеи да кухарка.

Мать и рот разинула:

«А ведь сын-то мой прав окажется!»

А те просят да молят.

Что тут делать? Сговариваются так: закатать украденный перстень в шарик из теста и отдать индюку, а царю сказать, что наворожила мать, будто перстень в животе у индюка.

«Ладно! Коли уж так просите — пусть будет на вашу корысть!»

На третий день вечером идет мать к царю и говорит:

«Вели индюка зарезать — он перстень проглотил».

«Вот так наворожила! Вот наворожила!» — расхохотался царь. А мать уперлась, чтоб ин-

дюка зарезали. Приказывает царь тут же индюка зарезать.

Выпотрошили индюка — верно! — перстень тут. Ну, царь на радостях одарил мать золотом да серебром и велел отвезти домой в своей карете.

Пока запрягали лошадей, пришло тут царю в голову:

«Погоди-ка, погоди, пусть она мне еще малость поворожит! Хочу я дознаться — может ли она обо всем рассказать».

А так как не было у него ничего другого под руками, то и вздумал он подложить под сиденье в карете два-три куриных яйца.

Только что мать в карету села и кучер вожжи разобрал да трогать собирается — подходит царь к карете, торопит:

Ну, садись, садись получше. Что у тебя там? Не подложено ли что под тебя, что никак усесться как следует не можешь?»

«Что там подложено! Да ведь я в такой карете, как курица на яйцах сижу! — улыбается старуха и не знает, что еще сказать на радостях.

А царь думает: «Ну, уж эта выворожила бы даже иголку в колодце!» — и дал ей еще добрую горсть золота.

Приехала мать домой и показывает сыну золото, а сын и говорит:

«Построим теперь дворец, а избенку — она уж стара больно — спалим!»

Ладно. Построили дворец, а старую избенку спалили. Да только с того дня у матери покоя не было — приходят люди со всех сторон:

«Поворожи да поворожи!»

Да сын всем отвечает:

«В нашей старой избенке сгорела книга для ворожбы — теперь моя мать ничего не знает!»

(Из сборника А. Лерха-Пушкайтиса)

КАК РАБОТНИК МЫШЕЙ ЛОВИЛ

У одного хозяина был работник — как поест с утра, так и пропадет. И так уже не раз проделывал.

Вот как-то стал хозяин искать, куда он девался? Находит — в сарае, на соломе.

Как услыхал он, что хозяин идет, кинулся на четвереньки и стоит, чтобы не похоже было, будто он спать сюда пришел.

Хозяин спрашивает:

«Что ты тут делаешь?»

Работник отвечает:

«Мышей ловлю!»

Хозяин допытывается:

«Сколько же наловил?»

Тот отвечает:

«Да вот как изловлю эту, что подстерегаю, да еще одну, так будут две».

Намылил ему хозяин спину и отвел к работе.

(Из сборника А. Лерха-Пушкайтиса)

ЛЕНИВАЯ ЖЕНА

Жила-была жена, не любила она латать. А когда муж учить стал, только ругалась — отчего зайцев не настрелял.

Пошел муж в лес стрелять зайцев. А жена забежала тайком вперед и давай петь:

«Чи, чи! Кто зайцев бьет, тот скоро помрет, а кто старые кожухи латает, тот до седых волос доживает».

Ну, муж как услыхал это, — скорей домой и говорит жене:

«Чирикала синица, что не надобно зайцев стрелять — надобно только старые кожухи латать.».

А та отзывается:

«Ну, так латай, муженек, старые кожухи, долго жить будешь!»

(Из сборника А. Лерха-Пушкайтиса)

ДОЛГАЯ ЗИМА

У одного печника была очень глупая жена. Раз пришел печник с работы, дал жене двадцать пять рублей и говорит:

«Вот, жена, припрячь-ка их! Как придет долгая зима, придется все отдать!»

Жена заперла деньги в шкаф.

В другой раз принес ей печник пятьдесят рублей, а в третий раз даже целых сто и опять наказывает:

«Вот спрячь! — Придет долгая зима, все придется отдать».

Да вот штука — пока печник опять на работу подрядился, приходит раз к его жене высокий нищий и просит милостыню. Жена отвечает:

«Проходи знай. Ничего дать не могу: придет долгая зима — все равно все придется отдать».

Нищий — мужчина смекалистый — давай дивиться:

«Долгая зима, долгая зима! Да ведь я же и есть эта долгая зима! Для какой же зимы ты еще бережешь?»

Жена подумала: «Только одна, кажется, долгая зима и может быть?» И отдала нищему все деньги.

Пришел муж — жена навстречу:

«Муженек, позавчера была тут долгая зима, взяла все деньги. Ах, какой высокий нищий, он и есть долгая зима».

Муж испугался:

«Что? В самом деле отдала? Да ты с ума спятила! Ну, пойду я по свету: коли найду еще трех таких дурней, как ты, так оставлю тебя в живых, а коли нет, так, ей-богу, возьму тебя и повешу!»

Ладно. Пошел муж искать дурней.

Шел, шел, — приходит в одну усадьбу и видит: тащат бабы корову на крышу. Спрашивает:

«Чего корову-то на крышу тащите?»

«Да там на крыше травка больно хорошая выросла — надобно ее скормить».

Давай он смеяться. Пока смеялся, пригляделся получше и видит — корова-то уже издохла: придушили ее бабы, на веревке таская.

«Вот тебе и накормили!»

Не стал он на них больше глядеть — пошел дальше.

Шел, шел, — подходит к большому зáмку. Зáмок был очень пригожий. Задрал он голову и давай зáмок разглядывать:

«Какая славная мужицкая работа!»

А барыня из зáмка увидала его и спрашивает:

«Человек, чего ты тут глядишь?»

Печник отвечает:

«Какой я человек — никакой я не человек — я ангелочек, чистый ангельчик!»

Та давай дивиться:

«Ах, так вот каков ангелочек! Впервые вижу! Скажи, милый ангелочек, как живется моему покойному ребеночку?»

«Как живется! Как такому может житься? Пасет свиней босиком. Этакий ведь никогда свиней не пас — теперь ему пасти приходится. Наши дети — те тут напасутся, кто их там гонять станет? А вот этаким очень такое дело на пользу — это и я тоже говорю».

«Ах, — заговорила барыня. — Не можешь ли ты отнести ему чулочки да туфельки?»

«Что за вздор! Свинопасам туфли? Да где ты это слыхивала? Дай лучше грош-другой денег!»

«Да, да — денег, денег!» — воскликнула барыня и насыпала полный мешочек золотых червонцев.

«Отнеси это моему пастушку!»

Ладно. Взял печник мешочек с червонцами и пошел. Приезжает тут через какой-нибудь час барин — барыня к нему навстречу:

«Так и так — этакое счастье! — послала сыночку большой мешок червонцев, чтобы купил себе обуви!»

А барин, как узнал это, взбесился:

«Сейчас же оседлать коня! Я дотоню этого мошенника!»

И поскакал — только пыль столбом.

Заметил печник, что за ним гонятся — живехонько сунул мешочек с деньгами в кусты, положил шапку на дороге и сам сел, будто шапку сторожит.

Подъехал барин:

«Ты чего тут у шапки сидишь? Не видал ли какого прохожего с мешочком на спине?»

«Как же не видать! Полчаса назад, верно, прошел какой-то человек, и показалось мне, что была у него хорошая ноша — шел крепко согнувшись».

«Ах так! Садись-ка на моего коня и излови его поскорее. Ты ведь его скорей узнаешь, чем я: ты только что его видел, а я его никогда не видывал».

«Оно-то так, барин, вестимо, узнаю, да только не могу я ехать: у меня под шапкой дорогая птица сидит — для барина моего куплена—так я ее сторожить должен».

«Ну, ничего — я птицу постерегу, а ты поезжай!»

«Оно-то так, барин, да не могу ведь я без шапки ехать, а мою шапку трогать нельзя».

«Ну, ничего — вот тебе моя шапка, поезжай только!»

Ладно. Взял он барскую шапку, вскочил на коня сделал большой круг, заехал в кусты, взял свой мешочек с червонцами и поскакал домой к жене. Поверил он теперь, что есть и еще дураки на свете, да только жене об этом

ни слова не говорит. А на полученные деньги купил себе большое поместье и зажил барином.

Барин тот просидел на дороге у шапки весь день до самого вечера. Стало солнышко уж заходить, тут он и подумал:

«Надо же поглядеть, как же эта дорогая птица выглядит».

Приподнял он малость краешек шапки — заглянул: нет никакой птицы.

Испугался барин:

«Коли вернется он обратно и увидит, что я по неосторожности выпустил на волю дорогую птицу, что тут будет? Побегу-ка я лучше домой, чтобы не застал он меня здесь вовсе!»

Прибежал барин домой и еще даже радуется, что так умно от беды отделался.

(Из сборника А. Лерха-Пушкайтиса)

ОДНОГЛАЗКА, ДВУГЛАЗКА, ТРЕХГЛАЗКА

У одной девочки умерла мать, осталась девочка сироткой. Отец скоро женился на другой — привез сиротке мачеху. У той у самой были уже три дочери: у одной был один глаз, у другой — два, у третьей — три.

Дочери мачехи были очень ленивы, не хотели сами и соломинку поднять. Должна была сиротка им прислуживать, и делала она это без всякого ропота. Ни мачеха, ни ее дочери не хотели на сиротку и краем глаза взглянуть. Кроме всяких работ да уборок, должна была сиротка еще и коров пасти.

Вот раз пришло мачехе в голову дать сиротке еще и шерсти с собой на пастбище — пусть пасет да прядет.

Взяла сиротка шерсть, выгнала коров на пастбище да и заплакала — как же ей и коров упасти и три фунта шерсти спрясти?

Пока она плачет, подходит к ней рябая корова.

Рябуля и спрашивает:

«Чего плачешь?»

Сиротка рассказывает — так и так:

«Дала мне мачеха три фунта шерсти — должна я ее на пастбище спрясти. Как же мне это сделать?»

«В этом я тебе могу помочь! — отвечает Рябуля. — Сунь-ка мне шерсть в рот — пряжа из ноздрей ниткой выходить будет и на рога накручиваться. Глянешь только — и вся шерсть уже спрядена будет».

Сиротка так и сделала.

И верно — через короткое время вся шерсть уже выпрядена.

Мачеха дома никак не могла со своими дочерьми надивиться — как это сиротка так быстро могла столько шерсти спрясть.

На другой день посылает мачеха первую дочь вместе с сироткой на пастбище — пусть посмотрит, кто ей помогает.

Села сиротка с мачехиной дочерью перекусить малость.

А как поели, сиротка и запела колыбельную песню:

Спи, засни один глазочек,
Засыпай второй глазочек!

Только она это спела — уж мачехина дочь храпит в глубоком сне. Сиротка живехонько схватила шерсть и скорей к Рябуле. Раз, два, три — шерсть уже спрядена, и пряжа смотана.

Проснулась мачехина дочь только тогда, когда уж коров надобно с поля домой гнать.

Дома спрашивает мачеха свою дочь, кто помог сиротке шерсть спрясти, а дочь ничего сказать не может.

На другой день посылает мать с сироткой пасти вторую дочь с двумя глазами. Да и с этой было то же.

Только запела сиротка свою колыбельную песню:

Спи, засни один глазочек,
Засыпай второй глазочек!

захрапела сонливая мачехина дочь на все пастбище. Не видала и она, как сиротка свою шерсть пряла.

На третий день пришлось третьей дочери, с тремя глазами, пойти с сироткой на пастбище.

Когда коровы наелись и легли, поели сами пастушки, и давай сиротка петь:

Спи, засни один глазочек,
Засыпай второй глазочек!

У мачехиной дочери закрылись на лбу два глаза, а третий глаз на затылке еще не заснул.

Сиротка сразу же к Рябуле — и скоро шерсть уже спрядена и смотана. Да мачехина дочь все подглядела.

Приходят домой, мачехина дочь и рассказывает, как удалось сиротке так быстро шерсть выпрясть. Мачеха тут же приказала Рябулю зарезать.

Плакала, плакала сиротка — ничего не помогло: зарезали Рябулю.

Взяла сиротка сердце Рябули и закопала у ворот в землю.

Выросла на том месте красивая золотая яблоня с большими, блестящими золотыми яблоками.

Да только никто не может тех золотых яблок сорвать, кроме сиротки. Как хочет кто сорвать золотое яблоко, золотая яблоня сразу же поднимает ветви вверх и не дает, а как подходит сиротка — яблоня сама навстречу ей пригибается.

Раз ехал верхом на коне богатый принц и должен он был через двор сироткиного отца проехать. Увидал принц золотую яблоню и захотел одно яблоко сорвать. Да как только он за яблоком потянулся, подняла яблоня ветви вверх.

Скликал принц всех домашних и обещался взять в жены ту девицу, которая подаст ему одно яблоко.

Все три маминых дочери хотели красивого принца во что бы то ни стало — вот все трое по очереди и подходят к яблоне за яблоками, да яблоня все ветки свои вверх подымает.

Под конец сиротка подошла. Золотая яблоня сама ветки пригнула, чтоб нарвала сиротка яблок, сколько хочет.

Взял принц с собой сиротку и женился на ней.

(Из сборника А. Швабе)

СКРИПАЧ И ЧОРТ

Как-то один барин повез в карете скрипача на свадьбу. Доехавши до гор Кангарских [24], вылезли они и хотели пешком пройтись немного.

Да только ступил барин один шаг — земля под ним и раскрылась, ступил еще — раскрылась еще больше.

Входит скрипач с барином в богатые покои. Заиграл скрипач — затанцовали тут господа да барыни, что в покоях поджидали.

Да только примечает вдруг скрипач, что некоторые как оттанцуют свой черед — сразу же вон выходят, а у выхода обмакивают палец в какой-то горшок и каким-то зельем свой левый глаз мажут.

Взял и скрипач да свой левый глаз помазал. Только мазнул — видит: танцоры-то эти вовсе не господа да барыни, а козлы да козы, и не танцуют они, а скачут омерзительно.

Скрипача от страха прямо колики закололи да судорога свела. Да тут знакомый барин опять вывел скрипача на поверхность земли, выпустил его у корчмы Булли из кареты и дал горсть золота.

На другое воскресенье в корчме Булли опять играл тот же скрипач — была какая-то веселая вечеринка.

Вдруг подъезжает богатый барин на четверке — входит.

Никто его не узнает, а скрипач узнал сразу и кричит:

«Вот и мой барин приехал!»

А барин, как услышал, схватил скрипача за шиворот и так стукнул о стену корчмы, что только мокрое место осталось, а сам пропал как дым.

(Из сборника И. Юрманиса)

КРАСНАЯ КОШКА

В стародавние времена жил в величественном замке богатый помещик. Он был холост и больше всего любил сиживать в своем деловом покое.

Этот покой был самый теплый, особенно зимою, в других покоях было куда холоднее.

Дворовые люди, когда надо было о чем с барином поговорить, могли заходить в деловой барский покой в любое время — только в самый полдень да в самую полночь не велено было туда и ногой ступать.

Да вот раз староста — не то по забывчивости, не то по ошибке — вошел вдруг в теплый деловой покой в самый полдень и начал о своих делах рассказывать.

Барин очень любил старосту и всегда с ним ласково разговаривал, а на этот раз со злостью посмотрел на старосту и, свирепо поглядывая, разговаривал с красной кошкой, что сидела на лежанке.

Староста, не дождавшись от барина ответа, скорей в людскую и рассказал всем дворовым.

чего у барина нагляделся. С того дня остерегались все тревожить барина в недозволенное время.

Вскорости барин крепко занемог. Понял он, что конец подходит, позвал старосту и заранее наказывает ему:

«Как умру, сделай похороны пышные. Пусть вся дворня во все новое наряжена будет. Ничего не жалей».

И верно — вскорости барин помер.

Как умер, стал староста ладить пышные похороны. Наспех сделали новые красивые сани к похоронам. Беда только — зимнее время — краска на санях долго не сохнет. Нечего делать — надо к спеху — велел староста втащить сани в теплый барский деловой покой: там скорее высохнут. На другое утро пришли поглядеть, как сани — глядят: одни щепы валяются.

Кто сани искрошил, понять не могут.

Ну, да это с санями. А на похороны тут же и портной работал. Да и как портному не работать, коли наказано всей дворне на похоронах в новом быть?

А портной был человек старый, просит он у старосты покой потеплее. Говорит староста, что есть покой теплый, да только вон оно что с санями-то вышло. А портной отвечает:

«Я не боюсь!»

Пустил его староста в барский покой. Идет портной работать.

«Лишь бы потеплее было!»

Шил, шил — вдруг видит: сидит на печи красная кошка и глядит на него страшными глазами.

У портного мурашки по спине забегали, да она пока ничего, только оглядывается. Вдруг кошка все больше да больше становиться стала, потом скатилась с печи клубком да на портного.

Тут уж портной не выдержал — выпрыгнул в окно да бегом к старосте.

Утром пошли поглядеть, что в барском покое делается, а там от одежды только мелкие лоскутья валяются, по всему покою раскиданы.

Пришел день похорон. Как пришел пастор да открыл гроб — там заместо покойного барина только чурбан обгорелый лежит.

Нечего делать — освятил пастор тот чурбан, и повезли его на кладбище.

(Из сборника И. Юрманиса)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пура — мера сыпучих тел. Пурами мерят в Латвии зерно и картофель.

[2] Кокле — латышский национальный трехструнный музыкальный инструмент; коклетайс — музыкант, играющий на этом инструменте.

[3] Видземе — Лифляндия, северная часть Латвии.

[4] Здесь игра слов: по-латышски кур значит где. Таким образом петушиное кукареканье похоже на вопрос: «Где, где?»

[5] Сэ, сэ! — так латышские стрелки кличут собак.

[6] Весул — вихрь, Пиктул — свирепый — имена собак в Латвии.

[7] Путра — молочный суп.

[8] Перкон — бог грома и молнии в латышской мифологии.

[9] Звукоподражание: где мужики по-латышски — кур вири — напоминает хрюканье свиньи, когда ее режут или бьют.

[10—11] Наак по-русски — иди, идут; брангс — жирный, хороший; алус — пиво. В обоих случаях на латышском языке звукоподражание и игра слов.

[12] Берковец — 10 пудов.

[13] Калнс на латышском языке значит гора, газейс — опрокидывающий; калнугазейс — опрокидывающий горы. Ака — колодец; рацейс — копатель; акурацейс—колодезекопатель.

[14] Озолс по-латышски — дуб; озолугазейс — опрокидывающий дубы.

[15] Лайма — богиня счастья в латышской мифологии; Лайминя — уменьшительно-ласкательное от Лайма.

[16] Земелис — северный ветер.

[17] Секс — третья часть пуры (см. примечание 1).

[18] Дэбесис на латышском языке — небо; калейс — кузнец; дэбесскалейс — небесный кузнец.

[19] Акменс по-латышски — камень; акменюкалейс — каменщик.

[20] Кокс — дерево; лауз — ломать; кокулаузейс — ломающий деревья.

[21] См. примечание 15.

[22] Лукта — чердак.

[23] Кокнэсе — Кокенгузен, древний замок на Западной Двине в 50 километрах от Риги, по бывшей Риго-орловской ж. д. Замок был разрушен войсками Ивана Грозного во время Ливонской войны. Развалины замка сохранились до наших дней.

[24] Кангарские горы находятся недалеко от Риги, между Видземским (Ленинградским) и Латгальским (Московским) шоссе. Эти холмы издавна служили местопребыванием разбойников.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки

Редактор Я. Страуян. Техн. ред. Г. Гилес. Сдана в набор 8/IV 1932 г. Подписана к печати 5/I 1933 г. Индекс А—7. Изд. № 40. Уполномоченный Главлита № Б — 16322. Тираж 5300. Заказ № 1608. Бум. 72×110 см $^1/_{32}$. Печ. л. $15^1/_2$. Тип. зн. в 1 п. л. 55.000. 2-я тип. ОНТИ им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Кр. Команд., 29.

Цена 9 руб.

Переплет 2 руб.

